

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 5(85)

Scientific Journal

Series “Philological Sciences. Linguistics” /
Journal of Language Relationship
Issue 7 (2012)

Moscow 2012

ВЕСТНИК РГГУ

№ 5(85)

Научный журнал

Серия «Филологические науки. Языкознание» /
«Вопросы языкового родства»
Выпуск 7 (2012)

Москва 2012

УДК 81(05)
ББК 81я5

Главный редактор

Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора

Д.П. Бак

Ответственный секретарь

Б.Г. Власов

Главный художник

В.В. Сурков

Редакционный совет серии

«Филологические науки. Языкознание» / «Вопросы языкового родства»

Председатель Вяч. Вс. Иванов (Москва – Лос-Анджелес)

Х. Айхнер (Вена)

М. Е. Алексеев (Москва)

В. Блажек (Брно)

У. Бэкстер (Анн Арбор)

В. Ф. Выдрин (Санкт-Петербург)

М. Гелл-Манн (Санта Фе)

А. Б. Долгопольский (Хайфа)

Ф. Кортландт (Лейден)

А. Лубоцкий (Лейден)

Л.Хайман (Лос-Анджелес)

Редакционная коллегия серии:

В. А. Дыбо (главный редактор)

Г. С. Старостин (заместитель главного редактора)

Т. А. Михайлова (ответственный секретарь)

К. В. Бабаев

А. В. Дыбо

А. С. Касьян

О. А. Мудрак

И. С. Якубович

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

УДК 81(05)
ББК 81я5

Вопросы языкового родства: Международный научный журнал / Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. Акад. наук. Ин-т языкознания; под ред. В. А. Дыбо. — М., 2012. — № 7. — xiv + 166 с. — (Вестник РГГУ: Научный журнал; Серия «Филологические науки. Языкознание»; № 5(85)).

Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical / Russian State University for the Humanities; Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics; Ed. by V. A. Dybo. — Moscow, 2012. — No. 7. — xiv + 166 p. — (RSUH Bulletin: Scientific Periodical; Linguistics Series; No. 5(85)).

ISSN 1998-6769

<http://www.jolr.ru>
journal@nostratic.ru

Дополнительные знаки: С. Г. Болотов
Add-on symbols by S. G. Bolotov

Подписано в печать 31.01.2012. Формат 60×90/8.
Бум. офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1050 экз.
Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в «Наша Полиграфия», г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99

Table of Contents / Содержание

Table of Contents / Содержание	vii
Contributors / Сведения об авторах	ix
Note for Contributors / Будущим авторам	x
Памяти Юло Сирка (1935—2011)	xi
[<i>In memoriam</i> Ülo Sirk (1935—2011)]	

Articles / Статьи

<i>С. А. Бурлак</i> . Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического языкознания	1
[<i>Svetlana Burlak</i> . The importance of glottogenetic research for comparative linguistics]	
<i>Heiner Eichner</i> . Neues zur Sprache der Stele von Lemnos (Erster Teil)	9
[<i>Х. Айхнер</i> . О языке лемноской стелы (ч. 1)]	
<i>Jadranka Gvozdanović</i> . On the linguistic classification of Venetic	33
[<i>Я. Гвозданович</i> . Генеалогическая классификация венетского языка]	
<i>А. И. Коган</i> . Некоторые проблемы кашмирской диалектологии	47
[<i>Anton Kogan</i> . Some issues of Kashmiri dialectology]	
<i>Alexander Militarev</i> . A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 55–74	71
[<i>А. Ю. Милитарев</i> . Новый вариант подробной этимологизации стословного списка семитских языков: элементы 55—74]	
<i>О. В. Столбова</i> . Лексическая база данных по чадским языкам и некоторые проблемы, связанные с заимствованиями	105
[<i>Olga Stolbova</i> . The lexical database for Chadic languages and some problems of interlingual borrowings]	

Discussion Articles / Дискуссионные статьи

<i>А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская</i> . К методике сравнения этимологических работ (ответ на рецензию М. А. Живлова)	119
[<i>Anna Dybo, Yuliya Normanskaya</i> . Towards a proper methodology for comparing etymological studies (a reply to Mikhail Zhivlov)]	
<i>М. А. Живлов</i> . К вопросу о критериях оценки этимологических работ (ответ А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской)	136
[<i>Mikhail Zhivlov</i> . On the issue of finding proper criteria to evaluate etymological studies (a reply to Anna Dybo & Yuliya Normanskaya)]	

Book Reviews / Рецензии

<i>Лев Клейн</i> . Время кентавров. Степная прародина греков и ариев, 2010 (<i>С. В. Кулланда / Sergey Kullanda</i>)	153
--	-----

Reports / Хроника

- Восьмой хеттологический конгресс, Варшава, 5—9 сентября 2011 г.
(*А. В. Сидельцев / Andrej Sideltsev*) 161
[VIIIth International Congress of Hittitology, Warsaw, September 5–9, 2011]
- Индоевропейское языкознание и классическая филология XV. Чтения, посвященные
памяти профессора И. М. Тронского, Санкт-Петербург, 20—22 июня 2011 г.
(*А. В. Сидельцев / Andrej Sideltsev*) 164
[Indo-European Comparative Linguistics and Classical Philology.
The Joseph M. Tronsky XVth Memorial Annual International Conference, St. Petersburg, June 20–22, 2011]

Сведения об авторах

Айхнер Хайнер — профессор-консультант Института языкознания Венского университета, heiner.eichner@univie.ac.at

Бурлак Светлана Анатольевна — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), svetlana.burlak@bk.ru

Гвозданович Ядранка — профессор Института славистики Гейдельбергского университета, jadranka.gvozdanic@slav.uni-heidelberg.de

Дыбо Анна Владимировна — доктор филол. наук, чл.-корр. РАН, в.н.с. Центра компаративистики ИВКА РГГУ, зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), adybo@rinet.ru

Живлов Михаил Александрович — канд. филол. наук, преп. Центра компаративистики ИВКА РГГУ (Москва), науч. сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), zhivlov@gmail.com

Коган Антон Ильич — канд. филол. наук, науч. сотрудник Отдела языков Азии и Африки Института востоковедения РАН (Москва), kogan_anton@yahoo.com

Кулланда Сергей Всеволодович — канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), kullanda@java.msk.ru

Милитарев Александр Юрьевич — доктор филол. наук, проф. Центра древневосточных исследований ИВКА (Москва), amilitarev@gmail.com

Норманская Юлия Викторовна — доктор филол. наук, ст. науч. сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва), julianor@mail.ru

Сидельцев Андрей Владимирович — канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник, зав. сектором анатолийских и кельтских языков Института языкознания РАН (Москва), cidelcev@rambler.ru

Столбова Ольга Валерьевна — доктор филол. наук, гл. науч. сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), stolbova.o@yandex.ru

Contributors

Svetlana Burlak – candidate of sciences (Philology), senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), svetlana.burlak@bk.ru

Anna Dybo – doctor of sciences (Philology), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, lead researcher, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities; Head of Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), adybo@rinet.ru

Heiner Eichner – Professor Emeritus, University of Vienna, Institute of Linguistics, heiner.eichner@univie.ac.at

Jadranka Gvozdanic – Professor, Slavisches Institut, Heidelberg University, jadranka.gvozdanic@slav.uni-heidelberg.de

Anton Kogan – candidate of sciences (Philology), researcher, Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kogan_anton@yahoo.com

Sergey Kullanda – candidate of sciences (History), senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), kullanda@java.msk.ru

Alexander Militarev – doctor of sciences (Philology), professor, Center of Ancient Eastern research, Institute of Eastern Cultures and Antiquity, RSUH (Moscow), amilitarev@gmail.com

Yuliya Normanskaya – doctor of sciences (Philology), senior researcher, Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), julianor@mail.ru

Andrej Sideltsev – candidate of sciences (Philology), senior researcher, head of the Department of Anatolian and Celtic Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), cidelcev@rambler.ru

Olga Stolbova – doctor of sciences (Philology), lead researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), stolbova.o@yandex.ru

Mikhail Zhivlov – candidate of sciences (Philology), researcher, Center for Comparative Linguistics, Russian State University for the Humanities (Moscow); researcher, Department of Uralo-Altaic Studies, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow), zhivlov@gmail.com

Note for Contributors

Journal of Language Relationship welcomes submissions from everyone specializing in comparative-historical linguistics and related disciplines, in the form of original articles as well as reviews of recent publications. All such submissions should be sent to the managing editor:

G. Starostin
Institute of Oriental Cultures and Antiquity
Russian State University for the Humanities
125267 Moscow, Russia
Miuskaya Square, 6
E-mail: journal@nostratic.ru

Articles are published preferably in English or Russian, although publication of texts in other major European languages (French, German, etc.) is possible. Each article should be accompanied with an abstract (not exceeding 300 words) and keywords.

For more detailed guidelines on article submission and editorial policies, please see our Website at: <http://www.jolr.ru> or address the editorial staff directly at journal@nostratic.ru.

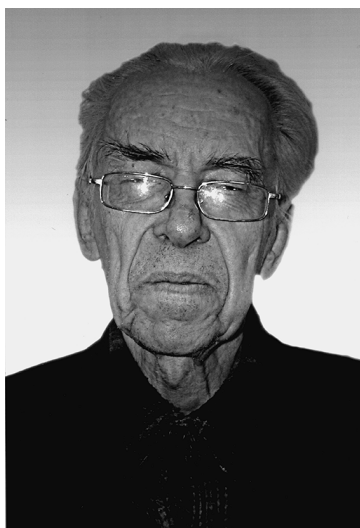
Будущим авторам

Журнал *Вопросы языкового родства* принимает заявки на публикацию оригинальных научных статей, а также рецензий, от всех, кто специализируется в области сравнительно-исторического языкознания и смежных дисциплин. Рукописи можно высылать непосредственно заместителю главного редактора по адресу:

125267 Москва
Миусская площадь, д. 6
Российский государственный гуманитарный университет
Институт восточных культур и античности
Г. Старостину
E-mail: journal@nostratic.ru

Предпочтительные языки публикации — английский или русский, хотя возможна также публикация статей на других европейских языках (французский, немецкий и т. п.). К каждой статье обязательно прикладывается резюме (не более 300 слов) и список ключевых слов.

Подробнее о требованиях к оформлению рукописи, редакционной политике журнала и т. п. Вы можете узнать на нашем сайте по адресу: <http://www.jolr.ru>, или же непосредственно обратившись к редакции по электронной почте (journal@nostratic.ru).

Памяти Юло Сирка (1935—2011)

15 декабря 2011 г. на семьдесят седьмом году жизни скончался Юло Сирк (Ülo Sirk), крупный исследователь австронезийских языков, старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук.

Юло родился 4 апреля 1935 года в Хаапсалу (Эстония). Его отец происходил из бедной крестьянской семьи и в детстве батрачил, но сумел получить образование и стал учителем. Тяга к знаниям передалась и троим сыновьям, из которых Юло был старшим. Еще подростком в поделенном на две части, эстонскую и латышскую, порубежном городе Валга, где его отец директорствовал в школе, будущий лингвист овладел латышским и читал на нем газеты.

Его интерес к языкам Индонезии и Океании впервые проявился во время обучения на геологическом факультете Университета Тарту. При университете существовал кабинет восточных языков под руководством П. Нурмекунда, востоковеда-историка и полиглота. К моменту окончания университета в 1958 г. Юло настолько овладел индонезийским языком, что смог преподавать его участникам семинара восточного кабинета, включая самого Нурмекунда, и переводить на эстонский язык индонезийские рассказы.

Этот интерес привел Ю. Сирка в аспирантуру московского Института востоковедения (временно называвшегося тогда Институтом народов Азии), где шла подготовка специалистов по языкам Юго-Восточной Азии — индонезийскому, вьетнамскому и другим языкам Индонезии, Филиппин, Индокитая. Между тем естественнонаучное образование очевидно определило его строгий подход к языковому материалу, а знания геологии, ботаники и т. п. пригодились при изучении лексики, отражающей природу ареала южных морей.

Свою диссертацию, защищенную в 1965 г., Ю. Сирк посвятил синтаксическим группам с участием относительного слова *yang* ‘тот, что; который’ в индонезийском языке. В отличие от представленных в малайстике определений этого слова как относительного местоимения, в работе было показано, что слово это (самое частотное во всей индонезийской лексике) — служебное, связано с актуальным членением предложения и способно вводить группы с атрибутивной и просубстантивной функцией. Выводы о функционировании групп с *yang* стали вкладом Ю. Сирка в первую изданную у нас академическую грамматику индонезийского языка [Алиева и др. 1972], наряду с написанными им разделами о частях речи, словах-заместителях, наречиях, служебных и вспомогательных словах, сложных предложениях. В 1991 году перевод этой грамматики был опубликован в Индонезии.

Параллельно Ю. Сирк, чемпион среди пользователей межбиблиотечного абонемена тогдашней «Ленинки», ныне Российской государственной библиотеки, с увлечением осваивал огромный материал, накопленный лингвистами разных стран в области австронезийского языкознания. Австронезийская компаративистика в работах Ю. Сирка стала новым направлением отечественной науки (до того единственным его предшественником был Н. А. Невский, опубликовавший результаты полевого исследования языка цоу на

Тайване с параллельными примерами из родственных языков, см. [Невский 1935]). При этом труды Юло нередко отличались неожиданной аргументацией и энциклопедичностью. Однажды чтобы написать небольшую статью о локализации прародины австронезийцев по лингвистическим данным, он отправился в Ботанический сад Академии наук, консультировался там со специалистами по субтропической и тропической флоре, дотошно выяснял все особенности экзотических растений, для многих из которых и русских названий-то не было.

Особым объектом научных интересов Ю. Сирка стал язык рукописной литературы одного из крупных народов Индонезии — бугийцев (этническая территория — юг острова Сулавеси). Бугийское письмо фонетически дефектно, и чтение его требует большого труда, а по своему строю этот язык значительно отличается от индонезийского. В 1960-х годах почти единственным специалистом по этому языку был голландский ученый Я. Нордейн, с которым Юло завязал переписку. Публикации Ю. Сирка по этому языку охватывают период более тридцати лет. Очерк бугийской грамматики [Сирк 1975], переизданный позже по-французски и по-английски, и другие работы ввели автора в международное сообщество австронезийской лингвистики. К этим работам относятся статьи о личностоименных показателях при глаголе (1974), о специфике социально-обусловленных вариантов традиционного языка (1975, 1977), метрике и языке бугийского эпоса, этимологии бугийской лексики (1986, 2000, 2006). Ряд статей компаративного профиля обосновывает существование южносулавесийской генетической группы (1981, 1988, 1989, 1997). При этом лишь много лет спустя автору довелось побывать у бугийцев и услышать аутентичное чтение традиционных текстов. Результатом этой поездки стал новый вариант бугийской грамматики [Sirk 1996].

Другие работы Ю. Сирка относятся к типологии австронезийских языков, исторической грамматике, ареальных контактных связях и собственно компаративистике. Это статьи об относительных конструкциях (1965), о выражении субъектно-объектных отношений в индонезийских языках (1967), о типологии глагола в языках Филиппин, запада и востока Индонезии (1968), о словах-заместителях глагола (1970), о малайском префиксе *se-* со значением единичности и его соответствиях в родственных языках (1970). Следы контакта с соседними австронезийскими языками показаны в глагольной морфологии неавстронезийских языков восточной Индонезии (1969). Совместно с М. А. Членовым было исследовано историческое слияние лабиальных согласных в языках амбонской группы. В продолжение исследований индонезийского языка Ю. Сирком была предложена классификация видов группы существительного (1971). Отдельная статья была посвящена типологии повторов (редупликации) в западноиндонезийских языках; здесь особо подчеркивалось обычное несовпадение границ между частями повторов с другими морфемными границами.

Серия компаративных разработок концептуального характера, касающихся австронезийской семьи в целом, началась статьей о классификации австронезийских языков (1967), продолженной рассмотрением проблем их дивергенции старшего периода и обзором состояния компаративных исследований (1978, 1983, 1982, 1983; см. также статью «Австронезийские языки» в Лингвистическом энциклопедическом словаре). Соображениям о прародине австронезийской семьи посвящена статья (1987). Особо исследовался вопрос о происхождении глагольных суффиксов переходности (1996), этимологии отдельных слов, в том числе топонима *Борнео* (2001).

Обобщением новаторских исследований ученого стала фундаментальная монография [Сирк 2008]. В предисловии к ней Ю. Сирк указал, что эта книга подводит итог пятидесяти лет его научных занятий. В ней поставлена задача показать «ход развития от раннего австронезийского языка, вероятно, представлявшего собой цепь или сеть близких диалектов, к более поздним (вплоть до современных) группам языков, входящих в австронезийскую семью». При этом, в отличие от Отто Демпвольфа, заложившего в 1930-х годах основы данной дисциплины в виде этимологического словаря австронезийских корневых морфем [Dempwolff 1934–1938], Ю. Сирк уделил большое внимание сравнительной грамматике.

Творческая яркость, оригинальность в работах Ю. Сирка сочеталась с осмотрительностью формулировок, стремлением оценить степень достоверности каждого положения. Другой привлекательной чертой его стиля была обстоятельность и точность изложения. В то же время в плане теории языковой структуры Ю. Сирк не придерживался какой-либо школы формализации, был далек от схематизма (однажды в частном письме одному из нас написал, что ему нравятся грамматические исследования В. Г. Адмони). В вопросах фонологии он был близок Московской фонологической школе.

Ю. Сирк был своим в кругу языковедов-австронезистов разных стран, сложившемся во второй половине прошлого века; в сборнике статей, изданном по случаю его юбилея [Lander & Ogloblin (eds) 2008] приняли участие виднейшие австронезисты мира. Живя в Москве, где он обрел семью и друзей, он оставался до моз-

га костей эстонцем (так, даже отчество он считал навязанным московской паспортисткой, которая не приняла его объяснений о том, что у эстонцев отчество нет), не порывал связей с эстонской научной жизнью, переводил на эстонский язык древнеяванскую поэзию. Его приглашали вести занятия со студентами Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета, Института практического востоковедения не только по австронезийской лингвистике, но и по этнографии Индонезии. Читая лекции, Юло мог до того увлечься, что переходил на эстонский язык, при этом содержание его курсов поражало его учеников названиями экзотических малых языков, информацией, почерпнутой из не самых известных статей.

Юло очень внимательно относился к просьбам своих коллег о консультациях, сообщая им свои дружеские критические замечания и соображения непременно в письменной форме (не случайно страстью Сирка был ремонт канцелярских ручек) с подробнейшими сносками, так что их оставалось только включить в окончательный текст со ссылками на «personal communication». Его уход — невосполнимая утрата для родных и друзей, для науки.

С. В. Кулланда, Ю. А. Ландер, А. К. Оглоблин

Литература

- АЛИЕВА Н. Ф., АРАКИН В. Д., ОГЛОБЛИН А. К., СИРК Ю. Х. *Грамматика индонезийского языка*. М., 1972. [ALIEVA N. F., ARAKIN V. D., OGLOBLIN A. K., SIRK Yu. H. *Grammatika indoneziiskogo yazyka*. M., 1972.]
- НЕВСКИЙ Н. А. *Материалы по говорам языка цоу*. М.—Л., 1935. [NEVSKIY N. A. *Materialy po govoram yazyka sou*. M.—L., 1935.]
- СИРК Ю. Х. *Бугийский язык*. М., 1975. [SIRK Ü. H. *Bugiiskii yazyk*. M., 1975.]
- СИРК Ю. Х. *Австронезийские языки: Введение в сравнительно-историческое изучение*. М., 2008. [SIRK Ü. H. *Avstro-neziiskie yazyki: Vvedenie v sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie*. M., 2008.]
- DEMPWOLFF O. *Vergleichende Lautlehre des austronesischen Wortschatzes*. 1—3. Berlin, 1935—1938.
- LANDER Yu., OGLOBLIN A. (eds) *Language and Text in the Austronesian World. Studies in honour of Ülo Sirk*. München, 2008.
- SIRK Ü. *The Buginese language of traditional literature*. Moscow, 1996.

Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического языкознания

Изначальной целью сравнительно-исторического языкознания было восстановление праязыка человечества. К настоящему моменту известно, что анатомически современный человек появился около 200 000 лет назад. Связь возникновения языка с верхнепалеолитическими индустриями проследить не удаётся, в то же время анатомические характеристики гоминид дают основания утверждать, что уже *Homo heidelbergensis* (непосредственные предки нашего вида) пользовались звучащей речью, которая могла иметь фонемные различия, и были способны произносить по несколько слогов за одну реплику. Языковые черты, приводимые как аргументы в пользу полигенеза, могли быть заимствованы в язык человека при контактах с другими видами гоминид.

Ключевые слова: происхождение языка, звучащая речь, глоттогенез, моногенез.

В нынешнее время исследования в области происхождения языка не входят в круг тем, которыми интересуется сравнительно-историческое языкознание, но начальные этапы развития компаративистики были связаны именно с попыткой добраться — путём сравнения древних языков — до первоначального праязыка человечества. Ф. Шлегель в своей книге «О языке и мудрости индийцев» [Schlegel 1808] делит языки на «органические» (с развитой внутренней флексией) и «неорганические», высказывая идею, что первые были даны людям богом, тогда как вторые развились на базе криков животных и звукоподражаний. Я. Гримм, ориентируясь на сравнительную грамматику индоевропейских языков Ф. Боппа [Bopp 1833—1852], представляющую собой попытку выявить источники происхождения индоевропейских грамматических элементов, в своём докладе «О происхождении языка» [Grimm 1864] говорил о том, что «индогерманский язык должен... дать самые исчерпывающие разъяснения относительно путей развития человеческого языка вообще, может быть, и относительно его происхождения» (цит. по: [Звегинцев 1964: 59]). Из данных, получаемых в ходе индоевропейской реконструкции, он надеялся «сделать заключения о первобытном состоянии людей в эпоху сотворения и о происшедшем в их среде образовании языка» (цит. по: [Звегинцев 1964: 61]). В частности, он выделял три ступени «развития человеческого языка: первая — создание, так сказать, рост и становление корней и слов; вторая — расцвет законченной в своем совершенстве флексии; третья — стремление к ясности мысли, причем от флексии вследствие ее неудовлетворительности снова отказываются» (цит. по: [Звегинцев 1964: 63]). На индоевропейской реконструкции строил свою трудовую теорию происхождения языка и Л. Нуаре: по его мнению, ключом к пониманию глоттогенеза было то, что «индоевропейские корни могут быть произведены не просто из глагольных основ, а именно из звуков, сопровождающих коллективные действия» [Донских 1984: 102].

Как ни удивительно, подобные идеи иногда появляются и сейчас. Так, например, Б. Бичакджан (президент Международного общества происхождения языка) пишет, что

«преобладание в праязыках согласных, производимых со смыканием голосовых связок, наводит на мысль, что человеческой речи предшествовал не лепет, а вокализации животных» [Бичакджан 2008: 68]. Под «праязыками» Б. Бичакджан подразумевает прежде всего праиндоевропейский язык, ср., например, следующие его утверждения: «было и время, когда не было фрикативных согласных, и праиндоевропейский язык отчетливо показывает, что были времена, когда не было простых смычных» [Бичакджан 2008: 68], «артикуляции постоянно движутся от гортани и прилегающих частей речевого тракта к центральным и передним частям ротовой полости. Это развитие особенно хорошо видно в индоевропейских языках, чья праязыковая система изобиловала глоттализированными и придыхательными согласными, а также плохо определенными, но почти повсеместно встречающимися ларингалами» [Бичакджан 2008: 81], «праязыковые инвентари шумных согласных состояли практически исключительно из смычных, и эти смычные часто произносились с одной или несколькими дополнительными артикуляциями (ср., например, и.-е. $*k^w$, $*k^{wh}$ и $*g^{wh}$)» [Бичакджан 2008: 82].

Такого рода гипотезы неудовлетворительны по нескольким причинам. Во-первых, как показывают данные сравнительно-исторических исследований, для других праязыков восстанавливается фонемный инвентарь с совершенно иными свойствами, ср., например, реконструкцию уральского праязыка, где противопоставления, связанные с работой голосовых связок, не играют столь существенной роли, придыхательных нет вообще, а количество аффрикат и сибилантов превышает количество смычных:

	Губные	Зубные	Палатальные	Шипящие	Велярные
Смычные	*p	*t	*ć	*č	*k
Щелевые		*s	*ś	*š	
		*ð	*ð'		
Носовые	*m	*n	*n'		*ŋ
Боковые		*l	*l'		
Дрожащие		*r			
Полугласные	*w		*j		

Во-вторых, отсчитывать «изначальный язык человечества» от праиндоевропейского можно было в XIX в., когда не существовало методов абсолютного датирования геологических слоёв. Единственной древней датой, на которую можно было опираться, была библейская дата сотворения мира, порядка 6 тысяч лет назад. В такую датировку, действительно, индоевропейская реконструкция вписывается весьма удачно. Но уже с открытием радиоуглеродного распада и разработкой метода радиоуглеродного датирования в середине XX века стало ясно, что самые древние ископаемые останки людей современного физического типа имеют датировку не менее 40 тысяч лет назад. Такая дата давала многим надежду, что сравнительно-историческое языкознание вскорости доберётся до реконструкции протомирового языка: если ностратический и синокавказский праязыки датируются временем порядка 14 тысяч лет назад, а объединение их с ещё некоторыми макросемьями даёт бореальное единство глубиной примерно в 20 тысяч лет, то после этого остаётся лишь три-четыре шага ступенчатой реконструкции до первого праязыка человечества.

Во второй половине прошлого века были разработаны другие методы датирования — калий-аргоновый, торий-урановый, термолюминесцентный и др., — которые позволяют

определить возраст не только в десятки и сотни тысяч, но даже в миллионы лет. В 2008 г. было выполнено переисследование останков найденного в Эфиопии человека Омо 1 [Journal of Human Evolution, 2008, vol. 55, #3], чьи анатомические характеристики при самой строгой оценке не выходят за рамки внутривидового разнообразия *Homo sapiens*. Омо 1 был найден между двумя слоями вулканического пепла, нижний из которых расположен прямо под костеносным слоем и датируется (калий-аргоновым методом) 196 ± 2 тыс. лет назад, верхний же залегает значительно выше костей, он образовался 104 ± 1 тыс. лет назад. По совокупности данных Омо 1 получил датировку 195 ± 5 тыс. лет назад. Это значит, что уже почти 200 тысяч лет назад существовали люди современного физического типа — их кости были такими же, как у нас, и резонно предположить, что такими же были и их мягкие ткани, прежде всего, мозг и речевой аппарат.

Но, может быть, возникновение языка происходило гораздо позже появления человека современного физического типа? Авторы некоторых работ связывают появление языка с началом верхнего палеолита в Европе — эпохой пещерной живописи (см., например, [Монич 2005: 397—398, 400]), что как раз вписывается в датировку «не более 40 тысяч лет назад». Однако исследования показывают, что и эта точка зрения не может претендовать на обоснованность. Если связывать появление языка с зарождением искусства, то придётся признать, что возник он не в Европе порядка 40 тыс. лет назад, а в Африке около 85—70 тысяч лет назад — именно такую дату имеют наиболее древние культуры на юге Африканского континента, в которых имеются «свидетельства символизма». В комплексах археологической культуры ховисонс порт «свидетельства символизма» встречаются редко — это «две перфорированные раковины *Conus* из Бордер, фрагменты скорлупы с процарапанным узором из Дьепклоф» [Вишняцкий 2008: 50] — а в стилбейском комплексе из пещеры Бломбос бусин из раковин *Nassarius kraussianus* найдено около четырех десятков; там же найдены куски охры с насечками [D'Errico et al. 2005; Henshilwood et al. 2002]. По мнению археолога Кристофера Хеншильвуда, «эти находки показывают: использование охры в среднем каменном веке не ограничивалось утилитарными целями, и, возможно, смысл этих насечек передавался при помощи языка с полностью развитым синтаксисом» (утверждение, сделанное на заседании Национального научного фонда в январе 2002 г.; цит. по: [Бичакджан 2008]). Однако развитые культуры Южной Африки не имели продолжения — примерно 60 тыс. лет назад их сменяют среднепалеолитические индустрии без каких бы то ни было «свидетельств символизма» — следующие такие свидетельства появляются лишь 40—45 тыс. лет назад [Вишняцкий 2008: 52—53]. Таким образом, развитие культуры в каменном веке нельзя представлять себе как неуклонный поступательный процесс, а следовательно, вряд ли можно проследить строгую корреляцию между культурой и языком. Трудно вообразить, что жители Южной Африки, овладевшие языком более 70 тыс. лет назад, вдруг разучились говорить и «онемели» на долгие двадцать тысячелетий. Гораздо вероятнее, что «врожденная языковая способность» (что бы под ней ни понимать) сформировалась в момент возникновения человека разумного (по крайней мере, до разделения первой человеческой популяции), поскольку любой нормальный ребенок способен (при соответствующих условиях) выучить любой язык.

В числе главных анатомических приспособлений, необходимых для человеческого языка, называют прежде всего опущенную гортань. Такое её положение открывает возможности для четкого произнесения звуков человеческого языка, но при этом создает риск подавиться. Как пишет С. Пинкер, «до недавнего изобретения приема Геймлиха попадание еды в дыхательные пути было шестой лидирующей причиной смерти от несчастного случая в Соединенных Штатах, уносившей шесть тысяч жизней в год» [Пинкер 2004: 336].

О том, для чего нужно низкое положение гортани, существует по меньшей мере две гипотезы. Согласно одной точке зрения, оно необходимо только для членораздельной звучащей речи [см., например: Lieberman 2002: 137; Вишняцкий 2004: 96], поскольку дает возможность языку двигаться внутри речевого тракта как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Это позволяет создавать различные конфигурации ротовой полости и глотки независимо друг от друга и тем самым сильно расширяет набор возможных фонем, различающихся по тому, на каких частотах звук усилен, а на каких, наоборот, приглушен. Согласно другой точке зрения, главная роль понижения гортани — это обеспечение возможности издавать более низкие звуки и тем самым создавать у слушателей впечатление, что говорящий имеет бóльшие размеры, чем на самом деле [Hauser et al. 2002: 1574] (следует отметить, что с размером тела коррелирует не частота основного тона, а высота формант, и именно она снижается при понижении гортани [Fitch 2000: 263]). По-видимому, эта точка зрения принципиально неверна. Дело не только в том, что преувеличение собственного размера — слишком ничтожное приобретение для такой огромной «цены», как риск подавиться. Главное, как кажется, то, что приматы (а значит, по-видимому, и ранние гоминиды) — групповые животные с достаточно высоким уровнем интеллекта. Они долгие годы живут вместе, часто встречаются и хорошо знают друг друга «в лицо» — как показывают наблюдения, роль межличностных контактов в обезьяньем сообществе весьма велика [см., например: Бутовская, Файнберг 1993 с лит.]. В такой ситуации пытаться создавать ложное впечатление о размере (который виден невооруженным глазом и всей группе давно известен) просто бесполезно (показательно, что М. Хаузер и его соавторы в подтверждение своей точки зрения ссылаются на лягушек и птиц, которые производят коммуникативные действия на таких расстояниях и в такой среде, что размер того, кто издает звук, слушающему не виден). Может быть, понижение тембра голоса было необходимо в межгрупповых конфликтах — для того, чтобы издалека устроить членов соседней группировки? Тоже едва ли: во-первых, такая задача должна была обусловить понижение гортани у взрослых особей мужского пола, но не у женщин и трехлетних детей, для которых устрашение соседей неактуально, а во-вторых, слух человека настроен на преимущественное восприятие частот, слишком высоких для тех расстояний, на которых осуществляется межгрупповое общение. Таким образом, остается лишь одна возможность: низкое положение гортани как видовой признак — это одно из приспособлений для членораздельной звучащей речи.

Настройка слуха на повышенную чувствительность к высоким частотам происходила ещё у предков человека современного типа — у *Homo heidelbergensis*. И. Мартинес и его коллеги исследовали слуховые косточки *Homo heidelbergensis*, найденных в Испании (местонахождение Сима-де-лос-Уэсос) и реконструировали, каким слухом обладали представители этого вида. Было выяснено, что их слуховой анализатор был настроен на преимущественное распознавание звуков на тех частотах, которые характерны для речи современного человека [Martínez et al. 2004]. Кроме того, подъязычная кость *Homo heidelbergensis* по своему строению чрезвычайно сходна с тем, что можно наблюдать у современных людей [Зубов 2004: 240] (в частности, в ней отсутствуют отверстия для горловых мешков, свойственных современным шимпанзе [Fitch 2000; de Voer 2011]), и это дает возможность высказать гипотезу, что голосовые аппараты гейдельбержца и современного человека анатомически чрезвычайно близки. Напротив, найденная недавно подъязычная кость афарского австралопитека оказалась такой же, как у шимпанзе [Alemseged et al. 2006].

Не менее важен для использования звучащей речи тонкий контроль дыхания. Дело в том, что при речи, в отличие от нечленораздельного крика, воздух надо подавать на голосовые связки не сразу, а небольшими порциями — слогами. Это позволяет строить

длинные высказывания, а в рамках одного высказывания можно произнести большое количество различающихся слогов. Если бы воздух подавался на голосовые связки сразу весь, возможности изменения звучания в процессе одного выдоха-высказывания были бы крайне ограничены (в этом легко убедиться, попытавшись снабдить членораздельными изменениями звучания, скажем, вопль ужаса). Как следствие, в таком языке оказалось бы очень мало слов: слишком малые возможности варьирования звука не позволяли бы проводить большое число различий. Более того, поскольку «каждый элемент, входящий в слог и слово, обладает разной громкостью или, лучше сказать, разной акустической мощностью» [Жинкин 1998: 83; см. тж.: Барулин 2002: 132], «задача речевого дыхания состоит в том, чтобы компрессировать слоговую динамику в обозримые для слуха рамки, ослабить большие мощности и усилить малые. Это... делается при участии парадоксальных движений диафрагмы» [Барулин 2002: 132], состоящих в том, что «дыхательный аппарат на выдохе производит выдыхательные движения, разные в разных случаях» [Барулин 2002: 82]. Соответственно, для всего этого требуется достаточно хорошо развитая система управления дыхательной мускулатурой, система, в которой участвуют многие нейроны. А значит, необходим достаточно широкий позвоночный канал, который бы вмещал аксоны всех этих нейронов. По имеющимся данным, у гейдельбергского человека этот канал был примерно таким же широким, как у *Homo sapiens*, тогда как у архантропа и даже у *Homo antecessor* (непосредственного предка *Homo heidelbergensis*) — значительно уже [Дробышевский 2004: 42; 161; 240]. Увеличение ширины позвоночного канала не является простым следствием прямохождения: об этом говорит тот факт, что вполне прямоходящие архантропы имели позвоночный канал примерно такой же ширины, как у приматов, не входящих в кладу человека [Pinker, Jackendoff 2005, сн. 6].

Всё это даёт возможность предполагать, что *Homo heidelbergensis* уже владел довольно развитой звучащей речью, используя те же звуковые частоты, что и мы. Может быть, в его речи уже существовали фонемные различия — по крайней мере, устройство его речевого аппарата было настолько близко к нашему, насколько позволяют судить ископаемые данные. У него же, вероятно, начался переход от преимущественно эмоциональных сигналов к знакам-символам — именно с этим видом связываются первые «свидетельства символизма» [Шер и др. 2004: 68]. Возможно, он даже мог произносить высказывания длиной более чем в один слог, и, соответственно, пользовался «протограмматикой» [Givón 2002: 14—15 с лит.]. Переход же к настоящему языку осуществили уже *Homo sapiens*.

Таким образом, исследования глоттогенеза позволяют сделать вывод о том, что уже порядка 200 тысяч лет назад самые первые *Homo sapiens* обладали членораздельной звучащей речью и, скорее всего, их язык не имел принципиальных отличий от ныне существующих и письменно зафиксированных древних языков.

Первоначальная популяция людей была невелика — данные генетики свидетельствуют о прохождении человечества через «бутылочное горлышко» — резкое сокращение численности. Несколько групп генетиков независимо пришли к выводу, что во времена «митохондриальной Евы» (около 200 тыс. лет назад) людей на земле было всего от 10 до 30 тысяч [см., например, Янковский, Боринская 2001]. Представляется вероятным, что либо эта популяция с самого начала обладала единым языком, либо один из изначально существовавших языков в ходе эволюции вытеснил все остальные подобно тому, как мтДНК «митохондриальной Евы» вытеснила все остальные варианты существовавшей тогда мтДНК.

В связи с этим стоит рассмотреть аргументы в пользу теории полигенеза, приводимые А. Н. Барулиным [см. особенно Барулин 2008]. В языке существует две системы уровневой организации — звуковая (фонемы > слоги > фонетические слова > такты, или

фоноситагмы > периоды) и смысловая ([фонемы] > морфемы > грамматические слова > словосочетания > предложения > тексты), при этом в языках разных регионов совпадение звуковой и смысловой стороны начинается с разных уровней: например, в Юго-Восточной Азии совпадение начинается с уровня слогов и морфем, а на северо-востоке Сибири и в Северной Америке — только с уровня предложений. По мнению А. Н. Барулина, если бы переход от дочеловеческого языка к человеческому происходил в одном месте, техника соединения звуковых и смысловых уровней была бы одинакова во всех языках, а имеющиеся различия свидетельствуют о том, что человеческий язык возникал несколько раз — в разных местах независимо. Однако эти характеристики языка относятся к числу тех, которые могут заимствоваться из языка в язык при интенсивных (доходящих до стадии билингвизма) языковых контактах [см. Бурлак, Старостин 2005: 59—60]. Контакты же сапиенсов с представителями других видов *Homo* имели место: по данным генетиков, люди современного вида контактировали с неандертальцами [Green et al. 2010; Burbano et al. 2010], а также с «денисовцами» [Reich et al. 2010] — гоминидами, подобными найденным в Денисовой пещере на Алтае, которые были несколько ближе к неандертальцам, чем к сапиенсам. Возможно, к этой группе гоминид принадлежат некоторые находки из Китая (например, индивид, известный как Цзиньнюшань) [Соколов 2011], имеющие, с одной стороны, черты, указывающие на их родство с азиатскими архантропами [Weidenreich 1937], а с другой, черты, объединяющие их с более прогрессивным видом — *Homo heidelbergensis*. Теоретически не исключено, что коммуникативная система, использовавшаяся азиатскими архантропами, основывалась на слогах (поскольку архантропы, обладая узким позвоночным каналом, не могли произносить по многу слогов за одну реплику). Пришедшие же на восток Азии «денисовцы» частично смешались с местными жителями и переняли у них эту черту коммуникативной системы, а впоследствии передали её смешавшимся с ними сапиенсам. В такой межвидовой гибридизации нет ничего удивительного, это обычное явление в отряде приматов: как показывают данные приматологов, многие виды обезьян «живут в тесном контакте друг с другом, обитают в сходных биотопах и зачастую образуют смешанные группы или стада» [Бутовская, Файнберг 1993: 100], в таких группах появляются межвидовые гибриды, практически все из которых плодовиты [Бутовская, Файнберг 1993: 100—102 с лит.] (засвидетельствованы гибриды павианов анубисов и павианов гамадрилов, многих видов макак; гибриды бонобо с шимпанзе и гориллами [Бутовская, Файнберг 1993: 100—102 с лит.; Savage-Rumbaugh, Lewin 1994/2003: 45; Зорина, Смирнова 2006: 200]). Любопытно, что существование в составе смешанных стад может способствовать «значительному расширению коммуникативного репертуара», по крайней мере, у одного из видов [Бутовская, Файнберг 1993: 100].

Таким образом, исследования, проводимые в рамках изучения глоттогенеза, позволяют с большой вероятностью утверждать, что все языки мира имеют единое происхождение, но момент этого происхождения отстоит от нашего времени примерно на 200 тысяч лет.

Литература

- БАРУЛИН А. Н. *Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация*. Ч. 1. М.: Спорт и культура 2000, 2002. [BARULIN A. N. *Osnovaniya semiotiki: Znaki, znakovyye sistemy, kommunikaciya*. Ch. 1. M.: Sport i kul'tura 2000, 2002.]
- БАРУЛИН А. Н. К аргументации полигенеза // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1: *Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка* / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.:

- Языки славянских культур, 2008. С. 41—58. [BARULIN A. N. K argumentacii poligeneza // *Razumnoe povedenie i yazyk*. Вып. 1: *Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proishozhdeniya yazyka* / Sost. A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. М.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. S. 41—58.]
- БИЧАКДЖАН Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1: *Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка* / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1. С. 59—88. [BICHAKDZHAN B. Evolyuciya yazyka: demony, opasnosti i tschatel'naya ocenka // *Razumnoe povedenie i yazyk*. Вып. 1: *Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proishozhdeniya yazyka* / Sost. A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. М.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. Вып. 1. С. 59—88.]
- БУРЛАК С. А., СТАРОСТИН С. А. *Сравнительно-историческое языкознание*. М.: Академия, 2005. [BURLAK S. A., STAROSTIN S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie*. М.: Akademiya, 2005.]
- БУТОВСКАЯ М. Л., ФАЙНБЕРГ Л. А. *У истоков человеческого общества*. М.: Наука, 1993. [BUTOVSKAYA M. L., FAINBERG L. A. *U istokov chelovecheskogo obschestva*. М.: Nauka, 1993.]
- ВИШНЯЦКИЙ Л. Б. *Человек в лабиринте эволюции*. М.: Весь Мир, 2004. [VISHNYACKII L. B. *Chelovek v labirinte evolyucii*. М.: Ves' Mir, 2004.]
- ВИШНЯЦКИЙ Л. Б. *Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции*. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. [VISHNYACKII L. B. *Kul'turnaya dinamika v seredine pozdnego pleistocena i prichiny verhnepaleoliticheskoi revolyucii*. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008.]
- ДОНСКИХ О. А. *Происхождение языка как философская проблема*. Новосибирск: Наука, 1984. [DONSKIH O. A. *Proishozhdenie yazyka kak filosofskaya problema*. Novosibirsk: Nauka, 1984.]
- ДРОБЫШЕВСКИЙ С. В. *Предшественники. Предки? Часть III: Архантропы. Часть IV: Гоминиды, переходные от архантропов к палеоантропам*. М.: Едиториал УРСС, 2004. [DROBYSHEVSKII S. V. *Predshestvenniki. Predki? Chast' III: Arhantropy. Chast' IV: Gominidy, perehodnye ot arhantropov k paleoantropam*. М.: Editorial URSS, 2004.]
- ЖИНКИН Н. И. *Язык — речь — творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. Избранные труды*. М.: Лабиринт, 1998. [ZHINKIN N. I. *Yazyk — rech' — tvorchestvo: Issledovaniya po semiotike, psiholingvistike, poetike. Izbrannye trudy*. М.: Labirint, 1998.]
- ЗВЕГИНЦЕВ В. А. *История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. 3-е изд., доп.* М.: Просвещение, 1964. [ZVEGINCEV V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX—XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. Ch. 1. 3-e izd., dop.* М.: Prosveshenie, 1964.]
- ЗОРИНА З. А., СМІРНОВА А. А. *О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли животные оперировать символами?* М.: Языки славянских культур, 2006. [ZORINA Z. A., SMIRNOVA A. A. *O chem rasskazali «govoryashchie» obez'yany: Sposobny li zhivotnye operirovat' simvolami?* М.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006.]
- ЗУБОВ А. А. *Палеоантропологическая родословная человека*. М.: Россельхозакадемия, 2004. [ZUBOV A. A. *Paleoantropologicheskaya rodoslovnaya cheloveka*. М.: Rossel'hozakademiya, 2004.]
- МОНИЧ Ю. В. *К истокам человеческой коммуникации: Ритуализованное поведение и язык*. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. [MONICH Yu. V. *K istokam chelovecheskoi kommunikacii: Ritualizovannoe povedenie i yazyk*. М.: Akademiya gumanitarnykh issledovaniy, 2005.]
- ПИНКЕР С. *Язык как инстинкт*. М.: УРСС, 2004. [PINKER S. *Yazyk kak instinkt*. М.: URSS, 2004.]
- СОКОЛОВ А. Эволюция человека и ее спорная вершина... // *Троицкий вариант*, 2011, № 91, «Исследования». С. 10. [SOKOLOV A. Evolyuciya cheloveka i ee spornaya vershina... // *Troickii variant*, 2011, № 91, «Issledovaniya». S. 10.]
- ШЕР Я. А., ВИШНЯЦКИЙ Л. Б., БЛЕДНОВА Н. С. *Происхождение знакового поведения*. М.: Научный мир, 2004. [SHER YA. A., VISHNYACKII L. B., BLEDNOVA N. S. *Proishozhdenie znakovogo povedeniya*. М.: Nauchnyi mir, 2004.]
- ЯНКОВСКИЙ Н. К., БОРИНСКАЯ С. А. *Наша история, записанная в ДНК // Природа*, 2001, №6. [YANKOVSKII N. K., Borinskaya S. A. *Nasha istoriya, zapisannaya v DNK // Priroda*, 2001, №6.]
- ALEMSEGED Z., SPOOR F., KIMBEL W. H., BOBE R., GERAADS D., REED D., WYNN J. G. A juvenile early hominin skeleton from Dikika, Ethiopia // *Nature*. 2006. Vol. 443. P. 296—301.
- DE BOER B. Loss of air sacs improved hominin speech abilities // *Journal of Human Evolution*. 2011. 1—6.
- ВОПП F. *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen*. Bd. 1—3. Berlin, 1833—1852.

- BURBANO H. A. et al. Targeted investigation of the Neandertal genome by array-based sequence capture // *Science*. 2010. Vol. 328. P. 723–725.
- D'ERRICO F., HENSHILWOOD C., VANHAEREN M., VAN NIEKERK K. Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: Evidence for symbolic behaviour in Middle Stone Age // *Journal of Human Evolution*. 2005. Vol. 48, #1. P. 3–24.
- FITCH W. T. The evolution of speech: A comparative review // *Trends in cognitive sciences*. 2000. Vol. 4. P. 258–267.
- GIVÓN T. The visual information-processing system as an evolutionary precursor of human language // *The evolution of language out of pre-language* / Ed. by Givón T., Malle B. F. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 3–50.
- GREEN R. E. et al. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science*. 2010. Vol. 328. P. 710–722.
- GRIMM J. *Über den Ursprung der Sprache. Kleinere Schriften*. 1. Bd. Berlin, 1864.
- HAUSER M. D., CHOMSKY N., FITCH W. T. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 1569–1579.
- HENSHILWOOD C. S. et al. Emergence of modern human behavior: Middle Stone Age engravings from South Africa // *Science*. 2002. Vol. 295. No. 5558. P. 1278–1280.
- LIEBERMAN P. *Human language and our reptilian brain: The subcortical bases of speech, syntax and thought*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2002.
- MARTÍNEZ I. et al. Auditory capacities in Middle Pleistocene humans from the Sierra de Atapuerca in Spain // *Proceedings of the National Academy of Science, USA*. 2004. Vol. 101. No. 27. P. 9976–9981.
- PINKER S., JACKENDOFF R. The faculty of language: What's special about it? // *Cognition*. 2005. Vol. 95. No. 2. P. 201–236.
- REICH D. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 468. P. 1053–1060.
- SAVAGE-RUMBAUGH E. S., LEWIN R. *Kanzi: The ape at the brink of the human mind*. N.Y.: John Wiley and sons, 1994/2003.
- SCHLEGEL K. W. F. *Über die Sprache und Weisheit der Indier*. Köln: Mohr und Zimmer, 1808.
- WEIDENREICH F. The dentition of *sinanthropus pekinensis*: A comparative odontography of the hominids / *Palaeontologica Sinica*. New Series D. No. 1, D 5. Peking: National Geological Survey of China, 1937.

The original aim of historical linguistics was to reconstruct the protolanguage of humanity. Today it is known that the anatomically modern human appeared about 200,000 years ago. While there is no correlation between the Upper Palaeolithic culture and language, anatomy provides evidence that our closest ancestor, *Homo heidelbergensis*, was able to pronounce several syllables in one utterance and to use phonemic oppositions. Language traits used as arguments in favor of polygenesis might have been borrowed from the communicative systems of other hominid species in contact situations.

Keywords: language origin, speech, glottogenesis, monogenesis.

Neues zur Sprache der Stele von Lemnos (Erster Teil)

This is the first stage of the author's plan to investigate the Tyrsenian language family in greater detail than Stefan Schumacher and Helmut Rix could do in their pioneering sketches on Etruscan and Raetic. It consists of a new philological and linguistic study of the famous Lemnian stele. This stele is a relief stele (6th century BC) inscribed with eleven or twelve lines in the Lemnian alphabet. It represents our main piece of evidence for the ancient language of Lemnos, whose close similarity to Etruscan has long been recognized. To begin with here, a fresh attempt is undertaken to find out which line sequence on the right side (out of $3! = 6$ possibilities) and on the front (out of $8! = 40320$ possibilities) is the correct one. The entirely new solution yields *inter alia* a coherent genealogy of one of the persons mentioned (the defunct *Aker*, son of *Tavarza**, grandson of *Hulaie*) reaching back to his great-grandfather (*Vanal**); a new Lemnian numeral *aiz* = Etruscan *ez*, instead of the rejected equation Lemnian **mav* = Etruscan *maχ*; and the somewhat surprising perspective that the language may have come from Italy to Lemnos. Philological and etymological problems of the texts are discussed *passim* in detail, but a comprehensive study is reserved for a later time. This study also yields new results for Tyrsenian linguistic affinities in general.

Keywords: Etruscan, Lemnos, Raetic, Tyrsenian language family, Lemnian stele from Kaminia.

Nicht vielen Inschriften ist eine so reiche Literatur zu Teil geworden wie der Stele von Lemnos, [...] über keine ist mehr Unsinn geschrieben worden [...] (Georg Karo 1908, 65)

0. Die folgende Studie¹ dient der weiteren Erforschung der bereits von anderer Seite² angenommenen tyrsenischen Sprachfamilie mit den Gliedern Etruskisch, Rätisch und Lemnisch. Die bereits im Jahr 1885 entdeckte Stele von Lemnos,³ als Spolie in eine Kirchen-

¹ Auf meine Bitte hin hat der archaologische Kollege Dr. Martin Seyer (Wien) im Sommer des Jahres 2007 (Datum 20.08.2007) im Athener Nationalmuseum, wo die Stele in der Vasenabteilung ausgestellt ist, eine Reihe von Fotoaufnahmen und fünf Teil-Abklatsche angefertigt bzw. anfertigen lassen, wofür ihm hier herzlich gedankt sei. Einer gemeinsamen Publikation der Befunde sollen durch diesen Artikel zwar die Wege geebnet, aber nicht allzu stark vorgegriffen werden. Ich beschränke mich deshalb auf ein für die sprachwissenschaftliche Erschließung unentbehrliches Minimum von archäologischen und epigraphischen Angaben. Für beschaffte Informationen und Fotos danke ich auch Mag. Sergios Katzikas (Wien) und dem Bibliothekar Matthias Passer von der Fachbereichsbibliothek Linguistik der Universitätsbibliothek Salzburg, der mir durch Oswald Panagl (Salzburg) eine Kopie von Apostolidis 1903 hat zukommen lassen, insbesondere auch Michael Meier-Brügger (Berlin) für seine Fotos und seine Diskussionen.

² SCHUMACHER 1993 und 1998, RIX 1998a und 1998b, vgl. WALLACE 2008, 220–25. Beide Autoren haben die Sprachverwandtschaft Etruskisch-Rätisch in Zusammenarbeit eruiert.

³ Erstedition von COUSIN /DÜRRBACH 1886 (mit sprachwissenschaftlichen Notizen von Michel Bréal), danach von APOSTOLIDES 1887 und 1903, ²1905 (A. hatte den Stein vom ursprünglichen Besitzer geschenkt bekommen und ihn später im Jahr 1905 dem Athener Nationalmuseum weitergeschenkt, wo er seither verwahrt wird,

wand⁴ in der Ortschaft Kaminia⁵ eingemauert, ist in der Fachliteratur schon oft behandelt worden.⁶ Auf der Basis der bisherigen Forschung, aber zugleich über sie hinausführend, wird im folgenden der Versuch einer neuen Lesung ihres Textes unternommen. Als Verfasser habe ich den Eindruck empfangen, dass sich bei der hier vorzulegenden Deutung⁷ – zumindest was die Zeilenfolge betrifft – schon der „Selbstbestätigungseffekt der allein richtigen Lösung“ einstellt. Infolgedessen wird es später in weiteren Beiträgen möglich sein, die Hypothesen zur Sprachverwandtschaft auf eine weitaus bessere Basis zu gründen als bisher. Dieser späteren Etablierung der tyrsenischen Sprachfamilie wird hier schon insofern Vorschub geleistet, als die Befunde der Stele von Kaminia und einiger weiterer lemnischer Kleintexte⁸ eine beträchtliche Anzahl von Entsprechungen zum Etruskischen und Rätischen aufweisen, die schon jetzt bei der Erschließung des Textes der Stele ins Auge zu fassen sind.

Abbildung 1: Stele von Lemnos im Athener Nationalmuseum 2007

Inv. Nr. 13664). Edition in *Inscriptiones Graecae* [= IG] XII 8, 1; ausführliche Behandlung bei NACHMANSON 1908 und KARO 1908. Nachmanson ist von dem epigraphisch sehr erfahrenen und äusserst zuverlässigen österreichischen Archäologen und Epigraphiker Rudolf Heberdey unterstützt worden. Für eine gute Umzeichnung der *litterae* und für sonstige epigraphische Befunde ist deshalb auf NACHMANSON 1908, 51 zu verweisen. Den Wiederabdruck einer älteren fehlerhaften Zeichnung (z.B. bei WALLACE 2008, 219 nach Bonfante & Bonfante) erkennt man am Schibboleth *zeruzaið für zeronaið in der Zeichnung von B, Zeile 1 (berichtigt bereits von Apostolidès im Jahr 1902–1903, s. NACHMANSON 1908, 49; noch falsch APOSTOLIDES 1903, 6, seine Berichtigung nach Autopsie des durch ihn mit Schwamm und Wasser gereinigten Buchstabens auf dem Stein wird erst p. 50 Fn. 2 enthüllt).

⁴ Es handelt sich um die bald danach verschwundene Kirche des Heiligen Alexandros, s. NACHMANSON 1908, 47 und KARO 1908, 68.

⁵ Kaminia (Καμίνια) ist ein Dorf auf der südöstlichen Halbinsel der Insel Lemnos, im Bezirk Moudros, nahe der prähistorischen Stätte Poliochnê (spätes Chalkolithikum und frühe ägäische Bronzezeit; zu beachten auch die 1994–1997 entdeckte Siedlung auf der Insel Koukonesi im Hafen von Moudros, entstanden um 2000–1650 v. Chr.).

⁶ Sukzessive Literaturübersichten in IG (wie Fn. 3), FRIEDRICH 1932, 144, AGOSTINIANI 1986, 43–46, MALZAHN 1999, 277–279, WALLACE 2008, 220, vgl. auch DE SIMONE 2009.

⁷ Eine Vorstufe dieses Aufsatzes ist vom Autor schon in zwei Vorträgen (Powerpoint-Präsentation) *publici iuris* gemacht worden, (a) Etruskisch, Rätisch, Lemnisch: »Die Konstitution einer neuen „tyrsenischen“ Sprachfamilie« auf der 37. Österreichischen Linguistiktagung in Salzburg, 7. Dezember 2009, und ähnlich (b) »Тирренские языки: ретиский, этрусский, лемносский« auf der Tronskij-Gedenktagung *Indoeuropejskoe Jazykoznanie i Klassičeskaja Filologija* in St. Petersburg am 21. Juni 2010.

⁸ DELLA SETA 1937 (Kurzresümee bei Emil VETTER, *Glotta* 28, 1939, 228), MALZAHN 1999 (mit Zitat von Publikationen von DUHOUX und BESCHI, die ich nicht eingesehen habe), DE SIMONE 2009, [48] (mit weiteren Zitaten für Publikationen von BESCHI).

§ 1. Die Stele von Kaminia ist eine fragmentarische Reliefstele aus gelblichem porösem Stein (Poros)⁹. Auf ihr befindet sich das Relief eines aufrecht stehenden, nach links gewandten Kriegers im Profil mit breitem klobigem Kopf, Stiernacken und vorspringender fast gerader Nase, mit Rundschild(??) oder eher Mantel(?)¹⁰, einem Speer mit blattförmiger Spitze in der rechten Hand und vielleicht auch mit einer Lederkappe¹¹. Etliche Reihen (meines Erachtens elf) von insgesamt 199 erhaltenen Buchstaben sind auf der Vorderseite (Inscription A) und auf der rechten – vom Betrachter aus gesehen – Schmalseite (Inscription B) eingemeißelt. Anhaltspunkte für eine ungefähre Datierung des Denkmals ergeben sich aus dem Vergleich mit den Verhältnissen in Athen, wo Reliefstelen etwa ab der Mitte des 6. Jahrhunderts vor Christus anzutreffen sind.¹² Für die Stele selbst – als Spolie gefunden – gibt es keine archäologische Datierung in Kaminia. Inwieweit Keramik¹³ und Graffiti aus Lemnos etwas zur Datierung beitragen, ist mir nicht hinlänglich bekannt.¹⁴ Dass auch die politische Geschichte zu berücksichtigen ist, liegt auf der Hand. Die Eroberung der Insel Lemnos (wohl um das Jahr 510) durch Miltiades,¹⁵ dem aufgrund seines späteren Sieges über die Perser in der Schlacht von Marathon (490 v. Chr.) berühmt gewordenen athenischen Strategen, dürfte ein rasches Ende der lemnischen Eigensprachlichkeit nach sich gezogen haben.

Solche Stelen gehören in den Kreis der fun er ä r e n Denkmäler.¹⁶ Die Schrift gehört zum Ensemble der phrygo-griechischen Alphabete, die im 9. Jahrhundert¹⁷ aus der phönizischen Konsonantenschrift abgeleitet worden sind. Schon auf den ersten Blick ist ersichtlich, dass es sich dabei um ein – wahrscheinlich griechisches¹⁸ – „rotes“ Alphabet handelt, bei

⁹ Maße 94 cm (Höhe) x 51–52cm (Breite) x 14–14,5 cm Dicke, s. NACHMANSON 1908, 50.

¹⁰ Cf. KARO 1908, 67 „Mit Bestimmtheit lässt sich nur sagen, dass der Mann keinen Schild trägt. Die beiden parallelen Bögen, z w i s c h e n denen der Kopf aufragt, h i n t e r denen die rechte Hand hervorkommt, kann ich nur als weiten Matel deuten [...]“.

¹¹ Die Lederkappe $\kappa\upsilon\nu\eta$ nach NACHMANSON 1908, 50 wird nicht von allen Betrachtern gesehen, cf. KARO 1908, 67: „Auf dem Haupte glaubt man eine eng anliegende Lederkappe, eine $\kappa\upsilon\nu\eta$, zu erkennen; aber die geschwungene Linie, welche von der Stirne bis zum Nacken läuft, könnte auch einfach den Haarcontour bedeuten.“

¹² BOARDMAN / KURTZ 1971.

¹³ KARO 1908, 68–71 datiert Keramik aus Kaminia zusammen mit der Stele auf des 6. Jahrhundert v. Chr.

¹⁴ Für den Graffito bei DELLA SETA 1937, 122 nennt DE SIMONE 2009, 5 als Datum Ende des 6. Jahrhunderts, nach DELLA SETA 120. In den Graffiti gibt es wichtige paläographische Parallelen zur Inschriftenstele, zum Beispiel begegnet sowohl die eckige als auch die runde Form des Omikron (in Fragment 3, DELLA SETA 1937, Tafel 16, Abb. 1) und das eckige Theta (*ibidem* Fragment 4, Abbildung 2–3).

¹⁵ Herodotos VI 137–140.

¹⁶ Für die Verhältnisse in Athen s. HÖLSCHER 2007, wo p. 38 auch erwähnt wird, dass zwar hauptsächlich Jünglinge mit Reliefstelen bedacht wurden, es aber auch Stelen mit der Darstellung älterer Männer mit kriegerischer Ausrüstung gibt. Außerdem ist im Hinblick auf die Dicke der Stele von Lemnos (14–14,5 cm) seine Angabe von Interesse: „Vereinzelt im 7. und vermehrt im 6. Jh. v. Chr. werden an den Gräbern Standbilder der Verstorbenen errichtet, später kamen schlanke, plattenförmige Stelen mit Figuren in Relief [...] hinzu.“

¹⁷ Dieser Zeitansatz ergibt sich aus der massiven Rückdatierung der Befunde von Gordion in Phrygien, wo neuerdings mehrere alphabetische Graffiti in phrygischer Sprache auf das Ende des 9. Jh. (unmittelbar vor der Zerstörung durch die Kimmerier) datiert werden, s. BRIXHE 2004. Die griechische Epigraphik setzt einige Jahrzehnte später ein. Ob die Alphabetschrift zuerst durch die Phryger von den Phoinikern übernommen dann von ihnen an die Griechen weitergereicht worden ist, bleibt eine vorerst vielleicht noch offene Frage. Ungeachtet dessen ändert sich an der Zurückweisung der Argumente HAMMARSTRÖMS 1926 für die Ableitung des lemnischen aus dem phrygischen Alphabet nichts. Die Frage ist neu zu stellen und allem Anschein nach zugunsten der Übernahme des lemnischen Alphabets aus einem griechischen Alphabet zu entscheiden.

¹⁸ Wegen der Anwesenheit der „griechischen Aspiraten“ *Theta* und *Phei*.

dem also die Zusatzbuchstaben *Phei* und *Khei* auftreten, wobei das *Khei* aber nicht die in Athen übliche Gestalt eines Andreaskreuzes X aufweist, sondern wie das athenische *Psei* aussieht.¹⁹ Die in jüngerer Zeit von Carlo De Simone vertretene These etruskischer Herkunft des lemnischen Alphabets aus Italien²⁰ ist durch Malzahn widerlegt worden.²¹ Eine detaillierte paläographische Untersuchung soll im Rahmen dieses Aufsatzes nicht vorgelegt werden.²² Eine Möglichkeit zu Prognosen ergäbe sich, wenn man das Risiko der Annahme auf sich nähme, dass die paläographische Entwicklung der zunächst eigenständigen lemnischen Schrift im sechsten Jahrhundert in den Sog der Entwicklung anderer griechischer Alphabete geraten sei, besonders desjenigen von Athen.²³ Am athenischen Maßstab gemessen ließen sich einige Hypothesen konzipieren, die man weiterverfolgen könnte, zum Beispiel die vom Auftreten des drei-strichigen²⁴ und des vierstrichigen Sigma²⁵ gemeinsam in Inschrift B²⁶, allein des vierstrichigen Sigma in Inschrift A²⁷ sowie in der neugefundenen Inschrift von Ephaistia²⁸.

Auch unabhängig vom Gebrauch des Sigma als Unterscheidungskriterium kann man vermuten, dass auf der Stele zwei einander ähnliche, aber chronologisch vermutlich um einige Jahre oder sogar Jahrzehnte auseinanderliegende Texte angebracht sind, dass also Inschrift A und Inschrift B nicht zusammengenommen einen Text ergeben.²⁹ Denn A und B weisen ein gemeinsames Grundformular auf. Also sind sie eher zwei parallele Texte als eine Einheit aus Vorgängertext und Anschluss³⁰.

¹⁹ MALZAHN 1999, 276 (unten) nimmt in Anschluss an Deecke und van der Meer als Vorbildalphabet das euböische an, wodurch sich auch Ähnlichkeiten mit den etruskischen Alphabeten erklären. Die Isolation wird von ihr plausibel durch die Annahme erklärt, dass sich das ursprünglich „rote“ Alphabet auf Lemnos wegen seiner nichtgriechischen Sprache halten konnte, während benachbarte ursprünglich rote Alphabetgebiete durch das expansive blaue Alphabet überlagert worden sind. — Ich weise noch darauf hin, dass sich vielleicht auch im Altphrygischen ein Beleg für das „rote“ *Khei* findet (Graffito Gordion G—249, s. Brixhe 2007, 278).

²⁰ DE SIMONE 1995 und 1996.

²¹ MALZAHN 1999, 275—277 und *passim*.

²² Einige Probleme behandelt MALZAHN 1999, so das *Zeta* (p. 271—273), das *Lambda* mit oben angesetzter Schräghaste (p. 274) und das *Qoppa* (p. 274—275).

²³ Man könnte sich für diesen Vergleich auf die allerdings sagenhafte Nachricht Herodots (nach Hekataios) über spezielle athenisch-lemnische Beziehungen (z.B. Raub-Ehen) berufen. Mit Mehrsprachigkeit auf Lemnos wird man schon für die Zeit vor 510 v. Chr. rechnen können.

²⁴ Cf. IMMERWAHR 1990, 157: „The three stroke sigma [...] occurs from the beginning“.

²⁵ Cf. IMMERWAHR 1990, 158: „Four stroke sigma becomes fairly common in the last decade of the sixth century, and is very common in the early fifth“.

²⁶ Dreistrichig zweimal in *sialχviz* und *Φokiaσiale* (hier retrograd), vierstrichig in *εvis₀du* (retrograd). Mit „s₀“ bezeichne ich einen s-Laut, bei dem man die phonologische Geltung als Sibilant oder Schibilant nicht angeben kann oder will.

²⁷ Bereits KARO 1908, 66 macht auf die Drei- und Vierstrichigkeit des Sigma als Datierungskriterium aufmerksam und bestimmt danach B (mit Mischung beider) als die etwas ältere und A (mit schon vollzogenem Übergang zu bloßem vierstrichigem Sigma) als die jüngere Inschrift. Auch MALZAHN 1999, 260 Fn. 2 hält B — aus anderen Gründen — für älter. Die gegenteilige Auffassung, dass B jünger als A sei, vertritt zuerst PAULI 1886, 8—11. Das sprachliche Indiz für älteres A (nämlich älter aussehendes *ei* in:) *sialχveiz* gegenüber B (nämlich jünger aussehendes *i* < *ei* in:) *sialχviz* scheint derzeit noch kaum verwertbar zu sein.

²⁸ DE SIMONE 2009 [11]. Sieh Genaueres im Exkurs!

²⁹ So z.B. PAULI 1886, 8—11, NACHMANSON 1908, 50, KRETSCHMER 1942, 89, etc., energisch wiederum MALZAHN 1999, 260 Fn. 2.

³⁰ Hier ist insofern ein Vorbehalt anzubringen, als man in B einen Anfang [...]r-um ohne größere vorhergehende Lücke mit einem Personnamen auf *r* ganz am Textanfang annehmen könnte. Der durch die Konjunktion -um angezeigte Anschluss „und Soundso-r“ müsste dann direkt an die Vorderseite anknüpfen.

§ 2. Zur Orthographie kann ich größtenteils auf die ausführliche und mir durchaus akzeptable bisherige Fachdiskussion verweisen,³¹ etwa zum Fehlen des Ypsilon und der alleinigen Anwesenheit des Omikron im Vokalismus³², oder zum Fehlen der Buchstaben für stimmhafte Verschlusslaute B, D, G. Auch die etwas inkonsequente (in einigen Fällen fehlende) Interpunktoren durch zwei (2–3 Belege in A, 12 Belege in B) oder drei (5 Belege in A, 3 Belege in B) übereinandergestellte Punkte³³ als Worttrenner ist in archaischer Zeit normal. Ich muss aber auf das erst in jüngster Zeit scharfe Konturen annehmende Problem der tyrsenischen Sibilanten eingehen. Da das Etruskische und Rätische und vielleicht weiter auch das Lemnische zwei Arten von s-Lauten aufweisen, und außerdem noch eine Affrikata *c, ts* (geschrieben mit Quasi-Zeta³⁴), stellt sich die Frage nach der phonetischen Interpretation der lemnischen Buchstaben *Sigma* (vierstrichig und dreistrichig) und Quasi-Zeta. Für potentiell drei Phoneme hat man also nur zwei Buchstaben. Frühere Forscher waren durch ihre fehlende oder ungenaue Kenntnis der etruskischen Phonologie und Graphik daran gehindert, das Problem sinnvoll angehen zu können. Bei der letzten Behandlung durch WALLACE 2008, der schon bestens mit dem neuen Stand der Dinge vertraut ist, findet man den ersten konsequenten Versuch, zwischen Sibilant und Schibilant genau zu unterscheiden. Infolgedessen lohnt hier eine Auseinandersetzung mit ihm, und nur mit ihm.³⁵ Wallace bestimmt jedes *Sigma* als Zeichen für den (palatalen) Schibilanten (bei ihm in der Notation < σ_2 >), und jedes *Zeta* als Zeichen für den (nichtpalatalen) Sibilanten (bei ihm in der Notation <*s*>). Also:

1. (sechs Belege) *vanala σ_2 ial*, *σ_2 ial χ veis*, *σ_2 ial χ vis*, *evio σ_2 do* (zweimal), *phokia σ_2 iale*;
2. (siebzehn Belege) *holaies*, *holaiesi*, *tsiasi*, *maras* (zweimal), Auslaut *σ l χ veis*, *σ l χ vis*, *seronai σ* (zweimal), *seronai*, *avis* (zweimal), *sivai* (dreimal), *eptesio*, *tis*.

Während man ihm bei der ersten Reihe mit dem Schibilanten nahezu voll³⁶ zustimmen kann, stellt sich bei der zweiten Reihe die Frage nach der Affrikata *ts*. Wo ist sie im Lemnis-

³¹ Von PAULI 1886 und 1894 bis WALLACE 2008.

³² Die gründlichste Behandlung hierzu bietet MALZAHN 1999, 263–267 in der Auseinandersetzung mit DE SIMONE 1995 und 1996 (Geltung des aus ieu. **u* stammenden Phonems als euböisch /ü/, aber als /u/ im italischen Kolonialgebiet, daraus „erklärt sich nun die Diskrepanz in der Übernahme zwischen Omikron und Ypsilon bei Etruskern und Lemniern“).

³³ „In A sind sie gewöhnlich rund, nur in Ac1 dreieckig; in B sind sie in der Regel dreieckig, man beachte indes die rechteckigen nach *haralio* B 2“, NACHMANSON 1908, 52–53.

³⁴ Für die Identifikation des Buchstabens als lemnische Eigenentwicklung plädiert schon überzeugend Malzahn 1999, 271–272 unter Berufung auf die etrusk.-lemn. Beinahegleichung etrusk. *zivas* : lemn. *zivai*. Vorher hatte sich bereits Agostiniani 1986 um das z-Problem intensiv bemüht. Nicht mehr ganz zeitgemäß sind Transliterationen ohne jedes Zeta wie bei WALLACE 2008, 220, der sich andererseits wenigstens aber schon instruktiv um die Differenzierung von /s/ und / σ / bemüht. Ob diese phonetische und phonologische Differenz im Lemnischen überhaupt schon bestanden hat, scheint zweifelhaft. Denn alle klärllich in Frage kommenden Fälle weisen die Buchstabenfolge *Sigma + i* auf, und die glatte Ministatistik für drei- (= Schibilant) und vierstrichiges *Sigma* (= Sibilant) in B kann auf Zufall beruhen. Man sehe auch die folgende Fußnote.

³⁵ An älterer Literatur sei genannt RIX 1968 (Umschreibung des zetaähnlichen Zeichens als < \acute{s} >, des *Sigma* als <*s*>, ohne Auskunft über den Verbleib des Phonems /z/), AGOSTINIANI 1972, 18–21, besonders ausführlich 25–42; weit besser bereits MALZAHN 1999, 267–272, dabei 272 Fn. 75 sogar schon mit dem Hinweis auf die etrusk. Variation *tetinaz* und *tetinas₂*). Die Indizierung „ σ_2 “ hängt mit Wallace’s speziellem Indexsystem zusammen.

³⁶ Offen bleibt das je einmal sowohl in B wie in A belegte Prädikatsverbalnomen *evio σ_2 do*. Mit der „Laris-Regel“ **is* > nordetrusk. *i σ* (EICHNER 2011 und 2012) erhielte man **evis σ do* > *evio σ_2 do*, außerdem auch noch durch die phonetisch anders bedingte Regel *st* > nordetrusk. *st*. Wegen der anderweitig zu beobachtenden Affinität des Lemnischen speziell zum Nordetruskischen sind diese beiden Möglichkeiten durchaus in Betracht zu ziehen.

chen geblieben, und wie wäre das zetaähnliche Zeichen zu dem für ihn unerwarteten Lautwert /s/ gekommen? Zur Untersuchung dieser Fragestellung kann man die Etymologie heranziehen, nicht im Sinne der Benennungsmotivation, sondern im Sinne der reziproken Entsprechungen zwischen verwandten Sprachen. Wallace gibt schon selbst eine zutreffende Etymologie an – wenn auch bei meines Erachtens falscher grammatischer Bestimmung und falscher Bedeutung – in Form der korrekten Entsprechung für Zeta für *sivai* ‚lived‘ = etr. *zivas* ‚having lived‘. Sollen wir also für das Lemnische einen Lautwandel tyrsen. $z >$ lemn. s annehmen mit Zusammenfall von tyrsen. /s/ und /z/ in lemn. s ? Wäre es da nicht besser, dem zetaähnlichen Zeichen zwei Lautwerte (Transliterationswerte) zuzuweisen, (a) $z = t^s$ und (b) s_2 ? Denn es wäre doch sehr befremdlich, einen solchen Lautwandel $z > s$ zu postulieren, nur um die in beiden Alphabeten ähnlich geschriebenen Wortformen lemn. *zivai* (mit Quasi-Zeta im Anlaut) und etr. *zivas* (mit Zeta im Anlaut) verschieden lesen zu können und dadurch eine einheitliche Lautgeltung des Zeta auch für die Zahlwortformen *sialχv(e)iz* und die Kasusformen der Substantiva wie *Holaies*, *Holaiesi* zu erzwingen.

Dabei ist es gar nicht so, dass die bisher allgemein angegebene Entsprechung der Zahlwortform lemn. *(sial)χveiz* (*sial)χviz* = etr. $^{\circ}\chi us$ (in *cealχus*, *cealχus_2*, *cialχus_2*) ausschließlich in dieser Weise bestünde, denn der *Liber Linteus* bietet X.2 *cealχuz* (aber XI.2 *cealχus*, IX.f2 *cealχus_2*), ebenfalls mit z . Dass dies kein Schreibfehler ist, sondern die für uns überaus kostbare Bewahrung einer dialektalen Besonderheit, zeigen unter anderem die lemnischen Genetivformen, von denen wohl fast alle bisherigen Forscher (zuletzt WALLACE 2008, 220–221) und seine Vorgänger ebenfalls annehmen, sie könnten nur auf $^{\circ}s$ ausgehen. Aber hierzu gibt es nicht wenige etruskische Analoge mit $^{\circ}z$ wie: *Aulez* ‚des Aule‘ Cl 1.1345, Praenomen [Vel]uz ‚des Vel‘ Vs 1.318, weiter *Acratez* (Vs 1.221) und die Paare *Vipiaz* (Pe 1.592) : *Vipias* (Cl 1.1441) ~ *Vipias_2* (Cl 1.2199), *Titiz* (Pe 1.593) : *Titis* (AH 1.35, Pe 1.934) ~ *Titis_2* (Pe 1.471), *Caσ₂niz* (Pe 1.539) : *Caσ₂nis_2* (Pe 1. 545, 1.546, *Tetinas* (Cl. 1.2396) ~ *Tetinas_2* (Cl 1.823, 1.2404, 1.2406) : *Tetinaz* (Vs 1.217). Auch im Wortinneren begegnet dieses z anstelle von gewöhnlichem intervokalischem³⁷ s zum Beispiel im (Cognomengentile) *Rezu* Pe 1.830–832 sowie 1.836, feminin *Rezui* Pe 1.833 und 835, gegenüber *Resu* (= *Reσ₂u*) Pe 1.834, auch gemischte Schreibung *Rezus₂* Pe 1. 837–839 begegnet.³⁸ Durch die interne Zusammengehörigkeit der Inschriftengruppe der etruskischen Familie in Perugia Pe 1.830 – 1. 839 = ET II 283 ist die phonologische Variation $s(\sigma_2)$ ³⁹ ~ z im Gentile *Reσ₂u* ~ *Rezu* vollauf gesichert. Der Name *Rezu* kommt mit z auch in Chiusi vor (*Rezui* Cl 1.2301), und man kann sagen dass es sich bei diesem Zetazismus um eine sporadisch auftretende Lautbesonderheit Inneretruriens und vor allem der nordetruskischen Sprachgebiete von Perugia und Chiusi, eventuell auch Volsinii handelt.⁴⁰ Auch der ortho-

³⁷ Die exquisiten Fälle in postvokalischer und intervokalischer Stellung sollten meines Erachtens gesondert betrachtet werden, unabhängig von den anderen Fällen mit leicht verständlichen kontextsensitiven Erscheinungen wie *Funflunzl*, *Velcznei*, auch *hexz* ~ *hexs₂∅*.

³⁸ Rix 1985, 220 (§ 20) (mit dem Beispiel Gentile *Tetinas₂* : *Tetinaz*, Beurteilung unscharf), VAN HEEMS 2003 und aktuell BELFIORE 2010, 52 Fn. 4 mit ausführlichen Beispielen und Verweisen auf die Fachliteratur.

³⁹ Die Variation zwischen Sibilant und Schibilant ist eine *cura posterior*, da der Schibilant in diesem Gentile nicht uretruskisch zu sein braucht, sondern in einer älteren Lautung **Risū* durch die „Laris-Regel“ (lautend: $s > \sigma$ in der Stellung hinter i) im Nordetruskischen entstanden sein kann.

⁴⁰ Die aktuellen Diskussion leidet an der Unklarheit, welchen Teilregeln das des z für ein s oder σ geschuldet ist, denn beispielsweise der phonetisch naheliegende Übergang *Fufluns* > *Fuflunz* (Um 4.1, 4.2) ‚Dionysos‘, *Fuflunzl* (Vs 6.4) ‚des Dionysos‘ kann anders einzuordnen sein als der phonetisch viel auffälligere Übergang von s zu z in postvokalischer Auslaut- und intervokalischer Inlautstellung. Als Ursache halte ich hyperkorrekte Lautgebung (oder: inverse Schreibung) oder auch sporadische Stimmhaftwerdung (VAN HEEMS 2003) – trotz ihrer phonetischen Plausibilität – aus graphematischen Gründen für weniger wahrscheinlich, sondern bin geneigt, ein beson-

graphisch so buntscheckige *Liber Linteus* ist, wie ich vermute, im südetrusk. Gebiet von Sutri-Viterbo ein erstes Mal niedergeschrieben⁴¹ und dann, wie ich mit A. Maggiani annehme, im nordetr. Clusium abgeschrieben worden, und bei Gelegenheit dieser Abschrift ist auch die exquisite und gerade im Chiusi an ehesten zu erwartende zetazistische Schreibung *cealχuz* in seinen Text eingedrungen. Von besonderem Interesse ist auch der peregrine Beleg aus Südfrankreich Na 0.1 *Veneluz* (in Pech Maho in Südfrankreich nahe Narbonne, spätes 5. Jh., ET II 332) im Wechsel mit *Venelus*. Warum sollten wir also in lemn. *Holaiezi* und *Holaiez etc.* dem für etrusk. *s* anderweitig (etrusk. *zivas* etc.) bereits gesicherten Buchstaben Quasi-Zeta den für ihn äußerst ungewöhnlichen Lautwert /s/ zuschreiben, wenn sein normaler Lautwert einer Affrikate in der gleichen grammatischen Umgebung auch aus dem Etruskischen bekannt ist? Etwa nur, um einen wertvollen sprachgeographischen Hinweis auf den Zetazismus hinwegzutuschieren?

Also wird man auch den Befund der Stele von Kaminia entsprechend beurteilen, der in neuerer Zeit noch durch den weiteren Beleg *Atitaz*⁴² vermehrt worden ist. Die gesamte bisherige Interpretationspraxis des Lemnischen sollte also schleunigst dem Aufruf „kehrt um!“ Folge leisten und das Zeta anerkennen, nicht nur als Transliterationsbuchstaben, sondern auch in seinem Lautwert als Affrikate.

Was nun den Schibilanten angeht, so hat ihn Wallace in seinen sechs Schreibungen *σ₂ialχveis*, *σ₂ialχvis*, *φokiaσ₂iale*, *vanalaσ₂ial*, *evioσ₂do* (zweimal) schon für das Lemnische angesetzt. Im Falle des Anlauts des Zahlworts ist diese Lautung durch das Etruskische gedeckt. Dort kann man – und soweit ich momentan ersehe, muss man es auch – unter Akzeptanz der Bedeutung ‚vierzig‘ annehmen, dass das zum Kardinale *σα* ‚vier‘⁴³ gehörige Dekadenzahl-

deres Dialektsubstrat anzunehmen, phänomenologisch vergleichbar dem ebenfalls nur sporadisch zutage tretenden südpikenischen (umbrosabinischen) Substrat unter dem „Nordoskischen“ der Päligner, Marrukiner, Vestiner und dem ähnlichen Substrat unter dem klassisch-samnitischen Oskischen Südlatiums und Kampaniens. Da mir aus anderen Gründen Herkunft des Lemnischen aus Italien wahrscheinlich ist, kann dieses „etruskoide“ Substrat unter dem Etruskischen enger mit dem abgewanderten Lemnischen verwandt sein, wo das *z* viel dichter streut (man beachte aber in Hephaestia als Gegenbeispiel für den postvokalischen Auslaut den neuen Beleg *azlas₀* in der neuen Deutung ‚zu zweien‘ = etrusk. **ezalas* > **ezls* > **esls* > *esals* Vc 1.93, s. Exkurs) – Man beachte besonders die mehrfach im Familiengrab zu Perugia belegte Genetivform *Rezus_z*, die den Eindruck erweckt, als sei eine schon fossilisierte Namenform *Rezu* (daneben kommt als Reminiszenz einmal auch *Reσ₂u* vor) immer normal dekliniert worden. Diese Verteilung spricht meines Erachtens gegen sporadischen Lautwandel und eher für eine Substraterscheinung. Natürlich gilt diese Meinung nur vorläufig und vorbehaltlich einer noch anzustellenden Spezialuntersuchung.

⁴¹ Nach Ausweis des Namens der im *Liber Linteus* genannten Lokalgöttheit *Ais Cemnaχ* / *Cemnac* (mit *e*, das aus **i* entstanden sein kann), die nach STEINBAUER 1999, 407 mit *Mons Ciminius* und *Lacus Ciminius* samt *Iuppiter Ciminius* in der Gegend von Sutri-Viterbo in Verbindung zu bringen ist, s. EICHNER 2012. Die dreifache Auslautschreibung des Dekadenzahlworts erklärt sich dann so, dass *us* aus der südetruskischen Vorlage von Viterbo (ab der zweiten Hälfte des fünften Jahrhundert geschrieben) stammt und die beiden anderen Schreibungen *us₂* und *uz* aus der Abschrift (oder: einer der Abschriften) im (sprachlich) nordetruskischen Chiusi. Die auch sonst zu beobachtende Seltenheit von *z* für **s* ist der Grund dafür, dass LL X.2 *cealχuz* der einzige Beleg im *Liber Linteus* für *z* < *s* in postvokalischer Auslautstellung geblieben ist.

⁴² MALZAHN 1999, 274 Fn. 48 (mit Hinweis auf BESCHI).

⁴³ Entgegen Aussagen der Fachliteratur ist der Wert ‚vier‘ für *σα* schon aufgrund der Würfel von Tuscania AT 0.14 0.15 = ET II 80 gerade der sicherste, weil *σα* der Zahl *ci* ‚drei‘ (bilinguistisch gesichert durch punisch *šlš III* Cr 4.4 = ET II 40 für etrusk. *ci*) gegenüber liegt und deshalb bei beiden üblichen Berechnungsarten für die kombinierten Würfelzahlenwerte als einziger gleichermaßen aufgeht: Sowohl bei der Additionsformel $x_1 + x_2 = \text{Summe } 7$ (sieben), als auch bei der Subtraktionsformel $x_1 - x_2 = \text{Differenz } 1$ (eins). Die beiden gebräuchlichen Anordnungen für Ziffern, nämlich A (6 mit 1, 5 mit 2, 4 mit 3 gepaart, wie auch bei uns: die Summe ist jeweils 7) und B (1 mit 2, 3 mit 4, 5 mit 6 gepaart: die Differenz ist jeweils 1) sind die bislang wohl einzigen in Italien und speziell Etrurien

wort **salχva* (Ausgang *-χva* wie in Cr. 4.5 *avil-χva-l* ‚der Jahre‘) oder auch mit *j* **sjalχva* durch Angleichung an die benachbarte Dekade ‚dreißig‘ *cialχva** ein zusätzliches *i* in seiner Erstsilbe erhalten hat: **sialχva*. Dass diese Angleichung auch in der Vorstufe des Lemnischen erfolgt ist, möchte ich vermuten, aber aus der Schreibung mit *Sigma* + *Iota* lässt sie sich nicht ablesen. Denn das *Iota* könnte ebensogut ein konsonantisches *i* oder einen Frikativ *Jod* bezeichnen, oder überhaupt nur die Palatalität des Schibilanten. Denn wie ich schon früher angegeben habe,⁴⁴ liegen in den beiden Komplexen *Vanalaσ₂ial* und *Φokiaσ₂iale* „artikulierte Formen“ mit der Verbindung aus den Genetiven **Φokias* oder schon **Φokiaz(?)* und *Vanalas** oder schon *Vanalaz*(??)* und daran angehängter Kasusform des Determinativpronomens vor, Genetiv **-sala* oder **-sjala* (> lemn. *-sal*, und mit Schwachtonentwicklung im Enklitikum > etr. *-sla*) und Lokativ („Pertinentiv“) **-salaj* oder **-sjalaj* > lemn. *-sale* oder *-sjale* und etr. *-sle*. Also hat WALLACE 2008, 220 auch mit seiner Schreibung der beiden Personennamen mit der Schibilantenbezeichnung recht. Lediglich der Fall *evισθo* (oder vielmehr *evισθo*) bleibt offen.⁴⁵ Er ist insofern wichtig, weil man bei einer phonologischen Deutung mit */s/* (also nicht mit */σ₂/*) erwägen kann, dass auf der Schmalseite (Text B) das dreistrichige *Sigma* für das schibilantische Phonem */σ/* verwendet wird (so in B *Φokiaσ₂iale* ‚bei dem des Phokja‘ mit retrogradem dreistrichigem *Sigma* und weiter *sialχviz* ‚mit vierzig‘ mit normal ausgerichtetem dreistrichigem, beide Belege haben sicheren⁴⁶ Schibilanten */σ/* und sind mit dreistrichigem *Sigma* geschrieben), und das vierstrichige *Sigma* für das normale */s/* (so in *evισθo*, mit retrogradem vierstrichigem *Sigma*). Diese Regelung würde aber nur für den Text B gelten, da der Text A nur das vierstrichige *Sigma* kennt, und zwar einerseits in den sicher schibilantischen Fällen *sialχveiz* ‚mit vierzig‘ und *Vanalaσ₁ial* ‚des (Sohnes) des *Vanal*‘. Wenn nun die Schreibung von Text B mit vierstrichigem *Sigma* als *evισθo* mit */s/* interpretiert wird, dann ergibt sich ein Widerspruch zu Text A, wo diese Wortform ebenfalls mit vierstrichigem *Sigma* erscheint, das

belegten, sofern ich richtig informiert bin (nach DEECKE 1887 und SLOTTY 1937). Das heisst, selbst ohne die in der Fachdiskussion ventilierten Zusatzargumente (z. B. EICHNER 2002, 143–144 Fn. 7, doch durch unkritisch benutzte Fachliteratur und falsch im akademischen Unterricht Gelerntes beim Urteil noch irreführend) steht der Zahlenwert *σα* ‚vier‘ schon aufgrund des Zeugnisses der Würfelzahlen für uns fest, und Aussagen wie die PALLOTTINOS 1988, 461 „*huθ* ‚vier‘ (oder ‚sechs‘)“ oder gar wie die STEINBAUERS 1999, 469 „*śa* ‚eine Zahl von vier bis sechs“ sind abzuweisen, Recht haben RIX 2004, 961 und WALLACE 2008, 54 mit sicherem *σα* ‚vier‘. Wenn nun *σα* nicht ‚sechs‘ sein kann, sondern nur ‚vier‘, dann haben wir auch die oben im Haupttext angegebene schlagende, bisher anscheinend noch nicht gesehene Erklärung für den irregulären Vokalismus des Dekadenzahlworts *σealχ^o* im Etruskischen in der Hand: Er muss nämlich von der „Nachbardekade“ *cialx^o*, *cealx^o* bezogen sein. Dort hat der Vokal des Kardinale *ci* ‚drei‘ eine legitime Quelle, die ihm beim Kardinale *σα* oder **sja* fehlt, denn in der Angabe *σα*, *σe-* bei WALLACE 2008, 54 gilt *σe-* lediglich deskriptiv allein für die Dekade ‚vierzig‘. Das *σ* oder **sj* wird aber nicht von selbst zu *i* und weiter zu *e*, und die Dekade ‚vierzig‘ hat keine Rückwirkung auf das Fingerzahlwort ‚vier‘ = *σα* (aber nicht **sea* oder **se*).

⁴⁴ EICHNER 2002, 149, 22 im Anschluss an STEINBAUER 1999, 470, der allerdings nur den Fall *Vanalaσ₂ial* im Auge hatte. Für *Φokiaσ₂iale* habe ich damals noch die Lesung nach HEURGON 1980 (vgl. kritisch dazu LEJEUNE 1980) mit *Qoppa* im Anlaut akzeptiert. Wegen des meines Erachtens nunmehr gesicherten Lehnworts *naφoθ* ‚Enkel‘ (und nicht **naqoθ*) mit etymologischem *p* rücke ich davon ab.

⁴⁵ Hier wäre der Schibilant insbesondere bei der mir nicht unwahrscheinlichen Affinität des Lemnischen zum Nordetruskischen angebracht, nach der *Laris*-Regel oder auch nach der Regel *s* + Dental, aber da beide Regeln geographisch nach Nord und Süd bifurkieren (EICHNER 2012), können sie auch relativ spät in vorhistorischer Zeit (8. Jh.) eingetreten sein und das wohl etwas früher (9. Jahrhundert?) abgewanderte Lemnische nicht mehr erfasst haben.

⁴⁶ Für das Prädikat „sicher“ dient der Maßstab des Etruskischen, und zwar in Hinblick auf das gesamtetruskisch (das heisst: nicht nach Nord- und Südetruskisch bifurkierende) schibilantische Phonem */σ/* als Wortsegment. Ein solcher Fall liegt beim Determinativpronomen *-sa* mit seinen verschiedenen Kasusformen (*-sa*, *-sla*, *-svla*, *-sle* etc.) vor.

aber in den beiden weiteren Belegen für Sigma — das auf A ja nur vierstrichig vorkommt — *σialχveiz* und *Vanalaσial* den Schibilanten bezeichnet. Wir sehen also, dass die Sache nicht glatt aufgeht und lassen die Frage vorderhand auf sich beruhen.

Zum Behuf der Klärung der artikulierten Formen *Vanalaσial* und *Φokiaσiale* müssen wir uns nun der Gesamtlesung des Textes der Stele zuwenden.

§ 3. Auf der Vorderseite (Schauseite) zähle ich acht Zeilen mit 94 *litterae* und — vom Betrachter aus gesehen — auf der rechten Schmalseite drei Zeilen (davon zwei fragmentarisch) mit 105 erhaltenen Buchstaben. Die meisten anderen Forscher haben vorne nur sieben Zeilen, weil sie die oberste Zeile der äußersten rechten Zeile zurechnen — fälschlich, wie sich zeigen wird. Wir rechnen also mit insgesamt acht + drei = elf Zeilen, wobei wir die Vorderseite (Text A) und die Schmalseite (Text B) getrennt führen. Statt „11! (in Worten: elf Fakultät)“ = 39.916.800 Möglichkeiten insgesamt haben wir also für die Vorderseite nur „8! (in Worten: acht Fakultät)“ = 40.320 und für die Schmalseite „3! (in Worten: drei Fakultät)“ = 6 Möglichkeiten, um die korrekte Zeilenfolge zu bestimmen. Tatsächlich sind in der Fachliteratur schon etliche dieser Möglichkeiten durchprobiert worden. Seinerzeit hat Johannes Friedrich⁴⁷ schon über fünf verschiedene Anordnungsversuche verzeichnen können, und im Internet findet⁴⁸ man derzeit noch etliche weitere angegeben. Ich nehme gleich vorweg, dass die von mir im folgenden vorgeschlagene Zeilenfolge unter den bisherigen Vorschlägen anscheinend noch nicht zu finden, sondern neu ist.

Es dürfte deutlich sein, dass es kaum Zweck hätte, so wie bisher weiterzumachen und an irgendeiner mehr oder weniger nach subjektivem Gutdünken oder gar blindlings aus der Zahl von „8!“ = 40.320 mathematischen Möglichkeiten herausgegriffenen Zeilenanordnung herumzuentziffern. Sondern wir müssen uns nach einer Methode umsehen, die zur Entscheidung herangezogen werden kann. Der „Sinn des Textes“ kann nicht als Kriterium am Anfang der Untersuchung stehen, denn er wird sich, wenn überhaupt, erst zum Schluss des Entzifferungsversuchs einstellen können. Außerdem gehen die Vorstellungen über einen akzeptablen Textsinn unter den Forschern weit auseinander.⁴⁹ Aber wir können zwei andere andere Umstände zur Richtschnur nehmen:

1. Da sind erstens die sprachlichen Größen: Grammatik, Wortschatz. Die Kasusformen lassen sich mit einiger Sicherheit bestimmen, insbesondere der zuerst von STEINBAUER 1999, 138f. + 470 erkannte Genetiv zweiten Grades *Vanalaσial* < **Vanalas-sjala* oder *-σala* „des (Sohnes) des Vanal“ erheischt den Anschluss an einen vorausgehenden Genetiv, die dreimal auftretende verknüpfende Konjunktion *-m* mit ihrer Variante *-um* (= etr. *-m*, *-um*) erheischt syntaktische Anschlüsse, die Verbalnomina auf *-θο* (etr. *-θυ*) sind auch verwertbar, und selbst im Wortschatz ist vieles auf Anhieb klar, die Zahlwörter, die Jahresangabe *aviz* (entspricht etr. *avils*), die Ämterbezeichnungen (Partizip) *maraz* (zu

⁴⁷ FRIEDRICH 1932, 145 mit Auflistung von Bréal + Bugge + Torp, Deecke, Pauli + Kretschmer, Lattes, Hammarström, Cortsen.

⁴⁸ <http://www.carolandray.plus.com/Eteocretan/Lemnian.html> (Zugriff Dezember 2011).

⁴⁹ Meines Erachtens ist keiner der vorliegenden Interpretationsversuche auch nur annähernd akzeptabel. Ich greife ein Beispiel heraus, die Übersetzung Paul Kretschmers (KRETSCHMER 1942, 97), die immerhin einige Meriten hat: (Vorderfläche, links:) „Aker, Sohn des Tavarses und der Vanalasi, (ist) im Grabe, der Myrinäer.“ (Rechts:) „Holiaies der Neffe dem Oheim (ist) ebenhier im Grabe. Er lebte x Jahre, Vorsteher aber...“. (Seitenfläche:) „Holiaies, dem Phokäer, im Grabe ebenhier, brachte(?) den Tod *haraliu*(?). Er lebte auf seinem Ackergut fern von Phokäa. Er lebte x Jahre, Vorsteher aber war er ein Jahr.“ Wenn man das liest, fragt man sich, wieso Kretschmer nicht selbst bemerkt hat, dass mit seiner Interpretation grundsätzlich etwas nicht in Ordnung sein kann.

Für den Gesamttext erhalten wir so die folgenden acht plus drei = elf Zeilen:⁵¹

A. Vorderseite

Y 01 ↑ (Relief) *Van*⁵²*alas*₄*ial* :₃ *zeronai* :₂ *Morinail*⁵³ u a c a t

Y 02 ↑ (Relief) *Aker* :₂ *Tavarzio*

Y 03 → *ziva*⁵⁴ (Relief)

Y 04 ← *evis*₄∅_o :₃ *zeronai*∅

Y 05 → *s*₄*ial*χ*veiz* :₃ *aviz*⁵⁵

Y 06 ← ⁵⁶*maraz* :₃ ⁵⁷*mav* u a c a t

Y 07 → u a c a t :₂⁵⁸ *iz*_R*a*_R*iz*_R⁵⁹ [← Meißelung!]⁶⁰

Y 08 ↑ (Relief) *Holaiez* :⁶¹ *na*φ_o∅⁶² u a c a t

⁵¹ Provisorische Edition (s. oben Fn. 1), unter Beachtung solcher Probleme, deren Behandlung für unsere neue Lesung vordringlich erscheint. Konventionen: Worttrenner (Zweipunkt und Dreipunkt) stets mit Doppelpunkt notiert (doch mit Index :₂ für den Zweipunkt und :₃ für den Dreipunkt), dreistrichiges Sigma als s₃, vierstrichiges als s₄, retrograd als s_{3R} und s_{4R} bezeichnet, ebenso die retrograden z_R und a_R in Zeile Y 07, vermutete Namen mit Majuskelninitiale. Schriftrichtung durch Pfeile → (= rechtsläufig), ← (= linksläufig), ↑ (von unten nach oben), ↓ (von oben nach unten) bezeichnet. Lesung weitgehend (mit Ausnahme vor allem von Y 07 und Y 08) nach NACHMANSON 1908. Da diese Schrift wohl nicht jedermann gleich zur Hand ist, bringe ich für etliche relevante Aussagen wörtliche Zitate.

⁵² NACHMANSON 1908, 59 „Der dritte Buchstabe ist, wie Heberdey und ich gleich sahen, *n*, nicht *m*, wie Cousin-Dürnbach geben.“

⁵³ Dahinter keine Interpunktion, aber 8,8 cm freier Raum, s. NACHMANSON 1908, 59.

⁵⁴ S. NACHMANSON 1908, 58 zur Reihenfolge der Einmeißelung der Zeilen, wonach *Aker* :*Tavarzio* erst nach Anbringung von *ziva* eingemeißelt worden sei. Da die Einmeißelung aber ohnehin nicht in der dem Wortlaut des Textes entsprechenden Reihenfolge erfolgt sein muss, lasse ich diesen Punkt auf sich beruhen.

⁵⁵ Nicht *avi*:z wie bei COUSIN / DÜRRBACH, s. NACHMANSON 1908, 57.

⁵⁶ Vor *marazm* möglicherweise ein Zweipunkt s. NACHMANSON 1908, 56–57 („Die Interpunction vor dem Wort scheint mir äusserst fraglich, allein bestimmt bestreiten kann ich sie nicht“).

⁵⁷ Der Worttrenner zeigt hier nicht das „phonetische Wort“ (Trägerwort + Enklitikum) an, sondern das „morphologische Wort“. Offenbar hat man es nicht für nötig gehalten, auch das leicht erkennbare Ende der Partikel *-m* noch eigens zu bezeichnen. Wäre der Worttrenner wie auf der Schmalseite B *marazm* : *aviz* auch in A hinter die „phonologische Wortgrenze“ gesetzt worden, dann hätte wohl kaum jemand die sprachliche Isomorphie der beiden Textenden in A und B verkannt.

⁵⁸ Zu diesem in der Umzeichnung bei NACHMANSON 1908, 51 wiedergegebenen Zweipunkt gibt der Autor den folgenden Kommentar: „Nach Einsicht der Photographie von Apostolides schreibt Danielsson B[erliner] ph[ilologische] W[ochenschrift] [1906, 557 ff.] „Die beiden Vertiefungen nach *zi* scheinen mir trotz ihrer regelmässigen Stellung fast sicher zufällig zu sein.“ Auch auf unserer Photographie gleichen in der Tat die beiden in Rede stehenden Punkte sehr den naheliegenden, von der Verwitterung verursachten. Aber auf dem Stein selbst ist der Unterschied deutlich.“ (Am Abklatsch ist diese Stelle undeutlich).

⁵⁹ Dahinter laut NACHMANSON 1908, 56 entgegen COUSIN / DÜRRBACH 1886, 56 kein Doppelpunkt. (Am Abklatsch ist diese Stelle undeutlich).

⁶⁰ Die fünf Buchstaben *izaiz* sind allem Anschein nach retrograd eingemeißelt (Besonderheit des Textendes?), so dass sich ein Widerspruch zwischen linksläufiger Einmeißelung (←) und rechtsläufiger Leserichtung (→) ergibt. Deshalb ist es voll verständlich, dass bei mangelnder Methodik (mit Unterlassung des Vergleichs der Textstrukturen auf der Vorder- und der Schmalseite) der Sachverhalt bisher unerkannt bleiben konnte, zumal er durch den wohl fälschlich gelesenen irrationalen Worttrenner vor *aviz* noch zusätzlich verdunkelt ist.

⁶¹ Diese Interpunktion gilt als zweifelhaft, es scheint ein Dreipunkt mit geschwundenem obersten Punkt oder ein Zweipunkt zu sein, s. NACHMANSON 1908, 55 mit dem Urteil Heberdeys („dass auf alle Fälle Sichereres nicht auszumachen ist, wenn auch ihm Interpunktion eher anzunehmen scheint“). Auf dem von Dr. Seyer zu Verfügung gestellten Athener Abklatsch vom 20.08.2007 meine ich zwei Punkte nahe der Senkrechten des *Zeta* deutlich zu erkennen.

⁶² Das *Theta* mit Innenkreuz wird vom Abklatsch bestätigt, das dahinter von Danielson (bei NACHMANSON 1908, 55) vermutete „missratene“ Sigma aber nicht als *littera* (vgl. auch NACHMANSON 2008, 57, Beurteilung zusam-

B. Schmalseite

Y 09 ↓ u a c a t *Holaiezi* :₂ *Φokias_{3R}iale* :₃ *zeronai*ϑ :₂ *evis_{4R}ϑo* :₃⁶³ *Toveronai*?⁶⁴[...]
 Y 10 ↑ [...]rom :₂ *Haralio* :₂ *zivai* :₂ *eptezio*:₂ *arai*:₂ *tiz* :₂ *Φoke* u a c a t
 Y 11 ↓ *zivai* :₂ *aviz* :₂ *s₃ialχviz* :₂ *marazm* :₂ *aviz* :₂ *aomai* u a c a t

Zur besseren Orientierung des Lesers füge ich noch die Permutationstabelle für die Zählung Nachmansons (= σ N)⁶⁵ hinzu, da diese in der Fachliteratur als Bezugssystem fest verwurzelt ist:

σ Y	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11
σ N	Ac2	Ac1	Ab4	Ab3	Ab2	Ab1	Aa	Aa	B1	B2	B3

Für diese elf Zeilen gibt es also insgesamt $11! = 39.916.800$ Permutationen. Da wir aber zwei getrennte Texte annehmen, reduziert sich ihre Zahl auf $8! = 40.320$ (Vorderseite) und $3! = 6$ (Schmalseite) Mutationen. Natürlich werden wir mit der Rückseite beginnen und gleich den Vorteil nutzen, dass mit dem freigelassenen (unbeschriebenen) Raum am Ende der elften Zeile ein Anhaltspunkt für das Textende und zugleich ein Fixpunkt für die Reduzierung der Permutationszahl gewonnen ist. Aus den sechs auf der Schmalseite möglichen Permutationen interessieren uns nur mehr die beiden

$$\sigma Y 09 - Y 10 - Y 11 \text{ und } \sigma' Y 10 - Y 09 - Y 11$$

Davon ist die erste mit unserer Ausgangszählung identisch, und wir brauchen nur noch die zweite anzuschreiben (σ'):

Y 10 [...]rom : *Haralio*: *zivai* : *eptezio* : *arai* : *tiz* : *Φoke*
 Y 09 *Holaiezi* : *Φokiasiale* : *zeronai*ϑ : *evis*ϑo : *Toveronai*?[...?]
 Y 11 *zivai* : *aviz* : *sialχviz* : *marazm* : *aviz* : *aomai*

Das Textende kennen wir also und haben so die Schlusszeile herausfinden können. Wie aber soll es nun weitergehen? Zunächst scheint es, dass wir uns in einer ausweglosen Pattsituation befinden. Nun ist aber noch zu beachten, dass die drei Zeilen in boustrophedischer „Schlangenschrift“ geschrieben sind, das heisst mit wechselnder horizontaler Ausrichtung (Y 09←, Y 10→, Y 11→) und dabei zugleich auch noch mit dem Wechsel der vertikalen Ausrichtung (Y 09 A↑, Y 10 V↓, Y 11 V↓). Zur besseren Veranschaulichung drehen wir den Text um 90° und betrachten seine drei Zeilen (von oben nach unten „Y neun-zehn-elf“):

men mit mit Rudolf Heberdey: „kaum Buchstabe“). Wegen dem ieu. Nominativ-s in etr. *nefts* ‚(latein.) *nepos*‘ und *pruma*ϑs, *prums* ‚(latein.) *pronepos*‘ ist die Frage der Lesung hier natürlich in höchstem Grad relevant. Die senkrechte Haste des *Phei* ist etwas mehr als 3cm lang und ragt oben deutlich über den Kreis hinaus (3mm). Nun kommt eine Form des Koppa mit hinausragender Haste in Athen zwar gelegentlich vor, ist aber kaum als normale Variante anzuerkennen. Vgl. IMMERWAHR 1990, 160–164 mit XXCIII (zu *Phei* 1) und 155 mit XXCIII (zu Koppa S 1).

⁶³ NACHMANSON 1908, 60 „Vom ursprünglichen Dreipunkt nach diesem Worte hat die Verwitterung den untersten Punkt verwischt“. Auch der Abklatsch von 2007 zeigt die Beschädigung.

⁶⁴ Rest einer senkrechten Haste in der Bruchlinie sieh NACHMANSON 1908, 60, „vermutlich war es ein *i*, doch sind *o*, *ϑ* oder dergleichen nicht ausgeschlossen“; wegen Aufstellung des Steins nach 1906 „nicht mehr gut zu sehen“.

⁶⁵ NACHMANSON 1908, 55–56.

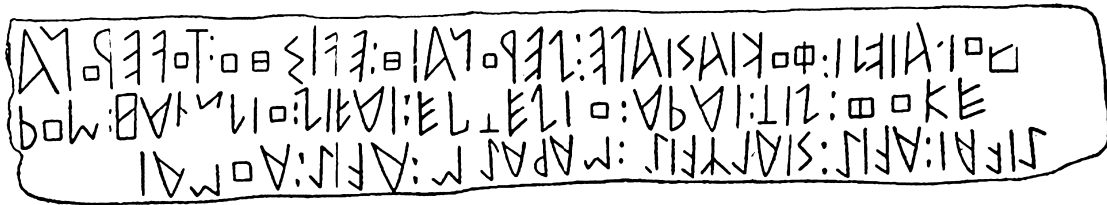

Abbildung 3: Text der rechten Seite (Zeile 8–11) um 90° nach rechts gedreht (waagrecht)

Wir sehen da Y 09 *Holaiezi* rechts-links (fußständig: A↑), Y 10 *[X]rum Haraliu* links-rechts (kopfständig V↓) und Y 11 *zivai : aviz* rechts-links (kopfständig V↓). Es findet also entgegen der primären Erwartung kein völlig regelmäßiger Wechsel der horizontalen Orientierung in steter Kombination mit der vertikalen Orientierung statt. Sondern wir finden — immer vom Betrachter her gesehen (ausser in Y 11 ist die tatsächliche Schreibrichtung links-läufig) — 09 A↑← (aufrecht, nach links), 10 V↓→ (kopfüber, nach rechts) und 11 V↓← (kopfüber nach links).

Diese Unebenheit können wir vermeiden, wenn wir für die andere Permutation Y 10—09—11 optieren. Aus 09 A↑←, 10 V↓→, 11 V↓← (Schema: *abb*) wird dann 10 V↓→, 09 A↑←, 11 V↓← (Schema: *aba*) mit regelmäßigem Wechsel.

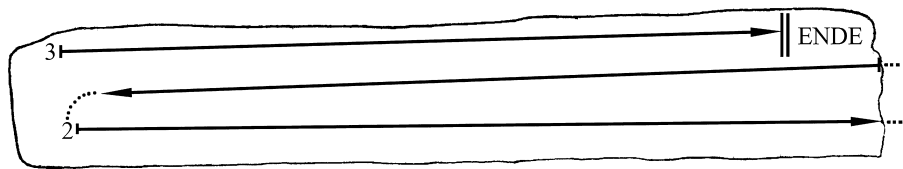

Abbildung 4: Zeilenführung Y 10—09—11 > E 1—2—3 auf der Schmalseite (gegenüber Abb. 3 um 180° gedreht)

Auch syntaktisch haben wir so den Vorteil, dass (a) die beiden Vorkommen von *zivai*, die ja wohl verschiedenen Sätzen oder Teilsätzen angehören werden, jetzt durch eine ganze Zeile voneinander getrennt sind und nicht nahe aufeinanderprallend sich gegenseitig stören. Ausserdem lässt sich (b) die Namenformel [...]*rom Haralio* (Nominativ) des neuen Grabherrn als Texteinleitung auffassen, die vielleicht an den Text der Vorderseite anknüpft, oder aber an ein verlorenes Textstück, das auf dem abgebrochenen Unterteil der Stele gestanden ist. Hingegen wäre es kaum zu verstehen, dass an eine Datierungsformel, mit dem Eponym im Lokativ (Pertinentiv), dann die folgende Namenformel des Bauherrn (Grabherrn) mit einer (satzverbindenden) Konjunktion ‚und, sodann, ebenso‘ angeschlossen werden könnte.

Also nehmen wir an, dass der Steinmetz seinen Text in der Mitte der Schmalseite unten mit Zeile Y 10 [...]*rom Haralio* hat beginnen lassen, und dann im Boustrophedon umbiegend mit Y 09 *Holaiezi* fortgesetzt hat. Da er so aber nicht den ganzen Text ausführen konnte, hat er den noch freien Raum für eine dritte Zeile Y 11 genutzt, beginnend mit *zivai aviz sialχviz*, für die er zwar einen „Sprung“ über die Zeile Y 10 vollführt, sie aber im übrigen voll gegenstrebig anbringt, das heisst sowohl mit boustrophedischer Fortsetzung als auch mit umgekehrter vertikaler Orientierung (Y 09 = fußständig, Y 11 = kopfständig).

Wir permutieren also die Ausgangsmenge Y 09, Y 10, Y 11 in die Zielmenge E 10, E 09, E 11 nach dem folgenden Schema (Fixpunkt Y 11 = E 11):

σY	Y 09	Y 10	Y 11
σE	E 10	E 09	E 11

Sollte sich diese Anordnung wider Erwarten später als ungünstig erweisen, könnten wir nachträglich immer noch auf die von den meisten anderen Forschern präferierte Ausgangsordnung mit Y 09, Y 10, Y 11 zurückkommen.

Im Zusammenhang dieser Lösung möchte ich noch anführen, dass sich bei ihr die Integrität einer bisher nicht in dieser Weise angenommenen dreigliedrigen Namenformel ergeben kann, die sich vom Ende Y 10 über den Anfang von Y 09 erstreckt:

(Y 10) *Φoke* (Y 09) *Holaiezi* : *Φokiasiale* : *zeronaiθ* : „unter *Φokja**⁶⁶, dem Sohn des *Holaie* (wörtlich: ‚dem Holäischen‘), dem (Sohn) des *Φokia* im *Zerona*-Amt“ oder „...als *Zerona*“

Nun hat Helmut Rix gezeigt, dass schon die dreigliedrige Wendung *Holaiezi* : *Φokiasiale* : *zeronaiθ* : „unter dem **Zeronat* des *Hulaie*, dem (Sohn) des *Φokia*“ oder besser(?) „unter *Holaie*, dem (Sohn) des *Φokia* als *Zerona*“ (cf. latein. *ablatiuus absolutus* des Typs *Marco Messalla Marco Pisone consulibus*) etruskischem Usus voll entspricht.⁶⁷

Auch wäre das Papponym bei einer solchen Ämterformel entbehrlich. Aber solange nicht klar ist, wo man *Φoke* sonst unterbringen kann, und dass man es überhaupt anders konstruieren kann, sollte man auf diese Möglichkeit achten.

§ 5. Wir nutzen nun die so etablierte Schmalseite für die richtige Auswahl aus den 40.320 Permutationen der Vorderseite. Zuvor können wir auch auf dieser eine experimentelle Fixierung vornehmen, insofern die waagerechten Zeilen in völlig regelmäßig fortlaufendem Boustrophedon von unten nach oben geschrieben zu sein scheinen: Y 03→, Y 04←, Y 05→, Y 06←. Nun betrachten wir die in B am Anfang stehende Namenformel im Nominativ – es wird sich um den Namen des Erbauers, des Grabherrn handeln – und setzen die entsprechende Namenformel an den Textanfang von A: *Aker Tavarziu*. Wie den Eingeweihten sofort erkennbar und von uns etwas später noch genauer zu erläutern ist, handelt es sich dabei um eine zweigliedrige Namenformel aus Idionym + Filiation oder allenfalls um ein Praenomen (*Aker*), das durch eine Filiation ergänzt wird. Letztere wird in Form eines patronymischen Adjektivs angegeben, wie es bei Umbrenn (genauer: Umbro-Sabinern), Venetern und Rättern, aber auch bei den Äolern auf dem Lemnos gegenüber liegenden kleinasiatischen Festland Usus ist. Da in den Zeilen Y 01 und Y 08 noch weitere Personennamen im Genetiv folgen, die in dieser Form nicht zu einer Datierungsangabe gehören können, darf angenommen werden, dass der Stammbaum noch weitergeführt wird. Nun stellt sich die Frage, in welcher Reihenfolge die Zeilen Y 01 und Y 08 anzuschließen sind. Bei ihrer Beantwortung kommt uns die Grammatik zu Hilfe. Denn in der sehr lange verkannten, aber nunmehr schon seit über einem Jahrzehnt durchschauten Form *Vanalasia* liegt eine Genetivkonstruktion zweiten Grades vor, also „des (sc. Sohnes) des *Vanal*“ (= etr. **Veneluσla*)⁶⁸, mit einer Form, die im Nominativ *Vanalasia** ‚der (sc. Sohn) des *Vanal*‘ geschrieben sein würde (= etr. *Veneluσa*). Da dieser Genetiv zweiten Gra-

⁶⁶ Wie auch anderweitig ausgeführt als Lokativ auf **e* zu einem *a*-Stamm, vgl. beim ^o*la*-stämmigen Pronomen Lok. *-siale* (etr. *-σle*) neben Genetiv *-sial* < **-sjala* (etr. *-σle*). Dabei wird die Annahme eines *(*j*)*a*-Stammes gemacht (bezeugt in *Φokiasiale*), dessen Palatalität vor ^o*e* am Tektal *k* nicht bezeichnet zu werden braucht, da dieser Tektal *k* vor *e* palatalisiert wird. Dies würde an die *kacriqu*-Regel des Etruskischen und Lateinischen erinnern, mit der Verwendung der Tektalbuchstaben *K*, *C*, *Q* nach allophonischen Gesichtspunkten (*K* vor *a*, *C* vor *e*, *i*, *Q* vor *o*, *u*).

⁶⁷ RIX 1963.

⁶⁸ Belegt Fe 1.2 = ET II 317 (Stele, Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.) [*mi*] *σ₂uθi Petlnas₂ Arnθial Veneluσl(a) ...* (letzter Buchstabe nicht geschrieben) „Ich bin das Grab des Arnth [Praenomen] Petlna(s) [Gentile], des (Sohnes) des Venel“.

des *Vanalaz** (so herauszulösen) ein Bezugswort (Regens) im Genetiv benötigt, das mit der genetivischen Pronominalform *-sal* kongruieren und referenzidentisch (d.h. auf dieselbe Person bezogen) sein kann, wird der Brückenschlag von Y 01 *Vanalasia* zu Y 08 *Holaiez: naφoθ* erforderlich. Schon ohne irgendwelches Schielen nach der verlockenden Etymologie von *naφoθ* als (lat.) *nepōs* ‚Enkel‘ erhalten wir die vollständige Genealogie durch die Permutation:

σ Y	Y 02	Y 08	Y 01
σ E	E 01	E 02	E 03

„Aker, der Tavarzische (= der Sohn des Tavarza), Enkel des Holaie, des (Sohnes) des Vanal“.

Das ist also die stolze Genealogie des Grabherrn *Aker*, die über den Vater *Tavarza** und den Großvater *Holaie** bis zum Urgroßvater *Vanal** hinaufreicht. Der Grund für diese Ausführlichkeit ist sicherlich der Stolz auf die schon seit vier Generationen andauernde Zugehörigkeit zur Nobilität, denn bereits der Urgroßvater ist Amtsinhaber in dem wichtigen, heute als Hauptstadt der Insel fungierenden Ort Myrina gewesen.

Der Großvater *Holaie* ist gleichnamig, aber nicht identisch mit dem auf der Seite B genannten *Holaie**, dem Sohn des *Φokia**.

Nun können wir einen großen Sprung nach vorne wagen. Denn das Textende von A lässt sich aufgrund der Isomorphie mit dem Fixpunkt von B (Y 11 = E 11) *aviz sialχviz marazm aviz aomai* als Y 05–Y 06–Y 07 eindeutig bestimmen: *sialχveiz : aviz maraz : mav :izaiz*. Auf die dabei anzubringende Modifikation zu *maraz:m av{:}iz (*:*)aiz* werde ich gleich zurückkommen. Wir brauchen nur noch die beiden Zeilen Y 03–Y 04 in die Mitte zu schieben.

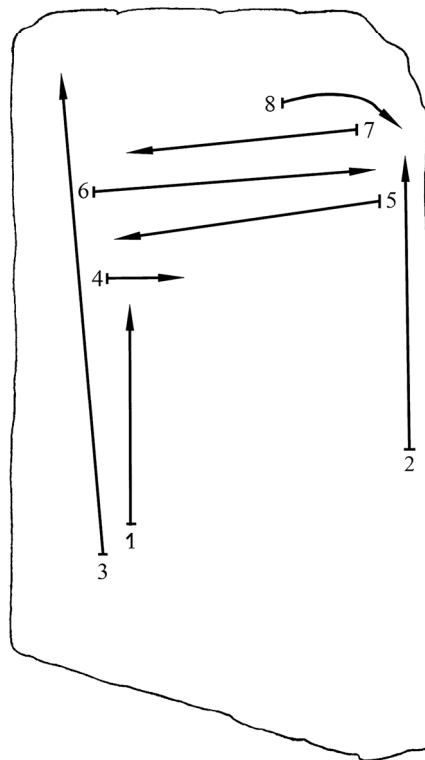

Abbildung 5: Die Zeilenführung auf der Vorderseite

Der Text beginnt nun direkt links neben dem Haupt des Abgebildeten senkrecht aufwärtsstrebend und springt sodann auf die andere Seite hinüber, um den Kopf auf diese Weise

zu rahmen. Die Genealogie ist damit aber noch nicht zu Ende, und um sie fortzusetzen erfolgt wieder ein Sprung ganz nach links. Alle drei Zeilen streben gleichsam wie ein „Stammbaum“ auf in die Höhe. Das „Springen“ der Zeilen überrascht uns nicht, da wir es ja schon von der Seite B her kennen, wo der Text vom Ende der zweiten Zeile über die mittlere Zeile hinweg nach außen springt.

Der Text über dem Haupt des noblen *Aker Tavarzio* ist für den Bericht über die eigene Karriere des Grabinhabers reserviert. Wir wollen mit den Gedanken hier schon etwas vorseilen und, spätere Ergebnisse schon anvisierend, Aug und Ohr für das Wesentliche öffnen. Stolz und lapidar – um dieses für die Steininschriften so gut passende Wort zu verwenden – berichtet *Aker Tavarzio* von seiner Stiftung des Familiengrabes (*zivai*) im Jahr seiner öffentlichen Magistratur (*zeronaiθ*), die er wie später ein römischer Konsul oder Zensor *suo anno* erreicht hat, mit etwa vierzig Jahren (*sialχveiz : aviz*), nachdem er vorher bereits längere Zeit (oder: mehrmals) das von den Umbrenn her bekannte hohe Amt eines **Maro* bekleidet hatte.

Die Schriftzeilen beider Teile, der Genealogie ebenso wie des Stiftungsberichtes mit dem *cursus honorum*, streben von unten nach oben. Die „geradlinige“ Genealogie (direkte Abkunft) in gerader Zeilenführung, wobei jede Namenformel auf genau eine Zeile aufgeteilt ist. Aber der andre Teil mit der „Ochsentour“ des *cursus honorum* schraubt sich boustrophedon in vier Kehrtwendungen weit umständlicher empor.

Der zweigliedrige Name des Grabherrn füllt die erste Zeile direkt vor der Front des im Profil repräsentierten Hauptes. Das ist natürlich die „ideale“ Platzierung für diese Namensnennung, wie ja schon vor Jahrzehnten Emil Vetter⁶⁹ erkannt hatte. Der in der Filiation schon implizierte Vater mit dem hübschen Deminutiv-Idionym *Tavarza*⁷⁰ braucht keine eigene Zeile mehr. Aber das papponymische Namenglied *Hulaies naφoθ* ‚des Hulaie Enkel‘ füllt wieder eine ganze Zeile, was nur aufgrund des allgemeinen Irrtums bei *šiaši = ziazi* bislang verborgen geblieben ist. Schließlich wird genau in der dritten Zeile der Urgroßvater vorgestellt, als schon in demselben Amt (Lokativ *zeronaiθ*) befindlich gewesen, wie *Aker* jetzt zum Zeitpunkt des Grabbaus, und zwar in der wichtigen, heute als Hauptstadt der Insel fungierenden Gemeinde *Myrina*. Das Spatium am Ende der Zeile schliesst die gesamte Genealogie ab. Wir brauchen uns nicht länger – wie einst Nachmanson⁷¹ – darüber den Kopf zu zerbrechen, dass hier eine Strecke von 8,8 cm unbeschrieben geblieben ist.

Das gegenseitige Verhältnis der beiden Inschriften A und B soll hier noch nicht ausführlich besprochen werden. Ich weise aber schon darauf hin, dass unsere Herabsetzung von *Akers* Altersangabe infolge der Entlarvung der Chimäre **mav* ‚fünf‘ von fünfundvierzig auf vierzig Jahre zum Gleichstand mit der Altersangabe ‚vierzig‘ in Text B führt. Da beide Altersangaben im Zusammenhang mit einer Magistratur *zerona-* stehen, wird man sie doch viel lieber auf ein für die politische Karriere übliches Schwellenjahr beziehen, als dass man glauben würde, beide Politiker seien rein zufällig im gleichen blühenden Alter gestorben. Auch die Absicherung, dass für *sialχv(e)iz* nicht mehr wie früher gern angenommen, die Bedeutung ‚sechzig‘

⁶⁹ Mündliche Mitteilung bei KRETSCHMER 1942, 89: „Ich gehe dabei von einem neuen Gedanken aus, den mir Emil Vetter gelegentlich unserer etruskologischen Unterredungen ausgesprochen hat. Er vermutet in den gerade vor dem Gesicht des dargestellten Toten von unten nach oben laufenden zwei Zeilen [...] die eigentliche Grabinschrift des im Relief dargestellten Verstorbenen und in der am rechten Rand der Vorderseite ebenfalls nach oben laufenden, dann nach links umbiegenden Inschrift den Stifter des Grabes und der Stele (*holaies naφoθ(ś?) šiaši*)“. Emil Vetter hat also die dargestellte Hauptperson mit unserer Zeile 1 bereits richtig identifiziert (in Kretschmers Wiedergabe „Aker, Sohn des Tavarzes“), aber alle weiteren Einzelheiten der Namenformel noch verfehlt.

⁷⁰ Das wäre vielleicht etr. **Tiuurza* „Möndchen“, cf. immerhin *Tiuurza* zum Praenomen *Tiu* in *Tiuurza Tiuur Vetusal* (Sohn des *Tiu Vetusal*) in CI 1.133.

⁷¹ NACHMANSON 1908, 59.

in Frage kommt, sondern nur die Bedeutung ‚vierzig‘, verändert die Situation. Denn es macht schon einen großen Unterschied, ob man den Grabherrn A mit fünfundsechzig Jahren sterben lässt und den Grabherrn B mit sechzig, oder beide gleichaltrig in ihrer ἀκμή. Deshalb empfiehlt sich, in den in Frage kommenden potentiellen Verbalnomina *εvisθο* (A und B) und *eptezio* (nur B) keine Prädikate der Bedeutung von etrusk. *lupu* ‚(ist) gestorben‘ zu suchen.

§ 6. Durch Anwendung der eben beschriebenen Methodik lässt sich also der Gesamttext nach der folgenden Permutation etablieren. Aus den fast vierzig Millionen mathematischer Möglichkeiten (genau: $11! = 39.916.800$) für die Zeilenfolge der mechanisch von links nach rechts gezählten Y-Reihe ermitteln wir die einzige richtige und setzen damit mehr als einhundertfünfundzwanzig Jahren an Irrungen und Wirrungen in der Forschung ein glückliches Ende. Diese Lösung ist angesichts des zu beobachtenden Prinzips des Hin- und Herspringens der Zeilen keineswegs trivial (E = Eichner):

Y 02	Y 08	Y 01	Y 03	Y 04	Y 05	Y 06	Y 07	Y 10	Y 09	Y 11
E 01	E 02	E 03	E 04	E 05	E 06	E 07	E 08	E 09	E 10	E 11

Somit ergeben sich die beiden folgenden Texte (jetzt ohne die epigraphischen Details):

A Vorderseite

- a ¹Aker : Tavarzio
- b ²Holaiez naφoθ ³Vanalasiā :
- c zeronai : Morinail
- d ⁴zivai ⁵εvisθο : zeronaiθ ⁶sialχveiz : aviz
- e ⁷marazm av{:} iz aiz

B Schmalseite

- a ¹[...]rom : Haralio:
- b zivai : eptezio: arai : tiz :
- c Φoke : ²Holaiezi : Φokiasiale :
- d zeronaiθ : εvisθο : toveronai?³[...] ³zivai : aviz : sialχviz
- e marazm : aviz : aomai

Beide Texte werden durch die zweigliedrige Personennamenformel eröffnet und durch eine anscheinend datierende Ämterangabe (unter anderem: mit *maraz*) beschlossen. Die Erkennung des identischen Schlusses wird durch den Umstand verstellt, dass die letzte Zeile der Vorderseite (ganz oben, fünf Buchstaben) zwar von links nach rechts zu lesen, aber offenbar von rechts nach links eingemeißelt worden ist, wie an der Ausrichtung der Buchstaben zu ersehen ist. Ausserdem findet sich auf der Vorderseite gleich zweimal eine irrationale Worttrennung.

Diese kleine Willkür des Steinmetzen — oder ist es ein Kunstgriff zur Markierung des Textendes? — hat die Fachgenossen allesamt in die Irre geführt. Statt die schlagende Parallele in der Abfolge zu erkennen:

Vorderseite	Schmalseite
(d) ... sialχveiz : aviz	(a) ... aviz : sialχviz :
(e) maraz:m av:iz aiz (Textende)	(b) marazm : aviz : aomai (Textende)

Abbildung 6: Die rechte obere Ecke des Schriftfelds der Vorderseite.

hat man auf der Vorderseite in der obersten Zeile verkehrt herum *ziazi* oder *siasi* gelesen, und – noch viel schlimmer – die durch die Schmalseite ja völlig klargestellte identische Wortfolge *maraz-m aviz* „und das Maro-Amt innegehabt habend mit / in Jahr(en) soundso“ derart sachwidrig zerlegt, dass man die Konjunktion *-m* ‚und‘ und den Beginn des Wortes ‚mit / in Jahren‘ *av*^o zu einem neuen Wort *mav* verbunden hat. Dieses so zusammengeschusterte Wort *mav* hat man als Kardinale bestimmt und flugs zur Entsprechung des etrusk. Kardinale *maχ* ‚fünf‘ oder ‚sechs(?)‘ (und manchmal weiter sogar des luv. *mawa* ‚vier‘) erklärt.⁷² Bislang gehört dieses falsch erschlossene Kardinale **mav* sogar zum „eisernen Bestand“, zu den wenigen für gesichert gehaltenen Fakten der Erforschung des Etruskisch-Lemnischen.⁷³ Dem lautgeschichtlichen Scharfsinn waren hier keine Grenzen gesetzt, das *v* am Wortende von *mav* konnte zur Deutung des Dekadenzahlworts etr. *muvalχ*^o gute Dienste leisten. Dass das *u* in *muvalχ*^o auch vom Nachbarzahlwort *huθ* ‚sechs‘ oder ‚fünf(?)‘ (in einem hypothetischen **huθalχ*^o) stammen kann, und weiter **muχalχ*^o zu *mu(v)alχ*^o dissimiliert⁷⁴ sein wird, hat man ebensowenig in Betracht gezogen wie den analogen oben beschriebenen Fall des Dekadenzahlworts *σealχ*^o ‚vierzig‘ (nach *cealχ*^o ‚dreißig‘). Ich merke noch an, dass die unterschiedliche Wortstellung bei A *sialχveiz*₂ : *aviz*₂ ‚mit vierzig Jahren‘ und B *aviz*₂ *sialχviz*₂ ‚mit Jahren vierzig‘ sich ganz im Rahmen der etruskischen Norm hält.

Welche Art von Zahlwörter in *aom-ai* und *aiz*, *ai-z*⁷⁵ vorliegen, ist schwer zu erraten. Vielleicht lässt sich ein Kern **ai(-)* oder mit noch kürzerem Wortkörper **a-* herauschälen. Der Diphthong (oder die Vokalfolge) *ao* findet sich neuerdings auch im Namen *H(e)ktaonozi* von Hephaistia.

§ 7. Der grösste Gewinn der neuen Textanordnung liegt wohl in der Namenformel der Vorderseite und ihren weiteren Konsequenzen. Wir haben mit einem Mal eine perfekte Genealogie vor uns, die bis zum Urgroßvater hinaufreicht, der als Inhaber eines hohen öffentlichen Amtes in der heute bedeutendsten Stadt Myrina schon, um es lateinisch zu beschreiben, zur „Nobilität“ gehörte:

⁷² STEINBAUER 1999, 364.

⁷³ WALLACE 2008, 220

⁷⁴ Dissimilation im Zahlwort begegnet auch bei etrusk. *zaθrum* ‚zwanzig‘ < **zal-θur-um*.

⁷⁵ Man beachte die evidente, obschon anscheinend bisher unbemerkt gebliebene Gleichung mit etrusk. *ez* (mit *e* aus potentiell **aj*) im Zahlenkontext AV 4.1 = ET II 126 (Bleiplättchen, Mitte 5. Jahrhundert) *avils LXXX ez* „mit achzig Jahren soundso (*ez*)“ (in noch stark unverständlichem weiterem Kontext).

Dabei sind *Aker* und [X]*r* Idionyme auf ^o*r*, wie wie man sie aus dem Etruskischen gut kennt.⁷⁹

Ich schließe diesen Aufsatz mit einem Ausblick auf das im weiteren genauer zu Erarbeitende ab. Das nunmehr durch eine Genealogie „eklatant“ etablierte Substantiv *naφoθ* ‚Enkel‘ (eventuell außerdem noch ‚Neffe‘) weist nicht nach Altanatolien, sondern anderswohin, am ehesten doch nach Altitalien.⁸⁰ Dass der Begriff ‚Enkel‘ im Wortschatz des Etruskisch-Lemnischen fehlte oder zu speziell vertreten war⁸¹, oder sich aus anderen Gründen zur Entlehnung eignete, zeigen die etrusk. Lehnwörter *nefts* ‚Enkel‘ und *prums* ‚pronepos‘. Auch die Doppelentlehnung einer Nominativform auf ^o*s* und einer Obliquusform auf ^o*θ* hat beim Wort für ‚Brunnen, Quelle‘ in etrusk. *huins* ‚fons‘ und *huinθ-na-** ‚font-anus‘ eine schlagende Parallele.⁸² Die Differenz zwischen lemn. *a* und etr. *e* (*naφoθ* zu *nefts*) bei einem Lehnwort kehrt beim doch evident aus dem Indoeuropäischen entlehnten Praenomen lemn. *Vanal*⁸³ gegenüber etrusk. *Venel* < ieu. **Venelos* wieder. Die Sicherung des einen Worts *naφoθ* könnte eine Lawine von Folgeerkenntnissen auslösen. Ihre Konsequenzen liegen in der – in dieser Form neuen⁸⁴ – Theorie, das Lemnische sei in der frühen Eisenzeit aus dem vorhistorischen Altitalien nach Lemnos gekommen. Die Zeit der Abwanderung ließe sich wohl etwas eingrenzen. Nach oben hin setzt das beginnende Ämterwesen einer sich formenden Staatlichkeit (9. bis 8. Jahrhundert v. Chr.)⁸⁵ und aufkommenden Nobilität die Obergrenze. Nach unten hin dann die Einführung des Gentilnamensystems (etw. 8. Jahrhundert) die Untergrenze, denn die Lemnier stehen wahrscheinlich noch auf seiner Vorstufe, ebenso wie die Räter und Veneter, und vielleicht auch der Beginn der Schriftlichkeit (8. Jahrhundert).⁸⁶ Natürlich wird in dieser Frage auch die Archäologie mitzuentcheiden haben.

Schon in der Zeit der Seevölker in der zweiten Hälfte des zweiten Jahrtausends v. Chr. werden die mit den **Turusa* (Name mit dem Ethnonym *Tusci*, *Etrusci* verwandt) agierenden *Sardana* (: Insel *Sardinia*) und *Sikalaju* (: Insel *Sicilia*) auf „ihren Inseln“ (laut Pharao Ramses III.) im Westen anzutreffen gewesen sein.

⁷⁹ Material bei DE SIMONE 1996, 23: *Θucer*, *Lucer*, *Vener*.

⁸⁰ Das Griechische hat nur indirekte Reflexe.

⁸¹ Man beachte natürlich die genuin-etruskischen Wörter *papals* und *tetals* ‚Enkel des Großvaters väterlicherseits bzw. mütterlicherseits‘.

⁸² Detaillierte Besprechung in EICHNER 2012.

⁸³ Im Genetiv *Vanalas** als *a*-Stamm mit direkter Fortsetzung der ieu. Stammklasse (*o/e*) im Lemnischen gegenüber dem im Etruskischen geneuerten *u*-Stamm mit dem Genetiv *Venelus*. Scharnierform war der endungslose Nominativ etr. *Venel*, der auf einen apokopierten Vokativ **Venele* zurückgehen wird. Die extrem frühe Synkope in Ableitungen (Typ **Venelna-*), eventuell auch frühe Apokope, hat zu Dubletten geführt, von denen etr. *Venel* ohne den Stammvokal, etr. *Avele* (< Vok. ital. **Avele* ‚kleiner Großvater, kleiner Ahn‘, nicht zu etr. *avil* ‚Jahr‘ zu stellen!) und *Uoele** (< umbrosabin. Vokativ **Osele*, Ableitung von **ausel* ‚eine Manifestation der Sonne‘, indirekt erhalten in einer Nachricht bei *Festus* 225 Lindsay) mit dem erhaltenen Stammvokal im Gebrauch geblieben sind. Es ist bemerkenswert, dass **Venelos* einer frühen, uns sonst nicht oder nur kaum greifbaren ieu. Sprachschicht anzugehören scheint und so gut zum typisch etruskischen Praenomen geworden ist wie ieu.-ital. **Avelos*, Vok. **Avele* ‚kleiner Großvater, kleiner Ahn‘ > etrusk. *Avele* (mit Varianten).

⁸⁴ Hinzuweisen ist auf die gleichzeitige, doch anders begründete Auffassung von OETTINGER 2010. Mit der Annahme DE SIMONES 1996 einer späteren Einwanderung aus Italien haben meine und Oettingers Auffassungen nur wenig gemeinsam.

⁸⁵ Freundlicher Hinweis der Kollegin Luciana Aigner-Foresti. Man beachte den Anschluss von lemn. *zeru-na-* an etrusk. *zeri-* (zu letzterem STEINBAUER 1999, 501 „freie Person“), rät. *zerisna* (etwa ‚öffentlich, dem Gemeinwesen gehörend‘).

⁸⁶ Nach Auffassung von OETTINGER 2010, 237 haben die Lemnier deshalb ein frühes ägäisches Alphabet übernommen, weil sie noch schriftlos angekommen waren.

**Exkurs:
Die neue Inschrift von Hephaistia (Abbildung nach DE SIMONE 2009)**

H(e)ktaonozi : heloke : Zoroms₀ : azlas₀

Übersetzungsversuch: „Von[?] Hek(a)tâôn ist (es) dediziert[?] den beiden Zorom“. (Auf Etruskisch: PN-*usi heluxe** *Zurum(a)s *esals* / **esls* / **ezalas*; statt *Zurum(a)s kommt auch *Surum(a)s, *Σurum(a)s in Frage).

Im Jahr 2009 hat Carlo De Simone das Privileg genossen, eine neugefundene lemnische Inschrift aus Hephaistia aus dem 6. Jahrhundert zu publizieren. Bei dem in Frage stehenden Objekt handelt es sich um eine steinerne Basis, auf der sich vielleicht Reste zweier Fußpaare (eines Stuhls??) erkennen lassen.

Die richtige Lesung könnte meines Erachtens sein → ¹*H(e)ktaonozi : heluke* / ← ²*Zoroms₀ : azlas₀*. Nun gilt es, die Möglichkeiten der Interpretation auszuloten.

Man erkennt leicht die mögliche Verbindung von *azlas₀* mit dem etrusk. Zahlwort ‚zwei‘, das ja eine Variante mit Anlautvokal aufweist (etr. *zal* ‚zwei‘, *esals* ‚mit zwei, von zwei‘, *esl-em* ‚minus zwei‘, *eslz* ‚zweimal‘). Hierbei ist <*s₀*> doppeldeutig 1. = Sibilant /s/ und 2. Schibilant = /σ/. Wegen **s* > *z* im Ausgang der Pertinentivform *H(e)ktaonozi* (= etr. ^o*usi*) würde *s₀* = /σ/ nahe liegen. Im Etruskischen ist σ im Auslaut (außer hinter *i*) zwar selten, s. ET I 224c (*murσ-* ‚Urne‘ etc., insgesamt ca. 18 Lemmata, besonders wichtig davon *atrσ*; hinzu kommt *peσ-* auf der *Tabula Cortonensis*), aber doch möglich. Ob das /z/ im Anlaut von *zoroms₀* einem gemeinetrusk. /z/ oder /s/ entspricht, ist mir nicht ersichtlich. Das zweite Vorkommen im Auslaut von (Gen. oder Lok.?) *azlas₀* ‚in / bei zweien, zu zweit, als zwei, beide, für die beiden‘ sollte mit der etrusk. Zahlwortform *lupu avils esals cezpalχals* Vc 1.93 = ET II 116, 2. Viertel des 3. Jh.v.Chr. zusammenhängen (‚gestorben mit Jahren – mit zwei – mit achtzig [= mit 82]‘: **izalas* oder **ezalas* > **ezls* > **esls*, und nun mit Anaptyxe weiter > *esals*; zur Syntax der *s*-Form cf. *Xarun huθs*, ‚Totendämon Charôn zu sechst‘ oder ‚für sechs zusammen‘ [Grabfamilie], wie auch immer das gemeint sein mag) samt dem Multiplikativadverb **izalazi* oder **ezalazi* > **ezlz* > *eslz* ‚zweimal‘ (belegt als *eslz* in Ta 1.183, AT 1.108 2mal, samt **izl-im* oder **ezl-im* > *eslem* ‚minus zwei‘ (belegt im *Liber linteus* 4mal und *Ager Hortanus* 1mal). Dann hätten wir hinsichtlich des Lautwandels eines postvokalischen *s* > *z* einen Befund, der ähnlich wie im Gentile *Rezu* in Perugia gelagert sein könnte (Pe 1.830–839: meist Genetiv *Rezus₂* mit **s* > *z* nur im postvokalischen Inlaut, aber im Auslaut bleibt das Genetiv -*s*, und einmal hat man auch im Inlaut *s* oder σ in Pe 1.834 *Ar : Res_{1u} / Reσ_{2u}* ‚Arnt(h) Reshu, (Sohn) der Alfi‘. Die Stele von Lemnos und der *Atitaz*-Graffito hätten darüber hinausgehend den „Zetazismus“ des *s* auch im Auslaut. Wir müssten also beim Etruskisch-Lemnischen zunächst einmal zwischen postvokalischem Inlaut-Zetazismus und postvokalischem Auslaut-Zetazismus unterscheiden, und dann weiter noch – davon getrennt – auch sonstige Fälle des etruskischen Zetazismus untersuchen.

Zu lemn. *heloke* hat schon De Simone verglichen: etr. *heluku* Cr 4.10 = ET II 41 (Kontext fragmentarisch, in der Nähe *cver* ‚ἄγαλμα, Weihgabe‘ und *mulveni*[ke?]) und *helu* Pe 8.4, Zeile 21 = ET II 299. Zu beachten ist, dass wie im Rätischen (z.B. RIX 1996, 41–46, SCHUMACHER 2004, 302–316) der Unterschied der beiden etrusk. Präteritalendungen -*ke* (aktiv) und

-*χe* (passiv) auch in der lemnischen Schrift nicht durch eine feste Opposition *Kappa* : *Khei* bezeichnet zu sein braucht, unbeschadet der Anwesenheit des *Khei* im Schriftsystem. Dann kann in *H(e)ktaonozi* der Pertinentiv in der Bezeichnungsfunktion des Gebers und in *Zoroms azlas* der Genetiv des Empfängers gesucht werden.

Der Empfänger würde in der Zweizahl auftreten, wie zum Beispiel die griechische Göttin Demeter mit ihrer Tochter Kore oder eher noch das für Seefahrer auf Lemnos wichtige Brüderpaar der Dioskuren, und lemn. *Zoroms* könnte eine singularische Genetivform (Singular neben Zahlwörtern ist im Etruskischen ja möglich, STEINBAUER 1999, 181) und semantisch wie auch sachlich mit frühlatein. *quouis* ‚den Söhnen (des Zeus)‘ auf der frühlatein. Dioskurendedikation aus Lauinium zu vergleichen sein: CIL I² 2833 (6.–5. Jh.) CASTOREI : PODLOUQUEIQUE QUROIS ‚Für Kastor und Pollux, die (beiden) Jünglinge / Söhne (des Zeus)‘, nur dass statt des Dativs QUROIS der Genetiv der Empfänger lemn. *Zoroms azlas* zur Anwendung kommt. Für Dioskurendedikationen gibt es auch etliche griech. Parallelen (z.B. SEG XI 1045: Dual *Tyndaridaius*, aus Arkadien(?), ca. 500 v. Chr.; IG IV 566 *toi wanakoi*, aus Argos, 1. Hälfte 5. Jh.).

Zum Ausgang *°um* eines dualischen Paares kann man das Dekadenkardinalzahlwort *za-θrum* vergleichen, das STEINBAUER 1999, 98 und 500 plausibel von *zal* ‚zwei‘ abgeleitet sein lässt (wie im Indoeuropäischen und Semitischen). Meine provisorische Analyse **zal-θur- + -um* sucht in *-θur-* das Kollektivsuffix, das vielleicht (nur ursprünglich?) auch dualische Funktion hatte, und in *-um* eine Verstärkung, also etwa ‚ein Paar [sc. Zehner] zusammen‘. Sollte aber *-um* hier ein fossiles Dualmorphem sein, so steckt in *Zurum* / *S₀urum* eine Basis *Zur-* oder *S₀ur-*, die mit dem umstrittenen etrusk. Theonym *Σuris* zu verbinden sein könnte (vgl. auch latein. *Apollo Soranus* samt dem Oronym *Soracte* und den dort ansässigen Wolfspriestern *hirpi Sorani*, Plinius VII 2, 11⁸⁷). Unverwertbar ist mir das anklingende Gentile OB 2.6 = ET II 340 *Σ₂urmie**.

Zum Namen *H(e)k(a)tâôn* cf. ion. *Ἐκατεων*, (att.) *Ἐκατων* (Chios, IG II² 10597, SEG XXI, 995, aus **âôn*); vielleicht mit Vokalisation nach Buchstabennamen *He* und *Ka(ppa)*, *H* = *he* wie gelegentlich auch im Griechischen. Von Interesse ist hier auch das Fehlen der Psilose im Lemnischen, was in der Diskussion um den lemn. PN *Hulaie* zu berücksichtigen ist.

Bibliographie

- AGOSTINIANI 1986 — Luciano Agostiniani, Sull’etrusco della stele di Lemno e su alcuni aspetti del consonantismo etrusco. *Archivio Glottologico Italiano* 71, 15–46.
- APOSTOLIDES 1903 — B. Apostolides: Origine asianique de l’inscription préhellénique de l’île de Lemnos. *Mémoire lu à l’Institut Égyptien dans les séances des 6 et 27 décembre 1901 et 6 mai 1902*. Le Caire 1902 (= nur ein Auszug; ähnlich Alexandrie 1905 *non uidi*; für weiteres cf. NACHMANSON 1908, 48 mit Fn. 1).
- BELFIORE 2010 — Valentina Belfiore: Il *Liber Linteus* di Zagabria. Testualità e contenuto. Pisa / Roma (*Biblioteca di Studi Etruschi*, 50).
- BOARDMAN / KURTZ 1971 = John Boardman / Donna G. Kurtz: *Greek Burial Customs*. London.
- BRANDENSTEIN 1934 — Wilhelm Brandenstein: *Die tyrrhenische Inschrift von Lemnos*. Leipzig 1934 (*Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft*, VIII. Band, Heft 3).
- BRIXHE 2004 — Claude Brixhe, Nouvelle chronologie anatolienne et date d’élaboration des alphabets grec et phrygien. In: *Comptes-rendus de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 148e année, nr. 1, 2004, 271–289.
- BRIXHE 2007 — Claude Brixhe, History of the Alphabet: Some guidelines for avoiding oversimplification. In: CHRISTIDÈS, Anastasios-Phoibos [ed.]. *A history of ancient Greek: from the beginnings to late antiquity*. Cambridge [u.a.] 2007, 277–287.

⁸⁷ *Haud procul urbe Roma in Faliscorum agro, familiae sunt paucae quae uocantur Hirpi; hae sacrificio anno, quod fit ad montem Soractem Apollini, supra ambustam ligni struem ambulantes non aduruntur, et ob id perpetuo senatus consulto militiae omniumque aliorum munerum uacationem habent.*

- CORTSEN 1929 — S.P. Cortsen, Die lemnische Inschrift. Ein Deutungsversuch. *Glotta* 18, 1929—1930, 101—109.
- COUSIN / DÜRRBACH 1886 — G. Cousin / F. Dürrbach, Bas-relief de Lemnos avec inscription. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 10, 1—6.
- DEECKE 1887 — Wilhelm Deecke, Die etruskischen Zahlwörter. *Bezzenbergers Beiträge* 1, 257—273.
- DELLA SETA 1937 — Alessandro della Seta, Iscrizioni tirreniche die Lemno. *Scritti in onore di Bartolomeo Nogara, raccolti in occasione del suo LXX anno*. Città del Vaticano, 119—46.
- DE SIMONE 1995 — Carlo de Simone: I tirreni a Lemnos: l'alfabeto. *Studi Etruschi* 60, 145—163.
- DE SIMONE 1996 — Carlo de Simone: *I tirreni a Lemnos. Evidenza linguistica e tradizioni storiche*. Firenze (Biblioteca di *Studi Etruschi*, 31).
- DE SIMONE 2009 — Carlo de Simone, La nuova iscrizione tirsenica di Efestia. In: Aglaia ARCHITONTIDOU / Carlo DE SIMONE / Emmanuele GRECO: *Gli scavi di Efestia e la nuova iscrizione ‚tirsenica‘*. (Tripodes 11, Atene, Scuola Archeologica Italiana di Atene) [Mir vorliegend als: Estratto, 58 p.].
- EICHNER 2002 — Heiner Eichner, Etruskisch -σϋλα auf der Bronze von Cortona. In: Fabrice CAVOTO (ed.), *The Linguist's Linguist, A Collection of Papers in Honour of Alexis Manaster Ramer*. München: Lincom 2002, 141—152.
- EICHNER 2006 — Das \exists von Cortona und das etruskische Phonemsystem. In: P. AMANN / M. PERAZZI / H. TAEUBER (eds.), *Festschrift für Luciana Aigner-Foresti*. Wien: Holzhausen Verlag, 209—220.
- EICHNER 2011 — Heiner Eichner, Anmerkungen zum Etruskischen in memoriam Helmut Rix. In: *Atti del Convegno in memoriam Helmut Rix, Milano 2011*, in: *Alessandria* 5, 2011, 53—78 (im Druck).
- EICHNER 2012 — Heiner Eichner, Sakralterminologie und Pantheon der Etrusker aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In: Petra AMANN (ed.), *Kulte — Riten — religiöse Vorstellungen bei den Etruskern und ihr Verhältnis zu Politik und Gesellschaft. Akten des 1. Internationalen Kolloquiums der Sektion Wien/Österreich des Istituto Nazionale di Studi Etruschi ed Italici (Wien, 4.—6.12.2008)*, 12—42 (im Druck).
- ET I, II: s. RIX / MEISER.
- ETP: Rex WALLACE, Michael SHAMGOCHIAN and James PATTERSON (eds.), *Etruscan Texts Project*. Online: <http://etp.classics.umass.edu/>.
- FRIEDRICH 1932 — Johannes Friedrich: *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*. Berlin (Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen, ed. Hans Lietzmann, 163).
- HAMMARSTRÖM 1926 — Magnus Hammarström, Zum lemnisch-phrygischen Alphabet. In: *Commentationes philologicae in honorem Ivar August Heikel*, Helsingfors 1926, 83—98.
- HEEMS 2003 — Gilles van Heems, <s>/<z> à Volisinies. *Studi Etruschi* 69, 195—219.
- HEURGON 1980 — Jacques Heurgon, A propos de l'inscription „tyrrhénienne“ de Lemnos. *Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres* 1980, 578—600 und 605—606.
- HÖLSCHER 2007 — Tonio Hölscher: *Die griechische Kunst*. München: Beck 2007 (Reihe ‚Wissen‘).
- HROZNY 1935 — B[edřich] Hrozný, Die Inschrift von Lemnos. *Studi Etruschi* 9, 1935—1944, 127—132 mit Tafel XXXI.
- IMMERWAHR 1990 — Henry B. Immerwahr: *Attic Script. A Survey*. Oxford 1990 (*Oxford Monographs on Classical Archaeology*).
- KARO 1908 — Georg Karo, Die tyrsenische Sele von Lemnos. *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung*, 33, 1908, 48—74 mit Tafel 5.
- KRETSCHMER 1942 — Paul Kretschmer, Die tyrrhenischen Inschriften der Stele von Lemnos. *Glotta* 29, 1942, 89—98.
- LEJEUNE 1980 — Michel Lejeune, Un Phocéen à Lemnos? *Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres* 1980, 600—604.
- MALZAHN 1999 — Melanie Malzahn, Das lemnische Alphabet: Eine eigenständige Entwicklung. *Studi Etruschi* 63, 1997 [1999], 259—279.
- NACHMANSON 1908 — Ernst Nachmanson, Die vorgriechischen Inschriften von Lemnos. *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts, Athenische Abteilung*, 33, 1908, 47—64 mit Tafel 5.
- PAULI 1886 — Carl Pauli, *Altitalische Forschungen*. Zweiter Band: *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos*. 1. Abteilung. Mit einer lithographierten Tafel. Leipzig 1886, 81 p.
- PAULI 1894 — Carl Pauli, *Altitalische Forschungen*. Zweiter Band: *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos*. 2. Abteilung. Leipzig 1894, 262 p.
- OETTINGER 2010 — Norbert Oettinger, Seevölker und Etrusker. In: *PAX HETHITICA: Studies on the Hittites and their neighbours in honour of Itamar Singer*. Wiesbaden, 233—246.
- PALLOTTINO 1988 — Massimo Pallottino: *Etruskologie. Geschichte und Kultur der Etrusker*. Aus dem Italienischen von Stephan Steingräber. Basel 1988.

- RIX 1963 — Helmut Rix, Eine morpho-syntaktische Übereinstimmung zwischen Etruskisch und Lemnisch: Die Datierungsformel. In M. MAYRHOFER (ed.): *Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Gedenkschrift für Wilhelm Bradenstein*. Innsbruck 1963, 213—222.
- RIX 1985 — Helmut Rix, Schrift und Sprache. In: M. CRISTOFANI, *Die Etrusker*. Stuttgart / Zürich: Belser 1985, 210—238.
- RIX 1993 — Helmut Rix (ed.), *Oskisch — Umbrisch, Texte und Grammatik, Arbeitstagung [...]*. Freiburg, Wiesbaden 1993.
- RIX 1998a — Helmut Rix, *Rätisch und Etruskisch*. Innsbruck (*Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Vorträge und Kleinere Schriften*, 68).
- RIX 1998b — Helmut Rix, Il problema del retico. *Atti del convegno della S.I.G. „Varietà e continuità nella storia linguistica del Veneto.“* Roma 1998, 25—48.
- RIX, Kleine Schriften — Helmut Rix, *Kleine Schriften, Festgabe für H. Rix zum 75. Geburtstag*. Ausgewählt und herausgegeben von Gerhard MEISER. Bremen: Hempen Verlag 2001.
- RIX 2004 — Helmut Rix, Etruscan, in: R. D. WOODARD, *The Cambridge Encyclopedia of Ancient Languages*, Cambridge 2004, 943—966.
- RIX / MEISER 1991 — Helmut Rix / Gerhard Meiser, *Etruskische Texte. Editio minor*. 2 vol., I: *Einleitung, Konkordanz, Indizes*, II: *Texte*, Tübingen: Narr 1991 (= *ScriptOralia*, Bd. 23 und 24).
- SCHULZE 1904 — Wilhelm Schulze, *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*, Berlin 1904 (*Abh. d. Königl. Ges. d. Wiss. zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, N.F. Bd. V* 5).
- SCHUMACHER 1993 — Stefan Schumacher, Das Etruskische und die ‚rätischen‘ Inschriften aus der Sicht der Sprachwissenschaft und Epigraphik. *Helvetica archaeologica* 24, 31—50.
- SCHUMACHER 1998 — Stefan Schumacher: Gemeinsamkeiten zwischen Rätisch und Etruskisch. *Der Schlern* 72, 90—114.
- SCHUMACHER 2004 — Stefan Schumacher: *Die rätischen Inschriften*, 2. erweiterte Auflage, Innsbruck (*Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 121 / Archaeolingua*).
- SLOTTY 1937 — Friedrich Sloty: Die etruskischen Zahlwörter. *Archiv Orientalní* 9, 379—404.
- STEINBAUER 1993 — Dieter Steinbauer: Etruskisch-ostitalische Lehnbeziehungen. In: RIX 1993, 287—306.
- STEINBAUER 1999 — Dieter H. Steinbauer: *Neues Handbuch des Etruskischen*. St. Katharinen: Scripta Mercaturae-Verlag 1999.
- WALLACE 2008 — Rex E. Wallace: *Zikh Rasna. A Manual of the Etruscan Language and Inscriptions*. Beech Stave Press. Ann Arbor / New York.

Статья является первой частью задуманной серии публикаций, посвященных исследованию тирренской языковой семьи, и представляет собой следующий этап изучения тирренских языков, который стал возможен после пионерских работ по этрусскому и ретскому языкам Стефана Шумахера и Гельмута Рикса. В настоящей работе дается новый филологический и лингвистический анализ знаменитой стелы из Лемноса. Эта стела, датируемая VI до н. э., содержит выбитую надпись из 10 или 11 строк лемносским алфавитом. Данный текст является основным памятником древнего языка о. Лемнос — т. н. лемносского языка, чье родство с этрусским традиционно не вызывает сомнений. Автор предпринимает попытку выявить правильную последовательность строк на правой боковой стороне (3! = 6 комбинаций) и на передней стороне стелы (8! = 40320 комбинаций), в результате чего текст получает совершенно новое прочтение. Согласно предлагаемой интерпретации, стела содержит родословную покойного Акера, про которого сказано, что он сын Таварцы, внук Хулая сына Ванала. Кроме того, автором обнаружено новое числительное *aiz* = этрусск. *ez* вместо ранее предполагаемого соответствия лемн. **tav* = этрусск. *taχ*. В статье также обсуждается и лингвогеографическая проблематика, т. к. есть некоторые основания считать, что носители лемносского языка прибыли на Лемнос из Италии.

Ключевые слова: этрусский, лемносский, ретский, тирренская языковая семья, лемноская стела.

On the linguistic classification of Venetic

Venetic and its variants in prehistoric and early historic Europe are still enigmatic to historical linguists. Traditionally, it is assumed that Venetic of Armorica was probably Celtic, but Venetic of the Northern Adriatic, for which we have written evidence, is assumed to have constituted a separate branch of Indo-European. The least evidence is known for East European Venetic. This paper discusses the available evidence, particularly on Venetic of the Northern Adriatic, in the light of linguistic data on other branches of Indo-European, such as Celtic and Slavic. Special attention is paid to the relations between Venetic and Continental Celtic, revealing some new aspects.

Keywords: Venetic language, Celtic languages, Indo-European linguistics, areal linguistics.

0. Introduction

By historical evidence, at times preceding and following the turn of the first millennium AD, there were ancient tribes called Veneti along the Vistula up to the Baltic Gulf in the East, in Armorica in the West, and along the Northern Adriatic in the South of Europe. Of these, only the Northern Adriatic Veneti left a set of mainly votive and funerary texts, classified by Lejeune (1974: 21) with some approximation into periods called Archaic (550–475 BC), Ancient (475–300 BC), Recent (300–150 BC), and Veneto-Latin (150–100 BC). The boundary between the first and the second period was marked by the introduction of syllabic punctuation; the boundary between the second and the third period — by laryngeal changes ($h_1 > h_2$); and the transition between the third and the fourth period by a change of alphabet. The Venetic alphabet of the older periods was based on Etruscan, but with an additional provision for writing the voiced consonants /b/, /d/, /g/ (i.e. the *mediae*) not known to Etruscan.¹

There is no doubt that Venetic was an Indo-European language. This was recognized by Carl Pauli (1885) on the basis of case endings and weak/strong Ablaut alternations. Beeler (1949) classified Venetic as Indo-European by using predominantly morphological considerations, such as:

- a) inflectional endings *-os*, *-oi*, *-on* (like the nominative, dative and accusative singular), and a set of inflectional endings *-a*, *-as*, *-ai* (like the nominative, genitive and dative singular);
- b) the ending *-to*, presumably 3rd person singular of the middle voice (cf- Greek *-to*);
- c) derivational suffixes, such as *-o-*, *-no-*, *-so-*, *-tor-*;
- d) lexical correspondences, such as Venetic *é·Xo* — Latin *ego*, Venetic *meXo* — Gothic *mik* etc.;
- e) characteristically Indo-European vowel alternations.

¹ Following the rules of syllabic punctuation, represented from ca. 350 BC on, punctuation was used to separate final consonants from the preceding phonological units, but it was never present between a consonant or a consonant group (consisting of an obstruent and a sonorant) and a following vowel (either a monophthong or a diphthong). Thus, punctuation reveals a syllable template of the form C(C)V(C), which underwent changes due to weakening and loss of *h-* in archaic Venetic (e.g. **ho.s.ti.s.* > **o..s.ti.s.* ‘guest’) and syncope of *i* preceding a final fricative (i.e. **o..s.ti.s.* > *o..s.t..s.*, cf. Lejeune 1974: 39) in ancient Venetic.

These morphological and phonological similarities are more straightforward than lexical peculiarities, but together, all the characteristics enabled a clear classification of the language as Indo-European (cf. also Campbell – Poser 2008: 83ff.).

Within Indo-European, Venetic is predominantly grouped with the western languages, but details still remain to be clarified (cf. also Untermann 1980). Venetic was a *centum* language (cf. Venetic *ke* < IE **k'e* ‘and’, and IE **k^we* > Venetic *-kve* ‘and’). As a prominent and relatively specific phonological feature, there was an *a*-reflex of IE laryngeals between consonants with parallels in Italic and Celtic, e.g. Venetic *vha.g.sto* ‘made (an offering)’, Latin *facit*, Oscan *fakiiad* from zero-grade of **d^heh₁* with *-k-* extension (IE **d^hh₁-k-*) (cf. Wallace 2008: 126).

In morphology, Venetic probably shared with Latin and Celtic the *ǝ*-stem genitive singular ending *-ī* (e.g. *keutini* ‘of Keutinos’).² There was also a third-person-singular ending in *-r*, similar to the medio-passive in Hittite, Latin and Celtic, used either in agentless passive sentences or as a deponent (allowing for an agent and a transitive usage), e.g. Venetic *tuler donom* ‘brings/brought (?) a gift (as an offering)’. In addition, there was a medium ending *-to*, according to Untermann (1980: 292), attested in Greek and Old Indian, but also — we should add — in Celtiberian.

Prominently discussed in the literature was the change of the word-initial *mediae aspiratae* into fricatives, i.e. **b^h > f*, **d^h > f*, **g^h > h*, shared between Venetic, Oscan-Umbrian and Latin. As subtly stated by Lejeune (1974: 171–3), if this trait were to be taken as a defining trait of Italic, then Venetic would have to be grouped with Italic.³ But Lejeune (1974: 171) also allowed for the possibility that Venetic may have been a transitional type between Celtic and Italic, with the same treatment of sonorants as in Celtic, and the same treatment of the *mediae aspiratae* and the voiceless occlusive labial (**p*) as in Italic.

We shall take up the hypothesis about Venetic as a transitional language between Celtic and Italic and examine it in more detail here. Our approach will re-examine Lejeune’s and others’ arguments for classifying Venetic and re-evaluate them in view of additional linguistic evidence.

1. Venetic and Italic

Discussions about the linguistic classification of Venetic among the western Indo-European languages gear towards two major solutions: either treating Venetic as a relatively archaic Indo-European language with some similarities, but not unequivocally attributable to any other western Indo-European group (cf. especially Krahe 1950 and Polomé 1966), or assuming a close connection with Italic (especially Beeler 1949, or Euler 1993, who considers Venetic to be closely connected with Italic, but with archaic morphological traits). Essentially, all researchers point to significant morphological differences between Venetic and Italic, in contrast to several specific phonological and lexical similarities.

The assumption of a close genetic relation between Venetic and Italic is based on considerations of historical phonology. In Venetic, as in Latin, IE **b^h* and **d^h* generally became voiceless fricatives in word-initial position (with some exceptions, to be mentioned below), and voiced stops medially (cf. Ven. *vha.g.s.to*, Lat. *faciō*, Ven. *vhratere* 18, Lat. *frāter* from initial **d^h*

² Untermann (1961) proposed to analyse such forms as ending in *-ei*, which would make them datives.

³ Lejeune stated that Venetic had a significant majority of shared traits with Western Indo-European and none exclusively shared with Eastern Indo-European (even Venetic *murtuwoi*, 75 *ter*, cognate with Slavic *mŭrt-v-*, also had a cognate in Latin *mort-u-us*), although possible examples would be the toponyms *Opitergium* and *Tergeste*, which are related to the Slavic root in the meaning of ‘market(-place)’.

and **b^h*, resp., but medially, e.g., Ven. *lo.u.derobo.s*. dat.pl. from an IE form containing **d^h* and **b^h*, respectively). However, in contradistinction to Latin, the Italic languages Faliscan and Osco-Umbrian had the same reflexes initially and medially (cf. Lejeune 1974: 166). IE **g^h* yielded Ven. and Lat. *h*, e.g. Ven. *ho.s.ti-havo.s* 187, Lat. *hostis*.

The labiovelar **k^w* was preserved in Venetic and in Latin (e.g. in the enclitic conjunction Ven. *-kve*, Lat. *-que* ‘and’), the palatal labiovelar was depalatalized (Ven. *e.kvo.n*. Lat. *equuum* ‘horse, gen.pl.’), and the voiced labiovelar lost the stop component (e.g. **g^wīwos*, Ven. *vivoi* ‘alive, dat.sg.’, cf. Lat. *vīvus*).⁴ The same development of labiovelars was attested in Celtiberian and Goidelic, as opposed to labialization of labiovelars in Osco-Umbrian, Ligurian, Lepontic, Gaulish and Brythonic. There was, however, some variation in Gaulish, and the Gaulish Calendar of Coligny has *eqvos* ‘horse-month’, exhibiting the same development as Venetic. Further variation can be observed concerning word-final merger of nasals (*-m, -n > -n*) in Venetic (e.g. *re.i.tia.n.*, Este 30, cf. Lejeune 1974: 140) with parallels in Gaulish and Insular Celtic (also in Messapic and Germanic), but different from Latin-Faliscan, Osco-Umbrian, Lepontic and eastern Celtiberian.

The phonological evidence points to similarities with Celtic next to similarities with Latin which are not fully shared by the other Italic languages. In addition, as concluded by Beeler (1981: 70) concerning Venetic and Latin, “the close agreement in the phonological area is not matched in the lexicon and morphology”, whereas — as he correctly added — “when we look at these areas in language families of moderate time depth — say 1500 — 2500 years, such as Romance, Germanic, and Slavic — what we find is a substantial measure of sameness in all areas”.

Virtually all the specific morphological features of Venetic differ from Latin, and those which would seem similar, exhibit a different distribution of the relevant forms.

Superficially, the *-*b^hos* ending of the dative plural seems to be a common feature of Venetic and Italic. However, this dative plural ending (e.g. *lo.u.derobo.s*.) occurs only in the paradigm of the IE *-ō-* stems in Venetic, which is precisely the paradigm in which (cf. Polomé 1966: 74) it never occurs in Italic (in Messapic, there are several occurrences of *-bas < *bhos* in *-ā-* stems).

The Venetic genitive singular of *-ō-*stems in *-i* (cf. examples such as *ENONI*) evoked some doubt concerning a possible reading as **ENONEI* (cf. Polomé 1966: 74f.), but if accepted, it is paralleled by the same ending in Celtic (e.g. Old Irish) and in Latin, though not in Osco-Umbrian (cf. Beeler 1981: 66), with no equivalent elsewhere.

The Venetic patterning of the accusative singular of the 1st person pronoun on the nominative (i.e. acc.sg. *mego*, nom.sg. *e.go*) is found also in Germanic (cf. Gothic *ik, mik*), but not shared by Italic.

In the verbal system, Venetic had a preterite in *-s-* (cf. Ven. *vha.g.s.to*, Lat. *fecit*, Ven. *do.na.s.to*, Lat. *donavit/ donabat*, Ven. *do.na.sa.n*, Lat. *donaverunt*), to be compared with the Latin perfect, but not with the Latin *-w-* or imperfect *-ba-* suffixes (cf. Beeler 1981: 66).

Venetic had a 3rd person singular ending in *-to* (e.g. *do.na.s.to*, assumed to have been combined into a single paradigm with a 3rd person plural ending *-nt*, cf. Ven. *donasan < *donasnt*). In *do.na.s.to*, there is a denominative suffix *-ā-* preceding *-s-* and *-to*, which is unknown to Latin, but attested in Celtic, Slavic and Greek (cf. Untermann 1980: 294). Venetic had a 3rd person singular middle voice with reduced grade, comparable to Gathic Avestan *baxšta*, Sanskrit *ayukta* (**kṣ-t > kt*, cf. Polomé 1966: 75) and also Celtic and Slavic.

The Venetic medio-passive 3rd person singular ending in *-r* (e.g. *tole.r/tola.r* ‘sacrificed + object, cf. Lejeune 1974: 76’ <Gurina/Lagole>, *dido.r* ‘gave’) has correlates in Celtic, Umbrian,

⁴ In the Upper Piave valley, however, Venetic retained the distinction between *-n* and *-m*.

Anatolian, Tocharian (cf. Beeler 1981: 66), but it is somewhat enigmatic, since it combines with the present stem, yet occurs in texts where a past tense would be expected. In comparison with Latin, there is a significant difference, because (as shown by Beeler 1966: 66) *-r* is added in Latin to a verbal segment already inflected for person, whereas Venetic adds *-r* to the verbal stem, not to the already inflected verb. Moreover, the Venetic forms with *-r* seem to have been used as either deponent or active forms, which led Untermann (1980: 292f.) to assume a promiscuous usage in Venetic.

Lexical evidence is inconclusive. As mentioned by Polomé (1966: 76), Venetic *a.i.su* ‘god’ may be an Etruscan word, and Venetic *lo.u.dero* may be a result of Roman influence, transmitting the Latin word *liberī* for ‘children’. Other lexical isoglosses do not point to clear correspondences with Italic either. Patterning of the adjective for ‘dead’, Ven. *murtuwoi* (‘dead’, cf. Lat. *mortuus*) on the adjective for ‘alive’ (IE $*g^{w}iwo-$) is also found in Old Church Slavic *mrĭtvŭ*. The reflexive form *SSELBOISSELBOI* ‘ipsī’ has a parallel in Old High German *seltselbo*, but none in Latin. Venetic *teu.ta* ‘people’ lacks parallels in Latin, Slavic and Greek (cf. Beeler 1981: 67), but has a clear Gaulish correlate in *teuta, touta* ‘tribe, people’ (cf. Delamarre 2003: 295).

In the end, only the *mediae aspiratae* and the preservation of $*p$ remained as arguments for a Venetic-Italic genetic relationship. Beeler (1981: 70) assumed that these similarities can hardly be attributed to diffusion or borrowing, because “at the opening of the historical period, the two languages are not spoken in contiguous territories”.

But can these changes be dated to the opening of the historical period?

It is not likely that the *mediae aspiratae* would be decisive, because Italic is not homogeneous in this respect. Even worse: not even Venetic itself is fully homogeneous. As pointed out by Polomé (1966: 72), there is also onomastic evidence of initial IE $*b^h$ having yielded *b-* as in *Bo.i.iio.s.*, in addition to such doublets as Lågole *FVTVS: butialos*. Such attestations give rise to the hypothesis that these similarities may have arisen as contact phenomena between Venetic and Latin, not shared by the other Italic languages (especially in view of non-differentiation between initial and medial position in Osco-Umbrian discussed by Euler 1993: 98). At the same time, doublets lead to the assumption of language contacts.

Venetic preserves IE $*p$ (e.g. in *PATER* ‘father’) in contradistinction to Celtic, where new labials result from labialization of labiovelars in parts of Gaulish and Brythonic (e.g. in IE $*penk^{w}e$ ‘five’ > $k^{w}enk^{w}e$ (due to assimilation) > Middle Breton *pemp*, Middle Welsh *pymp*, Middle Cornish *pimp*), but not so in Goidelic (e.g. OIr. *cóic*).⁵

The loss of IE $*p$ in Celtic is assumed to have followed the $*p...k^{w} > k^{w}...k^{w}$ assimilation attested in Celtic and Italic, and preceded the labialization of the labiovelars in parts of Celtic and Italic. Venetic occupies an intermediate position by preserving $*p$ and having not only the assimilation $*p...k^{w} > k^{w}...k^{w}$, but also its mirror image, namely $*k^{w}...p > p...p$, attested in Venetic *e.kvopetari.s > e.kupetari.s* (EQVPET) > *e.p.petari.s > e.petari.s* ‘cavallier’ (Lejeune 1974: 121). This shows that the velarity of the labiovelar was dismissible in Venetic, whereas the labiality was always preserved and thereby basic. By this phonological hierarchy, Venetic exhibits similarity with Continental Celtic, in spite of preserving IE $*p$.

Concerning the time depth of the emergence of the relevant phenomena discussed above, especially the treatment of the original *mediae aspiratae* $*b^h, *d^h, *g^h, *g^{wh}$, Kortlandt (2007: 150f.) assumed that they became fricatives when $*b, *d, *g, *g^w$ lost their glottalization in early Proto-Italic. He dates the Latin merger of initial voiceless fricatives into *f-* “probably not before the internal voiced fricatives merged with *-b-*, *-d-* and *-w-* after the separation from Faliscan”. It is thus likely that the crucial development of the initial *mediae aspiratae* happened as an areal

⁵ Labialization of labiovelars was attested in Gaulish, Lepontic, Brythonic, Ligurian and Osco-Umbrian.

phenomenon on the Apennine Peninsula, and, thus, at a time when Venetic could participate in this areal change. Doublets which run counter the common isoglosses between Venetic and Latin such as *FVTVS: butialos* (Untermann 1961: 90) or the tribal name *Bo.i.ii.o.s.* (from the root **b^hey* ‘to strike’ according to Polome 1966: 72) make it plausible to assume that the phonological similarities between Venetic and Latin may also have arisen due to areal contacts. This is underlined by the fact that similarities of Venetic with Latin are more far-reaching than with the other Italic languages.

2. Venetic morphology in relation to Celtic

The Venetic dative plural of *-ō*-stems in *-(o)bos* (e.g. *lo.u.derobo.s*, Este 26 ‘to/with (the) children’), for which Latin has *-īs* (or *-eis* in *castreis*), Oscan has *-ois* and Umbrian has *-es, er* (e.g. *vesicles* ‘vasculis’), has direct parallels in Celtiberian *afecoraticubos* (Luzaga inscription), Lepontic *uoltiauiopos* (Prestino) and Gaulish *atrebo aganntobo* (Plumergat), as already mentioned by Euler (1993: 100f.).

Also, the Venetic genitive singular of *-ō*-stems in *-i* (i.e. *-ī*) has direct correspondences in Celtic (cf. Euler 1993: 104), e.g. Gaulish *Segomari*, *Dannotali* (PN) as well as in Early Irish *MAQI* (Old Irish *maic* ‘filii’).

The Venetic accusative singular of the 1st person pronoun *meḡo* was patterned on the nom.sg. *ego* with parallels outside Italic (cf. Gothic *ik, mik*, Hittite *uk, ammuḡ* etc.), whereas Italic presumably preserved the old forms (cf. Lat. *mē, tē, sē*). Also, the reflexive form *SSELBOISSELBOI* has a parallel in Old High German *selbsebo* in Notker’s translation of psalms (77,54 and 4,9), whereas Lat. *ipse* has Italic correspondences in Oscan *es(s)uf* and Umbrian *esuf* ‘ipse’. Both of the innovations in Venetic are justifiable on language-internal grounds as natural processes, and parallels with Germanic may, but need not, point to contacts.

In the realm of the verb, similarities with Celtic are quite significant in the *-s*-preterite (e.g. Ven. *vha.g.s.to* ‘made’, *dona.s.to* ‘gave’, usually in the formula *dona.s.to.dono.m.* ‘gave (the) gift’), which has a correlate in the Celtic *-s*-aorist (e.g. Old Irish 3rd sg. *car* (< **-ā-s-t*), 3rd pl. *carsat* (< **-ā-s-nt*), Ven. *kara.n.mn.s.* (cf. Lejeune 1974: 168), found also in Slavic. The occurrence of the *-s*-preterite also with *-ā*-conjugation verbs connects Venetic with Celtic, whereas Latin and Oscan have here *-s*-perfects (e.g. Lat. *dōnāvīt*, Oscan *(d)uunated* (cf. Euler 1993: 102).

For the Venetic medio-passive voice in *-r* (e.g.. Ven. *tole.r dono.m* ‘brought a gift’), the closest parallel is probably the Celtic deponent in *-Vr*. Concerning the Venetic use as either deponent or active forms, signaled by Untermann (1980: 292f.), there are also Celtic parallels, since, e.g., the Old Irish deponent flexion fell together with the active flexion in the imperfect indicative, past subjunctive and secondary future, in the 2nd person plural of all tenses and moods, and in the 3rd person singular imperative (cf. Thurneysen 1946: 328).⁶

According to Euler (1993: 105), it is morphology which gives the clearest answers concerning relations among languages. Our analysis presented above leads to the conclusion that Venetic is not only relatively archaic, but, on the basis of morphology, significantly similar to Celtic. On the phonological side, Venetic occupies an intermediate position, but the similarities with Italic may well have arisen as areal phenomena.

The question of Celtic and Venetic was raised by Eska & Wallace (1999) in connection with the Venetic inscription **Oderzo 7*. Oderzo was a Venetic locality east of Padua; the in-

⁶ There is a further correspondence in Umbrian *ferar*, in contrast to (the later development of) Latin forms in *-ter, -tur* (cf. Euler 1993: 103).

scription was found on a monument written in the Venetic alphabet. It consists of three names, the first two in the nominative, the third probably a genitive (relatively unusual for Venetic funerary inscriptions). The Oderzo 7 inscription runs as follows:

padros . pompeteguaios
kaialoiso

By virtue of the absence of syllabic punctuation, this funerary inscription from the Venetic area was dated by Lejeune (1989: 71) as being not later than the middle of the fifth ct. BC. Eska & Wallace (1999) show that *padros* is in all likelihood a Gallicized borrowed name from Latin (possibly connected with the root for ‘4’, because of $k^w > p$ and medial *-dr-*). *Pompeteguaios* is taken to be a fully Celtic epithet in the meaning of ‘quinguelingual’. *Kaialoiso* was analysed on the basis of the Lepontic suffix *-alo-*, employed in the formation of anthroponymic adjectives, and the ending *-iso* as a Lepontic genitive of *ǝ*-stems. Thus *padros* betrays a Cisalpine Celtic sound substitution, *pompeteguaios* is broadly Celtic, *kaialoiso* is a Lepontic genitive, and the entire onomastic formula fits a well-known Celtic pattern (cf. Eska & Wallace 1999: 133).⁷

There were apparently areal contact phenomena between Latin and Celtic, and this inscription, identified as Celtic, was found in the traditionally Venetic area, written in the Venetic script.

3. East European Venetic and Armorican Venetic

3.1. East European Veneti

Next to the Northern Adriatic Veneti, there were also Veneti in Armorica and along the Vistula river in East Europe. They traded amber across Europe and into Asia since the second millennium BC, as attested archaeologically by Gimbutas (1965: 40), and the distinct tribes that went by the same name must have been at least well aware of each other.

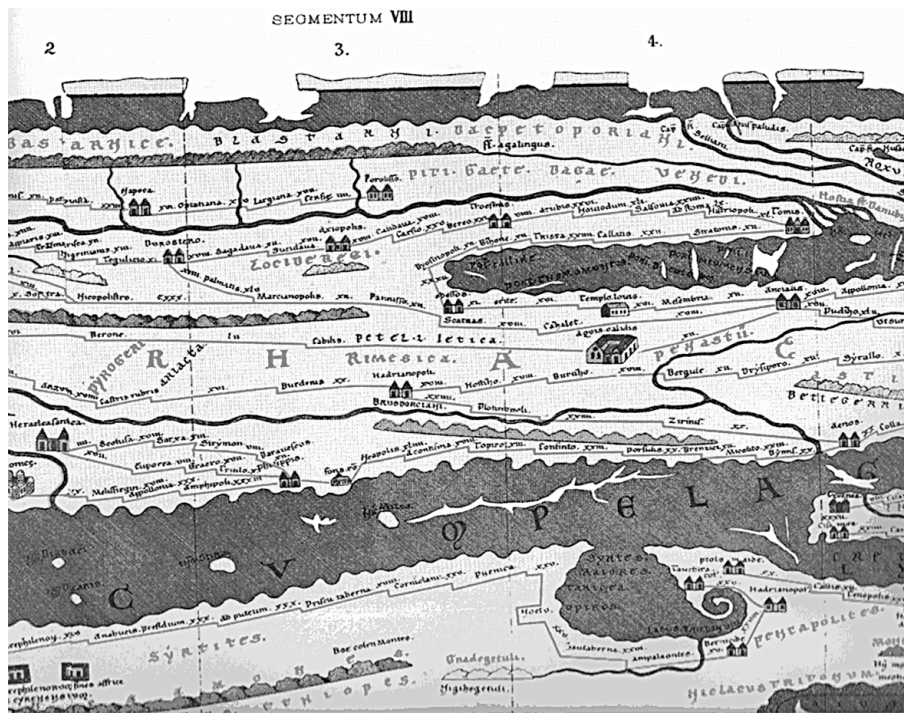
Specifically, along the upper Vistula basin and in a wider region east of Dacia, Eastern European Veneti were attested by the Tabula Peutingeriana, a Roman road map from the beginning of our era, preserved in a copy from the third or fourth century AD. On the Tabula Peutingeriana, Veneti (by pronunciation rule of that period, Venedi) were attested west of where the Slavs must have had their prehistoric dwelling on the basis of evidence from indigenous lexical denotations.

No textual heritage can provide insights into this Venetic language, but there are indirect traces worth investigating. Specifically, Roman historians systematically mention Veneti and Slavs migrating together in the sixth and seventh centuries AD. In 551 Iordanes, the Gothic historian of the Roman Empire, wrote about Veneti and Slavs:

“ab una stirpe exorti, tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni” (XXIII).
“though off-shoots from one stock, have now three names, i.e. Veneti, Antes and Slavs”.

The Roman army general Prokopios Kaisareos wrote soon afterwards in *De bello gothico* about Veneti, Antes and Slavs that they “even speak the same, quite barbarous language” (XXVI).

⁷ According to the authors, *Padros* was probably a Venetos who lived in the Lepontic area, where he became known by the five languages he spoke, and is now buried in the Venetic area beside his father, of entirely Celtic origin.

Map 1: *Tabula Peutingeriana*, a 3/4th ct. Roman road map (Prontera 2003).

Among later historians, let us mention Fredegarius Scholasticus from the middle of the seventh century, who composed a chronicle of the Merovingian times (probably between 658 and 661). His chronicle repeatedly refers to *Winidi* (i.e. Veneti in the pronunciation of his time) concerning their encounters with the (allegedly Frankish) leader Samo.⁸ For the year 623 there are three references to Slavs, twice explained as *Sclavi cognomento Winidi*, and the third reference mentions Slavic war activities against the Avars, immediately following the first explanation of Slavs *cognomento Winidi*. At the same time, not a single reference to Veneti (i.e. *Winidi*, in the entire manuscript mentioned 29 times) characterizes them as **cognomento Sclavi*.⁹ This asymmetry is a clear indication of the fact that Slavs and Veneti were distinct and hierarchically different: the Veneti were perceived as superordinate.

3.2. Phonological changes of the Slavic migration period

The migration period was a time of violent changes which reshaped the Slavic phonological system and remained in effect until the end of the first millennium AD. These changes affected syllables and introduced the bisyllabic domain which was not relevant for phonological rules before. The main changes were governed by the following principles and regularities: the principle of rising sonority within the syllable (resulting in open syllables), so-called syllabic synharmony by which a high-tonality adjustment occurred between syllable onsets and rhymes (resulting in palatalizations and umlaut), asymmetrical lenition of voiced palatalized consonants and the voiced velar (enabling the assumption that the consonant system was patterned as tense vs. lax), introduction of the bisyllabic domain for phonological processes during the third palatalization, and introduction of the trochaic pattern which came to the fore in the apocope and syncope of the yers.

⁸ Fredegar's chronicle writes: *Samo natione Franco, de pago Senonago*; if Samo's place of origin, *Senonago*, is to be equated with Sens, south-east of Paris, then Samo may have been of Gaulish or Gallo-Romance origin.

⁹ Source: http://www.intratext.com/IXT/LAT0785/_P2.HTM. Including the preface, the text contains 11 references to *Winidi*, 4 to *Winidis*, 9 to *Winidos* and 5 to *Winidorum*.

Palatalization developed as a complex, pluriphasal process by which velars were fronted when immediately adjacent to following front vowels, followed by a similar adjustment of other consonant classes to a following *j*. During the first palatalization, velars in syllable onsets were adjusted to front vowels or the glide *j* in syllable nuclei, i.e. $k > \check{c}$, $g > \check{z}$, $x > \check{s}$ before *e*, \bar{e} , *i*, \bar{i} , *j* (e.g. *wilke* > *wilče* ‘wolf’, voc.sg.); as a result, front vs. non-front (i.e. acute vs. non-acute) syllables emerged. As a mirror image of palatalization, umlaut produced adjustments of syllable rhymes to high-tonality onsets. During the initial stage, back vowels (i.e. *a*, \bar{a} , *aN*, *u*, \bar{u} , *uN*) acquired fronted variants (i.e. \check{a} , $\bar{\check{a}}$, $\check{a}N$, \check{u} , $\bar{\check{u}}$, $\check{u}N$) following the front glide *j* (e.g. *jüga* ‘yoke’).

In the aftermath of the first palatalization, the voiced affricate / \check{z} /, which emerged as an effect of the palatalization, became lenited. Lenition of the voiced affricate $\check{z} > \check{ž}$ introduced asymmetry viz. / \check{c} /, which remained unchanged. This change was blocked by a preceding dental fricative (i.e. [z]). There was no system-internal reason for the rise of the asymmetrical $\check{z} > \check{ž}$ lenition (which yielded a counterpart to / \check{s} /, yet eliminated the counterpart to / \check{c} /).

In accordance with the principle of rising sonority, diphthongs which ended in *-i* and *-u*, nasal diphthongs and diphthongs which ended in a laryngeal were monophthongized. The diphthongs which ended in *-i* yielded new front monophthongs (i.e. *ai* > \bar{e} (\check{e}), *ei* > \bar{e}/\bar{i} (\check{e}/\bar{i})), capable of causing further palatalizations (e.g. *kail-* > *cěl-* ‘whole’). The second palatalization of velars produced new palatal consonants: $k > \acute{c}$, $g > \acute{z}$, $x > \acute{s}$ before the new front vowels which had emerged from the monophthongization (also *sk* > \acute{sc} and *zg* > $\acute{z}\acute{z}$ before the new front vowels).¹⁰ The second palatalization cannot be shown to have been operative in k^w , g^w , x^w sequences in West Slavic and the south-western East Slavic Kiev-Poles’e dialects (concerning the data cf. Shevelov 1964: 301), from where the first phase of the migrations apparently had already started when the second palatalization took place.¹¹

Through the third palatalization (which was in part contemporaneous with the second palatalization), velars became palatalized (i.e. $k > \acute{c}$, $g > \acute{z}$, $x > \acute{s}$) immediately following a high front vowel (i.e. *i*, \bar{i} , $i/\bar{e} < iN$) of the preceding syllable nucleus (e.g. *atik-* > *otič-* ‘father’), unless followed by another consonant or a *u*-type vowel (*u*, \bar{u} , *uN*) in the following syllable.¹²

The third palatalization was the first instance of a *progressive* palatalization and for the first time, palatalization could be blocked by the following syllable (e.g. Germanic *stiga* > Slavic *stiga* > *stbza* > *stbza* ‘pathway’, but *mbgla* ‘haze’, *lbgyjni* ‘releif’, blocked by the second consonant in the onset of the second syllable, or an *u*-like vowel in the second syllable, resp.). The introduction of the bisyllabic domain for palatalization was an innovation, in itself not motivated in any system-internal way (cf. also Shevelov 1964: 347 etc.). Because of its novel direction and domain, the third palatalization was a type-modifying phenomenon in Slavic.¹³

Another important innovation of the migration period was the asymmetrical lenition, first of $\check{z} > \check{ž}$ (unless blocked by a preceding *z*) in connection with the first palatalization, then of $\acute{z} > \acute{ž}$ in connection with the second and third palatalizations. In addition, there was a lenited

¹⁰ Eastern South Slavic, Kiev-Poles’e and eastern West Slavic have traces of treating these sequences differently in word-initial and internal positions, cf. Shevelov (1964: 300).

¹¹ Next to West Slavic, northern Kriviči dialects of Russian also preserve these sequences next to generally lacking the second palatalization, cf. Zaliznjak (1995: 38).

¹² The third palatalization did not affect / x / in the northern Russian dialect of Novgorod (cf. Zaliznjak 1995: 38), and there were other exceptions discussed a.o. by Shevelov (1965).

¹³ The relative time of the second and the third palatalization is difficult to establish. Shevelov (1964: 351) wrote that the third palatalization started at the peak of the second palatalization and ended after the extinction of the latter. The absolute timing is given by the borrowing of Germanic *panning* > *penning* in the umlauted form into Slavic *pěneži*, with the third palatalization. This word denoted Frankish denars whose coinage started ca. 650 AD (cf. Shevelov 1964: 350).

reflex of the voiced palatal dental $dj > j$ found in western South Slavic, i.e. in western Štokavian, Čakavian, south-western Kajkavian (dialects of Croatian), in Slovene. In West Slavic, lenition $dj > z$ is found in Slovencian, Upper and Lower Sorbian, Bohemian, almost all of Moravian and south-western Slovak. In all of these areas, lenition applied only to the voiced palatal and left the voiceless palatal unaffected. Finally, there was also an asymmetrical lenition of the voiced velar (i.e. $g > \gamma$) in Ukrainian, Belorussian, southern Russian, Slovak, Czech, Upper Sorbian, northern and western dialects of Slovene, and in some north-western Čakavian dialects of Croatian (cf. Andersen 1969). This was also an asymmetrical process which left the voiceless velar stop /k/ and the voiceless velar fricative /x/ unaffected.

The bisyllabic domain, which arose during the migration period, continued to determine phonological and prosodic phenomena of the post-migration period as well. Most clearly, this came to the fore in the phenomena of apocope and syncope connected with the reduced vowels (so-called yers) in Slavic, by which, counting from the end of the word regressively, uneven yers were weak and even yers in adjacent syllables were strong and yielded full vowels (allowing for language-specific variation next to a resonant in the syllable rhyme). The fall of the yers revealed the trochaic pattern within the bisyllabic domain.

All these phenomena developed along the westward migration routes and either remained most pronounced there (e.g. the lenition $g > \gamma$ which remained confined to the westward migration routes, from the starting point in the Ukraine to West Slavic and the western fringes of South Slavic) or they started in the migration areas and spread from there (e.g. the trochaic pattern of apocope and syncope, by which weak yers were elided and strong yers strengthened). All these facts show that the source for these changes must have been present during the Slavic migrations towards the west, exactly those for which historians provided evidence of Slavs migrating together with Veneti, the East European Veneti. In the absence of direct evidence on the language of East European Veneti, we can only turn to the language of Northern Adriatic Veneti and ask the question of a possible similarity.

3.3. The phonological type of Venetic

Can Venetic of the Northern Adriatic be assumed to have been a language with palatalization, lenition of voiced consonants (i.e. of the *mediae*), especially the voiced velar, and the trochaic pattern starting from the word-final edge which provided the frame for apocope and syncope? In other words, did Northern Adriatic Venetic originally share the properties which were introduced in Slavic phonology during the migration period as innovative changes? If so, then Northern Adriatic Venetic would fit the type of the language supposed to have exerted influence on Slavic, and we could conjecture that Northern Adriatic Venetic fitted the type of the East European Venetic.

Indeed, all the typological characteristics introduced in Slavic during the migration time were in a nutshell present in the historically attested Venetic of the Northern Adriatic. In spite of the difficulty to extrapolate from Northern Adriatic Venetic of the last centuries BC to East European Venetic of the middle of the first millennium AD, sufficient knowledge of the historically attested Northern Adriatic Venetic (especially since Lejeune 1974) is present for establishing the following relevant features:

- a) the unmarked pattern of open syllables (CV, exceptionally CCV), as the corresponding orthographic sequences were singled out as syllabic units by means of punctuation;
- b) the loss of final consonants (e.g. *dōnāsnt* > *donasan*, Lejeune 1974: 148), also contributing to rising sonority;¹⁴

¹⁴ According to Lejeune (1974: 158), a Venetic word could end in a short vowel (e.g. the enclitic *-kve*), a long vowel (e.g. instr.sg. *-ā*, *.a.tra*, 125), a diphthong (e.g. dat.sg. *-a.i*), a sonorant (*-r*, e.g. *augar*, 248, *-n*, e.g. *donasan*, 123,

- c) prothesis before a word-initial vowel, fitting the principle of rising sonority;
- d) the consonant opposition of *tense* vs. *lax* consonants, as revealed by the orthography and the presence of a so-called *lax* voiceless velar, demonstrating that *tense* vs. *lax* was a relevant feature opposition in the consonant system;
- e) lenition of the velar /g/, found also in Gaulish, where g had a tendency to vanish intervocalically (cf. Lambert 2003: 46);
- f) presence of palatalization (in accordance with the principle of syllabic synharmony), resulting in a dental palatal;
- g) non-palatalized sequences of velar + *w* preceding a front vowel, similar to West Slavic.

These typologically coherent properties of Northern Adriatic Venetic match closely the properties of the language which must have triggered the innovations in Slavic phonology and for which we have historical evidence that it was Venetic, the East European Venetic (cf. Gvozdanović 2009). By this indirect evidence, East European Venetic belonged to the same phonological type as Northern Adriatic Venetic.

The Armorican Veneti were (since Caesar's *De bello gallico*) viewed as Celts. Although we have no direct attestations of this language from the first millennium AD, historical reconstruction of the Vannetais dialect of Breton, which stands out among the Breton dialects, shows significant typological similarities with Venetic.

Among the dialects of Breton, Vannetais has some outstanding features, observed as such throughout its history:

- The accent in Vannetais has, in general terms, since the apocope been on the final syllable (whereas in the other dialects it stays on the penultimate syllable, e.g. *mer'cedes* > *mer'xed* > *merxed* 'girls' through accent retraction in the eleventh century AD); this points to the right-edge trochaic pattern in the second half of the first millennium AD; in the history of Vannetais there was a general monophthongization of diphthongs (whereas the other dialects preserved them): *au* > *o* (e.g. *poṭr* 'boy'), *ei* > *e* in most of the southern parts, *ai* > *e* (written *æ*, e.g. *æṛ* 'snake' in Guillevic and Le Goff, Jackson 1967: 71);
- Vannetais still has a striking distinction between *tense* and *lax* consonants; *tense* consonants are long and *lax* ones are short; in Low Vannetais only long vowels occur in monosyllables preceding a *lax* consonant;
- Vannetais stands out among the Breton dialects by having much more extensive palatalization, found with all the consonants (except *m* and *r*), as a regular feature preceding a front vowel or *j* (not only with dentals and exceptionally velars, as e.g. in Trégorrois) or following a closed front vowel; the usual realization of palatalized *k* and *g* in Vannetais appears to be either as palatal [k'], [g'], or affricate [tʃ] and [dʒ] (Jackson 1967: 76); the bisyllabic palatalization pattern following an *i*-like vowel is clearly reminiscent of the third palatalization in Slavic;
- Occasionally, Vannetais *g'* is realized as *j* (Jackson 1967: 77); this points to asymmetrical lenition of the palatalized voiced/lax velar, also clearly reminiscent of the asymmetrical lenitions in Slavic.

We can see that the historical phonology of the Vannetais dialect of Breton also matches both the phonological type of the Northern Adriatic Venetic and the conjectured phonological type of East European Venetic, in spite of the time gap between them.

-l, e.g. *.en.to.l*, 148, exceptionally -m in *Làgole*), -ś resulting from dissimilation, -t after apocope of final -ī, -k after apocope of final -ě (e.g. *.e.i.k.*, 242a), or -ts old or after apocope of -ī (e.g. *.o.s.t.s.*, 125).

3.4. Celtic parallels

Palatalization, lenition, the bisyllabic domain, apocope and syncope within the trochaic pattern were also prominent changes in the history of Celtic around the middle of the first millennium AD. These changes affected both Goidelic and Brythonic Celtic, but with a somewhat different relative chronology and partially different rules (discussed in Gvozdanović 2009). Among other facts, apocope and syncope in Goidelic depended on vowel length, whereas this was not the case in Brythonic. The mutations had more far-reaching effects in Brythonic than in Goidelic. But perhaps the most interesting are the differences in palatalizations.

The Goidelic palatalizations, represented by Old Irish, occurred in three phases (cf. McCone 1996: 118f.). The first palatalization affected single consonants and consonants with homorganic nasals; according to Kortlandt (2007: 9f.), (i) all consonants were palatalized between front vowels and before stressed front vowels (e.g. *berē* > *-beir* /b'er'/ 'carries'), (ii) dentals were palatalized before posttonic *i* (e.g. *rōdeiō* > *rādīu* > *-ráidiu* 'I say'), (iii) labials and velars were palatalized before posttonic *i* unless they were preceded by a back vowel (e.g. *gabiot* > *-gaibet* 'they take').

The second palatalization in Old Irish affected initial consonants or groups of consonants followed by *e/ē* or *i/ī* (e.g. *mliγ'eθ'ī* > *m'l'iy'eθ'ī* > *mligid* 'milks'). The third palatalization came about after the truncation or loss of final syllables, when the front vowels *i*, *e* and *ū* fell together as palatal schwa *ĩ* with a palatalizing effect "in a non-final internal syllable directly after the first syllable bearing the main stress and (where applicable) after the third syllable probably bearing secondary stress. Like its counterpart produced before the apocope, this sound palatalized any preceding consonant(s)" (McCone 1996: 119).

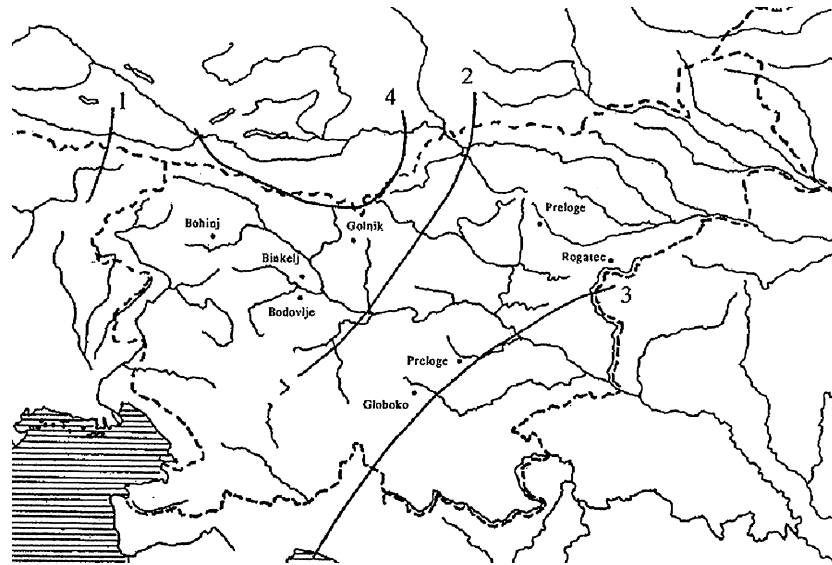
We can see that the Old Irish palatalizations referred to the bisyllabic domain for the rule description, but did not share all the properties with the corresponding Slavic rules. Of all the speakers of Brythonic languages, Bretons migrated to Armorica by the middle of the first millennium AD, where they presumably encountered Continental Celtic population. It is possible, and in view of the typological analysis presented above likely, that Vannetais is also a remnant, but of Venetic — as a transparently Celtic language. Next to phonological properties shared with Continental Celtic, Vannetais stands out by the strength of its palatalizations (cf. also Jackson 1967: 76–7). Not only are there no palatalized dental phonemes in Breton outside of Vannetais (Jackson 1967: 376), but palatalization of *k* and *g* preceding *e* and *i* is practically unknown in NW Breton, yet relatively regular in Vannetais, commonly pronounced as [tʃ] and [dʒ]; in a small SE corner of Vannetais, *k^w* and *g^w* also palatalize when preceding *-oi/ōi*, e.g. *coid* 'wood' > Vannetais *koed* [k'w'et]. Palatalization of *x* appears to be practically unknown in the Léonais, Trégorois and northern Cornouaillais dialects of Breton.

The exact rule description of the Vannetais palatalizations offers an even clearer parallel with the conjectured regularity of East European Venetic, because palatalization occurs in Vannetais preceding a front vowel (e.g. *dragenai* > *dręzin* > *drein* 'thorns') or following *-i-* (except *-igi* plural), but not following *-e-* (e.g. *kerzeg* 'horses'). Palatalization is also caused by front diphthongs which, as a result of *i*-affection, were fronted and raised, i.e. *ai* > *ei*, *oi* > *ei*. When the velars *k* and *g* are palatalized, this results in the corresponding affricates [tʃ] and [dʒ], but only the reflex of the palatalized voiced velar *g'* undergoes far-reaching lenition of the type *g' > j*. All these features are clearly reminiscent of what happened in Slavic. Moreover, these features are type-consistent in Vannetais, whereas their introduction had a type-modifying effect in Slavic.

Linguistically, Vannetais stands out also by its similarities with Cornish which are lacking in the other dialects of Breton (discussed by Fleuriot 1980: 67 etc.). All these properties show that Vannetais is a separate linguistic entity within Celtic. Its outstanding combination of palatalization and lenition makes it a likely candidate for a surviving link between the various varieties of Venetic.

3.5. Lenition in Slovene

When Slovenes, the most westerly South Slavs, settled the territories which formerly pertained to Veneti, they developed lenitions of voiced stops, and the isoglosses clearly point to the centre of this change in the Venetic area.

Map 2: Lenition in Slovene (Greenberg 2000: 140); west of 1) *g is a stop, west of 2) all the voiced stops were lenited, west of 3) the reflex of *g was lenited, north of 4) *k is a glottal stop.

As shown by Greenberg (2000: 140), the lenition isoglosses in Slovene have a westward orientation and the lenition area of the voiced velar (i.e. *g > γ) is essentially broader (to the west of isogloss 3 on the map) than the lenition area of all voiced stops (to the west of isogloss 2 on the map). This shows that the centre of the lenition phenomena must have been in the west and south-west of the Slovene area, exactly in the historical Venetic area. These isoglosses enable a reconstruction by which lenition spread from leniting the voiced velar to leniting all the *mediae* in a way reminiscent of Celtic (discussed in more detail in Gvozdanović 2009).

4. Conclusion

By analyzing critically the arguments proposed for the classification of Northern Adriatic Venetic, this study has reached the conclusion about its significant Celticity. The basis for this statement is provided by the morphological inventory and the functional distribution of the morphological elements. As to the phonology, areal phenomena have been observed in the similarities between Northern Adriatic Venetic and the neighbouring Italic. This confirms the increasing awareness among Celtic specialists (e.g. Sims-Williams 2007) that the classificatory parameters for Celticity are not as clear-cut as traditionally assumed. Our analysis has reached exactly this conclusion concerning areal phenomena shared between Venetic and Italic with the result that Northern Adriatic Venetic occupies an intermediate position on the traditional classificatory parameters, but belongs to the Celtic type on the basis of the phonological patterning (including lenition in the consonant system based on the *tense vs. lax* opposition). This fact, combined with morphology which can be identified as Celtic, leads to the conclusion that Northern Adriatic Venetic was a variety of Celtic which was subject to areal common developments with Italic in the phonology and the lexicon, but remained entirely Celtic in the grammar.

The present investigation of East European Venetic has shown that its conjectured phonological type fits the phonological type of both Northern Adriatic Venetic and – even more so – of Vannetais as a surviving variety of Armorican Venetic. The Armorican Vannetais, originally surrounded by Celtic, has never raised any doubt about its Celticity. The fundamental similarity of Northern Adriatic Venetic, the conjectured East European Venetic and of Vannetais on the level of the phonological type, and the specific similarity of both of the latter varieties in the realm of palatalization combined with asymmetrical lenition, enable the conclusion that these were genetically related varieties of Venetic within the realm of Celtic that later became differentiated due to areal phenomena.

Literature

- ANDERSEN, Henning (1969) Lenition in Common Slavic. In: *Language* 45/3, 554–575.
- BEELER, M. S. (1949) *The Venetic language*. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- BEELER, M. S. (1981) Venetic revisited. In: ARBEITMANN, Y. & BOMHARD, A. (eds.) *Homo Homini Donum. Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns*, 65–71. Amsterdam: Benjamins.
- CAMPBELL, Lyle & William POSER (2008) *Language Classification. Theory and Method*. Cambridge University Press.
- DELAMARRE, Xavier (2003) *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris Editions Errance.
- ESKA, J. F. & R. WALLACE (1999) «The linguistic milieu of *Oderzo 7», *Historische Sprachforschung* 109, 122–136.
- EULER, W. (1993) Oskisch-Umbrisch, Venetisch und Lateinisch. In: H. RIX (ed.) *Oskisch-Umbrisch. Texte und Grammatik*. Wiesbaden: Reichert.
- FALC'HUN, François (1962) Celtique continentale et celtique insulaire en breton. In: *Annales de Bretagne* 70: 426–454.
- FLEURIOT, Léon (1967) L'importance du dialecte de Vannes pour l'étude diachronique et comparative du breton armoricain. In: Wolfgang MEID (ed.) *Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie, Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet*, 159–170. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 13.
- FLEURIOT, Léon (1978) Brittonique et gaulois durant les premiers siècles de notre ère. In: *Étrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune par un groupe de ses élèves*, 75–83. Paris: Klincksieck.
- FLEURIOT, Léon (1979) L'inscription gauloise du Thiaucourt et le problème des désinences verbales en *-seti* et *-setu* du celtique antique. In: *Études Celtiques* 16, 123–139.
- FLEURIOT, Léon (1980) *Les origines de la Bretagne*. Paris: Payot.
- FLEURIOT, Léon (1988) New documents on Ancient Celtic and the relationship between Brittonic and Continental Celtic. In: *Proceedings of the First North American Congress of Celtic studies*, 223–30. Ottawa: Ottawa University Chair of Celtic.
- GAMKRELIDZE, T.V. & V.V. IVANOV (1984) *Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejcy*. Tbilisi: Izd. Tbilisskogo Universiteta.
- GIMBUTAS, Marija (1965) *Bronze Age cultures in central and eastern Europe*. Paris etc.: Mouton.
- GIMBUTAS, Marija (1997) *The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe*. Washington: Institute for the Study of Man.
- GREENBERG, Marc L. (2000) *A historical phonology of the Slovene language*. Heidelberg: Winter.
- GREENE, David (1956) Geminata. In: *Celtica* 3: 264–289.
- GREENE, David (1966) The spirant mutation in Brythonic. In: *Celtica* 7, 116–119.
- GREENE, David (1974) The growth of palatalization in Irish. In: *Transactions of the Philological Society* 1973, 127–136.
- GREENE, David (1976) The diphthongs of Old Irish. In: *Ériu* 27: 26–45.
- GVOZDANOVIĆ, Jadranka (2009) *Celtic and Slavic and the Great Migrations; Reconstructing Linguistic prehistory*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- JACKSON, Kenneth H. (1967) *A historical phonology of Breton*. Dublin: The Dublin Institute for Advanced Studies.
- KATIČIĆ, Radoslav (1976) *Ancient languages of the Balkans*. The Hague: Mouton.
- KORTLANDT, Frederik (1981) More evidence for Italo-Celtic, *Ériu* 32, 1–22.
- KORTLANDT, Frederik (2007) *Italo-Celtic origins and prehistoric development of the Irish language*. Amsterdam: Rodopi.
- KRAHE, Hans (1950) *Das Venetische, seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.

- LEJEUNE, Michel (1974) *Manuel de la langue vénète*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- MALLORY, J. P. (1989) *In search of Indo-Europeans; Language, archaeology and myth*. London: Thames and Hudson.
- MCCONE, Kim (1996) *Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change*. Maynooth: Dept. of Old Irish.
- PAULI, C. (1891) *Die Veneter und ihre Schriftdenkmäler*. Leipzig: Barth.
- POLOMÉ, E. (1966) The position of Illyrian and Venetic. In: H. BIRNBAUM & J. PUHVEL (eds.) *Ancient Indo-European dialects*, 59–76. Berkeley – Los Angeles: University of California Press.
- SCHRIJVER, Peter (1995) *Studies in British historical phonology*. Amsterdam – Atlanta: Rodopi.
- SHEVELOV, G. Y. (1964) *A Prehistory of Slavic*. Heidelberg: Winter.
- SIMS-WILLIAMS, P. (2007) Common Celtic, Gallo-Brittonic and Insular Celtic. In: LAMBERT, P.-Y. & PINAULT, G.-J. (ed.) *Gaulois et Celtique Continentale*, 309–354. Genève: Librairie Droz S.A.
- THURNEISEN, R. (1946) *A grammar of Old Irish*. Oxford: Oxford University Press.
- UNTERMANN, J. (1980) Die venetische Sprache. In: *Glotta* 58: 281–317.
- WALLACE, R. B. (2008) Venetic. In: R. D. Woodard (ed.) *The Ancient Languages of Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. 124–140.
- ZALIZNJAK, A.A. (1995) *Drevne-novgorodskij dialekt*. Moskva.

Венетский язык и его разновидности на территории доисторической Европы до сих пор остаются одной из загадок исторического языкознания. Традиционно принято считать, что венетский язык в Арморики, скорее всего, был кельтским, в то время как венетский язык на северном побережье Адриатического моря, от которого остались письменные памятники, обычно считается отдельной ветвью индоевропейской семьи. Меньше всего известно про венетский язык, на котором говорили в Восточной Европе. Статья посвящена общему обсуждению данных по венетскому языку (в особенности по северно-адриатическому варианту) в свете текущих представлений о сравнительном историческом развитии различных индоевропейских ветвей (в частности, кельтской и славянской). Особое внимание уделено связям между венетским и континентальными кельтскими языками.

Ключевые слова: венетский язык, кельтские языки, индоевропеистика, ареальная лингвистика.

Некоторые проблемы кашмирской диалектологии

В статье исследуются генетические отношения литературного кашмири и четырех диалектов, распространенных за пределами Кашмирской долины. В прошлом эти диалекты нередко классифицировались как кашмирские, однако аргументы в пользу такой классификации зачастую были неубедительны. Автор статьи приходит к выводу, что 2 диалекта — сираджи и рамбани — не являются не только кашмирскими, но и дардскими, а относятся к индоарийской группе. В то же время 2 других диалекта — погули и каштавари — действительно обнаруживают большую генетическую близость к стандартному кашмири.

Ключевые слова: кашмири, дардские языки, индоарийские языки, генетическая классификация, диалектология.

1. Вводные замечания

Вплоть до недавнего времени диалекты языка кашмири привлекали внимание главным образом социолингвистов. Поэтому собственно лингвистическое их изучение заметно отстает от социолингвистического¹, а сравнительно-историческое — лишь делает первые шаги. Тем не менее, даже та общая картина, которая вырисовывается при современном уровне знаний, чрезвычайно интересна. Прежде всего, обращает на себя внимание несомненное и разительное несходство ситуации в самой Кашмирской долине и в горных районах, примыкающих к ней с юга, где также предполагается наличие кашмирских диалектов.

В Кашмирской долине обычно выделяют три диалектные области: Камраз (север и северо-запад), Мараз (юг и юго-восток) и район г. Сринагара, иногда называемый Ямраз [Коган 2009; Kaul 1995]. Распространенные в этих областях говоры кашмири (называемые соответственно камрази, марази и ямрази²) весьма близки друг к другу и взаимопонимаемы [Kaul 1995]. Выявленные на сегодняшний день расхождения между ними следующие:

- 1) сохранение в марази церебрального *r* при переходе его в *r* в остальных диалектах;
- 2) образование в марази причастия настоящего времени при помощи суффикса *-an*, при том, что в остальных диалектах данный суффикс имеет вид *-ān*;
- 3) наличие в диалекте камрази ряда характерных особенностей просодии, нехарактерных для других диалектов;
- 4) наличие в каждом из диалектов некоторого количества специфических лексических единиц [ibid.].

Непосредственно к югу от собственно Кашмира, в Западных Гималаях распространены четыре идиома — каштавари, погули, сираджи и рамбани, нередко (хотя и не всегда) причисляемые исследователями к кашмирским диалектам. Они обнаруживают

¹ В этой связи уместно привести следующее высказывание О. Кауля: «There has been no serious linguistically oriented dialect research on Kashmiri» [Kaul 1995, 304].

² Диалект ямрази лежит в основе литературного языка, называемого также «стандартный кашмири».

весьма существенные материальные отличия друг от друга и от диалектов Кашмирской долины. Это обстоятельство заставляло и заставляет часть ученых сомневаться в правомерности классификации данных идиомов как диалектов кашмири, а иногда и ставить под вопрос их принадлежность к дардской группе. На сегодняшний день следует говорить даже не о проблеме, а о целой группе проблем, связанных с определением места указанных диалектов внутри арийской языковой общности и их отношений с языком кашмири. В нижеследующих подразделах мы остановимся на наиболее интересных и важных из этих проблем.

2. О генетической характеристике «смешанных» диалектов языка кашмири

Кашмири является в ареальном отношении самым южным языком дардской группы. Следствием такого географического положения явилось глубокое и разностороннее влияние, оказанное и оказываемое на данный язык индоарийскими языками³. Хотя сам факт этого влияния является общепризнанным, его степень и последствия все еще остаются в целом ряде аспектов неизученными. При этом целый ряд проблем, все еще ждущих своего решения, был поставлен исследователями почти столетие назад. Пожалуй, самой интересной из них является проблема, связанная с так называемыми «смешанными диалектами» — идиомами с неясным генетическим положением, распространенными на границе дардского и индоарийского языковых ареалов.

В своем фундаментальном труде “Linguistic Survey of India” Дж. Грирсон предложил рассматривать диалекты сираджи и рамбани, распространенные в Западных Гималаях к югу от Кашмирской долины⁴, в качестве смешанных, допустив возможность их отнесения как к диалектам кашмири, так и к диалектам прилегающих с юга индоарийских языков. Согласно этой точке зрения, сираджи следует считать «смесью» кашмири и некоего языка группы пахари, а рамбани — «смесью» сираджи и догри [Grierson 1919₂, 433, 458]. В некоторых более поздних исследованиях генетическая принадлежность данных диалектов рассматривается иначе. Так, Д. И. Эдельман считает их диалектами кашмири, подвергшимися сильному индоарийскому влиянию [Edelman 1983: 298]. Индийский ученый П. К. Коуль предпочитает относить сираджи к группе пахари [Koul 1977₁; 2006₁]. В своем грамматическом очерке он подробно рассматривает аргументы Дж. Грирсона в пользу причисления этого диалекта к числу кашмирских и показывает (в большинстве случаев вполне убедительно), что указанные Дж. Грирсоном изоглоссы в действительности объединяют сираджи не только с кашмири, но и с соседними диалектами группы пахари [Koul 2006₁: 319—321]. На близких позициях стоит норвежская исследовательница Рут Лайла Шмидт, считая, впрочем, возможным рассматривать сираджи как в качестве индоарийского языка группы пахари, так и как креольский язык [Schmidt 1981].

Подобный разнобой во мнениях, а также и некоторые из высказанных гипотез сами по себе, несомненно, свидетельствуют о все еще сохраняющейся неясности в вопросе о генетической принадлежности диалектов сираджи и рамбани. Оценивая приведенные здесь точки зрения, можно сказать, что предположение Д. И. Эдельман выглядит несравнимо более правдоподобным по сравнению с идеями Дж. Грирсона, фактически пытавшегося рассматривать данную проблему с позиций ныне полностью отвергнутой

³ Об этом влиянии см., например [Grierson 1919₂; Коган 2011].

⁴ Ныне в округе Джамму индийского штата Джамму и Кашмир.

компаративистами теории «скрещения языков». Однако и гипотеза Д. И. Эдельман также требует проверки. Во всяком случае, нет оснований считать ошибочным и альтернативный взгляд, высказанный П. К. Коулем и Р. Л. Шмидт, согласно которому сираджи — индоарийский язык группы пахари. Отнесение же последнего к креольским языкам не представляется обоснованным. Насколько нам известно, ни одному исследователю не удалось выделить в диалекте сираджи каких-либо креольских черт. Кроме того, «креольская гипотеза» сама по себе вовсе не решает проблему отношения данного диалекта к языкам группы пахари и к кашмири, поскольку принятие ее автоматически заставляет поднять вопрос о языке-лексификаторе. До сих пор никаких точек зрения на этот счет высказано не было.

Поиски приемлемого решения проблемы «смешанных» диалектов существенно затрудняет крайний недостаток материала. По диалекту сираджи имеются лишь три относительно небольших грамматических очерка. Первый из них, опубликованный более столетия назад Т. Г. Бейли [Bailey 1903: 36—46], включает грамматические таблицы, два коротких текста, словник и краткий фразарий. Второй написан Дж. Грирсоном и включен во вторую часть VIII тома многотомного обзора языков Индии [Grierson 1919₂: 433—457]. В нем помимо нового материала используется также материал, собранный Т. Г. Бейли. Третий очерк опубликован П. К. Коулем на языке хинди в 1977 г. и переиздан в 2006 г. [Koul 1977₁; 2006₁]. На сегодняшний день это самое новое и, пожалуй, самое подробное описание диалекта сираджи. Кроме трех указанных публикаций, следует отметить также статью Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля, вышедшую в 2008 г. в журнале “Acta Orientalia” [Schmidt, Kaul 2008]. Эта статья содержит список слов сираджи, включающий 267 единиц. Материал по диалекту рамбани еще более скуден. Фактически единственным полноценным источником данных по нему является очерк Дж. Грирсона в “Linguistic Survey of India” [Grierson 1919₂: 458—487]. Имеется также очерк Т. Г. Бейли [Bailey 1903: 46—50], крайне сжатый и не содержащий материалов, отсутствующих в работе Дж. Грирсона.

Принимая во внимание вышесказанное, следует признать, что потенциальные возможности прояснения вопроса о генетической принадлежности для двух рассматриваемых диалектов неодинаковы. Материал по сираджи при всей его бедности все же может оказаться достаточным для скрупулезного сравнительно-исторического исследования разных уровней языковой системы. Относительно же рамбани этого сказать нельзя. Крайняя скудость данных по этому диалекту в некоторых случаях, по-видимому, будет непреодолимым препятствием для их полноценной интерпретации в рамках стандартной компаративной процедуры⁵. Так, вероятнее всего, невозможным окажется составление стословного списка рамбани, что не только исключает применение лексикостатистического метода, но и существенно затрудняет установление регулярных звукосоответствий в исконных словах, поскольку список Сводеша, как известно, представляет собой

⁵ С сожалением следует констатировать, что данная ситуация едва ли когда-либо изменится к лучшему. По сообщениям исследователей, ведущих полевую работу на севере округа Джамму, жители селения Рамбан говорят в настоящее время на диалекте зундхари, очень близком к соседнему диалекту погули. Языка же или диалекта с названием *рамбани* в регионе не отмечено (см. [Mock 2008] со ссылкой на устное сообщение П. Хука). Весьма вероятно, что диалект рамбани к настоящему времени полностью вышел из употребления. Данные переписей населения Индии четко показывают, что в Рамбане еще в первой половине XX века полным ходом шел процесс смены языка. Согласно этим данным, в 1911 г. на рамбани говорил 2171 чел. [Grierson 1919₂: 458], в то время как в 1941 г. — 1202 чел. [Warikoo 1996]. Нетрудно подсчитать, что при сохранении данной тенденции рамбани должен был полностью исчезнуть к концу 70-х годов минувшего века.

очень хорошую выборку базисной лексики. При этом, однако, диалект рамбани обнаруживает несомненную материальную близость к сираджи, на что указывал еще Дж. Грирсон [Grierson 1919₂: 458]. Поэтому вопрос о генетических отношениях с соседними языками едва ли может решаться для рассматриваемых диалектов по-разному, и результат, полученный нами для сираджи, скорее всего, будет иметь силу и для рамбани. Тем не менее, материал последнего будет в дальнейшем привлекаться нами по мере возможности.

Необходимо отметить, что, несмотря на существенный недостаток данных, в настоящее время исследователь-компаративист обладает заметно большим объемом фактов, необходимых для решения проблемы диалектов сираджи и рамбани, чем это было в минувшем столетии. В последние годы был выявлен ряд историко-фонетических изоглосс, разделяющих дардские и индоарийские языки, по-видимому, еще на праязыковом уровне⁶. Хотя на сегодняшний день, скорее всего, нельзя установить, как проявилась в сираджи и рамбани каждая из этих изоглосс, в некоторых случаях это все же представляется возможным. Могут быть рассмотрены, например, такие расхождения, как различное отражение древних (общеарийских и общеиндоиранских) кратких дифтонгов и звонких придыхательных смыхных согласных. Даже тот небогатый материал по сираджи и рамбани, который имеется ныне в нашем распоряжении, позволяет сделать определенные выводы о «поведении» этих диалектов в обоих указанных аспектах.

Общеарийский краткий дифтонг **ai*, сохранявшийся в протодардской фонологической системе, в кашмири (а также в ряде кохистанских языков) утратил второй компонент в неконечном положении и развился в краткий гласный *a* [Коган 2005: 19–22]. В сираджи и рамбани он в той же позиции отразился в виде передних гласных *i* и *ē* (сир. *ekk*, *ikk*, рам. *ik* ‘1’ при др.-инд. *ēka-*, кашм. *akh*, авест. *aēva-*; сир. *kē*, рам. *kēš* ‘волосы’ при др.-инд. *kēśa-*, авест. *gaēsa-* ‘волос’⁷). Такая рефлексация, несомненно, предполагает стяжение дифтонга, аналогичное древнеиндийскому.

Наличие звонкой придыхательной серии уже отмечалось в ряде работ как яркая особенность сираджи и рамбани, отличающая их от собственно кашмири [Grierson 1919₂: 459; Edelman 1983: 298]. Сам по себе этот факт, впрочем, не может служить доказательством невозможности включения рассматриваемых диалектов в дардскую группу. В некоторых дардских языках, испытавших сильное индоарийское влияние, в частности, в торвали и кохистани долины Инда (майян), возникли вторичные звонкие придыхательные фонемы. Они обнаруживаются главным образом в заимствованиях, хотя известны и случаи их появления в исконной лексике в результате относительно поздних историко-фонетических процессов [Коган 2008]⁸. Вопрос о том, являются ли звонкие аспираты в сираджи и рамбани унаследованными от праязыкового состояния или же вторичными, до сих пор никем не ставился. Для его разрешения, на наш взгляд, необходимо ответить на два других вопроса: об отношении звонких придыхательных рамбани и сираджи к общеарийским и индоарийским и о наличии и (в случае наличия) происхождения примеров дезаспирации древних звонких придыхательных.

Как позволяет судить доступный языковой материал, звонкие придыхательные сираджи и рамбани в большинстве случаев соответствуют индоарийским звонким придыхательным. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: сир., рам. *bhō-*

⁶ О них см. [Коган 2005: 19–143].

⁷ Кашм. *kīh* ‘волосок’ — индоарийское заимствование [Коган 2011].

⁸ Аналогичная картина обнаруживается и в некоторых иранских языках, например, в восточных диалектах белуджского.

‘становиться’ при др.-инд. *bhavati* ‘есть, является, становится’; сир., рам. *bhar-* ‘наполнять’ при др.-инд. *bharita-* ‘полный, накормленный’, пали *bharita-* ‘наполненный’⁹; сир. *bhāṇḍō* ‘горшок’ при др.-инд. *bhāṇḍa-* то же; сир. *bhrā, brhā*, рам. *brhā* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar-* то же; сир. *bhrammū* ‘брови’ при др.-инд. *bhrū-* ‘бровь’; рам. *dhām* ‘пир, угощение’ при зап. пах. (джаунсари, пангвали) *dhām* то же < др.-инд. *dhārma-* ‘относящийся к дхарме, справедливому порядку’ [Turner 1966: 389]; сир. *dhū* ‘благовоние’ при др.-инд. *dhūpa-* то же; *adho* ‘половина’ при др.-инд. *ardha-* то же; *bandh-* ‘связывать, завязывать’ при др.-инд. *bandhati* ‘связывает, завязывает’; *duddh* ‘молоко’ при др.-инд. *dugdha-* то же; рам. *ubhu* ‘вверх’ при др.-инд. *ūrdhva-* ‘поднятый, находящийся наверху’; сир., рам. *ghar* ‘дом’ при пали *ghara-* то же; сир. *ghaṣ-* ‘тереть’ при др.-инд. *gharṣati* ‘трет’; сир. *ghās* ‘трава, сено’ при др.-инд. *ghāsa-* ‘пища; трава на пастбище’; *ghīū* ‘топленое масло’ при др.-инд. *ghṛta-* то же; *langh-* ‘проходить’ при др.-инд. *laṅghayati-* ‘переходит, перепрыгивает’, синдхи *laṅghaṇu* ‘проходить’, зап. пах. (котгархи) *lāṅghṇō* ‘переходить, проходить’.

Несомненных случаев дезаспирации более ранних звонких придыхательных в рамбани не отмечено, в то время как для сираджи Дж. Грирсон [Grierson 1919₂: 434] приводит два подобных примера: *butō* ‘(он) был’ при др.-инд. *bhūta-* ‘бывший, ставший’ и *buččhā* ‘голодный’ (< **bhuččhā*) при др.-инд. *bubhukṣā-* ‘голод’, хинди *bhūkhā*, пандж., лахнда *bhukkhā* ‘голодный’. Относительно второго примера следует отметить, что он в действительности демонстрирует не потерю придыхания, а полную утрату более старого звонкого придыхательного в интервокальном положении¹⁰. Поэтому едва ли он может служить весомым аргументом в пользу принадлежности сираджи к дардской группе. Кроме того, П. К. Коуль отмечает несомненно родственное вышеприведенному прилагательному существительное *bhuččh* ‘голод’ с начальной аспиратой [Koul 2006₁: 329]. Вне зависимости от того, связано ли расхождение в записях с неточностью фиксации или с реально существующим в языке свободным варьированием начального придыхательного и непридыхательного в данном слове¹¹, рассматриваемый пример в любом случае нельзя считать надежным и бесспорным.

Происхождение первого из приведенных выше примеров представляется неясным. Вопрос вызывает причина не только утраты древнего придыхания у начального *bh*, но и сохранения интервокального *t*, поскольку в сираджи имеются несомненные примеры выпадения последнего (ср. *bhrā* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar-*, *śōu* ‘100’ при др.-инд. *śataṇi*). Возможное объяснение как отсутствия придыхательного, так и наличия согласного *t* в интервокальном положении в форме *butō* (а также и в других формах связки прошедшего времени, образованных от основы *but-*) можно, на наш взгляд, предложить, не связывая ее с др.-инд. *bhūta-*. Интересной представляется этимология Р. Л. Тернера, сопоставившего в своем сравнительном словаре данную форму с др.-инд. *vytta-* ‘повернувшийся; округлый; заверченный; прошедший, истекший’ [Turner 1966: 699]. С точки зрения семантики данное сравнение следует признать правдоподобным, особенно учитывая, что у ряда новоиндийских рефлексов указанного древнеиндийского образования основным значением является ‘проходить (о времени)’ (хинди *bīt-*, ория, зап. пах. (котгархи) *bit-*, гудж. *vīt-*), из которого вполне тривиальным образом могло развиваться значение связки

⁹ Этимологически, по-видимому, неотделимо от др.-инд. *bharati* ‘несет’ [Turner 1966: 535].

¹⁰ Начальный придыхательный в новоиндийских языках в данном слове вторичен и представляет собой результат относительно позднего стяжения. Непосредственным прототипом современных форм с начальным *bh* является среднеиндийская форма *buhukkhā-*, зафиксированная в пракритах, в которой ларингальный *h* регулярным образом отражает древнеиндийский интервокальный *bh*.

¹¹ Такое варьирование может быть связано, например, с наличием в слове двух аспират.

прошедшего времени¹². Единственной фонетической нерегулярностью является упрощение старой интервокальной геминаты *tt* до одиночного *t*¹³. Эта нерегулярность, однако, не представляется необъяснимой. Элемент *-t-* является в диалекте сираджи показателем имперфекта. Он присоединяет личные окончания, причем парадигма спряжения идентична таковой глагола-связки в прошедшем времени¹⁴ (ср. 1 Sg *-tē*, 2 Sg *-tē*, 3 Sg *-tō*, 1 Pl *-tā*, 2 Pl *-tath*, 3 Pl *-tā* и парадигму связки: 1 Sg *butē*, 2 Sg *butē*, 3 Sg *butō*, 1 Pl *butā*, 2 Pl *butath*, 3 Pl *butā*). Можно предположить, что формы связки, продолжающие древнее *vr̥tta-*, на определенном историческом этапе стали восприниматься как формы имперфекта. Это могло вызвать парадигматическое выравнивание, результатом которого и явилось возникновение одиночного *t* на месте более ранней геминаты. Таким образом, рассмотренный пример вовсе не является несомненным случаем дезаспирации старого звонкого придыхательного.

Еще одним примером потери древнего придыхания является сир. *baḍḅō* ‘резать, рубить’ при др.-инд. *vardhayati* ‘режет, разделяет’. В этом случае, однако, потеря придыхания вполне может объясняться сложной для произношения аспираты позицией перед согласным: данный глагол засвидетельствован только в форме косвенного падежа инфинитива (*baḍḅē*), показатель которого начинается с согласного *ṅ*.

В связи с вопросом о дезаспирации в сираджи следует отметить, что Р. Л. Шмидт и В. К. Кауль в своем словнике не отмечают придыхание у звонких в ряде лексем, в которых другие исследователи (Т. Г. Бейли, Дж. Грирсон, П. К. Коуль) фиксируют звонкую аспирату (ср., напр., *gar* ‘дом’ [Schmidt, Kaul 2008: 287] при *ghar* [Bailey 1903: 36; Grierson 1919₂: 443], *gōṛ* ‘камень’ [Schmidt, Kaul 2008: 292] при *ghōṛ* [Koul 2006₁: 326]). Поскольку данное расхождение в фиксации охватывает лишь часть примеров, и как таковые исторические звонкие придыхательные отмечаются и в словнике Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля (ср., напр., *bhādro* ‘название месяца’ [Schmidt, Kaul 2008: 290]; *bhāro* ‘шмель’ [Schmidt, Kaul 2008: 293]; *ghōro* ‘лошадь’ [Schmidt, Kaul 2008: 293]; *bhedḍū* ‘баран’ [Schmidt, Kaul 2008: 294]; *ghās* ‘трава’ [Schmidt, Kaul 2008: 295]), едва ли есть какие-либо основания предполагать позднюю дезаспирацию в сираджи. Вероятно, дело здесь в неточности записи. При этом вряд ли можно упрекнуть в неаккуратности Т. Г. Бейли, чьи работы по индоарийским и дардским языкам хорошо зарекомендовали себя в смысле качества фиксации материала, и Дж. Грирсона, позаимствовавшего основную часть материала по сираджи у Т. Г. Бейли. Скорее всего, непоследовательность в данном случае проявили именно Р. Л. Шмидт и В. К. Кауль. Поэтому мы не считаем целесообразным ориентироваться на записи этих исследователей в том, что касается рефлексии древних звонких аспират¹⁵.

¹² Показательно также наличие в некоторых индоарийских языках глагола-связки, восходящего к древнеиндийскому корню *vart-* (ср., напр., авадхи *bāt-*).

¹³ Ср. сохранение древней геминаты, например, в *ditto* ‘данный’ (< **ditta-* [Turner 1966, 351]) при др.-инд. *datta-*.

¹⁴ Эта парадигма характерна для всех непереходных глаголов в прошедшем времени. Современные личные формы в ней, по всей видимости, восходят к более ранним сочетаниям причастий с местоименными суффиксами.

¹⁵ Тем не менее, следует заметить, что материалы Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля содержат некоторые интересные факты. Так, в ряде слов с историческим звонким придыхательным эти исследователи отмечают на соседнем гласном восходящий тон (ср. *brāu* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar-*, ср. также *bhrā*, *brhā* у Дж. Грирсона и *brhā* у Т. Г. Бейли; *dūm* ‘дым’ при др.-инд. *dhūma-*). Неясно, насколько точны эти записи. Во всяком случае, нельзя исключить, что В. К. Кауль и Р. Л. Шмидт приняли за тон слабое придыхание перед долгим гласным. Однако если их нотация действительно отражает реальную картину, то можно предположить для сираджи развитие фонологического тона на месте древней аспирации. Явление это, однако, позиционное (по

Таким образом, доступный материал не дает нам совершенно никаких оснований предполагать для сираджи и рамбани фронтальное совпадение древних звонких придыхательных со звонкими. Противопоставление двух серий в рассматриваемых диалектах, по всей видимости, сохранилось в большинстве позиций, что уже само по себе не позволяет относить их к дардской группе, а следовательно, и считать их диалектами кашмири. Следует отметить, что данный аргумент является более веским, нежели рассмотренное выше стяжение краткого дифтонга, так как последнее теоретически могло иметь место в рамбани и сираджи и в относительно позднюю эпоху, как это случилось в целом ряде дардских и иранских языков.

В качестве одного из аргументов в пользу близости сираджи и рамбани к кашмири Дж. Грирсон приводит наличие в этих языках переходов *č > c и *j̣ > z [Grierson 1919₂: 434, 459]. Подобное развитие, однако, характерно и для ряда индоарийских языков, в частности, для некоторых языков группы пахари: котгархи, бхадарвахи, бхалеси [Bailey 1908; Varma 1948; Hendriksen 1976—86]. В самом кашмири оно датируется достаточно поздней эпохой [Коган 2009₂], и его никоим образом нельзя считать классифицирующей особенностью дардских языков. Кроме того, некоторые факты фонетики диалекта сираджи заставляют поставить под вопрос само наличие дентализации среднеязычных аффрикат как фонологически значимого явления. В записях Т. Г. Бейли [Bailey 1903], высокая точность которых является общепризнанной, согласные z и j̣ иногда отмечаются в одинаковой позиции в одном и том же корне (ср. *az* и *ajj* ‘сегодня’). То же можно сказать и о согласных z и dz (ср. *uzāri* ‘растратив’, *udzārūñēñī* ‘(он) растратил’). Аффриката dz на месте ожидаемого z фиксируется и в словнике Р. Л. Шмидт и В. К. Кауля (ср. *dzemī* ‘земля’ < перс. *zamīn*). Хотя недостаток материала пока не позволяет делать какие-либо окончательные выводы, есть основания полагать, что согласные z, dz и j̣ в сираджи находятся в отношении свободного варьирования. Такая гипотеза позволяет объяснить, например, двойное отражение z в персидских заимствованиях, в том числе однокоренных (ср. *dzemī* ‘земля’ < перс. *zamīn* то же и *jimīdār* ‘земледелец’ < перс. *zamīndār* то же). В материалах П. К. Коуля [Koul 1977₁; 2006₁] отмечаются также примеры взаимозаменяемости среднеязычных и зубных глухих аффрикат (č и c, čh и ch): *čarhōllī* ‘птица’ [Koul 2006₁: 328] и *caṛoliyeī* ‘птицы’ [Koul 2006₁: 349]; *čō* и *cō* ‘яблоко’ [Koul 2006₁: 349]; *chittō* ‘белый’ [Koul 2006₁: 327] и *čhittō* ‘белый’ [Koul 2006₁: 332]. Возможно, однако, что запись подобных примеров не отражает реального произношения. В принятой П. К. Коулем системе транскрипции на основе письма деванагари дентальные аффрикаты обозначаются знаками для среднеязычных с точкой внизу. Нельзя исключить, что колебания в записях связаны с тем, что при фиксации или при последующем издании материалов точка ставилась не во всех необходимых случаях. Поэтому если для среднеязычных и дентальных звонких аффрикат свободное варьирование представляется вероятным, то для их глухих коррелятов предполагать таковое нет весомых оснований.

Таким образом, из тех историко-фонетических черт рассматриваемых диалектов, которые в прошлом пытались представить в качестве «дардских», в действительности ни одна к таковым не относится. В общем и в целом можно с полной ответственностью констатировать, что доступный в настоящее время языковой материал не позволяет обнаружить никаких фактов исторической фонетики, дающих основания относить сираджи и рамбани к дардской группе. При этом имеются несомненные указания на невозможность такой классификации¹⁶. В то же время, не удалось выявить никаких существенных

крайней мере, не зафиксировано ни одного примера восходящего тона вне позиции перед долгим гласным) и весьма недавнее, поскольку еще в начале XX века не отмечено никаких признаков его наличия.

¹⁶ Речь идет, прежде всего, о сохранении оппозиции древней звонкой и звонкой придыхательной серии.

историко-фонетических расхождений, препятствующих причислению сираджи и рамбани к индоарийской группе. Их фонологические системы, по-видимому, могут быть выведены из древнеиндийской, что неверно для фонологической системы кашмири и других дардских языков.

Гипотеза о принадлежности сираджи и рамбани к дардской группе не подтверждается и данными морфологии. Большая близость морфологической системы этих диалектов к таковой соседних индоарийских языков, нежели к кашмирской, уже отмечалась в некоторых работах [Edelman 1983: 298—299]. Единственной чертой морфологии, сближающей рамбани и сираджи с кашмири, является наличие местоименных суффиксов, присоединяемых к глагольным формам¹⁷. Дж. Грирсон приводил эту особенность в качестве одного из основных аргументов в пользу классификации сираджи как кашмирского диалекта. Этот аргумент, однако, едва ли можно считать решающим, поскольку местоименные суффиксы имеются и в некоторых индоарийских языках, в частности, в синдхи, в диалектах западного и северо-западного Панджаба и смежных территорий¹⁸. В языках пахари они не отмечены, но следует учесть, что многие из этих языков до сих пор описаны весьма фрагментарно, и уверенно говорить об отсутствии в них данного явления пока рано¹⁹.

Неясно, в какую эпоху система суффицированных местоимений в сираджи и рамбани окончательно сложилась в современном виде. Некоторые факты могут свидетельствовать об относительно позднем происхождении некоторых суффиксов. Так, показатели субъекта 3 л. ед. ч. переходных глаголов (сир. $-(\check{e})\eta\bar{i}$, рам. $-(i)\eta\bar{i}$) возникли, возможно, в результате вторичной энклизы указательного местоимения в форме эргативного падежа ед. ч. (сир. $ye\eta\bar{i}$ / $te\eta\bar{i}$ ²⁰, рам. $ti\eta\bar{i}$) и последующих фонетических изменений. Данная гипотеза позволяет более правдоподобно объяснить наличие в приведенных местоименных суффиксах конечного долгого \bar{i} , а также начальных кратких \check{e} и i , нежели сопоставление с кашмирским субъектным показателем 3 л. ед. ч. $-n-$, продолжающим, скорее всего, одну из форм древнего указательного местоимения $*ana$ ²¹. Таким образом, представляется

¹⁷ Их называют также суффицированными (энклитическими) местоимениями или местоименными энклитиками. В сираджи отмечены следующие суффицированные местоимения: $-m$ (показатель субъекта 1 л. ед. ч. при переходных глаголах в перфектных временах), $-t$ (показатель субъекта 2 л. ед. ч. при переходных глаголах в перфектных временах), $-(\check{e})\eta\bar{i}$ (показатель субъекта 3 л. ед. ч. при переходных глаголах в перфектных временах), $-s$ (показатель непрямого объекта 3 л. ед. ч.) [Grierson 1919₂: 450—451]. В рамбани система местоименных суффиксов идентична таковой в сираджи. Набор показателей тот же, но с небольшими фонетическими отличиями: $-am$, $-t$, $-(i)\eta\bar{i}$, $-s(i)$ [Grierson 1919₂: 475—476]. У суффикса $-(i)\eta\bar{i}$ обнаруживается тенденция к расширению функций и превращению в показатель прошедшего времени для всех лиц [Grierson 1919₂: 476].

¹⁸ Интересно, что в этих диалектах обнаруживаются функционально тождественные этимологические соответствия таким суффицированным местоимениям сираджи, как $-m$ и $-s$.

¹⁹ В этой связи небезынтересен также тот факт, что в диалектах северо-западного Панджаба, т. е. области, непосредственно примыкающей к округу Джамму, система суффицированных местоимений, по-видимому, постепенно распадается. Уже в начале XX века местоименные суффиксы 1 и 2 л. не имели там широкого распространения [Grierson 1919₁: 431]. В диалекте пунчи, распространенном восточнее, в пределах округа Джамму, единственным широко употребительным суффицированным местоимением является показатель 3 л. ед. ч., в то время как показатель 2 л. ед. ч. не отмечен вовсе [Grierson 1919₁: 512]. Нельзя исключить, что в языках группы пахари, ареал которых расположен далее на восток, в прошлом имел место аналогичный процесс, зашедший, впрочем, еще дальше и приведший к полной утрате местоименных суффиксов.

²⁰ Косой чертой разделены формы местоимений ближнего и дальнего дейксиса. В рамбани форма эргатива указательного местоимения ближнего дейксиса не отмечена в текстах.

²¹ См. [Turner 1966: 14], где кашмирское суффицированное местоимение ошибочно приведено в форме $-am$.

вероятным, что в сравнительно недавнем прошлом в сираджи и рамбани имело место некоторое расширение системы суффиксированных местоимений за счет введения в нее новых, исторически нессуффиксальных и неэнклитических элементов. Катализатором этого процесса вполне могло быть влияние соседнего кашмири. Возможно, во многом благодаря этому влиянию система местоименных суффиксов в рассматриваемых диалектах сохранялась долгое время, не обнаруживая тенденции к разрушению.

Еще одной изоглоссой, объединяющей сираджи и рамбани с кашмири, является общая основа форм связки настоящего времени *čh-*. Эту черту скорее следует рассматривать не как морфологическую, а как лексическую или, по крайней мере, как находящуюся на стыке морфологии и лексики. Ее никоим образом нельзя считать существенной для генетической классификации: этимологически родственные формы связки, восходящие к древнеиндийскому корню *kṣi-* ‘проживать, существовать’, имеются во многих индоарийских языках²². Засвидетельствована данная основа, в частности, в соседнем языке бхалеси (*nečchi* ‘не есть, не является’). Более того, есть основания полагать, что распространение ее в кашмири связано с индоарийским влиянием. Этимологические соответствия кашмирским формам связки в других дардских языках весьма немногочисленны: паш. (чиласский диал.) *oc-* ‘быть’²³ и, возможно, торв. *čī* — форма связки наст. вр. ж. р.²⁴. Показательно их отсутствие в близком к стандартному кашмири диалекте каштавари, где основа глагола-связки *th-* восходит, как и в торвали и многих других дардских языках²⁵, к общеарийск. **stā-*. Даже если основа *čh-* в кашмири является исконной, представляется вероятным, что ее утверждение в качестве единственной для связки в настоящем времени произошло благодаря тесным контактам с индийскими языками, возможно, с близкородственными бхалеси языками группы пахари.

Лексика сираджи и рамбани характеризуется наличием изоглосс, как общих с кашмири, так и общих с новоиндийскими языками. Последние при этом явно преобладают над первыми. Нет сомнения, что подобная ситуация могла сложиться только вследствие интенсивных межъязыковых контактов и выявления заимствований, усвоенных в ходе этих контактов рассматриваемыми диалектами, представляет собой сложнейшую задачу. Решение этой задачи является, однако, необходимым условием для установления реального генетического положения сираджи и рамбани. Наиболее интересным материалом для исследования является, разумеется, базисная лексика, в частности, ее, возможно, наиболее удачная и часто используемая выборка — стословный список М. Сводеша. Сразу следует оговориться, что проведение лексикостатистических подсчетов возможно только для диалекта сираджи. Материал по рамбани чрезвычайно скуден, и едва ли не большая часть слов стандартного списка не зафиксирована. Однако, как уже говорилось, генетическая близость рамбани и сираджи едва ли может быть подвергнута сомнению. Поэтому результаты, полученные для последнего, можно будет считать имеющими силу и для первого.

Исследование лексики сираджи в рамках метода лексикостатистики сопряжено с некоторыми специфическими трудностями. Проблема выделения заимствований в сто-

²² Эти формы см., например, в статье *ākṣēti* в словаре Р.Тернера [Turner 1966: 46].

²³ Возможно, заимствование [Morgenstierne 1956: 3].

²⁴ Формы связки м. р. *thū* (ед. ч.) и *thī* (мн. ч.), несомненно, продолжают производные общеарийск. **stā-* ‘стоять’. Форму ж. р. (общую для обоих чисел) следует, по-видимому, считать супплетивной. Предположение Дж. Грирсона о возникновении *č* (< **čh*) из более раннего *th* в результате палатализации [Grierson 1929: 14] представляется нам менее вероятным: ни одного бесспорного примера подобного развития в торвали не отмечено.

²⁵ Ср., напр., тир. *thī* (м. р.), *thē* (ж. р.), г.-б. *thana* (м. р.), *thini* (ж. р.), башк. *thū* (м. р.), *thī* (ж. р.), пхал. *thī* (м. и ж. р.) ‘(он) есть, является’, паш. (диал. лауровани) *th-* ‘быть, становиться’.

словном списке, хорошо знакомая каждому компаративисту, усугубляется в нашем случае неясностью генетической принадлежности языка. Действительно, если, например, вслед за Дж. Грирсоном считать, что сираджи является кашмирским диалектом и, следовательно, относится к дардской группе, все слова из списка Сводеша, обнаруживающие несомненные семантически тождественные этимологические соответствия в индоарийских языках, но не имеющие таковых в дардских, можно с полным основанием рассматривать как заимствованные и не учитывать при подсчетах. С другой стороны, если, подобно Р. Л. Шмидт и П. К. Коулю, считать сираджи одним из языков группы пахари (т. е. одним из индоарийских языков), заимствованиями с большой степенью вероятности можно считать слова, общие для сираджи и кашмири, но отсутствующие в новоиндийских языках.

Данная ситуация, на первый взгляд напоминающая порочный круг, в действительности не является безвыходной. Проведенный выше анализ исторической фонетики позволяет выбрать из двух гипотез более правдоподобную. Таковой следует считать «индоарийскую» гипотезу, предложенную П. К. Коулем и Р. Л. Шмидт. Весьма важным для нас является также то обстоятельство, что доля заимствований в стословном списке, как правило, относительно низка. Если учесть также весьма значительную величину разрыва в процентах соответствий между разными новоиндийскими языками с одной стороны и новоиндийскими и дардскими языками — с другой²⁶, можно ожидать, что лексикостатистические подсчеты, выполненные даже без выделения заимствований (т. е. при рассмотрении их как схождений с языком-донором, в нашем случае — с кашмири или неким индоарийским языком), хотя и заметно исказят в некоторых аспектах реальную картину языковой дивергенции (в частности, дадут неверные датировки), но при этом все же покажут достаточно близкое к истинному положение исследуемого языка на родословном древе. Поэтому нам представляется целесообразным проведение лексикостатистического анализа в три этапа. На первом этапе будет произведен предварительный подсчет при невыявленных (или не полностью выявленных) заимствованиях с целью установления соотношения долей сираджи-дардских и сираджи-индоарийских соответствий. Это соотношение явится основанием для предварительной гипотезы о генетическом положении сираджи. На втором этапе, исходя из выдвинутой гипотезы, будут выявлены вероятные заимствования (дардские или индоарийские) в стословном списке рассматриваемого диалекта. Наконец, на третьем этапе, будут проведены окончательные подсчеты в рамках стандартного лексикостатистического метода.

Стословный список сираджи приведен в приложении, а списки привлекаемых для сравнения индоарийских и дардских языков — в нашей недавней работе [Коган 2005]. Лексический материал сираджи взят главным образом из работы [Schmidt, Kaul 2008] и дополнен данными, зафиксированными в [Grierson 1919₂] и [Koul 2006₁]. Четыре слова списка (*dzemī* ‘земля’, *dil* ‘сердце’, *mard* ‘мужчина’, *zenān* ‘женщина’) сразу выделены нами как иноязычные: это несомненные заимствования из персидского языка²⁷. Кроме того, заимствованиями, вероятнее всего, являются слова *čakku* ‘укус’ (именная часть сложного глагола *čakku dē-* ‘кусать’)²⁸ и *čānī* ‘луна’, поскольку в них не обнаруживается

²⁶ Средняя доля совпадений между дардскими и новыми индоарийскими языками составляет 43,5% [Коган 2005: 176], между разными новоиндийскими языками — 69%.

²⁷ Ср. кл.-перс. *zamīn* ‘земля’, *dil* ‘сердце’, *mard* ‘мужчина’, *zanāna* ‘женский’.

²⁸ Слово отмечено в [Schmidt, Kaul 2008]. Данное слово было заимствовано также в некоторые языки группы пахари (ср. котгархи *čak-* ‘кусать’). Из вероятных исконных соответствий ср., напр., хиндко *sak*, синдхи *saku* ‘укус’.

предполагаемый для сираджи переход $\check{c} > c$ ²⁹. Наличие же согласного j не считается нами признаком иноязычного происхождения слова, поскольку, как уже говорилось, есть основания предполагать свободное варьирование среднеязычных и зубных звонких аффрикат в сираджи.

Интересной особенностью стословного списка сираджи является то, что ряд значений выражается в нем двумя синонимами, один из которых обнаруживает точные этимологические соответствия в индоарийских языках, а другой — в дардских, но, как правило, не в индоарийских (*iḍḍ* ‘живот’, ср. кашм. *yēḍ* то же и *pēṭ* ‘живот’, ср. хинди, пандж., гудж., бенг., зап. пах. (котгархи) *peṭ* то же³⁰; *khōr* ‘нога’, ср. кашм. *khōr*, пхал., май., башк., г.-б. *khur*, торв. *khū*, кал. *khūr* то же и *pēr* ‘нога’, ср. хинди, пандж. *pair*, лахнда *pēr*, синдхи *per* то же; *kuṭh* ‘колени’, ср. кашм. *kōṭh*, шина *kuṭo*, пхал. *kuṭu*, май., башк. *kuṭh*, торв. *kuṭ* то же и *janṇū* ‘колени’, ср. зап. пах. *dzaṇu* (котгархи), *janṇū* (химачали), *jānṇhu* (кулуи, мандеали), догри *jāhṇnū*, хиндко *janṇū* то же; *āsi* ‘рот’, ср. кашм. *ās*, шина, башк. *āi*, май., торв. *āi*, тир. *azi*, г.-б. *hāsi*, кал. *aṣi* то же и *mūh* ‘рот’, ср. хинди, лахнда *mūh*, пандж. *mūh*, синдхи *mūhū*, гудж. *mhō*, зап. пах. (котгархи, мандеали) *mū* то же). Поскольку приведенные пары синонимов обнаруживаются в языке, для которого признается сильное воздействие со стороны соседей, представляется весьма вероятным, что причиной подобной ситуации являются именно языковые контакты. Иными словами, есть все основания полагать, что, по крайней мере, один из членов каждой пары представляет собой заимствование. Выявление таких заимствований, как уже говорилось, будет возможным только после предварительных лексикостатистических подсчетов.

Для одного из слов стословного списка сираджи — *čhittō*, *chittō*³¹ ‘белый’ выбор между отнесением к индоарийскому или дардскому лексическому пласту сопряжен с некоторыми трудностями. Это слово, по всей видимости, представляет собой результат контаминации одного из новоиндийских обозначений белого цвета (ср. хинди, пандж., хиндко, догри, зап. пах. (химачали, мандеали) *ciṭṭā*, лахнда *ciṭā*, годжри *ciṭo*) с одним из дардских (ср. кашм. *čhot* ‘белый’ < **kṣaita*³²). Дардская и индоарийская формы, несмотря на созвучие, неродственны друг другу. Поскольку для базисной лексики обычно принимается своеобразная «презумпция исконности» (т. е. слово считается исконным, если нет фактов, однозначно свидетельствующих о его иноязычном происхождении), нам представляется целесообразным на стадии предварительных подсчетов при сравнении с индоарийскими языками гипотетически рассмотреть данное слово как индоарийское (т. е. считать придыхание у начальной аффрикаты и дентальные согласные вместо ожидаемых церебральных результатом контаминации с кашм. *čhot*), а при сравнении с дардскими языками — как дардское (т. е. считать гласный i и геминацию t неэтимологическими и объяснять их появление индийским влиянием). Еще раз оговоримся, что подобная «двойственная» трактовка является лишь предварительной мерой, оправданной на первом этапе исследования (при рассмотрении возможных вариантов и оценке их

²⁹ Об этом переходе см. выше. Поскольку противопоставление дентальных и среднеязычных аффрикат нет весомых оснований считать нефонологичным, мы рассматриваем изменение $\check{c} > c$ в качестве одной из характерных черт исторической фонологии сираджи. Наличие же фонологически значимого перехода $j > z$, как уже говорилось, не представляется бесспорным. Поэтому наличие аффрикаты j , на наш взгляд, не может считаться надежным свидетельством иноязычного происхождения слова. Обозначение луны, по видимому, заимствовано из индоарийского источника, где оно продолжает производное от др.-инд. *candra* ‘луна’. Новоиндийские рефлексy последнего см. в [Turner 1966: 252].

³⁰ Слово, по-видимому, дравидийского происхождения (см. [Коган 2005: 157]).

³¹ Форма с начальной зубной аффрикатой *ch* зафиксирована в [Koul 2006₁].

³² Родственно авест. *χšaēta* ‘сияющий’ (см. [Коган 2005, 21]).

вероятности), но не на последующих, когда из двух теоретически возможных решений будет выбрано наиболее обоснованное.

Ниже в двух таблицах приводятся результаты предварительных лексикостатистических подсчетов.

Таблица 1. Предварительно вычисленные проценты совпадений между стословными списками сираджи и индоарийских языков.

Язык	Процент совпадений с сираджи
хинди	71%
панджаби	72%
лахнда	74%
синдхи	68%
гуджарати	66%
маратхи	61%
бенгали	66%
ассамский	58%
непали	67%
пахари (котгархи)	75%

Таблица 2. Предварительно вычисленные проценты совпадений между стословными списками сираджи и дардских языков.

Язык	Процент совпадений с сираджи
кашмири	54%
шина	46%
пхалура	50%
гавар-бати	52%
пашаи	48%
кховар	40%
калаша	49%

Цифры, приведенные в таблицах, как нам представляется, четко и недвусмысленно указывают на принадлежность сираджи к индоарийским, а не к дардским языкам. Средний процент совпадений, полученный на основании этих цифр, составляет для сираджи и индоарийских языков 67,8%, для сираджи и дардских — 48,4%. Разрыв почти в 20%, несомненно, не может объясняться исключительно контактными явлениями, такими как заимствование или вторичный «подскок» доли сходжений в списках контактирующих близкородственных языков³³. Поэтому его следует считать именно отражением

³³ Как указывает С. А. Старостин, такой «подскок», вызванный тем, что при тесных контактах между близкородственными языками в их стословных списках иногда сохраняются и заменяются одни и те же слова, может достигать лишь 5–6% [Старостин 1989: 35]. В нашем же случае, если предположить, что си-

определенной генетической характеристики рассматриваемого диалекта. Внимания заслуживает также тот факт, что наиболее высокий процент совпадений сираджи обнаруживает с языками Северной и Северо-Западной Индии: хинди, панджаби, лахнда, котгархи.

Принимая во внимание результаты предварительных подсчетов, мы можем снова обратиться к проблеме заимствований в стословном списке сираджи. Наиболее вероятным иноязычным происхождением представляется для слов, имеющих этимологические параллели в дардских языках, но не имеющих таковых в индоарийских. Так, из рассмотренных выше пар синонимов такие слова, как *iḍḍ* ‘живот’, *khōr* ‘нога’ и *kuṭh* ‘колени’ можно с полным основанием признать дардскими заимствованиями и исключить из стословного списка, оставив лишь их индоарийские эквиваленты: *pēṭ*, *pēr* и *jannī* соответственно. Усвоенными из дардского источника (вероятнее всего, из кашмири) следует считать также *ṭhūl* ‘яйцо’ (ср. кашм. *ṭhūl* то же) и *juān* ‘хороший’ (ср. кашм. *jān* то же)³⁴. Надежных индоарийских соответствий у этих слов также не прослеживается.

Некоторые слова стословного списка сираджи теоретически могли бы являться общими дардско-сираджи архаизмами, поскольку у них обнаруживаются семантически тождественные соответствия в древних арийских языках (ср. сир. *āsi* ‘рот’ при др.-инд. *ās-*, *āsyā-*, авест. *āh-* то же³⁵; сир. *ṣunā* ‘собака’ при др.-инд. *śvan-*, авест. *span-*, кашм. *hūn*, шина *ṣū*, тир. *sənā*, г.-б. *ṣūnā*, шум. *ṣūrā*, паш. (диал. лауровани) *ṣūng*, кал. *ṣūrā* то же). Однако примечательно, что в новоиндийских языках эти слова, как правило, отсутствуют. Нет их, в частности, и в языках Северной и Северо-Западной Индии, обнаруживающих наибольшую близость к сираджи. Здесь основные названия рта и собаки продолжают соответственно др.-инд. *mukha-* и древнюю основу **kut-* (ср. пракр. *kutta-* ‘собака’, а также др.-иран. **kuta-*, **kuti-* > согд. *kwt*, шутн. *kud*, ишк. *kud*, осет. *kʷiʒ* ‘собака’). Данный факт является сильным аргументом в пользу заимствования сир. *āsi* ‘рот’ и *ṣunā* ‘собака’ из соседнего кашмири³⁶. Во всяком случае, иноязычное происхождение в данном случае представляется более вероятным, нежели сохранение общих архаизмов, утраченных в близкородственных языках³⁷.

Таким образом, стословный список сираджи, который будет использоваться нами для окончательных лексикостатистических подсчетов, содержит следующие заимствования: *pēṭ* ‘живот’³⁸, *ṣakkū dē-* ‘кусать’, *ṣunā* ‘собака’, *dzemī* ‘земля’, *ṭhūl* ‘яйцо’, *dil* ‘сердце’, *mard* ‘мужчина’, *ṣānī* ‘луна’, *zenān* ‘женщина’. Вероятные дардские заимствования, имеющие синонимы другого происхождения (*iḍḍ* ‘живот’, *khōr* ‘нога’, *juān* ‘хороший’ и *kuṭh* ‘колени’), как уже говорилось, в список не включались. Общее число заимст-

раджи — диалект кашмири, придется допустить «подскок» в проценте соответствий с индоарийскими языками почти на 20%, что, по-видимому, невероятно.

³⁴ У последнего слова есть синоним *rolō*, который и будет включен нами в окончательный вариант стословного списка сираджи.

³⁵ Дардские соответствия этого слова см. выше.

³⁶ Для последнего слова следует предполагать заимствование в эпоху, предшествовавшую кашмирскому передвижению сибилантов, частным случаем которого был переход **ṣ > h* (см. [Коган 2009₂]).

³⁷ В данной связи интересно отметить, что название рта, родственное др.-инд. *āsyā-*, зафиксировано помимо сираджи также в трех языках группы пахари — бхалеси (*āsi*), бхадарвахи (*āṣi*) и пангвали (*āṣi*). Все эти языки распространены в непосредственной близости от Кашмирской долины, и во всех них обнаруживаются явные следы влияния кашмири. Ни в одном другом языке пахари, как, впрочем, и вообще ни в одном другом новоиндийском языке, данный этимон не отмечен.

³⁸ Как говорилось выше, это слово, по всей видимости, является старым дравидизмом в индоарийских языках.

ний (9) отнюдь не представляется аномально высоким. Оно равно числу заимствований, например, в таких индоарийских языках, как маратхи и бенгали и лишь немногим меньше такового в хинди³⁹.

Окончательные лексикостатистические подсчеты⁴⁰, проведенные после выделения заимствований дали следующие результаты: табл. 3 и 4.

Средние доли совпадений составляют 70,4% для сираджи и индоарийских языков и 46,4% для сираджи и дардских. Данные цифры, как нам представляется, ясно и недвусмысленно указывают на принадлежность сираджи к индоарийской группе. Принимая во внимание сказанное выше о несомненной генетической близости сираджи и раббани, отнесение к индоарийским языкам следует считать правомерным и для последнего.

В общем и в целом можно сказать, что при всей скудости данных по диалекту сираджи комплексное исследование этих данных позволило прийти к однозначному выводу относительно его генетического положения. Интересно, что факты разных языковых уровней при этом как бы дополняют друг друга. Данные исторической фонетики (в частности, сохранение в сираджи оппозиции древних звонкой и звонкой придыхательной серий) четко указывают на невозможность классификации этого диалекта как дардского. При этом, однако, они не свидетельствуют однозначно в пользу «индоарийской гипотезы»: стяжение краткого дифтонга, как уже говорилось, могло быть поздним явлением, а сохранение звонких придыхательных представляет собой общий сираджи-индоарийский архаизм и тем самым не может служить основанием для объединения в одну генетическую общность. Однако результаты лексикостатистических подсчетов вносят в вопрос о месте сираджи в генетической классификации арийских языков окончательную ясность.

3. К вопросу о генетических отношениях стандартного кашмири и диалектов погули и каштавари

Диалекты погули и каштавари распространены непосредственно к югу и юго-востоку от Кашмирской долины в долинах Погул, Паристан и Каштавар, входящих ныне в округ Джамму индийского штата Джамму и Кашмир. Оба диалекта обнаруживают значительную материальную близость к стандартному кашмири, что неоднократно отмечалось исследователями [Bailey 1903: 51, 61; Grierson 1919₂: 402; Koul, Schmidt 1984; Kaul 1995].

³⁹ В стословном списке хинди 8 заимствований.

⁴⁰ Строго говоря, приводимые ниже цифры также являются предварительными. Они могут измениться, например, в том случае, если после введения в научный обиход нового лексического материала по диалекту сираджи станут известны исконные синонимы каких-либо заимствований в стословном списке. Следует также отметить, что два слова, отмеченные нами как исконные, в действительности могут являться дардскими заимствованиями. Это прилагательные *nīlō* 'зеленый' и *haldro* 'желтый'. Обладая надежными семантически тождественными соответствиями в ряде языков дардской группы (ср. кашм. *n'ūl*, шина, пхал. *nīlu*, май. *nīl*, г.-б. *nīla* 'зеленый'; кашм. *l'odur*, шина *haliṣu*, паш. (диал. курангали) *ārilo*, шум. *ārilo* 'желтый'), они не обнаруживают таковых в тех новоиндийских языках, которые по данным лексикостатистики обнаруживают наибольшую генетическую близость к сираджи (хинди, панджаби, лахнда, коттархи). В подобной ситуации гипотеза о заимствовании представляется вполне естественной. Тем не менее, поскольку у данных слов имеются древне- и среднеиндийские прототипы (ср. др.-инд. *nīla*- 'темно-синий, темно-зеленый', пракр. *nīla*- 'синий, зеленый'; др.-инд. *haridra*- 'желтое сандаловое дерево', пракр. *halidda*- 'желтый'), а также соответствия с тождественной семантикой в отдельных (пусть не самых близких генетически) новоиндийских языках (ср. гудж. *lilo* 'зеленый'; бенг. *hələde*, асс. *halədhiya* 'желтый'), мы предпочли рассматривать их как исконные.

Таблица 3. Проценты совпадений между стословными списками сираджи и индоарийских языков, полученные в результате окончательных лексостатистических подсчетов.

Язык	Процент совпадений с сираджи
хинди	74%
панджаби	76%
лахнда	77%
синдхи	70%
гуджарати	68%
маратхи	64%
бенгали	68%
ассамский	61%
непали	70%
пахари (котгархи)	76%

Таблица 4. Проценты совпадений между стословными списками сираджи и дардских языков, полученные в результате окончательных лексостатистических подсчетов.

Язык	Процент совпадений с сираджи
кашмири	47%
шина	44%
пхалура	49%
гавар-бати	50%
пашай	47%
кховар	40%
калаша	48%

Вместе с тем и погули, и каштавари обладают рядом черт, в том числе архаичных, отличающих их от говоров собственно Кашмира, включая и сринагарский — основу литературного языка. Оба диалекта подверглись чрезвычайно сильному влиянию соседних индоарийских языков группы пахари, что привело к появлению некоторых «неясностей» в исторической фонетике, связанных, прежде всего, с нерешенностью вопроса о критериях разграничения исконной и заимствованной лексики. Таким образом, если генетическая близость погули и каштавари к стандартному кашмири представляется вероятной, степень этой близости, а также характер расхождений все еще требует выяснения.

Существенные трудности при решении данной проблемы создает недостаток данных. Объем материала по диалектам погули и каштавари не превышает таковой по сираджи и рамбани. Интересно отметить, что описывали все четыре диалекта главным образом одни и те же исследователи. Первые краткие описания каштавари и погули были сделаны Т. Г. Бейли [Bailey 1903: 51—60, 61—69]. На них во многом базируются разделы, посвященные этим диалектам в VIII томе «Лингвистического обзора Индии» [Grierson 1919₂: 342—401, 402—432]. Наиболее подробный грамматический очерк погули написан П. К. Коулем и опубликован в тех же изданиях, что и очерк сираджи [Koul 1977₂; 2006₂]. Кроме того, списки слов

каштавари и погули приводятся в неоднократно цитировавшейся выше статье [Schmidt, Kaul 2008]. Суммарный объем данных, содержащийся во всех этих источниках, неодинаков для двух рассматриваемых диалектов: для погули он значительно больше, чем для каштавари. Изменить эту ситуацию в будущем сможет только проведение широкомасштабных полевых исследований в долине Каштавар. Пока же следует быть готовым к тому, что крайне скудный материал каштавари может не позволить прийти к окончательным выводам относительно отношений этого диалекта со стандартным кашмири, и нам придется довольствоваться лишь более или менее вероятными гипотезами на этот счет.

3.1. О происхождении звонкой придыхательной серии в диалектах погули и каштавари.

Одной из характерных особенностей, отличающих диалекты погули и каштавари от стандартного кашмири, является наличие звонких придыхательных согласных. Они отмечаются как в ранних записях, в частности, у Т. Г. Бейли, так и в относительно новых, например, у П. К. Коуля. Интересно, что в каштавари уже в XX веке консонантная система, по-видимому, претерпела перестройку, аналогичную той, что имела место в соседних индоарийских языках — панджаби, догри и ряде языков группы пахари. Как следует из данных, опубликованных в работе [Schmidt, Kaul 2008], эта перестройка привела к утрате оппозиции по придыхательности у звонких взрывных. Звонкие аспираты перешли в глухие непридыхательные в начальной позиции и в простые звонкие во всех остальных. При этом возникла система тоновых оппозиций. Детали этого процесса, однако, остаются неясными ввиду скудости материала, который сводится фактически лишь к нескольким словам, зафиксированным в вышеуказанной статье. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать главным образом материал каштавари из работ Т. Г. Бейли и Дж. Грирсона, в котором отражен консонантизм начала XX века с противопоставлением простых звонких и звонких придыхательных⁴¹.

Вопрос о происхождении звонкой придыхательной серии в погули и каштавари чрезвычайно интересен, особенно если принять во внимание вероятную близость обоих диалектов к кашмири, а, следовательно, принадлежность их к дардской группе. Г. Моргенштерне считал звонкие придыхательные в каштавари архаизмом и приводил факт их наличия в качестве контраргумента против утверждения Дж. Грирсона о совпадении двух древних серий во всех дардских языках [Morgenstierne 1930: 297]. Нам же ситуация в рассматриваемых диалектах представляется неясной и требующей изучения, поскольку как для каштавари, так и для погули нельзя исключить вторичного развития звонких аспират по сценарию, сходному с кохистанским или восточнобелуджским. Поэтому мы

⁴¹ Крайний недостаток данных не позволяет привести списка минимальных пар на простые звонкие и звонкие придыхательные. Поэтому вопрос о фонологичности их противопоставления пока не следует считать окончательно решенным. Тем не менее представляется показательным тот факт, что согласные обеих серий могут выступать в одних и тех же позициях в слове, например, в начальной и интервокальной (примеры см. ниже). Небезынтересны также такие пары (пусть и не являющиеся минимальными в строгом смысле слова), как *dhār* 'гора, холм' — *dānd* 'бык', *mhālu* 'отец' — *māl* 'имущество', *bhāyu* 'брат' — *bāh* 'садись!', *gharō* 'дом' — *gariñ* 'жена'. Полностью аналогичной представляется и ситуация в диалекте погули. Здесь также обнаруживаются отдельные «нестрогие» минимальные пары: *dānt* 'бык' — *dhāv* 'теки', *balti* 'вращающийся' — *bharti* 'наполняющий'. Таким образом, фонологический характер оппозиции звонких по признаку придыхательности в обоих рассматриваемых диалектах представляется если не строго доказанным, то, по крайней мере, весьма вероятным.

считаем необходимым рассмотреть материал обоих диалектов аналогично тому, как это было сделано для раибани и сираджи (см. выше).

Первое, что обращает на себя внимание — специфика генетических связей лексем, содержащих звонкие придыхательные. Почти все они обнаруживают этимологические соответствия с тождественной семантикой в новоиндийских языках (в том числе распространённых в западногималайском ареале по соседству с погули и каштавари), а также в дардских языках, для которых представляется вероятным (или даже доказанным) существенное индоарийское влияние, но не обнаруживают параллелей в тех языках дардской группы, которые не подверглись такому влиянию. Это можно проследить на следующих примерах: кашт., пог. *bhar-* ‘наполнять’ при др.-инд. *bharita-* ‘полный, накормленный’, пали *bharita-* ‘наполненный’, хинди, пандж., лахнда, синдхи, зап. пах. (бхалеси), кумауни, неп., ория, гудж., мар. *bhar-* ‘наполнять’, кашм. *bar-* то же⁴²; кашт. *bhain* ‘сестра’ при др.-инд., пали *bhaginī*, пракр. *bha(g)inī*, *bahinī*, хинди *bahin*, пандж. *bhaiṅ*, лахнда, синдхи *bheṅ*, зап. пах. (бхадарвахи, чамеали) *baiṅ*, (бхалеси) *bheṅ* ‘сестра’, (пангвали) *bhaiṅ* ‘младшая сестра’, бенг. *bain*, ория *bhaeṅī*, гудж. *bahen*, мар. *bahīṅ* ‘сестра’, неп. *bainī* ‘младшая сестра’, синг. *buhunā* ‘старшая сестра’, кашм. *benī*, вот. *baīn*, май. *bhē*, (диал. каньявали) *bhī*, чилиссо *bihā* ‘сестра’, пхал. *b(e)heṅ* ‘сестра, жена брата’; кашт. *bhočh* ‘голод’ при др.-инд. *bubhukṣā-*, пракр. *bubhukkhā*, *buhukkhā*, хинди, гудж. *bhūkh*, пандж., лахнда, зап. пах. (котгархи) *bhukkh*, синдхи *bhukha*, неп. *bhokh*, бенг. *bhukh*, ория *bhuk(h)a*, мар. *bhūk* ‘голод’, кашм. *bōchi*, май. *bučh*, торв. *buš* то же; кашт. *dhām* ‘пир’ при др.-инд. *dhārma-* ‘относящийся к дхарме, справедливому порядку’, пандж. *dhāmmā* ‘большой пир, приглашение брахмана на пир’, зап. пах. (пангвали, джаунсари) *dhām* ‘пир’ [Turner 1966: 389]; кашт. *krūdhi* ‘рассерженный’ при др.-инд. *krodhin-*, хинди *krodhī*, пандж. *karodhī* то же; кашт. *ḍhāī* ‘два с половиной’ при др.-инд. *ardhatṛtīya-*, пали *aḍḍhatīya-*, пракр. *aḍḍhāīya-*, хинди, пандж., зап. пах. (бхадарвахи, пангвали, чамеали) *ḍhāī*, лахнда, синдхи, зап. пах. (бхалеси) *aḍhāī*, неп. *aṛāī*, бенг. *āṛāī*, асс. *ārai*, ория *aṛhāī*, гудж. *aḍhī*, кашм. *ḍāy* то же; кашт. *ghar(ō)*, пог. *ghar* ‘дом’ при пали, пракр., ория *ghara-*, хинди, пандж., лахнда, зап. пах. (бхадарвахи, бхалеси, кхашали), неп., асс., бенг. гудж., мар. *ghar*, синдхи *gharu*, синг. *gara*, кашм. *gar* — то же; кашт. *ghaṛī* ‘час’ при др.-инд. *ghaṛī-* ‘часы; промежуток времени в 24 минуты’, пракр. *ghaṛī-* ‘часы’, хинди ‘часы; час; момент’, пандж. *ghaṛī* ‘часы; момент; промежуток времени в 24 минуты’, неп. *ghari* ‘час, время’, кашм. *gər* ‘часы’, шина *gaṛī* ‘гонг, часы, час’⁴³; кашт. *ghuṛu*, пог. *ghōṛu* ‘лошадь’ при др.-инд. *ghoṛa(ka)-*, пали *ghoṛaka-*, пракр. *ghoṛa-*, хинди, пандж., лахнда *ghoṛā*, синдхи, зап. пах. *ghoṛo*, бенг. *ghōṛā*, асс. *ghōṛā*, гудж. *ghoṛo*, мар. *ghoḍā*, кашм. *gur*, пхал. *ghūṛu*, сави *ghuṛo*, гауро, чилиссо *gho*, май., торв. *ghō*, башк. *gor*, вот. *gōr*, кал. (уртсунский диал.) *ghōṛa*, г.-б. *guṛo*, шум. *gōro*, нинг. *guṛə*, паш. *gōṛā* то же⁴⁴; пог. *ghraṭ* ‘мельница’ при пракр.

⁴² В данной серии примеров индоарийские соответствия приводятся из наиболее крупных языков, а также из языков, ареально близких рассматриваемым диалектам. Дардские же параллели приводятся полностью. Отсутствие в настоящем списке параллели из какого-либо языка дардской группы означает, что в этом языке такая параллель не засвидетельствована. В случае с корнем *bhar-*, например, этимологическое соответствие отмечено лишь в одном дардском языке — кашмири.

⁴³ Пример из шина считается индоарийским заимствованием [Turner 1966, 237]. Др.-инд. *ghaṛī-* этимологически родственно др.-инд. *ghaṛa-* ‘горшок’. Последнее слово имеет соответствия в ряде дардских языков: кхов. *goli* ‘кувшин’, шина *gāi* ‘глиняный горшок’. Однако эти слова семантически весьма далеки от приведенного примера из каштавари.

⁴⁴ Слово считается дравидийским по происхождению. Примечательно, что оно не засвидетельствовано в таких относительно свободных от индоарийского влияния дардских языках, как шина и кховар. Заслуживает внимание и его отсутствие в северных диалектах калаша, где сохраняется древнее индоевропейское название лошади (*haš < *aśwa-*).

gharaṭṭa- то же, пандж. *gharāt*, зап. пах. (бхалеси, кхашали) *ghrāt*, неп. *ghaṭṭa* ‘водяная мельница’, лахнда *ghurat* ‘ручная мельница’, кашм. *grāṭi* ‘водяная мельница’, паш. *garāt* ‘ручная мельница’⁴⁵; пог. *jhel*- ‘терпеть’ при хинди, неп. *jhel*- ‘страдать, переносить, претерпевать’.

Отдельные примеры слов со звонкими придыхательными имеют этимологические соответствия как в новоиндийских, так и в дардских языках, но при этом обнаруживают историко-фонетическое развитие, характерное для первых (ср. пог. *ūbha* ‘вверх’ при др.-инд. *ūrdhva*- ‘вертикальный, находящийся наверху’, пандж. *ūbh* ‘вверх’, лахнда (диал. аванкари) *ubbhā* ‘верхний’, зап. пах. (котгархи) *hubbhi* ‘вверх, сверху’, кумауни *ubh* ‘высокий’, *ublā* ‘вверх’, неп. *ūbho* ‘высокий, находящийся наверху’, паш. (диал. лауровани) *uḍḍāi*, пхал. *hund* ‘вверх, сверху’, кашм. *wod* ‘верхняя часть головы, черепная коробка’⁴⁶). Нельзя не признать, что вероятность иноязычного (индоарийского) происхождения для таких слов довольно высока.

Наконец, еще одну группу составляют лексемы с фонетически близкими этимологическими параллелями и в дардских, и в индоарийских языках ареала (ср. кашт. *bhāyu*, *bhōy* ‘брат’ при др.-инд. *bhrātar*-, хинди, догри *bhāi*, пандж. *bh(r)ā*, зап. пах. (котгархи) *bhai*, (бхалеси) *bheī* ‘брат’, зап. пах. (пангвали) *bhāū* ‘старший брат’, *bhāī* ‘младший брат’, кашм. *bōy*, торв. *bhā*, г.-б. *blāya*, кал. *bāya* ‘брат’; кашт. **dhūm* (“*tūm*” [Schmidt, Kaul 2008, 288]) ‘дым’ при др.-инд. *dhūma*-, хинди *dhūā*, пандж., лахнда, догри, зап. пах. (котгархи) *dhū*, сир. **dhūm* (“*dūm*” [Schmidt, Kaul 2008: 288]), шина, вот. нинг. *dum*, паш., шум. *dūm*, кал. *dhūm*, пхал. *dhūmī*, башк. *dīmī* то же; кашт. *bhumil* (“*pūmil*” [Schmidt, Kaul 2008: 292]) ‘землетрясение’ при лахнда (диал. аванкари) *bham*, догри *bhūcal*, *bhumcal*, кашм. *bun’ul*, торв. *būmel*, башк. *bumäl*, шина *būyāl* то же; кашт. *ghāsi* (“*kāsi*” [Schmidt, Kaul 2008: 295]) ‘трава’ при др.-инд. *ghāsa*- ‘пища; трава на пастбище’, хинди, гархвали, зап. пах. (бхалеси) *ghās*, пандж., лахнда *ghāh*, догри *ghā*, зап. пах. (котгархи) *ghās*, кашм. *gāsi*, паш., тир. *gās*, шум., г.-б. *gās*, башк., торв. *gā* ‘трава’; пог. *dhav*-, *dhaūtul*- ‘бежать’ при др.-инд. *dhavate* ‘бежит’, *dhāvati* ‘бежит, течет’, хинди *dhā(v)*-, пандж. *dhāu*-, зап. пах. (кхашали) *dhabr*- ‘бежать, устремляться’, кашм., паш. (диал. гульбахари) *daw*- ‘бежать’⁴⁷; кашт. *dhār* ‘холм’ при зап. пах. (бхадарвахи, бхалеси) *dhār* ‘холм’, догри *dhār* ‘горный хребет’, неп. *dhār* ‘утес’, паш., шум., нинг., г.-б., вот. *dār* ‘гора’; кашт. *dārhi* ‘борода’ при хинди, пандж., лахнда, догри *dārhi*, кумауни, зап. пах. (бхадарвахи, бхалеси, кхашали) *dārī*, зап. пах. (котгархи) *dārhi*, неп. *dāri*, кашм. *dār*, торв. *dāi*, башк. *dēr*, шина *dāi*, тир., паш., шум., г.-б. *dārī* то же). Строго говоря, для подобного рода примеров нельзя исключать а priori принадлежность ни к исконной, ни к заимствованной лексике. Следует также допустить возможность контаминации дардского слова с индоарийским и появление придыхания в первом под влиянием последнего. Подобное явление было отмечено нами в дардских языках кохистанской подгруппы [Коган 2008].

Выше рассмотрены практически все случаи звонких придыхательных в каштавари и погули⁴⁸. Не будет преувеличением сказать, что ни в одном из диалектов не удалось об-

⁴⁵ Пример из пашаи считается индоарийским заимствованием [Morgenstierne 1956: 73; Turner 1966: 240].

⁴⁶ Показательно, что в данном случае погули обнаруживает явное историко-фонетическое расхождение и с кашмири — языком, предположительно наиболее близком к нему генетически.

⁴⁷ С тем же общеарийским прототипом, несомненно, связано и пог. *dhāv*- ‘течь’. На достаточно высокую вероятность иноязычного происхождения этого глагола указывает тот факт, что его основа в погули продолжает древнюю основу с долгим *ā*, широко распространенную в индоарийских языках, но не отмеченную в дардских. Нельзя исключить, что близкие по семантике глаголы ‘течь’ и ‘бежать’ контаминировали внутри самого диалекта погули, результатом чего и явилось появление вторичного придыхания в исконном глаголе *dhav*-.

⁴⁸ Отмечены также отдельные примеры звонких аспиратов в словах без надежной этимологии (ср. пог. *dhāi*- ‘ходить, гулять’, пог. *ḍhora* ‘скала’). В каштавари кроме того имеются придыхательные *th* и *nh* (ср.

наружить ни одного сколько-нибудь надежного примера сохранения древней звонкой аспираты в исконном слове. Данная ситуация представляется аналогичной той, что была выявлена нами в языках торвали и майян [ibid.]. Там она, как уже говорилось, объясняется вторичным характером звонких придыхательных согласных, в пользу чего свидетельствует, в частности, наличие примеров дезаспирации, не объяснимой ни заимствованием, ни особой позицией в слове. Подобные примеры имеются и в диалектах каштавари и погули (ср. пог. *baz-* ‘ломать’ при др.-инд. *bhājyate* ‘ломается’, *bhanakti* ‘ломает’, *bhañjanti* ‘ломают’; пог. *bāl-* ‘смотреть, видеть’ при др.-инд. *bhālayati* ‘замечает’, пандж., лахнда *bhāl-* ‘искать’, зап. пах. *bhāl-* ‘держат в поле зрения’, гудж. *bhāl-* ‘наблюдать’; пог. *bopturi* ‘племянник (сын брата)’ при др.-инд. *bhrātr̥putra-* то же; пог. *dūm* ‘дым’ при др.-инд. *dhūma-* то же; пог. *dod* ‘молоко’ при др.-инд. *dugdha-*, лахнда, пандж. *duddh*, хинди *dūdh* то же; пог. *gās* ‘трава’ при др.-инд. *ghāsa-* ‘пища; трава на пастбище’⁴⁹; пог. *giu* ‘топленое масло’ при др.-инд. *ghṛta-*, хинди, зап. пах. (бхадарвахи) *ghī*, пандж. *gheu*, лахнда *ghīū*, неп. *ghīu* то же; кашт., пог. *manz* ‘в’, пог. *manzamu* ‘средний’ при др.-инд. *madhyama-* то же, *madhya-* ‘середина’, хинди *ma(ñ)jhlā*, пандж. *majhlā*, лахнда *majhlā* ‘средний’⁵⁰; кашт. *abar* ‘облако’ при др.-инд. *abhra-* ‘облако, туча; дождливая погода’; кашт. *badāv-* ‘увеличивать’ при др.-инд. *vardhāpayati* ‘увеличивает’, хинди *badhā-*, пандж. *vadhāu-*, лахнда *vadhāv-* ‘увеличивать’; кашт. *daz-* ‘гореть’ при кашм. *daz-*, пхал., сави *daj-*, шина *daž-* то же, торв. *daž-* ‘жечь’ из общедард. **daj-*, общеар. **dajh-* ‘жечь, гореть’ > др.-инд. *dahati* ‘жжет’).

Приведенные примеры дают все основания полагать, что как в погули, так и в каштавари имело место совпадение звонкой придыхательной серии со звонкой непридыхательной. Однако детали этого процесса в некоторых случаях все еще остаются непроясненными. Более или менее ясной представляется ситуация в погули. Здесь дезаспирация обнаруживается в различных позициях в слове, и, таким образом, ее наличие не может быть объяснено особенностями фонетического окружения. Не представляется возможным связать ее и с иноязычным влиянием. Хотя погули и находится (и, возможно, находился в прошлом) в контакте со стандартным кашмири, утратившим противопоставление двух древних серий звонких, этого обстоятельства недостаточно для объяснения отсутствия придыхания во всех приведенных выше словах: некоторые из них — *baz-* ‘ломать’, *bāl-* ‘смотреть, видеть’, *bopturi* ‘племянник’ — не имеют в стандартном кашмири никаких соответствий⁵¹, а у одного — *dūm* ‘дым’ — кашмирская этимологическая параллель (*dih* ‘дым’) далеко отстоит фонетически и восходит к другому древнему суффиксальному образованию. Заслуживает внимания также и тот факт, что среди примеров из погули имеются слова, относящиеся к редко заимствуемой базисной лексике, в частности, два слова стословного списка М. Сводеша — *bāl-* ‘смотреть, видеть’ и *dūm* ‘дым’.

Рефлексация древних звонких придыхательных в каштавари все еще не вполне ясна, причиной чего, возможно является недостаток материала. Ни одного случая дезаспирации в начале слова обнаружить не удалось. В двух из трех приведенных выше примеров — *manz* ‘в’ и *abar* ‘облако’ — общеарийская аспирата выступала в преконсонантной

mhālu ‘отец’, *nhōri* ‘снова’), отсутствовавшие в общеарийском. Позднее происхождение этих согласных не вызывает сомнения.

⁴⁹ Остальные параллели см. выше.

⁵⁰ Совмещение значений ‘середина’ и ‘в’ у рефлексов общеарийск. **madhya-* характерно для стандартного кашмири, где та и другая семантика присутствует у слова *manz*.

⁵¹ К этим трем примерам, возможно, примыкает еще один — *bī-* ‘бояться’ (ср. др.-инд. *bhīyate*, *bibheti* ‘боится’). Однако поскольку остается неясным, какая древняя основа (редуплицированная или нередуплицированная) отразилась в диалекте погули, вопрос о дезаспирации древнего придыхательного в данном глаголе следует считать открытым.

позиции, благоприятной для потери придыхания. Кроме того, ни для одного из этих примеров нельзя исключить заимствование (ср. кашм. *manz* ‘в’; кашм. *obur*, перс. *abr* ‘облако’)⁵². Примера дезаспирации в предвокальном положении в нашем распоряжении два: *badāw-* ‘увеличивать’ и *daz-* ‘гореть’, что недостаточно для того, чтобы делать окончательные выводы. С уверенностью можно сказать лишь то, что исчезновение древней аспирации нельзя считать позиционным развитием, характерным для середины слова, поскольку в каштавари отмечены примеры срединных звонких аспират (*krūdhī* ‘рассерженный’, *dārhi* ‘борода’).

Помимо приведенных выше, небезынтесным примером является кашт. *gaṇḍ-* ‘связывать, завязывать’ < **granth-* (ср. др.-инд. *granthayati* ‘связывает’). В нем старый глухой придыхательный *th* в позиции озвончения отразился в виде простого звонкого *ḍ*. Если предположить, что древняя звонкая придыхательная серия сохранилась в каштавари, такое развитие представляется труднообъяснимым. Скорее следовало бы ожидать появление звонкой аспираты, как в соседних новоиндийских языках (ср. пандж., лахнда, зап. пах. (чамеали) *gaṇḍh-*). В случае же, если мы признаем, что в рассматриваемом диалекте звонкие аспираты до определенного исторического момента отсутствовали, утрату придыхания при озвончении глухого *th* следует считать вполне закономерной. Датировать ее, разумеется, следует эпохой, предшествующей усвоению индоарийских заимствований со звонкими придыхательными согласными.

Таким образом, если для погули совпадение древней звонкой придыхательной серии со звонкой и вторичный характер современных звонких аспират представляется доказанным, то для каштавари такая картина может быть принята лишь в качестве вероятной гипотезы, требующей дальнейшей проверки. Такая проверка станет возможной лишь в случае существенного пополнения доступного языкового материала.

3.2. Кашмирское передвижение сибилантов и аффрикат и диалект погули.

В кратком описании погули в “Linguistic Survey of India” Дж. Грирсон указывает отдельные случаи сохранения в этом диалекте древнего сибиланта *ś*, перешедшего в стандартном кашмири в ларингальный *h*: *śāput* ‘медведь’ при кашм. *hāput* то же, др.-инд. *śvāpada-* ‘дикий зверь’; *śō* ‘как, в качестве’ при кашм. *h’uh* (м. р.), *hiś* (ж. р.) ‘как, подобно’⁵³ [Grierson 1919: 404]. К этим двум примерам можно добавить еще три: *śahur* ‘свекор’ при кашм. *hihur*, др.-инд. *śvaśura-*; *śah* ‘свекровь’ при кашм. *haś*, др.-инд. *śvaśrū-*; *śāwal-* ‘показывать’ при кашм. *hāw-* ‘объяснять, показывать’, др.-инд. *śrāvayati* ‘провозглашает’⁵⁴. Приведенный материал представляется весьма интересным, поскольку имеет непосредственное отношение к проблеме генетических отношений погули и стандартного кашмири.

⁵² Следует, впрочем, отметить, что более вероятным для обоих слов представляется незаимствованное происхождение, причем не только в силу их базисного характера. Название облака в каштавари не обнаруживает следов *и-умлаута*, характерного для современного стандартного кашмири. Нет в нем и конечного огубленного гласного, вызывавшего развитие умлаута, что делает маловероятным заимствование более архаичной кашмирской формы. Проникновение слова из персидского хотя и не исключено, но все же менее вероятно, чем принадлежность к исконному пласту: во многих языках ареала отмечены рефлексы общепарийск. **abhra-* с несомненно исконным историко-фонетическим развитием (ср. шина, май. *aži*, чилиссо *ažo*, г.-б. *albno*, паш. *ōbrə*), но нет ни одного несомненного примера заимствования обозначения облака из персидского.

⁵³ Возможно, родственно др.-инд. *īdrśa-* ‘такой’ [Turner 1966: 73].

⁵⁴ Ср. аналогичное семантическое развитие в пушту: *šāy-* ‘показывать’ < **śrāvaya-*.

Одной из ярких черт исторической фонетики последнего являются переходы $*ś > h$ и $*ṣ > ṣ$, названные нами передвижением сибилантов⁵⁵. От ответа на вопрос о наличии или отсутствии подобных переходов в погули, разумеется, напрямую зависит относительная датировка его расхождения с диалектами Кашмирской долины.

Решение данной проблемы осложняется наличием в погули целого ряда несомненных примеров развития $*ś > h$: *hun* ‘собака’ при др.-инд. *śvan-* / *śun-*, кашм. *hūn* то же; *hing* ‘рог’ при др.-инд. *śṛṅga-*, кашм. *heng* то же; *hat* ‘100’ при др.-инд. *śataṃ*, кашм. *hath* то же; *hun-* ‘слышать’ при др.-инд. *śṛṇoti* ‘слышит’; *dah* ‘10’ при др.-инд. *daśa*, кашм. *dah* то же; *wih* ‘20’ при др.-инд. *viṃśati*, кашм. *wuh* то же. Переход сибиланта в ларингал в этих примерах едва ли может быть объяснен позицией в слове. Нельзя считать удовлетворительным объяснением и заимствование из стандартного кашмири, поскольку в последнем некоторые из указанных здесь примеров (*hun-* ‘слышать’) не обнаруживают этимологических параллелей, а кроме того, все вышеприведенные слова относятся к базисной лексике (три из них — *hun* ‘собака’, *hing* ‘рог’ и *hun-* ‘слышать’) входят в стословный список М. Сводеша⁵⁶.

С другой стороны, ни один из примеров сохранения старого сибиланта нельзя считать надежным. Начальный $ṣ$ в слове *ṣah* ‘свекровь’ мог возникнуть в результате метатезы. Иными словами, вполне возможным представляется развитие $ṣah < *haṣ$ (ср. кашм. *haṣ*), где конечный $ṣ$ закономерно развился из древней группы *śr* через промежуточную ступень в виде церебрального $*ṣ$ ⁵⁷. По аналогии с данным словом начальный сибилант мог возникнуть в обозначении свекра (*ṣahur*). В глаголе *ṣāwal-* ‘показывать’ сибилант следует считать регулярным, поскольку его прототипом является не одиночный $ś$, а кластер *śr*. Незакономерен в данном случае начальный h в стандартном кашмири. Не исключено, что он развился по аналогии с утраченным в современном языке рефлексом древней основы $*śṛn-$ ‘слышать’ с регулярным начальным h (ср. погули *hun-*). Такой процесс аналогического выравнивания представляется вполне вероятным, поскольку современный кашмирский глагол *hāw-* продолжает именно древний каузатив от глагола ‘слышать’ и до сих пор совмещает значения ‘показывать’ и ‘объяснять’. Древний прототип начального сибиланта в пог. *ṣō* ‘как, в качестве’ неясен, поскольку неясна этимология этого слова. Предложенное Дж. Грирсоном сопоставление с кашм. *h’uh* следует признать спорным, поскольку этапы историко-фонетического развития остаются непроясненными. Не представляется бесспорным и сопоставление пог. *ṣāput* с др.-инд. *śvāpada-* ‘дикий зверь’. Соответствия между этими формами нерегулярны, причем это касается не только начального согласного: интервокальный p должен был отразиться в погули (а также и в стандартном кашмири) в виде w , а интервокальный d — выпадать. Поэтому этимологию Дж. Грирсона не следует принимать безоговорочно. Происхождение названия медведя в кашмирских диалектах все еще остается неясным. Следует иметь в виду, что речь идет об обозначении хищного животного, название которого нередко табуируется и, как следствие этого факта, подвергается нерегулярным фонетическим изменениям.

Таким образом, нет никаких веских оснований говорить о большей архаичности сибилантной системы погули по сравнению с кашмирской. Как позволяет судить имеющийся языковой материал, кашмирское передвижение сибилантов затронуло и этот диалект. Единственное существенное расхождение заключается в наличии в погули пе-

⁵⁵ Подробнее об этом явлении см. [Коган 2009₂].

⁵⁶ Показательно, что среди примеров сохранившегося сибиланта таких слов нет.

⁵⁷ Об этом историко-фонетическом процессе в кашмири см. [Коган 2009₂].

рехода *š > h⁵⁸ в конечной позиции (ср. *nih* ‘сноха’ при др.-инд. *sniṣā*, кашм. *noš*; *pyuh* ‘блоха’ при др.-инд. *pluṣi-*, кашм. *p’uṣ*). По всей видимости, речь в данном случае идет об ауслатном ослаблении сибиллянта. Диалекты Кашмирской долины, где подобное явление отсутствует⁵⁹, несомненно, сохраняют в данном случае более архаичное состояние, нежели диалект погули.

Развитие в погули древних среднеязычных аффрикат, по-видимому, совпадает с кашмирским, то есть имеет место их передвижение в зубной ряд (ср. *cāur* ‘4’ при др.-инд. *catur*, *catvar*, авест. *caθvar-*, кашм. *cōr* то же; *pac-* ‘готовиться (о еде)’ при др.-инд. *pacati* ‘готовит пищу’, *pacuāte* ‘готовится, переваривается (о пище), зреет’, авест. *pacata* ‘готовится (о пище)’, кашм. *pācakh* ‘удобоваримый (о пище)’; *baz-* ‘ломать’ при др.-инд. *bhajyate* ‘ломается’ < индоир. **bhangl̥j-* [EWA II, 242]). Как и в стандартном кашмири, в данном диалекте обнаруживаются следы наличия в прошлом церебральных аффрикат⁶⁰ (ср. *č* < *ṭ* в *lōkhṣyē* ‘маленький, младший (косв. пад. ед. ч.)’ при кашм. *lōkuṭ* то же (прям. пад. ед. ч.)). Таким образом, есть все основания предполагать наличие в погули «кашмирского передвижения аффрикат». Вместе с тем аффриката *č* в погули в ряде случаев возникает в результате историко-фонетического процесса, не характерного для стандартного кашмири: ее источником может служить древняя группа **tr* (ср. *čāi* ‘3’ при др.-инд. *trayaḥ*, кашм. *trē*; *peṣow* ‘дядя (брат отца)’ при кашм. *pētir* то же, др.-инд. *pitriya-* ‘отцовский’). Учитывая, что современный палатальный *č* может возникать из более старого церебрального *ṭ*, можно предположить наличие в раннем погули перехода *tr* > *č*. Аналогичное явление, как известно, присуще ряду других дардских языков: шина и части кохистанских. Нельзя, впрочем, исключить и иной сценарий развития: переход группы *tr* непосредственно в *č* (в результате оглушения *r* и его перехода в *š*?) после передвижения аффрикат. Предпочсть какую-либо из гипотез при современном уровне знаний не представляется возможным.

Приложение

Слословный список диалекта сираджи

all — <i>sārē</i> , <i>matṭē</i>	come — <i>čā-</i>	foot — <i>pēr</i> , <i>khōr</i>	leaf — <i>pattar</i>
ashes — <i>swāh</i> , <i>prās</i>	die — <i>mar-</i>	full — <i>pūrō</i> , <i>bhaurō</i>	lie — <i>dzul-</i>
bark — <i>škar</i>	dog — <i>šunā</i>	give — <i>dē-</i>	liver — <i>kālzo</i>
belly — <i>peṭ</i> , <i>iḍ</i>	drink — <i>pī-</i>	good — <i>rolō</i>	long — <i>lammō</i>
big — <i>baḍō</i>	dry — <i>šukrō</i>	green — <i>nīlō</i>	louse — <i>jū</i>
bird — <i>pakhnū</i> , <i>caḥōll</i>	ear — <i>kan</i>	hair — <i>zuṭo</i> , <i>kē</i>	man — <i>mard</i>
bite — <i>čakku dē-</i>	earth — <i>dzemī</i>	hand — <i>hat</i>	many — <i>matṭē</i>
black — <i>kālō</i>	eat — <i>khā-</i>	head — <i>roṭ</i> , <i>šerī</i>	meat — <i>mās</i>
blood — <i>rath</i>	egg — <i>ṭhūl</i>	hear — <i>šun-</i>	moon — <i>čānī</i>
bone — <i>haḍ</i>	eye — <i>ačh</i>	heart — <i>dil</i>	mountain — <i>pahār</i>
breast — <i>cucu</i>	fat — <i>mēz</i>	horn — <i>šing</i>	mouth — <i>mūh</i> , <i>āsi</i>
burn tr. — <i>dzāl-</i>	feather — <i>pakh</i>	I — <i>āū</i>	name — <i>nām</i>
claw (nail) — <i>nū</i>	fire — <i>ag</i>	kill — <i>mār-</i>	neck — <i>muṇḍi</i> , <i>galō</i>
cloud — <i>badəlo</i> , <i>phaḍ</i>	fish — <i>mačhlī</i>	knee — <i>jannū</i> , <i>kuṭh</i>	new — <i>navo</i>
cold — <i>ṭhāḍō</i>	fly — <i>uḍ-</i>	know — <i>dzāṇ-</i>	night — <i>rāti</i>

⁵⁸ Вероятно, через промежуточную ступень в виде *š*.

⁵⁹ Ларингальный *h*, соответствующий др.-инд. *ṣ*, обнаруживается в кашмири только в индоарийских заимствованиях [Коган 2011].

⁶⁰ О следах церебральных аффрикат в кашмири см. [Коган 2009₂].

nose — nak	say — dzō-	stone — ghōṛ	two — dui
not — na	see — her-	sun — dīs	walk (go) — gā-
one — ekk	seed — bij	swim — tar-	warm — tattō
person — māñū	sit — biš-	tail — lengan	water — pāṇi
rain — dēō	skin — niyāli	that — su, ung	we — āh
red — lāl, rattṛō	sleep — dzul-	this — yō	what — kō
road — batt	small — nikṛo	thou — tu	white — chittō
root — dzīl	smoke — dūm	tongue — zib	who — kē
round — gōl	stand — khaṛōṭh-	tooth — dant	woman — zenān
sand — rēt	star — tārō	tree — buṭə	yellow — haldro

Сокращения

авест. — авестийский	неп. — непали
асс. — ассамский	нинг. — нингалами
башк. — башкарик	общепар., общепарийск. — общепарийский
бенг. — бенгали	общедард. — общедардский
вот. — вотапури	осет. — осетинский
г.-б. — гавар-бати	пандж. — панджаби
гудж. — гуджарати	паш. — пашаи
др.-инд. — древнеиндийский	пог. — погули
др.-иран. — древнеиранские диалекты	пракр. — пракриты
зап. пах. — языки западной подгруппы груп- пы пахари	пхал. — пхалура
ишк. — ишкашимский	рам. — рамбани
кал. — калаша	синг. — сингальский
кашм. — кашмири	сир. — сираджи
кашт. — каштавари	согд. — согдийский
кл.-перс. — классический персидский	тир. — тирахи
кхов. — кховар	торв. — торвали
май. — майян	шугн. — шугнанский
мар. — маратхи	шум. — шумашти

Литература

- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М., Восточная литература, 2005. [A. I. KOGAN. *Dardskie yazyki. Geneticheskaya harakteristika*. M., Vostochnaya literatura, 2005.]
- Коган 2008 — А. И. КОГАН. О статусе и происхождении звонкой придыхательной серии в ряде дардских языков // *Indologica. Памяти Т. Я. Елизаренковой*. Книга 1. *Orientalia et Classica*. Вып. 20. М., РГГУ, 2008. С. 197—225. [A. I. KOGAN. O statuse i proishozhdenii zvonkoj pridyhatel'noi serii v ryade dardskih yazykov // *Indologica. Pamyati T. Ya. Elizarenkovoi*. Kniga 1. *Orientalia et Classica*. Vyp. 20. M., RGGU, 2008. S. 197—225.]
- Коган 2009₁ — А. И. КОГАН. Кашмири // *Большая российская энциклопедия*. Т. 13. М., 2009. [A. I. KOGAN. *Kashmiri* // *Bol'shaya rossiiskaya enciklopediya*. T. 13. M., 2009.]
- Коган 2009₂ — А. И. КОГАН. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке // *Аспекты компаративистики 4*. М., РГГУ, 2009. С. 25—54. [A. I. KOGAN. K voprosu o ryade foneticheskikh izmenenii v yazyke kashmiri i ih otnositel'noi datirovke // *Aspects of comparative linguistics 4*. M., RGGU, 2009. S. 25—54.]
- Коган 2011 — А. И. КОГАН. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири // *Вопросы языкового родства*, №5, 2011, с. 23—47. [A. I. KOGAN. K harakteristike indoariiskih elementov v yazyke kashmiri // *Journal of Language Relationship*, №5, 2011, s. 23—47.]

- Старостин 1989 — С. А. СТАРОСТИН. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.)*. М., 1989. [S. A. STAROSTIN. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika // *Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevneishaya istoriya Vostoka. Materialy k diskussiyam na Mezhdunarodnoi konferencii (Moskva, 29 maya — 2 iyunya 1989 g.)*. М., 1989.]
- Bailey 1903 — *Studies in Northern Himalayan Dialects* by Rev. T. Grahame BAILEY. Calcutta, Baptist Mission Press, 1903.
- Bailey 1908 — *The Languages of the Northern Himalayas, Being Studies in the Grammar of Twenty-six Himalayan Dialects* by Rev. T. Grahame BAILEY. London, 1908.
- Edelman 1983 — D. I. EDELMAN. *The Dardic and Nuristani languages*. М., 1983.
- Grierson 1919₁ — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. 1: *Indo-Aryan Family. North-Western Group. Specimens of Sindhi and Lahnda*. Calcutta, 1919.
- Grierson 1919₂ — G. A. GRIERSON. *Linguistic Survey of India*. Vol. VIII, pt. 2: *Specimens of the Dardic or Piśāca Languages (including Kāshmirī)*. Calcutta, 1919.
- Grierson 1929 — G. A. GRIERSON. *Torwali, an Account of a Dardic Language of the Swat Kohistan*. L., 1929.
- EWA II — M. MAYRHOFFER. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. II Band. Heidelberg, Universitätsverlag Carl Winter, 1996.
- Hendriksen 1976—86 — H. HENDRIKSEN. *Himachali studies*. Vol 1: *Vocabulary*. Vol. 2: *Texts*. Vol. 3: *Grammar*. København, 1976—86.
- Kaul 1995 — Omkar. N. KAUL. On Kashmiri Language // *Kashmiri Pandits: A Cultural Heritage*. Edited by Prof. S. Bhatt. New Delhi, Lancers Books, 1995.
- Koul 1977₁ — P. K. KOUL. Sirājī // *Candrabhāgā taṭ kī parvatīya bolīyā*. Jammū, 1977.
- Koul 1977₂ — P. K. KOUL. Poglī // *Candrabhāgā taṭ kī parvatīya bolīyā*. Jammū, 1977.
- Koul 2006₁ — P. K. KOUL. Sirājī // *Pahari and Other Tribal Dialects of Jammu*. Vol. II. Delhi, 2006. Pp. 318—350.
- Koul 2006₂ — P. K. KOUL. Poglī // *Pahari and Other Tribal Dialects of Jammu*. Vol. II. Delhi, 2006. Pp. 378—412.
- Mock 2008 — J. MOCK. Dards, Dardistan and Dardic: an Ethnographic, Geographic and Linguistic Conundrum // Nigel J. R. ALLAN, ed. *Northern Pakistan: Karakorum Conquered*. New York, St. Martin's Press, 2008.
- Morgenstierne 1930 — G. MORGENSTIERNE. Notes on Torwali // *Acta Orientalia*, 8, 1930, pp. 294—310.
- Morgenstierne 1956 — G. MORGENSTIERNE. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol III: *The Pashai Language*. Pt. 3: *Vocabulary*. Oslo, 1956.
- Schmidt 1981 — R. L. SCHMIDT. Report on a Survey of Dardic Dialects of Kashmir // *Indian Linguistics*, 42, 1981, pp. 17—21.
- Schmidt, Kaul 2008 — R. L. SCHMIDT, V. K. KAUL. A Comparative Analysis of Shina and Kashmiri Vocabularies // *Acta Orientalia*, 69, 2008, pp. 231—302.
- Turner 1966 — R. L. TURNER. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. L., 1966.
- Varma 1948 — S. VARMA. *The Bhalesī Dialect. The Royal Asiatic Society of Bengal*. Monograph Series. Vol. IV. Calcutta, 1948.
- Warikoo 1996 — K. WARIKOO. Language and Politics in Jammu and Kashmir: Issues and Perspectives // *Jammu, Kashmir and Ladakh: Linguistic Predicament*. Edited by: P. N. Pushp and K. Warikoo. Delhi, 1996.

The article discusses the issue of genetic relationship between Literary Kashmiri and four dialects located outside the Vale of Kashmir. In the past, these dialects were frequently classified as representing the Kashmiri language, but specific arguments in favor of such a classification were usually unconvincing. The author concludes that two of these dialects (Siraji and Rambani) cannot be defined as either dialects of Kashmiri or even as Dardic languages, but should rather be classified with the Indo-Aryan group. At the same time, the other two dialects, Poguli and Kashtawari, actually do show close genetic affinity to Standard Kashmiri.

Keywords: Kashmiri, Dardic languages, Indo-Aryan languages, language classification, areal linguistics.

A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 55–74

The paper represents the third part of the author's etymological analysis of the Swadesh wordlist for Semitic languages (the first two parts having already appeared in Vols. 3 (2010) and 5 (2011) of the same Journal). Twenty more items are discussed and assigned Proto-Semitic reconstructions, with strong additional emphasis on suggested Afrasian (Afro-Asiatic) cognates.

Keywords: Semitic, Afrasian (Afro-Asiatic), etymology, glottochronology, lexicostatistics.

The present study contains the analysis of the third portion of a 100-wordlist of Semitic. It is a follow-up to the author's second attempt at compiling a complete Swadesh wordlist for most Semitic languages that would fully represent all the branches, groups and subgroups of this linguistic family and provide etymological background for every item wherever available. It is another step toward figuring out the taxonomy and building a detailed and comprehensive genetic tree of said family and, eventually, of the Afrasian (Afroasiatic) macro-family with all its branches on a lexicostatistical/glottochronological basis.

Several similar attempts, including those by the author (Mil. 2000, Mil. 2004, Mil. 2007, Mil. 2008, Mil. 2010, and Mil. 2011), have been undertaken since M. Swadesh introduced his method of glottochronology (Sw. 1952 and Sw. 1955). In this paper, as well as in my previous studies in genetic classification, I have relied on Sergei Starostin's glottochronological method (v. Star.) which is a radically improved and further elaborated version of Swadesh's method.

The present portion includes twenty more items out of the 100-wordlist. I hope to fill all the Afrasian gaps in the first two portions as a supplement to the last (forthcoming) portion. It should be stressed once more that my aim is not to give complete data from all the non-Semitic Afrasian languages for all the items (i.e. *not* the complete etymological entries), but only to present available data demonstrating the Afrasian origin of all Semitic words involved, *inter alia*, to eliminate or reduce the possibility of the latter items to have been borrowed. Compared with the same 12 items (Nos. 55–66) of the list included in my previous paper (Mil. 2008), these ones are updated, corrected in some points, and some more reliable etymologies are suggested.

This study was carried out within the frames of the project No. 09-06-00153 *Featuring early Neolithic man and society in the Near East by the reconstructed common Afrasian lexicon after the Afrasian database*, supported by the Russian Foundation for Sciences. My gratitudes also go to my colleagues and collaborators in different projects: Prof. O. Stolbova (with whom we collaborate on the Afrasian Database within the "Evolution of Human Languages" project, from where I draw most of the data) and Drs. L. Kogan and G. Starostin for consultations and discussions. I am also indebted to Drs. A. Nemirovskaya for a commented 100-word list of Palestinian Judaic Aramaic; M. Bulakh for obtaining for me a 100-word list from a Tigre speaker; and to L. Kogan for sharing with me the Soqotri list (namely, of the Bedouin dialect of Darho in the central part

of Socotra) compiled during his recent expedition to Socotra in November 2010, which made it possible for me to check a few items and cancel several synonyms that, for lack of more precise data, I had to treat on par with the corresponding main term in my previous list.

The list below is based on the following main sources (not referred to in the text except for special cases): Akk. — CAD and AHw; Ugr. — DUL; Hbr. and Bib. — HALOT; Pho. — Tomb.; Pal. — Sok. JP; Syr. — Brock. and Sok. Syr.; Mnd. — DM; Urm. — Tser. and Sarg.; Qur. — Pen. and BK; Leb., Mlt. — native speakers, Mec. — Sat.; Sab. — SD; Gez. — LGz; Tna. — native speakers and Kane T; Tgr. — a native speaker and LH; Amh. — native speakers, Baet. and Kane A; Arg. — LArg; Gaf. — LGaf; Sod. and Cha. — native speakers and LGur; Har. — a native speaker and LHar; Wol. — LGur; Hrs. — a native speaker and JH; Mhr. — native speakers, JM and Nak.; Jib. — native speakers, JJ and Nak.; Soq. — data collected by L. Kogan and LS.

The Data.

The data consist of items 55–74 of Swadesh’s 100-wordlist of 28 Semitic languages, representing all groups within the family. Each item unites all the synonyms that are different in origin, i.e. form different sub-entries within the same entry, each of which is preceded by its own number (in round brackets). Each sub-entry, in its turn, consists of one or several cognate lexemes divided by a semicolon; the etymological comments including a Sem. protoform follow after a double slash; non-Semitic Afrasian parallels and a suggested Afrasian proto-form follow after the symbol □. Note that for cases when the choice of only one representative lexeme in the same language is too difficult,¹ Starostin’s procedure allows for several synonyms in the same language to be scored; in this case, synonyms from the same language would be present in two or more entries. Within each item there may occur two kinds of cases which are not scored at all — borrowings and lack of a corresponding term in the available sources; such cases form a separate section within the item, preceded by the symbol ◇. Each item is completed (after the symbol →) with its Semitic proto-form(s) if any on the deepest level of reconstruction available (Proto-Semitic, Common West and South Semitic, etc.) in accordance with my classification of Semitic.

The following dates (some of them averaged, approximate or fairly conventional, some chosen after much hesitation and discussions with specialists in individual languages, and still liable to changes before a final scoring) have been attributed to individual languages: Akkadian, 1450 B.C.E.; Ugaritic, 1350 B.C.E.; Hebrew, 650 B.C.E.; Phoenician 850 B.C.E.; Biblical Aramaic, 200 B.C.E.; Palestinian Judaic, 200 C.E.; Syrian Aramaic, 200 C.E.; Mandaic, 750 C.E.; Urmian Aramaic, 1900; Qur’anic Arabic, 600 C.E.; Lebanese Arabic, 2000; Meccan Arabic, 2000; Maltese Arabic, 2000; Sabaic, 200 B.C.E.; Geʿez, 500 C.E.; Tigray, 2000; Tigre, 2000; Amharic, 2000; Argobba, 2000; Gafat, 1900; Soddo, 2000; Harari, 2000; Wolane, 2000; Chaha, 2000; Harusi, 2000; Mehri, 2000; Jibbali, 2000; Soqotri, 2000.

Abbreviations of languages, language periods and ancient sources.

A, Ass. — Assyrian; Afras. — Afrasian (Afroasiatic, Semito-Hamitic); Akk. — Akkadian; Amh. — Amharic; Arb. — Arabic; Arg. — Argobba; Arm. — Aramaic; B — Babylonian, BD — Book of the Dead; Brb. — Berber; Bib. — Biblical Aramaic; C. — Central; Cha. — Chaha;

¹ Even in cases when making such a choice was possible, I sometimes adduced more than one synonym, unable to resist the temptation of providing more terms with Semitic and/or Afrasian etymology. In the concluding phase of this study, I will do my best to make the selection procedure as strict as possible, and eliminate all superfluous synonyms from the final scoring.

Chad. — Chadic; Clas. — Classical; CT — Coffin Texts; Cush. — Cushitic; Daṭ — Daṭīna Arabic; Dem. — Demotic; Ɖof. — Ɖofar Arabic; Dyn. — Dynasty; E. — East; Egyp. — Egyptian; ESA — Epigraphic South Arabian; Eth. — Ethiopian; Frah. — Frahang-i-Pahlavik (Aramaic); Gaf. — Gafat; Gez. — Geʿez; Gr. — Greek; Gur. — Gurage; Har. — Harari; Ḥḍr — Ḥaḍramawt Arabic; HEC — Highland East Cushitic; Hbr. — Hebrew; Hrs. — Harsusi; Jib. — Jibbali; Jud. — Judaic Aramaic; LL — lexical lists; Leb. — Lebanese Arabic; LEC — Lowland East Cushitic; Mlt. — Maltese Arabic; Mec. — Meccan Arabic; Med. — Medical Texts; met. — metathesis; Mhr. — Mehri; MK — Middle Kingdom; Min. — Minean; Mnd. — Mandaic Aramaic; Mod. — Modern; MSA — Modern South Arabian; N — New, N. — North; NE — New Egyptian; NK — New Kingdom; O — Old; OK — Old Kingdom; Omot. — Omotic; Pal. — Palestinian Judaic Aramaic; pB. — postbiblical; Pho. — Phoenician; Pyr. — Pyramid Texts; Qat. — Qatabanian; Qur. — Qurʾanic Arabic; S — Standard, S. — South; Sab. — Sabaic; Sem. — Semitic; Sod. — Soddo; Soq. — Soqotri; syn. — synonym; Syr. — Syrian Aramaic; Tna. — Tigriñña (= Tigray); Tgr. — Tigre; Ugr. — Ugaritic; Urm. — Urmian Neo-Aramaic; W. — West.; Wol. — Wolane, Y — Young.

Transcription and transliteration.²

p̣ — bilabial emphatic voiceless stop; *ḅ* — bilabial emphatic voiced stop; *β* — bilabial voiced spirant; *ṭ* — dental emphatic voiceless stop; *ḍ* — dental emphatic voiced stop; *t̥* — voiceless interdental fricative (in Egyptian, a conventional symbol most likely conveying *č*); *d̥* — voiced interdental fricative (in Egyptian, a conventional symbol most likely conveying *š*); *c* — alveolar voiceless affricate [ts]; *ɟ* — alveolar voiced affricate [dz]; *č* — palato-alveolar voiceless affricate [tʃ]; *š* — palato-alveolar voiced affricate [dʒ]; *ɬ* — alveolar emphatic voiceless fricative; *ɮ* — alveolar emphatic voiced affricate; *z* — conventionally stands for what was likely *ḍ*, emphatic voiced interdental fricative, or *ṭ*, emphatic voiceless interdental fricative; *č̣* — palato-alveolar emphatic affricate; *ɬ̣* — lateral voiceless fricative (denoted by *ɬ̣* in Sem. reconstructed proto-forms); *č̣* — lateral voiceless affricate; *ɬ̣* — lateral voiceless emphatic fricative; *č̣* — lateral voiceless emphatic affricate; *ʒ̣* — lateral voiced emphatic sibilant (or perhaps affricate); *ʒ̣* — lateral voiced sibilant; *ḡ* — voiced velar fricative (in Berber); *ḳ* or *q̣* — emphatic velar stop; *q̣* — hypothetical velar affricate [kʰ] (only in reconstructed Afrasian proto-forms); *ɣ* — uvular voiced fricative (Arabic “ghain”); *ħ* — uvular voiceless fricative; *ħ̣* — presumably velar voiceless fricative (only in Egyptian); *ħ̣* — pharyngeal voiceless fricative; *ʕ* — pharyngeal stop (“ayin”); *ḥ* — laryngeal voiceless fricative; *ʔ* — glottal stop (“aleph”, “hamza”); *y* — palatal resonant; *ʔ* and *ʔ̣* — conventional transcription symbols accepted in Egyptology.

Conventions for reconstructed protoforms.

- V* renders a non-specified vowel, e.g. **bVr-* should be read “either **bar-*, or **bir-*, or **bur-*”.
- H* renders a non-specified laryngeal or pharyngeal.
- S, Z* render a non-specified sibilant.
- /* when separates two symbols means “or”, e.g. **?i/abar-* should be read “either **?ibar-* or **?abar-*”.
- () a symbol in round brackets means “with or without this symbol”, e.g. **ba(w)r-* should be read “**bawr-* or **bar-*”.
- ~ means “and” pointing to two or more co-existing proto-forms.

² I should stress again, as I usually do in my publications, that the vocalism in the reconstructed Semitic and, especially, Afrasian protoforms is often conventional and hypothetical.

55. MOUNTAIN

- (1) Akk. *šadû*, *šaddû* (Oakk., OB, OA) // < Sem. *šad(d)-: Ugr. *šd* ‘field, land, steppe, mountain’ (DUL 807); Arb. *sadd-* ‘montagne’ (BK 1 1068).
- (2) Ugr. *γr* ($\gamma < *d^3$); Bib. *ṭūr*; Pal. *ṭwr*; Syr. *ṭūr-*; Mnd. *ṭur-*; Urm. *ṭūr-*; Sab. *zwr* // < Sem. *ṭu/ir- ‘flint, rock’: Akk. *šurru*, Hbr. *šōr*, Arb. *zurar-*, *zirr-* ‘flint’, etc.
- Cf. Brb.: Qabyle *i-zra* ‘flint’ (otherwise an Arabism?), Ahaggar *a-zaru* ‘rock’ and W. Chad.: Hausa *ḥūrā* ‘knife or sword without handle’, presumably implying Afras. *ḥur- ‘flint’ (ADB).
- (3) Hbr. *hār*; Pho. *hr* // Only Ugr. *hr* ‘mountain’ (DUL 345; not a basic term).
- There are isolated parallels outside Sem. suggesting Afras. *hawr- (ADB): Brb.: Ahaggar *āhor* ‘amoncellement des rochers’; W. Chad.: Geruma *yuworo* ‘stone’, Zar *wur* ‘mountain’; E. Cush.: Yaaku *hēr?* ‘(big) rock’.
- (4) Qur. *šabal-*; Leb. *šabel*; Mec. *šabal*, Mhr. *gabēl*, Jib. *giēil* // < Sem. *gVbVl- ‘mountain; boundary, border’: Ugr. *gbl* ‘limit, frontier’ and ‘summit, mount’ (in DUL 293, two “possibly related” different entries; v. Kog. Ug.-Sem. 11), Hbr. *gabūl* ‘mountain; boundary; territory’, etc. (HALOT 171), Baḥari *gabālēl* ‘mountain’ (JM 113). Whether the MSA forms are genuine or borrowed from Arb. (note lack of the root in Soq.) is hard to decide.
- Probably < *gVb-Vl- with the -l root extension (v. Mil. RE 115–18) < Afras. *ga/ub- ‘mountain’ (ADB): Sem. *galibʕ- (with the -ʕ root extension?): Akk. *gabʕu* ‘(mountain) peak, hill’, Ugr. *gbʕ* ‘hill, height, peak’, Hbr. *gibʕā* ‘hill’, Arb. *šubaʕ-* ‘little hill town’; (?) E. Chad.: Bidiya *gab-ga* (partial redupl.) ‘mountain’; Cush. N.: Beja *gwob* ‘heap of stones; the ground with little or no vegetation’, E.: Afar *gubb-i* ‘high spot in undulating country’, LEC: Oromo *gubba* ‘summit’, HEC: Burji *gubba* ‘highland’, Dullay: Tsamay *gupo*, Harso *gúpo* ‘mountain’, S.: Dahalo *guba* ‘plains’ (with a plausible semantic shift: cf. #6 below). Cf. Eyp. (Pyr.) *gbb* ‘Erdgott; Erde’.
- (5) Sab. *ʕr* (syn.) // also ‘citadel; hill-town’ (SD 20). In HALOT 821, compared to Hbr. *ʕir*, Ugr. *ʕr* ‘city, town’, which is acceptable only if the meaning ‘hill-town’ is a primary one (this is not very likely since, first, the semantic shift to ‘mountain’ is rather strange; second, there is nothing pointing to a ‘hill-town’ in Ugr. and Hbr.; and, third, the Ugr.-Hbr. term is regarded as a Sumerism *ibid.*); for an alternative etymology cf. Arb. *ʕururāt-* ‘somet (d’une montagne)’ (BK 225).
- (6) Gez. *dabr*; Tgr. *däbər* // < Sem. *dabr- ‘mountain valley, pasture’: Hbr. *dobär* ‘pasture’, Mnd. *dibra* ‘field’ (HALOT 212), Arb. *dabr-* ‘champ, pré’ (BK 1 664), Tna. *däbri* ‘mountain’ (Kane T 2114; not common, according to my informants).
- Probably < *dab- with -r extension (v. Mil. RE 110–15) < Afras. *dV(m)b- ‘rock’: Sem.: Arb. *dabbat-*, Tgr. *däbb* ‘sand hill’, Tna. *dabb* ‘banc de sable’ (DRS 205), Harari *dabba* ‘raised ground’ (acc. to LGz < Cush.); E. Chad.: Migama *dâmbá* ‘mountain’, Bidiya *dòmbà* *id.*, *dâmbò* ‘stone’; Cush. N.: Beja *dabba*, *dibba* ‘mound of earth or sand’ (perhaps an Arabism), C.: Bilin *dabba* ‘elevated place; mountain; uninhabited country’, Qwara, Kailiña, Kemant *däba*, Dembea *debba* ‘mountain’, Aungi *dab* ‘stone’ (Fleming); E.: LEC: Somali *dabo* ‘hill, small mountain’, HEC: Sidamo *dubbo* ‘forest, uninhabited place’, Yaaku *tepu* < *deb- ‘stone’; N. Omot. Mao *démphê* ‘mountain’ (ADB; partially ND 497a, App. CDA 102).
- (7) Amh. *tārara*; Arg. *tārara* // No reliable parallels in Sem.

³ As an alternative etymology suggesting Ugr. $\gamma < \text{Sem. } *γ$ proposed by De Moor, the words allegedly meaning ‘rock’, ‘woodland’ are quoted in DUL 324: Arb. *γār-*, Syr. *γarō* and Akk. *ēru*; while the first one is glossed as ‘terrain plat, pays plat, caverne’ in BK 2 516, I could not find the latter two with these meanings in corresponding dictionaries.

- Obviously connected with C. Cush.: Kemant *tarārā*, E.: Cush.: LEC: Munsije *tarra* ‘mountain’, but the direction of borrowing is unclear. Should perhaps be related, with a semantic shift, to Egyp. (Pyr.) *twʷ* ‘to raise, hold up, support, lean on’ (if < **twr*) and Chad. W.: Pero *túrù* ‘climb’, Tangale *ture* ‘jump, wake up, rise’, C.: Ga’anda *itiri*, Gabin, Boka *tiri*, Hwona *ture-ŋ* ‘lift’, Zeghwana *átirá* ‘above’ (ADB).
- (8) Har. *sāri* // Zway ‘id.’, cf. a parallel in Arb. *sarw-* ‘légère élévation de terrain’, *sarāt-* ‘haupteurs, partie la plus élevée d’un pays’ (unless a semantic shift from id. ‘dos’ and/or ‘milieu’ BK 1 1085); less likely a loan, with semantic shift, from Somali *seeri* ‘forest’ (LGur 557).
- (9) Hrs. *kermaym*; Mhr. *karmaym* (syn.) // probably < Sem. **karm-*, if so, then meaning something like a ‘hill with a vineyard in it’: Akk. *karmu-* ‘Ödland(-Hügel)’ (AHw 449; ‘ruin, ruin heap’ in CAD *k* 218), Ugr. *krm*, Hbr. *kārām*, Arb. *karm-* ‘vineyard’ (DUL 455; HALOT 498), etc.
- With a much-discussed parallel in Egyp. (MK) *k̄m.w* ‘vineyard’, which may belong to a small group of the earliest Canaanisms in Egyp. (cf. also W. Chad.: Hausa *kúrmì* ‘wood, forest’); cf. a variant root: Akk. (OA, OB on) *karānu* (*kirānu*) ‘wine, grapevine, grapes’ (CAD *k* 202) and Egyp. (MK) *k̄n-w* ‘vineyard’, creating a rather enigmatic tangle (ADB).
- It is also possible to compare the MSA root, with a fossilized *-m* (v. Mil. RE 105–8), with Sem. **kur-*: Arb. *kūrat-* ‘country, land, town’, Sab. *kw* ‘hill, high-place’ < Afras. **kur(-Vm)-* (cf. also Sum. *kur* ‘mountain, highland’ < Afras.?): Chad. W.: Gerka *kir* ‘hill’, C.: Dghwede *kwire*, Glavda *ákura*, Musgu *kuríi* ‘stone’, Logone, Kuseri *kur* ‘mountain’, Makari *kur* ‘round rock’; Cush. C. **karVŋ-* (< **karVm-*) ‘stone’: Bilin, Kemant *kərŋa*, Aungi *kárāŋ*, etc. (App. CDA 129): E.: LEC: Somali, Rendille *kúr* ‘mountain’ (ADB).
- (10) Soq. *félidehon* // Jib. *fúdún* ‘rock, stone’ (JJ 51); if joined to Akk. (Oakk. on) *padānu*, *paddānu* ‘path, way’ (CAD *p* 2), implies Sem. **pad(d)Vn-* ‘path in the mountains’; cf. also, with metathesis, Arb. *fand-* ‘grande montagne, grande hauteur qui s’étend au loin’ (BK 2 637).
- Note a curious triconsonantal parallel in W. Chad.: Tangale *pandj*, Mangas *nədap* (another met.?), Kir *ladààp* (< **nədap?*) ‘path’.
- ◇ Mlt. *montañia* < Italian *montagna*; Tna. *ʔamba* < C. Cush. (cf. Bilin *ambá*, Khamir *ʔabə*, etc.); Sod. *gara* < E. Cush (Oromo *gaára*, Sidamo *gaaro*, etc., v. LGur 288); Cha. *ḵwāto* < E. Cush. (Qabenna, Alaba *ḵōtá-ta*, v. LGur 506). No term in Gaf. and Wol.
- No common Semitic (or, if MSA terms are inherited, Common West and South Semitic **gVbVl-* #4).

56. MOUTH

- (1) Akk. *pû-*; Ugr. *p*; Hbr. *pā*; Pho. *py*; Bib. *pummā*; Pal. *pām*, *pymh*; Syr. *pūmm-*; Mnd. *pum-*; Urm. *pūm-*; Qur. *fam-* (also *fū/uh-* and *fuw-*); Mec. *famm*; Gez. *ʔaf*; Tna. *ʔaf*; Tgr. *ʔaf*; Amh. *ʔaf*; Arg. *af*; Sod. *af*; Har. *af*; Wol. *af*; Cha. *āf* // < Sem. **(ʔa-)pay/w(-m)-* ‘mouth’ (cf. SED I No. 233). The decision to include the Eth. forms into the Sem. root was taken with much hesitation, as they formally coincide with a common Cush. term for ‘mouth’, the grounds for regarding them as related to or borrowed from Cushitic being nearly equal, cf. below.
- Anyway, < Proto-Afras. **(ʔa-)pay/w-* ‘mouth’: Brb: Shilh, Senhaja, Qabyle *fa*, Rif *fa*, *afa*, Mzab *fafa* ‘to yawn’ (N-Z 515); Chad. W. **pVw-* ‘mouth’: Angas *po*, *pwo*, Chip *pwà*, Tangale *pw-k*, Boghom *piap*, *pyòk*, Fyer, Bokkos *fo*, etc. (and very likely Hausa *áfà* ‘throw into the mouth’, Mupun *áap*, Sura *ap* ‘yawn’, Angas *ep* ‘yawn’ < **ʔap*), C.: Hya *funɛ*, Musey *funu-no* (and *vun* in several languages, likely < **fun-* < **fu-n-*); Cush. N.: Beja *yaf*, C.: Bilin (pl.) *afəf*, Khamir *af*, E. **ʔaf-* ‘mouth’: Saho, Afar *af*, LEC: Somali *áf*, Rendille *af*, Dasenech *ʔāfū*, Oromo *áfaa-ni*, Konso *áfaa*, HEC: Darasa *afaʔo*, Sidamo, Kambatta *afoo*, Burji *afée*, S. **ʔaf-*: Iraqw, Burunge, Alagwa *afa*, Asa *afo-k*, Qwadza *afu-ko*, Dahalo *ʔafo*; S. Omot. **ʔVpp/ff-*

- ‘mouth’ (seems an inherited root rather than borrowed from Cush.): Dime *ʔappo*, Ari *aaffa*, Karo *ʔapo*, Banna *aapo*, Hamar *a(a)fo*, *ap-*, Ongota *ʔiifa* (ADB).
- (2) Leb. *ħaləʔ*; Mlt. *ħalʔa* // < Sem. **ħalk*(-um)- ‘Adam’s apple, throat’: Akk. **a/elī/āku* in *līk* (*lak*, *alik*, *elak*) *pī* ‘palate’ (lit. “the l. of the mouth”), Arb. *ħalk*- ‘gosier, gorge’, *ħalkūm*- ‘gorge’, Gez. *ħalk* ‘throat, gullet, palate’, Amh. *alləkt* ‘depression at the base of the neck directly below the Adam’s apple’, Mhr. *ħalkəmūt* ‘Adam’s apple’, etc. (v. SED I No. 117).
- < Afras. *(*ħa-*)*lvk*(-um)- ‘throat and upper part of neck’ (ADB): Cush. C.: Khamtanga *kālma*, Khamta *k/kālma* (met.) ‘neck’, E.: LEC **luk*/*k*(-um)- ‘neck’: Somali *luḵun*, pl. *luḵum-mo*, Arbore *lúko* (< **luḵ-* or **luk-*), Elmolo *lúku* (< **luk-*), Konso *ħolma* (<**kVlm-*), Oromo *luḵum* ‘chew, munch, eat without opening the mouth’, S.: Dahalo *laḵa* ‘area under chin’; S. Omot.: Banna *lukum-*, Ongota *luyoma* ‘neck’.
- (3) Gaf. *səmotä* // In LGaf 231, qualified as a loanword from E. Cush. Gudella *súme*; a possible origin from *samä* ‘embrasser’ is admitted as an alternative (neither assumption is very convincing); cf. Gez. *saʕ/ʔama*, Tna. *säʕamä*, Amh. *samä*, etc. ‘to kiss’, compared in LGz 481 with Arb. (Yemen) *saʕam* ‘kiss’, evidently implying the meaning ‘kisser’ for the Gafat form.
- (4) Hrs. *ħah*; Mhr. *ħōh*; Jib. *hoh*; Soq. *ħe* // < Sem. **ħaw-* ~ **ħawh-* ‘hole, aperture’: Hrs. *ħəwəwēt* ‘tunnel’, Mhr. *ħōh* ‘mouth; entrance, opening’ (JM 454), *ħəwū(t)* ‘to have a space left uncovered’ (ibid.), Hbr. *ħəwāh-īm* (pl.) ‘hole, crevice’ (HALOT 296), Arb. *ħwy* ‘ê. vide’ (BK 1 651), *ħawḥat-* ‘lucarne dans un mur; petite fenêtré; anus’ (ibid. 644), Sab. *ħwḥ* ‘passageway, corridor’ (SD 64), Gez. *ħohət* ‘door, doorway, etc.’ (LGz 260).
- Cf. debatable external parallels, pointing, if valid, to Afras. **qaw/ʔ-* ‘hole’:⁴ Egyp. (Gr.) *ħ-t* ‘pit’; Chad. W.: Pero *kàà* ‘hole in a stone for mashing grains, beans’, C.: Bura *ku* ‘hole in the ground’, Bachama *kwa* ‘vine door (hole hut)’, Bana *káʔú* ‘hole without an outlet’, etc. (St. 2011 #179a), Chibak *kaw*, Margi *kàʔo* ‘hole’, E.: Kera *ku*, Kwang *kuh*, *kuu* ‘mouth’ (not in St. 2011); N. Omot.: Kafa *koko* ‘mouth’ (ADB).
- Common North and West Semitic *(*ʔa-*)*pay/w(-m)-* (#1).

57. NAME

- (1) Akk. *šumu*; Ugr. *šm*; Hbr. *šēm*; Pho. *šm*; Bib. *šum*; Pal. *šēm*, *šwm*; Syr. *šəm*; Mnd. *šum-*; Urm. *šimm-*; Qur. *ʔism-*; Leb. *ʔəsəm*; Mec. *ism*; Mlt. *isem*; Sab. *sī`m*; Gez. *səm*; Tna. *səm*; Tgr. *səm*; Amh. *səm*; Arg. *səm*; Gaf. *səm^{wä}*; Sod. *səm*; Har. *sum*; Wol. *sum*; Cha. *šəm*; Hrs. *hem*; Mhr. *ham*; Jib. *šum*; Soq. *šəm* // < Sem. *(*ʔi-*)*šim-*.
- < Afras. *(*ʔi-*)*sim-* ‘name’ (ADB): Brb. *(*H*)*ism-* (borrowing from Arabic is unlikely, since the term is attested all over the Berber-speaking area, but cannot be completely ruled out); Chad. W. *(*ʔV-*)*si/um-*: Hausa *súná*, Sura *súm*, Kirfi *šímí*, Pa’a *sim*, *sun*, Mangas *wusim*, Boghom *yìsim*, Kir *wùsum*, Tala *sum*, Kulere *ʔasim*, etc., C. **šim-* (with a secondary lateralization): Gabin *šime*, Mbara *šim*, Gudu *lim*, Logone *šémī*, Zime-Batna *sém*, etc., E. **sVm-*: Somrai *súmí*, Kera *sám*, Dangla *sīŋ*, Mokilko *sùmá*, etc.; Cush. **sim-* (borrowing from Eth. is less probable, but cannot be excluded): N.: Beja *sim*, *sum*, C.: Bilin, Khamir, Kemant *šəŋ^w* (hardly a loan), Aungi *səm* (likely an Amharism), E.: HEC: Darasa, Hadiya *summa*, Sidamo, Kambatta *suʔma* (cf. also LEC: Oromo *sima* ‘to welcome’); N. Omot. **sum-t-* ‘name’ (in view of **-t* less likely a loan from Eth.): Wolaita *sunta*, Basketo *sumsa*, Koyra *súunci*, Chara *sumá*, Gimirra (She) *sum*, Bworo *šuuca*, Dizi (Maji) *simu*, etc. Probably related is Egyp. (MK) *smy* ‘berichten, anzeigen’ (with a semantic shift ‘tell the name’ > ‘report, inform?’).
- Common Semitic *(*ʔi-*)*šim-*.

⁴ The hypothetical **q* (standing for a presumed Afras. affricate **kʰ*) is expected to yield **ħ* in Sem. and Egyp. and **k* in other Afras. branches.

58. NECK

- (1) Akk. *kišādu*; Gez. *kāsād*; Tna. *kasad* // < Sem. **ki(n)šād*- ‘neck, top of shoulder’ (SED I No. 147).
- (2) Hbr. *šawwā(?)r*; Bib. *šawwaʔr*; Pal. *šawr*; Syr. *šawr*-; Mnd. *šawr*- // < Sem. **šawʔar*-: Arb. *šawr*- ‘side of the neck’, etc. (v. SED I No. 258).
- (3) Qur. *ʕunq*-; Mlt. (*gh*)*onaʔ* // < Sem. **ʕVnq*- ‘neck’: Jud. *ʕunq*- ‘neck, throat’, Gez. *ʕanaqa* ‘to carry around the neck’, etc. (SED I No. 15).
- (4) Leb. *raʔabi*; Mec. *ragaba* // Class. Arb. *raqb*- ‘cou, nuque’ (BK 1 905). No visible cognates in Sem.
- Cf., with metathesis, possible parallels in Egyp. (NE) *bʔk* (neck or throat determinative) ‘gorge (?)’ (if < **brk*, v. EDE II 94) and Brb.: Rif *a-berkuḳ* ‘bosse, tumeur’ (N-Z 117).
- (5) Tgr. *səgad* // < *sägda* ‘prostrate oneself’ (implying an exotic semantic shift “prostrate” > “to bow down one’s neck” > “neck”) < Sem. **sgd* ‘prostrate’ (LGz 490)?
- (6) Amh. *angät*; Arg. *angäd*, *hangät*; Gaf. *angät*; Sod. *angät*; Har. *angät*; Wol. *angät*; Cha. *angät* // Judging by Arg. *hangät*, rather < Sem. **hVng(-ar)*- than < **ʕVng(-at)*- ‘neck’ (as in SED I No. 15 note): Gez. *ḥangät* ‘goiter’ (*ḥ*- instead of the expected **ḥ*- may be purely graphic), Har. *ḥangūr* ‘throat’ (also ‘food’), Zway *angäro*, Wol. *angoro*, Selti *angōro* id. (all of these S. Eth. forms are considered Arb. loans in LLw 132), Arb. *ḥanžarat*-, *ḥunžūr*- ‘larynx’ (cf. *ḥunžūd*- id.) (SED I No. 15 note).
- With a clear parallel in Egyp. (18 Dyn.) *ḥngg* ‘gorge’ (cf. also Brb.: Ghadames *əngər* ‘pleurer un mort’ — a kind of “gorge” singing?).
- (7) Hrs. Mhr. *yōṭi* (*yōḍi*, acc. to Jahn); Jib. *yoṭe* // Could not find any etymology.
- (8) Soq. *kar* // Likely related are Mhr. *šārīr* ‘nape’ (SSL 291), with Mhr. *š* rendering palatalized **k* (cf. in **šawʔar*- SED I No. 258 note) and Arb. *qara*ⁿ (< **karw*-) ‘dos’ (BK 2 730).
- < Afras. **kawr*- ‘(back of) neck’: E. Chad.: Kwang *kàri*, Kera *kur*, Lele *kwara* ‘neck’, possibly < **kVwar*- (otherwise < **k-ur*-); E. Cush.: LEC: Somali *qōr* ‘neck’; Omot. N.: Wolamo *kōriya*, Cancha, Gemu, Dorze *kōre*, S.: Banna *korči* (< **kor-t*-) id.
- (9) Soq. *faqrere* (syn.)⁵ // < Sem. **pi/ark-at*- ~ **pi/akr-at*-: Hbr. *maprākāt* ‘neck’, Arb. *faqrat*-, *fīqrat*- ‘vertèbre’ (BK 2 619–20), etc. (SED I No. 219).
- ◇ Urm. *kadāl*- is < Arb. *qidāl*- ‘derrière de la tête; toupet’ (BK 2 697). No term in Ugr., Pho. and Sab.
- Common North and West (Eth.) Semitic. **kišād*- (#1).

59. NEW

- (1) Akk. *eššu*; Ugr. *ḥdt*; Hbr. *ḥādāš*; Pho. *ḥdš*; Bib. *ḥādat*; Pal. *ḥdt*; Syr. *ḥadāt*-; Mnd. *hadt*-; Urm. *ḥā(d)t*-; Gez. *haddis*; Tna. *ḥāddis*; Tgr. *ḥāddis*; Amh. *addis*; Arg. *hažas*; Sod. *ažžis*; Har. *ḥažis*; Wol. *ažis* // < Sem. **ḥadit*- (DRS 837).
- (2) Qur. *žadīd*-; Leb. *ždid*; Mec. *žadiyd*; Mlt. *ždid* // In Kog. LE 470, reasonably related with Sab. *h-gdd* ‘endorse, validate (a decree)’ and Qat. *s₁-gdd* ‘renew, validate’; compared (with a question mark) with Syr. *gaddūd*- ‘adolescent’ in DRS 100, which also seems reasonable, especially in view of another meaning of Arb. *žadīd*- — ‘jeunesse, jeune âge’ (BK 1 261).⁶
- Note a curious coincidence with N. Omot.: Yemsa *gaddo* ‘new’.
- (3) Sab. *ks₂b-m* // also *ks₂b-n* ‘new construction’ < *ks₂b* ‘build, construct, make’ (SD 108). Clearly connected with Arb. *kašīb*- ‘tout neuf, nouvellement fait’ (BK 2 741; seems isolated from

⁵ *fikeriroh* in Kogan MS, given on par with *kar* as an equireight synonym.

⁶ Perhaps from still another meaning of the same Arb. term — ‘hereuse, fortuné’ (ibid.) < Sem. **gadd*- ‘fortune, chance’ (DRS 100, a different entry), attested in Hbr., Arm. and Eth. (incl. ‘augur’ in Amh.), with the semantic shift “new” < “future” < “read the future, tell one’s fortune” < “fortune”.

other meanings of the verb *ḵšb*) that looks like a loan from (or into?) Sab. No other Sem. parallels.

- (4) Cha. *gädär* // Also in Eža, Gyeto, Masqan (LGur 264, no etymology adduced). May be tentatively compared either with Wol. and Zway *gädärä* ‘to grow up (child)’, Amh. (*tä*)*gäddärä* ‘to germinate’ (with the semantic shift ‘produce new plants’ > ‘new’; for broader connections v. BIG No. 8) or, with an *-r* root extension, to Sem. **gādī/ūd-* (#2).
- (5) Hrs. *ḥeydīn*; Mhr. *ḥeydīn*; Jib. *odīn* // < MSA **waydīn-*. If these forms could be analyzed as **wady-Vn* (for the *-Vn-* suffix in MSA cf., e.g., Jib. *ḥamšīna*, Soq. *ḥamšīn* vs. Hrs. *yemši*, Mhr. *yemšē* ‘yesterday’; or Mhr. diminutive *tawēy-ēn* < *tāywi* ‘meat’), comparable with Arb. *wadiyy-* ‘premiers germes d’un palmier qui sortent de la terre’ (BK 2 1513), with the primary meaning ‘new, young’.
- Should be further connected with Egyp. (MK) *īd* ‘young man’; C. Chad.: Matakam *wúdá*, Zime-Batna *údò* ‘children’, perhaps allowing to reconstruct Afras. **wayd-* (ADB).
 - ◇ Gaf. *wayä*, together with several Gurage languages (LGur 666) is a loan from HEC (Kambatta, Sidamo *hāro*, Hadiya *hāri-ččo*), according to LGur 673, “with loss of *r* through palatalization”; Soq. *gedīd* must be an Arabism.
- Common North and West Semitic **hadīt-* (#1).

60. NIGHT

- (1) Akk. *mūšu*; Sod. *məšüt*; Cha. *məšütä* // < Sem. **(ʔa-)mVšy-* ‘night, yesterday, evening’ (ADB): Eblaite /*mūšum*/ ‘night’, Hbr. *ʔämāš* ‘last night, yesterday’, Arb. *ʔamsi*, *musy-* ‘yesterday, *masāʔ-* ‘evening’, Gez. *maset* ‘evening, twilight’, Tgr. *maset*, Tna *məšät*, Amh. *məšet* ‘evening’, Hrs. *yemši*, Mhr. *yemšē*, Jib. *ḥamšīn*, Soq. *ḥamšīn* ‘yesterday’ (Hrs.-Mhr. *y-* instead of **ʔ-* and, especially, MSA *-š/ ṣ-* vs. Arb. *-s-* speak against judging these forms as Arabisms, which they may resemble upon first glance).
- < Afras. **(ʔa-)mas(y)-* ‘night, evening’ (ADB): Egyp. (OK) *msw-t*, (MK) *msy-t* ‘supper, evening meal’; C. Chad.: Gudu *məšü* ‘evening’, Logone *méése* ‘midnight’, (?) Daba *àmusku* ‘yesterday’; Cush. N.: Beja *amas* ‘late evening, night, twilights’ (hardly < Arb.), *ámse* ‘today’ (perhaps an Arabism), S. **ʔamas-*: Iraqw, Gorowa *amsi*, Alagwa, Burunge *amasi* ‘middle of the night’, Qwadza *amasi-ya* ‘tomorrow’, Asa *eramesa* ‘night’ (with a secondary *-r-*); N. Omot. **ʔumars-*⁷ Wolaita *ʔomársä*, Malo *ʔomars-* ‘night’, Gofa *ʔumarsä*, Dorze *omarsä* ‘night, evening’, etc. (ADB; cf. EDE III⁸ 558–562 and 630).
- (2) Ugr. *ll*; Hbr. *laylā*; Pho. *ll*; Bib. *lēly-ā*; Pal. *lēlē*; Syr. *lely-*; Mnd. *lily-*; Urm. *layl-*; Qur. *laylat-*; Leb. *layl*; Mec. *layl*; Mlt. *leyla*; Sab. *lly*; Gez. *lelit*; Tna. *läyt-i*; Tgr. *lali*; Amh. *let*, *lelit*; Gaf. *litä*; Har. *läyl-i*, *lēl-i* // < Sem. **layl-*: Akk. *lilāt-* (*liliāt-*) ‘evening, night’, MSA (< Arb.?): Hrs. *léylet* (JH86), Mhr. *láylät* ‘night’ (JM 259: “in certain contexts only”), Soq. *lilhe* id.
- For various suggested Afras. etymologies cf. EDE III 43–44, where they are justly considered “uncertain”.
- (3) Arg. *hadara* // < Eth. **hḏr*: Gez. *ḥadara* ‘reside, dwell, stay overnight’, Tna. *ḥadärä* ‘stay overnight’, Tgr. *ḥadra* ‘dwell, stay’, etc. (LGz 258–9) < Sem. **hḏr* ‘spend the night, dwell’, **ḥalidr-* ‘dwelling, chamber, tent’: Eblaite /*ḥadrum*/, Ugr. *ḥdr* (DUL 355; *ḥ-* is irregular), Hbr. *ḥädär* ‘room’, Pho. *ḥdr* ‘(burial) chamber’, Arb. *ḥdr* ‘remain and keep to a place’, *ḥidr-*

⁷ As for the secondary *r*, cf. also Eth. Gur.: Cha., Eža *mäsarä*, Ennemor, Gyeto *mäsarä* ‘night’ and Mil. RE 113.

⁸ In EDE III 562, this root is reasonably related with Brb.: Semlal *a-mušša*, Ntifa *muššu* and C. Chad.: Padoko *musa* ‘black’ (though with a strange formula “remotely connected” hard to understand to what historical linguistic reality it may refer, and a somewhat unintelligible remark “Note the anomaly with PBrb. **[m]-s-y*”) and erroneously (ibid. 559–560) with Brb. **ans* ‘spend the night’ and its derivative **ma-nsaw* ‘evening meal’.

‘women’s quarters of a tent’ (LGz 259), Sab. *ḥdr* ‘chamber, funeral chamber’ (SD 59), Hrs., Mhr. *ḥedōr* ‘to put up a sunshade’, Jib *ḥodor* id., Soq. *ḥādōr* ‘to build’ (JM 438). Surprisingly, the MSA forms are overlooked in all the quoted dictionaries. For the meanings ‘stay overnight’ and ‘night’ in Eth. cf. also Arb. *ḥadar-* ‘obscurité de la nuit’ and *ḥdr* ‘ê. très noir’ (BK 1 544–5), perhaps a contamination of two roots.

- (4) Arg. *etta, yet* (syn.); Soq. *ḥte* // Likely < Sem. **ḥayt-* ‘time; night’ (for this semantic connection cf. #6 below): Hbr. *ḥēt* ‘point in time, occasion, time’ (HALOT 899); cf. also what looks like a variant stem **ḥant-*, with secondary *-n-* infix: Ugr. *ḥnt* ‘now’ (DUL 169), Hbr. *ḥattā* ‘now’ (HALOT 901), etc.
- If Sem. **ḥayt-* may be analyzed as **ḥay-t-*, with the fossilized suffix *-t*, there are possible, if sparse, Afras. parallels: W. Chad.: Montol *yi* ‘time’, Angas *yii* ‘year’, etc. (unless related with Egypt. (MK) *iḥ-t* ‘time, moment’), N. Cush.: Beja *ḥā* ‘time, period’ (more likely < **ḥā* than **ḥā*, as normally **ḥ* > *ḥ*, while **ḥ* > *∅* in Beja); S. Omot.: Ongota *ḥuo* ‘night’, perhaps allowing to reconstruct Afras. **ḥay/w-* (ADB).
- (5) Har. *artu, ḥrtu*; Wol. *arot* // < S.-E. Eth.: Selti *arōt* ‘night’, Zway *arūt* ‘evening’; according to LGur 92, from Cushitic (Qabenna *aworruta*, Sidamo *hawarro*, Afar *harrä* are quoted), but the “comparison with Semitic **ḥrb*, **ḡrb*... with disappearance of *b*... is possible.” The provenance from Sem. **ḥrb* is more likely than from Cush., since **ḥ* > *∅* in S.-E. Eth., while **ḥ/h* (reconstructible for the E. Cush. forms quoted) > *ḥ* in Har. If this is true, the word is related to Sem. **ḥarb-* ‘sunset, evening, west’: Akk. *erebu* (*erbu*) ‘setting of the sun, west’, Arb. *ḥarb-* ‘coucher du soleil’, Gez. *ḥarab* ‘west, sunset’, *ḥarba* ‘to set (sun), become evening’, Mhr. *ḥarbēt* ‘strange place, unknown place, abroad’, Jib. *oyórb* ‘to go west’ (ADB).⁹
- (6) Hrs. *ḥāšer*; Mhr. *ḥaçar*; Jib. *ḥaçar* // < Sem. **ḥašr-* ‘feast, time, season, night’ (ADB): Hbr. *ḥāšrā* ‘holiday, celebration, festive assembly’, Syr. *ḥāšart-* ‘sacrificium’, Arb. *ḥal/i/ušr-* ‘temps; saison, moment propre, temps nécessaire; age, siècle, époque’, *ḥal-ḥašr-* ‘le jour et la nuit, ou le soir et le matin’, Soq. *ḥāšer* ‘temps’ (perhaps an Arabism).
- Common North and West Semitic (S. Eth.) *(*ḥa-*)*mVšy-* (#1).
West Semitic **layl-* (#2).

61. NOSE

- (1) Akk. *appu*; Ugr. *ḥap*; Hbr. *ḥap*; Pal. *ḥp*; Qur. *ḥanf-*; Gez. *ḥanf*; Tgr. *ḥanəf*; Gaf. *āf^wä*; Sod. *afunna*; Har. *ūf*; Cha. *āfunā* // < Sem. **ḥanp-* ‘nose’, including Arm.: Jud. *ḥappā*, *ḥanpā* ‘nose; face’, Bib. *ḥanpōhī* (with a dual suffix), Syr. *ḥappē*, *ḥappayyā* (pl.), Mnd. *anpia* ‘face’ (SED I No. 8).
- With prefixed **ḥa-* < Afras. *(*ḥa-*)*nal/if-* ‘breath (> life, soul, heart), blowing of wind’ (ADB; cf. EDE I 117–18): Brb.: Ahaggar *a-nəfo* ‘breath’, Ayr. E. Tawllemmet *a-nəfo* ‘fresh humid wind’, etc.; Egypt. (OK) *nḥ-t* ‘fan’, (NK) *nḥ* ‘breath; wind’; C. Chad.: Daba *nəp* ‘to rest, to breathe’, Tera *nifi* ‘life’, Logone *nəfu* ‘life; heart’, Fali-Kirya *nəffə* ‘heart’, etc.; Cush. N.: Beja *nifi* ‘to blow (wind)’, E.: Saho *naf* ‘breath, soul, life’ (perhaps also Afar *neef* ‘face’), LEC: Somali *neef* ‘breath’, *naf* ‘soul; life’, Boni *nəf* ‘breath’, Baiso *neefo* ‘breath; soul’ (perhaps Oromo *nafa* ‘haste, urgency’ < “heavy breathing”?), S.: Dahalo *afo* ‘nose’ (if < **ḥanf-*).
- (2) Syr. *nəḥīr-*; Mnd. *nիր-*; Urm. *nəḥīr-*; Leb. *mənḥar*; Mlt. *əmmiher*; Hrs. *nḥerīr*; Mhr. *nəḥīrīr*; Jib. *nəḥīrer*; Soq. *nəḥīrīr* // < Sem. **nəḥīr-* ‘nostril, nose’: Akk. *nəḥīru* ‘nostril’, etc. (SED I No. 198).
- < Afras. **nəḥVr-* ‘nose’ (ADB): Brb.: Ahaggar *a-nḥgur*, Ghat *a-nḥur*, Semlal *ti-nḥar-t*, etc. ‘nose’; S. Cush. **ḥa-nḥari* ‘phlegm’: Iraqw *aḥari*, Burunge *anḥari*. Seems to go back, with the root extension **-r*, to Afras. **nəḥ-* ‘referring to the nose, nasal mucus, phlegm (> saliva),

⁹ For an alternative etymology cf. Gez. *ḥar* ‘time’ (LGz 36) with no Sem. parallels (cf. Egypt. (Pyr.) *rr* ‘time’ and C. Chad.: Higi-Nkafa *ri* ‘time’); on the semantic connection between ‘night’ and ‘time’ see Nos. 4 and 6.

etc.’ (ADB), perhaps onomatopoeic: Sem.: Akk. *naḥnaḥatu* ‘nose cartilage’, Syr. *naḥnaḥt-‘tonsillae’,* Arb. *nuḥmat-* (with fossilized suffixed *-m*) ‘ce que l’on jette par la bouche ou par le nez, comme pituite, glaire, etc.’, Jib. *nhḥh* ‘phlegm’ (SED I No. 197); Brb.: Ghadames *naḥnāḥ* ‘speak through the nose’; Egypt. (Pyr.) *nh* ‘saliva; spit out’; E. Cush.: Yaaku *núka?* ‘nose’ < **nug-* (if *-g* renders **-h*, which is not clear; perhaps < **nuk-* then to compare with S. Omot.: Dime *nuku*, Hamer, Ari *nuki* id.).

- (3) Mec. *ḥuṣum* // Class. Arb. *ḥayšūm-* ‘cartilages du nez’ (BK 1 578). Cf. Soq. *in-ḥášim* ‘sneeze’ (LS 194), unless < **ḥšm* (compared with Mhr., Jib. *ḥášm* ‘phlegm’ in DRS 934); most likely, a variant root with a plausible semantic shift.
- (4) Tna. *ʔafənča*; Amh. Arg. *afənča* // An enigmatic word, with no parallels in other Sem.
- The only possible parallel is Egypt. *fnḏ* ‘nose’, possibly < **fVnVç/ç/ç-*, but alternatively < **fVnVg-*, comparable with Chad. W.: **fVng-* (Hausa *fāfungà* ‘toothless mouth’, Siri *vengi* ‘mouth’, Sura Angas Fyer *fun* ‘hole’, C.: Mulwi *fīngi* ‘wipe one’s nose’, etc.) and, with metathesis, N. Cush.: Beja *gənuḥ* ‘nose’ (ADB; cf. EDE II 575–8 containing all the above comparanda plus a weak cognation with Afras. **f-n*).
- (5) Wol. *bärbäre* // Leslau (LGur 151) speculates about possible connections with *bärbäre* ‘pepper’, quoting the same semantic shift in Gogot *anfuna* ‘nose’ and ‘pepper’ (note, however, that in Wolane it may be ‘pepper’ > ‘nose’ only, while in Gogot it is vice versa).
- ◇ No term in Pho., Bib. and Sab.
 - Common North and West Semitic **ʔanp-* (#1).
Common West (Arm.) and South Semitic **naḥīr-* (#2).

62. NOT¹⁰

- (1) Akk. *ul*; Hbr. *ʔāl*; Pho. *ʔl*; Sab. *ʔl*; Amh. *al...(m)*; Arg. *al (...w/u)*; Gaf. *al*; Sod. *al-*; Har. *al*; Wol. *al-*; Hrs. *ʔel*, Mhr. *ʔal (...laʔ)*, Jib. *ʔol (...lʔʔ)*; Soq. *ʔal, ʔl* // < Sem. **ʔal*, with a var. **ʔul* in Akk. and Ugr. *ʔal*, a negative functor (DUL 46).
- < Afras. **ʔa/ul*: Brb.: Seghrushen, Shenwa, Mzab *ul*, Maṭmaṭa *ūl*, Zwara, Nefusa *wal* ‘not’; E. Cush.: Afar *alēy* ‘no’, Saho *ʔallō* ‘nothing’, LEC: Arbore (*má...*) *ala*; N. Omot.: Kafa, Anfillo *allo*, Bworo *āli* ‘there is not’ (ADB; ND No. 24).
- (2) Akk. *lā*; Ugr. *l*; Hbr. *lō(?)*; Bib. *lā*; Pal. *lāʔ*; Syr. *lā*; Mnd. *la*; Urm. *lā*; Qur. *lā*; Hrs. *laʔ*; Mhr. (*ʔal...*) *laʔ*; Jib. (*ʔol...*) *lʔʔ* // < Sem. **laʔ* (perhaps eventually related, with metathesis, to **ʔa/ul*).
- Cf. scarce parallels in other Afras.: C. Chad.: Makeri *la* ‘not’; C. Cush.: Bilin, Aungi *la-* id.
- (3) Pho. *ʔy*; Gez. *ʔi*; Tna. *ʔay (...n)*; Tgr. *ʔi* // < Sem. **ʔay*: Akk. *ay, ē*, prohibitive, Hbr. *ʔī* ‘not’ (HALOT 38, hapax), Arb. *ʔa-*, Soq. *ʔē* ‘not’ (ND No. 3).
- With a few Afras. parallels, probably allows for Afras. **ʔay*: Egypt. (OK) *ʔw.ʔ* ‘welcher nicht’ (quoted in ND No. 3 with two question marks); E. Cush.: HEC: Burji *-ayʔ*, Hadiya *-yyo*, suffixed negative markers of verbs (ibid.); S. Omot.: Ari *-ai* ‘no’, Dime *ʔeekai* (< *ʔee-kai*, cf. Basketo *-kkaye*, Chara *káyay*, Seze *keièiw* ‘not’) id., Ongota (*ma-*)...*-ʔi* ‘not’ (ADB; ND No. 3).
- (4) Qur. *mā*; Leb. *mā (...š)*; Mec. *mā*; Mlt. *mā*; Amh. (*al...*) *m*, Gaf. *-m* // < Sem. **ma(?)*: Har. *mēʔ* ‘no!’ (LHar 102).
- < Afras.: Egypt. (OK) *m* ‘do not!’; Brb.: Ayr *ma*, Shawiya *ma* ‘not’, Nefusa *mō* ‘no’, Tazelwalt *a-mia* ‘nothing’; Chad. W.: Chip *ma*, Goemai *mou*, Tangale *-m*, Bade *-m* ‘not’, C.: Bura *am* (met.) ‘no! never!’, Glavda *maay*, Gisiga, Masa *máy*, Lame *mì*, Zime-Batna, Zime-Dari *mì* ‘not’; Cush. C.: Khamir *-m* ‘not’, E.: Afar *ma-...(in)*, Saho *mā-...(in)*, LEC: Somali *máʔ (...in)*, Boni *mo/a/i*, Rendille, Dasenech, Arbore *ma-*, Elmolo *má-*, Oromo (Wellega) *mū* ‘not’ (cf. also Yaaku *-meá-* ‘dispense with’), S.: Iraqw *ma* ‘do not!’; Omot. N.: Yemsa *miyo*

¹⁰ The forms below are not marked (syn.), since their functions are differently distributed in most cases.

‘ban, prohibition’, S.: Hamer *m-* ‘not, no’, *-ma* ‘no’, Ongota *ma-* (...-ʔi) ‘not’ (ADB; EDE III 13–14).

- (5) Tna. (*ʔay...*) *n*; Cha. *an-* // < Sem. **ʔayn-* ‘(there) is not’: Akk. *yaʔnu*, *yānu* ‘is not’, Ugr. *ʔin*, Hbr. *ʔēn* ‘there is no’, *ʔayin* ‘non-existence; nothing’ (HALOT 41–42), Cha. *enä*, Gyeto *enä-tä*, Eža, Masqan, Gogot *ennä* ‘there is not’ (LGur 54).
- < Afras.: **ʔayn-* (< **ʔay-n?*) ~ **nay-* (< **n-ʔay?*): Egyp. (Pyr.) *n* ‘not’ (Coptic *n-*), (NE) (*bn ...*) *in* ‘not’ (Coptic *an*); Chad. W.: Zakshi, Zangwai *nai*, Tala *nú*, Juu *nu* ‘not’, C.: Bana *nyáà*, Malgwa *ɲa* ‘no’; E. Cush.: Afar (*ma...*) *-in*, Saho (*mā...*) *-in* ‘not’, LEC: Somali (*má...*) *-in*, Dase-nech *-ɲ*, *-an*, Konso *in* (...*u*), (?) Yaaku *ɲ’inin* ‘no’ (< **ʔinin?*); N. Omot.: Wolaita *gid-ēnna* (*gid-* ‘be’), Kullo, Gofa *gid-enna*, Chara *an-*, Yemsa *aìnè* ‘not’ (ADB; cf. ND No. 48).
- Common Semitic **ʔa/ul*.
Common Semitic **la?*.

63. ONE

- (1) Akk. *ʔištēn m.*, *ištīat f.* // < Sem. **ʔišt(-Vn/t)-* ‘one; eleven’: Ugr. (DUL 190) *ʔšt(y)* ‘one’ (less common than *ʔahd*), *ʔšt ʔšr(h)*, Hbr. *ʔaštē ʔāšar* (HALOT 898) ‘eleven’, Min. *ʔst* id. (LM 15), Qat. *ʔst-n-m* ‘one’ (Ricks 125).
- Sem. **ʔišt(-Vn/t)-* < **ʔišt-* (with a fossilized **-t* suffix) continues Afras. **ʔis-n/t-* ‘one’ (with *-n* masculine and *-t* feminine suffixes?): Chad. **say/w(-t)-* (met.): W.: Hausa *sàu* ‘times’ (*sau uku* ‘three times’), Angas *šii*, Goemai *sʰà* id. (or < Hausa), Guruntum *ša* ‘one’ (St. 2009 #38a), C.: Mafa *sátá-d* ‘one’ (id. 111), Podoko *sayə* ‘seul’; Ouldeme *sáy* ‘sauf, seulement’, E.: Mokilko *sò* ‘one; suffix of singularity’; N. Omot. **is-ta/na* ‘one’: Wolaita *issō*, *istā*, *issinō*, Gamo, Dorze, Cancha *issino*, Dawro *itta* (assim. < **ista*), Zala *ista*, Dache *isiyno*, Chara *issá*, Yemsa *isa*, *isson*, Dizi (Nayi) *isn*, etc. (ADB).
- (2) Ugr. *ʔahd*; Hbr. *ʔāhad*; Pho. (Pun.) *ʔhd*; Bib. *had*; Pal. *had*; Syr. *had-*; Mnd. *had*; Urm. *had-*; Qur. *wāhid-*; Leb. *wəhad*; Mec. *wāhid*; Mlt. *wihet*; Sab. *ʔhd*; Gez. *ʔahadu*; Tna. *hadä*; Tgr. *hatte f.* (*woro m.*); Amh. *and*; Arg. *hand*; Gaf. *əžžä*; Sod. *at(t)*; Har. *aḥad*; Wol. *add*; Cha. *at* // < Sem. *(*ʔ/wa-*)*had-* ‘one, single, alone, united’: Akk. *wēdu* ‘single, sole, alone’ (CDA 438), Hbr. *yhd* ‘to be united’ (HALOT 405), Arb. *wḥd* ‘to be alone’ (ibid.), Gez. *wāḥad* ‘unique, only, one’ (LGz 609; Gez. *wəḥda* ‘to be few’, quoted in HALOT 405 as *wəḥda*, is a different root), Mhr. *wəḥáyḏ* ‘alone, solitary, liking to be on one’s own’ (JM 425; Hrs. *wāḥid* ‘one (in telling time)’ in JH 135, is an Arabism), Jib. *aḥdi* ‘by oneself, all alone’, *š-ēḥad* ‘to unite’ (JJ 289), etc. (cf. DRS 831–2; in Kog. LE n. 68, the MSA forms “are likely borrowed from Arab.”, which is debatable, especially in view of Soq.), Soq. *ḥōd* ‘couple (homme et femme)’ (LS 166 with no etymology, but both phonetically and semantically — as ‘union’ — fairly fitting).
- < Afras. *(*ʔ/wa-*)*had-* ‘one’: Chad. **daHw/y-* ~ **waHid-* ‘one’: W.: Hausa *ḍáyá* (< **daH-*), Karekare *wáḍi*, *ʔwáḍi* (< **Hwad-*), C.: Munjuk *ḍaw*, Nzangi *hidō*, Bachama *hído*, Bata *hido*, Musgu *deu*, *day*, Zime-Batna *ḍaó*, *ḍāu?*, Masa *deu* (cf. also Logone *səy-díá*), E.: **ka-yid-* (*ka-* ‘head’): Dangla *kì-dá*, Migama *ká-dyi*, Birgit *key-do*; (?) E. Cush.: Yaaku *wəhe*, *wəhetu* (< **wVhVd-*, with hypercorrection in *wəhe*, where *-t* was perceived as a feminine suffix and dropped?).
- (3) Hrs. *ḥād* (m.), *ḥat* (f.); Mhr. *ḥat* (m.; LS 199 quotes *ḥad*), *ḥáyt* (f.; same in LS); Jib. *ḥād* (m.), *ḥit* (f.) (JM 406); Soq. *ḥad* (m.), *ḥey* (f.) (LS 199) // An enigmatic term. Beside an isolated Qat. *ḥd* ‘one’ (Ricks 77), this looks like a loan from some early stage of MSA, the only hypothetical parallel I could find is Arb. *ḥuʔaʔ* (< **ḥwʔ*) ‘quelqu’un’ (BK 2 116).¹¹
- Common West Semitic *(*ʔ/wa-*)*had-* (#2).

¹¹ If this comparison is acceptable, the MSA term should be analyzed as **ḥay-/ḥay-t*, with an unexpected voicing **-t* > *-d*, perhaps a dissimilation due to the complete incompatibility of *ḥ* and *t* as root consonants in

64. PERSON

- (1) Akk. *ʔawīlu* // No plausible Sem. parallels.
- The only tenable Afras. etymology (for a similar semantic shift v., e.g., MAN Nos. 3, 7, 10) is (*Ha*)*wil-* ‘child’ (ADB): Brb.: Nefusa *illi*, Ahaggar *ul-ət*, E. Numidian *wl-t* ‘daughter’ (cf. Zenaga *iš* ‘man’ < **Hil*, unless < **Hill-* ‘to be, exist’); Chad. W.: Bokkos *ʔál*, Sha *hál* ‘child’, E.: Mokilko *ʔùló*, Somrai *wīl* ‘child’; Cush. E.: Afar *il(i)mo* ‘bastard’ (with suffixed *-m*), LEC: Somali *wi(i)l* ‘boy’, *wáláal* ‘brother; sister’, Boni *wεel* ‘child’, Rendille *walal* ‘brother’, HEC: Sidamo, Kambatta *il-* ‘to give birth’, S.: Asa *ille-to* ‘daughter’; N. Omot.: Dorze *yelo(?)* ‘boy’, Koyra *yelē* ‘child’, *yel-* ‘be born’, Male *às-éll-ó* ‘person female’.
- (2) Ugr. *bnš* (*bu-nu-šu* < *bn nš*); Hbr. *ʔänōš*; Bib. (*bar-*)*ʔānāš*; Pal. *brnš*, *ʔānaš*; Syr. *bar-(?)nāš-*; Mnd. (*a*)*naš-*, *barnāša*; Urm. *barnāš-*; Qur. *ʔinsān-*; Leb. *ʔinsēn*; Sab. *ʔns₁* // < Sem. *(*bin-/bar-*)*ʔi/a-naš-* (v. Afras. cognates in MAN No.5).
- (3) Pho. *ʔdm*¹² // also ‘man, someone’ < Sem. **ʔadam-*: Akk. *adamu* ‘an important, noble person’ (CAD *a1* 95: LL), ‘eine Person’ (AHw. 10), Ugr. *ʔadm* ‘man, mankind’ (DUL 17); Hbr. *ʔādām* ‘mankind, people; individual man; Adam’ (HALOT 14), Sab. *ʔdm*, *ʔdwm-t*, *ʔdym* ‘vassals, servants, adepts’ (SD 2), Qat. *ʔdm* ‘men, people; subjects, vassals (of a king, etc.)’ (Ricks 5), Arb. (Daṭ., Ḥḍr.) *ʔawādim* ‘people, mankind’,¹³ Jib. *bírdém* (JJ 27)¹⁴ (v. Mil. SE 238–9; ADB).
- Perhaps < Afras. *(*ʔa-*)*dam-* kin, family member(s)’ (ADB):¹⁵ Chad. W.: Mupun *adâm* (pl. *dande*) ‘legitimate child’, C.: Podoko *dama* ‘brother, sister’, Cuvok *dēm* ‘daughter’, *dàmà*

MSA. While *t* and *d* are also incompatible in continental MSA (with the exception of **ʔad-*), there are at least two more cases of *t* and *d* in one and the same root in Soq., perhaps reflecting the proto-MSA (in)compatibility pattern: *ʔádah* ‘dos’ and *ʔádi* ‘provision’ (LS 199). In view of this, somewhat far-fetched reasoning, one may surmise that the Proto-MSA masculine form was **ʔā-t*, with the singulative suffix *-t*, later perceived as the second radical, incompatible with the first one, and thus voiced, whereas the feminine form **ʔay* acquired the feminine suffix *-t* in “Proto-Continental” MSA (after the separation of Soq.), which was then duly perceived as a suffix and, hence, was not subject to the root consonants’ incompatibility pattern.

¹² I realize, of course, that it is highly conventional to ascribe such differences in meaning as ‘person’ vs. ‘man’ to the terms under discussion in languages where they are scarcely attested, like Pho, Ugr. or Sab.

¹³ Both are *pluralia tantum* from the unattested singular form **ʔadam-* and may as well continue the common Semitic term, since they do not look like loanwords either from classical Arb., where the plural ‘men, people’ is expressed by the word combination *banū ʔadam-* ‘sons of Adam’, or from the quoted ESA forms with somewhat different semantics, or from Hbr. *ʔādām*. While Class. Arb. *ʔadam-* ‘Adam, forefather of mankind’ (BK 1 20) is more likely borrowed from or influenced by the Hbr. word, it is not necessarily so for *ʔadamiyy-* ‘human’ (ibid.). The same can be said about Gez. *ʔaddām* ‘Adam’ and *ʔaddāmāwi* ‘human’ (LGz 7). There are also Tna. *ʔaddam* ‘humanity, mankind, everybody’ and Tgr. *ʔaddam* ‘people, men’ (pl. *ʔaddamatat* ‘crowds of men’, *ʔaddemay* ‘little man’ LH 384), whose meaning and collective plural make the possibility of borrowing from Arb. or Gez. very doubtful.

¹⁴ The first stem of this compound form, *bír*, casts certain doubts on the possibility of direct borrowing from Arb. (cf. the Omani Arb. *bin ʔadam-*) with the reinterpretation and replacement of the first component by its Jib. equivalent. The alternative, though less likely, is that the term is inherited from Proto-Semitic. Note that rendering of the notion ‘man, person, human being’ by the compound word with the first component ‘son’ goes back to a much earlier period (see #2) than the beginning of Arabic influence on MSA.

¹⁵ Not quite solid because of its scarce representation in Afras., yet this etymology still seems more tenable to me than various alternative etymologies of Sem. **ʔadam-* (for them and their parallels in other Afras. see Mil. SE 249–252). Interestingly, there is another, better represented Afras. root, presumably related to or contaminated with this one, namely *(*ʔ*)*dm* ‘to participate, join, be part of an aggregate/clan, comprise a whole’ (ibid.; ADB): Sem.: Akk. (Ass.) *adāmu* ‘to own a share in a common fund’ (CAD *a1* 95), *admūtu* ‘share in a common enterprise’ (ibid. 128), Arb. *ʔdm* ‘to join, aggregate; reconcile; integrate someone into one’s clan’, Gez. *ʔadamdama* (redupl.) ‘to go together (army)’ (LGz 133); Egypt. (OK) *dmy* ‘to join, be attached to so.’, (MK) *s-dmy* (caus.) ‘to attach (of family attachment)’, (NK) *dmy* ‘to share with so. (joy, crops)’; Chad. W.: Tangale *dom* ‘to collect, put together’, Boghom *dume* ‘to gather’ (cf. perhaps also Hausa *doma* ‘to urge smb. to an evil course’), C.: Zeghwana *ḍámme* ‘together’, *ba*

- ‘sister’, Sukun *dām* ‘daughter; female’, E.: Bidiya *nii-dimo*, pl. *mii-dime* ‘boy’; (?) S. Cush.: Asa *daʔam-ok* (with metathesis, if belonging here) ‘elder, married man’.
- (4) Hbr. *ʔiš* (syn.); Sab. *ʔs₁* (syn.) // < Sem. *ʔiš- (v. MAN No. 3).
- (5) Pal. *g^ebar*; Urm. (both syn.) *gabr-* // v. MAN No. 4.
- (6) Mec. *šahš* // Class. Arb. *šahš-* ‘personne, individu’ (BK 1 1202). A rare root composition of radicals leaves only one possible etymology, namely, < Sem. *š_xhš¹⁶ ‘to be high, great, lofty (> haughty)’: Arb. *šhš* (*a*) ‘ê. é e vé s’éléver’, *šhš* (*u*) ‘ê. grand, gros’, *šahīš-* ‘grand, gros, considerable, marquant (homme, personnage); seigneur, maître’ (BK 1 1202),¹⁷ Hbr. (hapax in Job 28:8) *šāhaš* ‘size, pride’ (HALOT 1463), pB. *šahaš* ‘pride, conceit’, *šhš* (pi.) ‘to strut’, (hitp.) ‘to hold oneself aloof’, Jud. *šahš-* ‘pride’ (ibid.), Gez. *šahša* (with irregular *h*, which must be a scribe’s error) ‘be insolent, arrogant, insult, offend, etc.’ (LGz 528).
- (7) Gez. *baʔas-i* // also ‘man, male, husband, someone’ (v. MAN No. 7).
- (8) Tna. *sāb*; Amh. *sāw*; Arg. *su*; Gaf. *sāwwā*; Sod. *sāb*; Har. *usuʔ*; Wol. *sāb*; Cha. *sāb* // v. MAN No. 9.
- (9) Mhr. *nafs*; Jib. *nafs* // ‘person, individual’ (probably influenced by rather than borrowed from Arb.¹⁸) < Sem. **nap(i)š-* ‘soul; vitality, life; person, personality; self’ (related to **npš* ‘to breathe’, cf. SED I Verbal Roots # 46, 47)
- With Afras. parallels, some of which, however, may be loans from Sem. (ADB): Brb.: Izayan *unfus*, Ahaggar *unfas* ‘respiration’, Ayr *ənfəs*, E. Tawllemmet *infəs* ‘respiration; vie’, Semlal *sūnefs* ‘respirer’, etc.;¹⁹ Chad. W.: Hausa *númfâasaa*, *lúmfâasaa* ‘breathe; take a rest’, Bokkos *lafos*, Sha *lufwos*, Daffo-Butura *nafos* ‘breathe’ (St. 2005 #390a), C. (met.): Mofu *-safn-*, Musgu *súmfā*, Munjuk *sinfi* ‘to breathe’ (St. 2009 #65)²⁰; Cush. C.: Aungi *nefes-ən* ‘blow’, E.: Saho *nafse* ‘breathing’ (both likely < Eth.), LEC: Boni *neefso* ‘breathe’, Rendille *nefs’i* ‘breath’, *nefsó*, *nefs’-áda* ‘breathe’ (hardly < Amh.)²¹
- (10) Soq. *hay* (Kogan MS: *héyhi*) // the original meaning likely being ‘(the) living (one)’ < Sem. **hwy* ‘to live’ (v. in HALOT 309, LGz 252).
- < Afras. **hayVw-* ‘live, be born, give birth to’ (ADB): Brb. **Hiway* ‘be born’: Ayr *əhw*, E. Tawllemmet *ahw* (*āšaho* ‘native of’), Ahaggar *iwi*; Chad. **Hay-* (if < **hay-*, unless < **hay-*): C.: Tera *hya*, Margi *iyà*, Higi *iʔya*, Matakam *ya*, etc. ‘give birth’, E.: Somrai *yá*, Kabalai *yàyə*

dámme, Nakatsa *bà dāmà* ‘all’; Cush. C.: Khamir *edem*, *yedem* (< **ʔadam-ʔ*) ‘to invite to a fiest’, E.: Afar *adm-is*, LEC: Oromo (*h*)*adama*, Arbore *ʔadam-is*, Dasenech *adam-* ‘to hunt’ (as a collective action?), HEC: Hadiya *dumm-* ‘to gather (of people)’, *dumm-ičča* ‘gathering of elders’, S.: Iraqw *dam-* ‘to copulate’.

¹⁶ *š_x (instead of *š) is tentatively reconstructed on the basis of the correspondence Arb. š ~ Hbr. š ~ MSA *š (on *š_x see, e.g., SED I XCVIII-CV). While Sem. *š continues Afras. *č, Sem. *š_x reflects Afras. *š.

¹⁷ According to Lane’s explanation, “it is applied... to a body, or material substance, composed, [not simple,] and having height... or any body, or material thing or substance, [that is somewhat high, and conspicuous, or] having height and appearance... Then used as signifying A man himself; a man’s self, or person.” (Lane 1517).

¹⁸ This assumption is sustained by two arguments: (1) in both languages, the root *nfs* with related verbal meanings (e.g. Mhr. *əntəfūs*, Jib. *əntfés* ‘to be safely delivered (of a child)’, Mhr. *šə-nfūs*, Jib. *šə-nfés* ‘to welcome so.’, Jib. *əntfés* ‘to sigh’, etc.) is well represented, (2) the root is widely represented in all Sem. and MSA languages (on this argument for interpreting a term as inherited rather than borrowed see SED I LIV). It is an unsettled problem in lexicostatistics: should one eliminate such cases from the scores or give them the same score as the “influencing term” in another language?

¹⁹ The form of the Brb. words and their wide attestation are arguments against borrowing from Arb., although it cannot be ruled out completely.

²⁰ Considering these forms to be derivatives with *-n/-m-* suffixation from **sVf-* ‘to breathe’, which is debatable.

²¹ Heine (SAM 1978 70) compares the Boni and Rendille forms with Somali *neef* and Boni *nêf*, which is improbable.

‘give birth’, Mokilko *ʔéʔiyó* ‘birth’; Cush. N.: (?) Beja *haay-* ‘live’ (acc. to LGz, < Eth.), E.: Saho, Afar *hay* id. (acc. to LGz, < Eth.), HEC: Hadiya *heeʔ-*, Kambatta *heʔ-*, Burji *ye-d* ‘live’.²²

- ◇ Mlt. *persūna*, most probably < Italian; Tgr. *nāfār* < Arb.; Hrs. *benēdem*, Mhr. *menēdem* (syn.) < Omaniic Arb. *bin ʔādam* (JH 18).
→ Common West Semitic **(bin-/bar-)ʔi-naš-* (#2)

65. RAIN

- (1) Akk. *zunnu*; Sab. *ḏnm*; Gez. *zənām*; Tna. *zənam*, *zərab*; Tgr. *zəlam*; Amh. *zərab*; Arg. *zərab*; Gaf. *zərab*^{wä}; Sod. *zərab*; Har. *zənāb*; Wol. *zəlam*; Cha. *zərab* // < Sem. **ḏun(a)m-* (DRS 336) with phonetic variations due to low compatibility of *-n-* and *-m-*.
□ < Afras. **ʒVn(-Vm)-* ~ **ʒVm(-Vn)-*: (?) Brb. **-Zəm-* (if **Z-* < **ʒ-*): Ahaggar *tî-həm-t*, Ayr *ti-səm-t*, E. Tawllemmet *ti-šəm-t* ‘réservoir artificiel’; C. Chad.: Bana *nʒámá* ‘pleuvoir’, Gude *nʒama* ‘rain’, Podoko *nʒúme* ‘soak’, Sukun *ʒimun* ‘first rains season’ (acc. to St. 2009 < **(n-)ʒVm-*).
(2) Ugr. *mṭr*; Hbr. *māṭār*; Pal. *mṭr*; Syr. *meṭr-*; Mnd. *miṭr-*; Urm. *miṭr-*; Qur. *maṭar-*; Mec. *maṭar* // < Sem. **miṭar-*: Akk. *miṭirtu*, *miṭru* ‘watercourse, canal; a type of irrigation’ (CDA 213).
□ Comparable, with a fossilized prefix *m-*, to several scarce terms possibly allowing to reconstruct Afras. **(mi-)ṭar(ar)-* (ADB): Brb.: Ahaggar *e-ḏrer* ‘sprinkle’; etc.; Chad. W.: Hausa *tàrarà* ‘drip or pour out’, Jimi *taari* ‘flow’, E.: Migama *tárró* ‘water flow’; E. Cush.: LEC: Somali *ḏarer* ‘dripping’ (note a coincidence of two radical *-r* in most of the forms).²³
(3) Hbr. *gāšām* (syn.) // < Sem. **gašm* ~ **šgm* ‘rain; pour’: Ugr. *gšm* ‘rain, downpour’ (DUL 310; Kog. Ug-Can 24 and n. 68), Syr. **šegm-* (in *šegmē də-meṭrā* ‘magni imbres’ Brock. 755), Arb. *sžm* ‘couler (se dit des larmes)’, IV ‘verser (les larmes, la pluie)’ (BK 1 1055), Tna. *gässämä* ‘to drink a lot, to quench one’s thirst’ (Kog. Ug.-Can. 25).
(4) Leb. *šitā*; Mlt. *šita* // Class. Arb. *šitāʔ-*, *šatwat-*, *šātāt-* ‘hiver’, *ʔaš-šatāwiyy-* ‘pluie d’hiver’ (BK 1 1190) < Sem. **šitawʔ-* ‘rainy, windy season’: Akk. *šūtu* ‘south; south wind’ (CAD š 408–9), Hbr. *sətāw* (*s-* instead of the expected **š-* suggests a loan from Arm.) ‘rainy season, winter’ (hapax in Song 2:11), Old Arm. *štw*, Syr. *satw-*, Jud., Mnd. *sitw-* ib. (all in HALOT 770–71), Mhr. *šētaw*, Jib. *šéteʔ* ‘winter’, Soq. *šétə* ‘north, north wind’ (JM 387; Arabisms are likely in Mhr. and Jib., but less so in Soq. because of the meaning difference), etc.
(5) Tna. *may* (syn.) // < Sem. **maʔ/y-* ‘water’ (v. WATER No. 1).
(6) Hrs. *me-lsēn*; Mhr. *ma-lsi*; Jib. *mó-sé*; Soq. *me-se*²⁴ // < Sem. **liš(LVš)-* ‘efflux, outflow’: pB Hbr. *lišlāšāt* ‘secretion, chicken’s dirt, spittle’ (Ja. 720), Jud. *lišlūšət-* ‘foam (of nostrils)’ (ibid.), Syr. *lišlwš* ‘mucus’ (Brock. 371).
(7) Hrs. *reḥemet*; Mhr. *reḥemét*; Jib. *raḥmét* (all syn.) // Considered a metaphor < Sem. **rḥm* ‘to be merciful, kind’ < Sem. **raḥ(i)m-/riḥm-* ‘womb’ (SED I No. 231).
◇ No term in Pho. and Bib.
→ Common North and West (Eth.) Semitic **ḏun(a)m-* (#1).
Common West Semitic **miṭar-* (#2).

66. RED

- (1) Akk. *sāmu* // ‘red’ (CAD s 126), ‘rot, braun’ (AHw 1019); represents a rare case of a sibilant rendered by the SA SI SU series, regarded by Goetze as a separate Sem. phoneme **s_x* re-

²² According to EDE III 656, Egyp. (Pyr.) *ḥw* ‘food’ may be cognate with Sem. **ḥyw* ~ **ḥwy* ‘to live’; that source quotes are direct Afras. parallels to the Egyp. root: E. Chad.: Somrai *hāyē*, Ndam *āy* ‘food’; S. Cush.: Asa *haiu-g* id.

²³ For alternative, less tenable interpretations see EDE III 737–8.

²⁴ Also *li(y)soh* ‘pleuvoir’ (compared in LS 234 with Arb. *lṭy* ‘ê. mouillé, humecté’ with an irregular correspondence between the second radicals: Arb. *ṭ* corresponds to Soq. *t*).

flected in Hbr. as both š and š̂ (v. discussion in Bulakh. Akk. 7–8). In spite of the irregular reflexation of *š as s in Akk (it should be š, though several more cases of this irregularity have been encountered), it was compared by Bulakh (ibid.) to Ugr. *šmt* denoting red color and, alternatively, after Goetze, to Hbr. *šōham* denoting some precious stone (note that Akk. *sāmtu* is ‘a red stone, mostly designating carnelian’ CAD s 121, likely derived from *sāmu*, cf. AHw 1019). Another parallel for Akk. *sāmu*, now with regular correspondences, is Arb. *saḥm-* ‘noir’ (BK 1 1063), with both going back to Sem. **saḥm-* ‘red, black’.

- Both options, for a Sem. root with *š- (with a problematic second radical) and for **saḥm-* have possible parallels in C. Chad. **sVm-sVm-* (St. 2009 #287) ‘yellow’ (otherwise < **cVm-cVm-* as, according to Stolbova ibid. 7, none of these languages distinguish between the reflexes of Chadic **s-* and **c-*):²⁵ Boka *šummaà*, Hildi *mī-šišimā*, Gude *šišima*, Zelgwa *sisim sisim*, and C. Cush. **šaman-* ‘black’ (according to CDA 34, derivatives of **cam-*): Qwara, Kemant *šāmāna*, Falasha *čamana* or *šamana*. Note also S. Cush. **ceʔam-*: Iraqw *ceʔama* ‘sun’, Qwadza *ceʔema* ‘bile’ (acc. to HRSC 355, < ‘yellow’; compared with Akk. *siāmu*, *sāmu* ‘rot, braun s.’ in Tak 2001 3), which is compatible with the Akk. root, but neither with Sem. *š- nor with **saḥm-*.
- (2) Ugr. *ʔdm*;²⁶ Hbr. *ʔādōm*; Cha. *dāmyāt* // < Sem. *(*ʔa-*)*dam-* ‘dark red’: Akk. *daʔmu* (met.?) ‘dark-colored, dark-red’ (CAD d 74 < *daʔāmu* ‘become dark’ ibid. 1)²⁷, (?) Sab. *ʔdmhy* (v. discussion in Bulakh Hbr. 200–201), Arb. *ʔudmat-* ‘red color’ (Blachère 63), *dmm* ‘teindre en rouge’ (BK 1 728), Gez. *ʔaddāmāwi* ‘red’ (LGz 8), Tna. *dama* ‘blackish (horse’s coat)’ (Kane T 2061), Amh. *dama* ‘dark red (horse’s coat)’ (Kane A 1720), Har. *dāma* ‘brown, of dark color (man)’ (LHar 56), Zway *diimä* ‘red’.²⁸
 - < Afras. *(*ʔa-*)*dVm-* ~ **diʔm-* ‘(dark) red’ (ADB): Brb. **-dVm(dVm)-*: Tamazight *adəmman* ‘brown, bronze coloured’, Shilh *adəmmani* ‘brown, bronze coloured’ (N-Z 343), Qabyle *ddəmdəm* ‘violet’; Egyp.(OK) *ʔdmy* ‘red linen cloth’; Cush. C.: Aungi *dāmmá*, Kunfāl *demé* ‘red’, E.: Saho *duma* ‘red’, LEC: Oromo *diimaaʔ*, Konso *tīm-* ‘red’, HEC: Darasa *duuʔmo* ‘red’, Darasa *diimma* ‘become red’, S.: Qwadza *dimayi-* ‘red’; Omot. N.: Kafa *damme* ‘red’, S.: Ongota *damaʔtə* ‘yellow’. Probably related to Afras. **dam-* (with a variant stem **ʔa-dam-* in some Sem.) ‘blood’ (ADB), as early as on the pre-Proto-Afras. level.
- (3) Pal. *swmḳ*, *symwḳ*, *smwḳ*; Syr. *sūmāḳ-*, *summāḳ-* (also ‘sumac’ Brock. 482); Mnd. *sumāḳ-*; Urm. *səmiḳ-* // < Sem. **sumāḳ-*? Cf. Arb. *sumāḳ-* ‘ce qui est pur, franc, sans mélange’ (BK 1 1141) and Akk. *sameka*, a plant (CAD s 114). Otherwise, could be compared with Arb. *ʔašmaḳ-* ‘écume mêlée de sang que jette un chameau’ (BK 1 1271), then < Sem. **šumāḳ-* ‘red(dish)’ (see Bulakh Dis.)

²⁵ This root is equated (ibid.) with **sVm-sVm-* ‘kind of tree with yellow fruit or bark’, containing Mafa *šéšém* that points to **s-*, but it can alternatively go back to Afras. **simah-* ‘kind of tree, bush’ (ADB), perhaps having taken the ‘yellow’ element in some of the forms due to contamination.

²⁶ The verb ‘become red’; for the meaning cf. Kog. Ugr.-Can. 10: “the supporting evidence is more etymological than contextual”. Both these factors probably demand the elimination of this Ugr. form from the final scoring.

²⁷ For an alternative etymology < **dhm* see Bulakh Akk. 198.

²⁸ According to Bulakh Hbr. 201–2, where my equation of the Gur. forms with this root is doubted because “the first laryngeal (or any traces of it) [are] missing” (cf., however, the Tna and Amh. terms, Akk. *daʔmu* and Arb. *dmm*) and “in view of the fact that a plausible Cushitic etymology can be suggested for these terms” (which is a weak argument *per se*), all Mod. Eth. forms are borrowed from E. Cush.: Darasa *diimmo* ‘lean meat, red’, Sidamo *daama* ‘red’, Afar *dum* ‘finster, dunkel werden’, Oromo *diimaa* ‘red, red-brown; raw’ (Burji *duwwaa* ‘red’, stereotypically equated with this root, is not related because **-m-* does not normally yield Burji *-w-* and because it has a different, and quite plausible, Afras. etymology). Though the borrowing into Mod. Eth. from E. Cush. (and *vice versa*) is not impossible, I am still inclined to count this as common inheritance in view of wide distribution both in Sem. and Cush.

- (4) Qur. *ḥumr-* (pl.); Leb. Mec. Mlt. *aḥmar*, (?) Sab. *ḥmrt* ‘red’ (SD 68; syn.) // < Sem. **ḥamr-* ‘red’: Akk. *ummuru* ‘a kind of bronze’ (CDA 422: LL), ‘eine besonders geläuterte Bronze’ (AHw. 1417), (?) Ugr. *ḥmr* ‘red, reddish’ (DUL 364; v. Kog. Ug.-Sem. 12), Hbr. *ḥmr* (פּוֹלְפֹל) ‘to glow’ (HALOT 330; hapax in Job 16:16), Jud. *ḥammār* ‘dark’ (Ja. 480), Mnd. *ḥmr* ‘to be red, inflamed’ (DM 150), Gez. *ḥamr* ‘kind of color, complexion’, *ḥamar* ‘red berry’ (LGz. 234), Tna. *ḥamra* ‘reddish (bovine coat)’, *ḥamray* ‘reddish, bay, auburn’ (Kane T 172), Tgr. *ḥamār* ‘red-brown (horse, cow)’ (LH 384), Amh. *ḥamār* ‘reddish bay (horse)’ (Kane A 7), *amār* ‘bay (horse)’ (ibid. 1122).²⁹
- (5) Gez. *ḥayyih*; Tna. *ḥayyih*; Tgr. *ḥayyeh*; Amh. *ḥayy*; Arg. *ḥayyeh*, *ḥay*; Gaf. *ḥayä*; Har. *ḥeh* // < Sem. **ḥayh-* ‘light red, rose’: (?) Akk. *ḫû* (*gû*) ‘copper, bronze’ (CAD ḫ 291), Jud. *ḥāḥāḥ-* ‘faint-colored, gray (?)’ (Ja. 1345), Arb. *ḥuḥḥ-* ‘pur, franc, sans mélange (en parlant des boissons); non mûr (en parlant d’une qualité, d’une vertu, d’un vice, etc.)’ (BK 2 677), *ḥayh-* ‘pus (qui n’est pas mêlé de sang)’ (ibid. 844), (?) Ḥdr. *ḥyh* ‘red (applied to bronze)’ (v. Bulakh Gez. 740–41).
- For possible Afras. parallels see either (1) Egyp. (BD) *ḥhy* ‘moon’ and Chad. **kVy/wVH-* ‘moon’ (in St. 2011 #181, adducing Egyp. *ḥhy* as a possible cognate): W.: Duwai *kíyà*, C. **kiy-*: Mofu *kiyá*, Gisiga, Matakam *kíyà*, Buduma *kyèá*, etc., E.: W. Dangla *kóyè*, Migama *kóoyò*, Bidiyo *koya* (all reflecting Egyp.-Chad. **kVyḥ-*, and, if related with Sem., allowing to reconstruct Afras. **ḥayh-* ‘moonlight’), or, more problematic, (2) Omot. **ʔak-* (< **Halik-*?): N.: Kafa, Mocha *aaʔo*, Anfillo *ʔaako*, Bworo *aaqa* ‘black’, S.: Hamar *ʔek* ‘green’ (ADB).³⁰
- (6) Tgr. *ṭala* (syn.) // (in LH 606) < Sem. **ṭl?* ‘to be spotty, have red and white spots’ (cf. Bulakh Dis.): Tna. *ṭala* ‘ashen white (ox’s coat); light brown (cow’s coat)’ (Kane T 2398), *ṭelay* ‘fawn-colored, tawny, beige (lion’s, ox’s coat)’ (ibid. 2495), Amh. *ṭala* ‘red marks on cotton bolls caused by insects’, *ṭälät* ‘white fleck in the eye, cataract; skin disease which makes dark red scabs and spots’ (Kane A 2087), Hbr. *ṭälü?* (part. pass., qal) ‘spotted (sheep), multicoloured (pillows), patched (shoes)’ (HALOT 375), Arb. *ṭullā?* ‘sang’ (BK 2 104), Mhr. *ṭälü* ‘to paint, colour, daub; to colour (the face), make up’ (JM 410), Jib. *ṭélé* ‘id.’ (JJ 278), Soq. *ṭal* ‘queue blanche d’un mouton’ (LS 203).
- (7) Hrs. *ʔáfer*; Mhr. *ʔōfər* (ʔófər); Jib. *ʔófər*; Soq. *ʔáfer* // Very likely < Sem. **ʔapar-* ‘dust, soil’: Akk. *ep(e)ru* ‘dust; earth, loose earth; territory, soil; etc.’ (CAD e 184), Ugr. *ʔpr* ‘dust; earth, ground’ (DUL 174), Hbr. *ʔapār* ‘dust’ (HALOT 861–2), Arb. *ʔafar-*, *ʔafr-* ‘terre, poussière’; *ʔufrat-* ‘couleur grisâtre de poussière’, *ʔaʔfar-* ‘rougeâtre mêlé; sable rougeâtre’ (BK 2 298), Tgr. *ʔäfär* ‘dust, desert’ (LH 492), etc.
- ◇ Sod. *bəšša*; Wol. *bušä*; Cha. *bəša* < E. Cush.: Hadiya *bišo* ‘brown’, Sidamo *biša* ‘red’, Afar *bisu*, Oromo *bifa* ‘color’ (LGur. 161, v. in Bulakh Dis.). No term in Pho. and Bib.
- Common West Semitic: **ʔadam-* (#2).

67. ROAD

- (1) Akk. *ḥarrānu* // < *ḥarr-ānu* (Oakk. on; acc. to CAD ḥ 106, possibly connected with Hurrian *ḥari*). Judging by lack of visible parallels with *ḥ-* (except for Ugr. *ḥrn* ‘gang, caravan’ DUL

²⁹ Bulakh (Bulakh Dis.) critically analyzes all Sem. examples given above, placing under doubt the correctness of some of the interpretations, connecting them with red color (in Akk., Ugr., Hbr., Arm. and Gez.), and treating others (Mod. Eth.) as Arabisms; she admits, however, that some of the forms originate from Sem. **ḥmr* ‘to be swollen, inflamed (of inner and outer organs)’ with a semantic development toward ‘to be reddened’ (ibid.).

³⁰ In the latter comparison, as in some others, the problem of consonantal correspondences worries me more than that of semantic differences: variance in color names, even such remote ones as ‘red’ and ‘black’, in presumably or evidently the same roots, is surprisingly common in various branches of Afras., and, naturally, even more so in Proto-Afras. roots.

405 which looks, with its suffix *-n*, very much like a loan from Akk. *ḥarrānu*, where the meanings ‘caravan’, ‘raid’ and ‘army’ clearly derive from ‘road’; for this reason, the comparison of Ugr. *ḥrn* with Gez. *ḥarā* ‘army, troops’ < Sem. *ḥVr-* (with various triconsonantizers) ‘free’ (LGz 240–41), considered in Kog Ugr.-Sem. 20 “semantically more suitable”, is untenable. Presumably another case of Akk. *ḥ* < **ḥ* (v. #5), then < Sem. **ḥarr-* ~ **ḥaw(a)r-*: Arb. *ḥārat-* ‘quarter of a city’ (orig. ‘road?’), *ḥwr* ‘to return’, Gez. *ḥurat* ‘course, walking’, *ḥora* ‘to go, proceed, depart’, Har. *ḥāra* ‘to go’, etc. (v. LGz 249, DRS 851).

- < Afras. **ḥa(w)r-*: Eyp. (Pyr.) *ḥry* ‘go far from, move away’, *ḥr-t* ‘road’; E. Chad. **Har-* ‘go’: Nanchere *āre*, Gabri *ōre*, Kabalai *ārrà*, Dormo *erauá*; E. Cush.: HEC: Sidamo *hár* ‘to go’ (ADB).
- (2) Akk. *girru* (syn.) // From OB on (CAD *g* 90) < Sem. **gi/arr-* ‘path’ (possibly the one leading to a watercourse): Arb. *ḡarrat-* ‘chemin, sentier qui conduit à l’eau’, *ḡārūr-* ‘cours d’eau, canal’ (BK 1 272; cf. *ḡry* ‘run, flow’ *ibid.* 284), Hrs. *gerō* ‘run (blood, water)’, Mhr. *gerō* ‘to pass’, (JH 41), (?) Soq. *le-ger* ‘à travers’ (cf. DRS 191–2, where these forms are united with others, hardly related, like ‘rumination’, ‘rond’, ‘tírer’ or ‘soumettre’).
- < Afras. **gaw/yr-* ‘walk, run, come and go’ (ADB): Brb. **gVwVr-* ‘to walk’: Nefusa, Senhadja *ugur*, Rif *uḡur*, Mzab *iḡur* (also ‘flow’), Shawiya *ugir*, etc.; Chad. **gVr-* ‘to go, come, run’ (cf. Stolb. 2011 #674): W.: Dera *gur-* ‘come out’, C.: Tera *gīri* ‘return’, Logone *gār-* ‘go into’, Banana *gwəra* ‘follow’, E.: Somrai *gər* ‘come’, E. Dangla *ógíré* ‘go by’, Nanchere *gúr*, Dormo *geré*, Kaba *gó-gira*, Mubi *ḡgira* ‘to run’; Cush. N.: Beja *agir* ‘to return’, E.: (?) LEC: Oromo *gora* ‘turn off (towards)’, HEC: Hadiya *geer* ‘run’.
- (3) Ugr. *ntb(-t)* // glossed ‘path, way’ in DUL 651. Restrictedly attested, with very limited attestation in other Sem. as well: Hbr. *nātīb* ‘pathway’ (poet.), *nātībā*, Jud. *nātībət-* ‘path’ (HALOT 732; the Jud. form seems a borrowing from Hbr.).
- There are curious parallels (or look-alikes) in Chad. W: Mangas *nədap*, Kir *ladàap*, Jimi *təboo*, Zeem *topəi*, Dokshi *tuup*, Tule *tòbò*, C.: Fali-Kiria *ladāp* ‘road’, E.: Migama *tèbbò* ‘walk’, probably implying Common Chad. **n/la-tVb-* ‘road’ (ADB).
- (4) Hbr. *dārāk*; Pho. *drk* // < Sem. **drk* ‘(quickly) follow/tread a path, walk’: Akk. *darāku* ‘to follow (?)’, *darku*, *derku* ‘following, later’ (CDA 56–7), Hbr. *drk* ‘to tread, travel’, Pho., Syr., Mnd. *drk* ‘to walk’, Old Arm. *drk* ‘to walk to, enter’, Arb. *drk* ‘attain, reach, come up with’ (Lane 833), Sab. *h-drk* ‘pursue, catch up with’, (?) Gez. *daraka* ‘be well-trodden’, *madrak* ‘doorway, etc.’ (cf. LGz 142, HALOT 231–2, DRS 313–14),³¹ Gur. (*tä*)*drakätä* ‘hurry, rush’ (LGur 220), Mhr. *dərōk* ‘come quickly to help’ (JM 73), Jib. *dórók* ‘to rescue’ (JJ 41).
- Without Afras. parallels (not taking into account a casual W. Chad. one: Diri *dirki* ‘road’); interestingly, although inexplicably, has partial similarity, perhaps fortuitous, to (1) Afras. **da(H)r-* ‘way, road’ (ADB): Sem.: Arb. *darar-* ‘the right course or direction of a road’ (Lane 864; unless < *drr* ‘to flow, stream abundantly’ *ibid.* 862; cf. DRS 319); W. Chad. **dVHVr-* ~ **dVrVH-* ‘road’ (a widely spread term); E. Cush.: Yaaku *dar* ‘way, road’; (2) Sem. **darag-* ‘path’: Akk. *daragg-*, Arb. *daraḡ-* (etc. — cf. DRS 308); (3) (?) Afras. **darb-* ‘road’ (see #7).
- (5) Bib. *ḡarḡā*; Pal. *ḡwrḡ*; Syr. *ḡurḡ-*; Mnd. *ḡuhr-*; Urm. *ḡūrəḡ-* // < Sem. **ḡurḡ-* ‘way, road’: Akk. *urḡu* ‘way’, Hbr. *ḡoraḡ* ‘way’ (rare), Soq. *ḡéraḡ* ‘come, arrive’. Reconstructed as **urḡ-* in DRS 32 (omitting *ḡ-*, misprint?), where Gez. *marḡa* ‘montrer le chemin’ is quoted with a question mark (v. LGz. 358 with cognates in other Eth.), pointing, unless there has been a scribe error, to **mḡrḡ*, not **mḡrḡ*; since the comparison seems valid, Sem. **ḡurḡ-* is to be re-

³¹ In all these sources, especially in DRS, several more forms meaning ‘power’ or ‘be hard, cruel’ or ‘press, oppress’ are quoted, with a non-trivial semantic shift; they certainly do not represent the basic meaning and should perhaps be attributed to a homonymous Sem. root.

- constructed rather than **ʔurḥ-* (the semantic connection with Sab. *ʔrḥ* ‘affair, matter, undertaking’ SD 7, compared by some authors, is far from evident).³²
- (6) Qur. *ṭarīk-*; Leb. *ṭarīʔ*; Mec. *ṭariyg*; Mlt. *triʔ* // The coincidence with *tārīk-* ‘étoile du matin’ < Sem. **t/tarVḥ-* ‘night luminary’ (v. MOON No. 5) is probably not accidental (cf. *ṭrḥ* ‘venir de nuit; faire une sortie de nuit, etc.’ BK 2 75). If so, the original meaning is to be reconstructed as something like ‘road used in the night time’. Cf., however, Akk. (SB) *tarqu* ‘path’ (quoted in CAD *d* 108 as a variant of *daraggu*), which, if it reflects phonetic reality, can be < **ṭarḥ-* due to incompatibility of two emphatic radicals in Akk.; otherwise, Arb. *ṭarīk-* can be < **tārīk-*, with assimilation.
- (7) Leb. *darab* (syn.) // Class. Arb. *darb-* (acc. to Lane, not a word of Arabic origin)³³ ‘any place of entrance, narrow pass, gate, by-street (> street)’ (Lane 866–7), Syr *darb-* ‘road, way’.
- Possible Afras. parallels (ADB): Brb. **-barid* (metathesis?) ‘road’: Ahaggar *ā-barid*, Ghat *a-barid*, Ghadames *a-brīd*, Izdeg, Seghrushen, Mzab *a-brid*, Shawiya, Qabyle *a-brīd*, Nefusa *brīd*, etc. (compared in Bla Om 68.4 with disparate Omot., Cush. and Chad. terms, which are, furthermore, not cognate with each other) and C. Chad.: Logone *dārbà* (< Arab?), Buduma *turbo* ‘road’; Cush. E.: (?) Oromo *darabaa* ‘enclosure’ (if it fits semantically; N.: Beja *darib*, C.: Bilin *dārib*, E.: Saho, Afar *darib* ‘road’ must be Arabisms).
- (8) Sab. *ms;ḥ* // also ‘way, watercourse’ (SD 122) < *s;ḥʔ* ‘to carry out an undertaking (e.g. military expedition, journey, etc.)’ < Sem. **sbʔ* ~ **sbsb* ~ **sbb* ‘walk, go, come’ : Arb. *sbsb* ‘walk slowly’, *subʔat-* ‘long voyage’, *ma-sbaʔ-* ‘chemin’ (BK 1 1040; borrowing of the latter form from Sab. is not to be ruled out), Tgr. *šbb* ‘to come’.
- With parallels in Chad. W.: Diri *səbú-* ‘to go’, Warji *səmbə* ‘come in’, Tangale *simbe* ‘meet’, C.: Bura *šiva* ‘come to the compound’, Hildi *sabi* ‘to exit’, Daba *sub* ‘follow’, Gude *saba* ‘drive away’, E.: Somrai *səba* ‘walk (n.)’ (Stol 2009 #39; ADB).
- (9) Gez. *fənot* // < *fṇw* ‘to send, send away, off, forth’ < Sem.: Akk. *panū* ‘to turn towards; go in front’, Hbr. *pānā* ‘to turn to one side, head in a particular direction’ (HALOT 937), Arb. *fnn* ‘to drive (camels)’, Tgr. *fāna* ‘to depart’, Soq. *fini* ‘go forward’, etc. (v. LGz 163).
- (10) Gez. *ma-ngad* (syn.); Tna. *mā-gādd-i*; Amh. *mā-ngäd* // < Eth. **nagada* ‘go on a journey, travel, trade’ (LGz 390–91, LGur. 453); if < **na-gad-*, probably related to Arb. *šāddat-* ‘grand route, chemin large, route royale’ (BK 1 261; unless < *šdd* ‘ê. considérable, respectable’ ibid. 259), cf. also Sab. *gwd* ‘swift riding beast’ (SD 51).
- Cf. W. Chad.: Bade *əgdədù* ‘ferry across’, Duwai *əgdo* ‘ford a river’ (in St. 2011 #492a); E. Cush.: Afar *giddā* (RAF; *gita* PH), LEC: Somali *šid* (< **gid-*) ‘road’; N. Omot.: Wolaita, Kullo *ged-iya* ‘road’ (all these forms may be loans from Arb. *šāddat-*, though the difference in vocalism is notable). Cf. also Chad. W.: Hausa *gúdù* ‘flee, run away’, C.: Mbuko *gad*, Muy *gudu-gudu* ‘running’ (cf. *ngad* ‘go back’), E.: Sokoro *gédē* ‘run, escape’, Ubi *gèḍín*, Mawa *gəḍən*, W. Dangla *gáḍé*, Bidiyo *gaḍ* ‘run’ (St. 2011 #479). Cf. ADB.
- (11) Tgr. *gäbäy* // (LH 585). Most likely, a semantic shift (cf. the same shift in a reverse direction in Egyp. *wʔ-t* ‘road, side’ below) from *gäbo* ‘side’ (ibid. 582) < Sem.: Syr. *gabb-*, Arb. *šanb-*, Mhr. *ganb* ‘side’ (v. SED I No. 85 **ga(n)b-* ‘side; beside; back; body’).

³² To which probably belongs Arb. *rwh* ‘aller, s’en aller, partir, s’eloigner’, whose other meaning ‘faire quelque chose le soir; voyager le soir’ (BK 1 945) may then be due to contamination with the main semantics of that Arb. root, namely ‘evening, night’ = ‘time of (pleasant) wind, breeze’ (cf. *rwh* ‘to be a cool and pleasant day because of the wind’ quoted in HALOT 1196 after Lane), or ‘time of (easy) breathing (after a hot day)’ < Sem. **raw/yḥ-* ‘(pleasant) wind, breeze, (easy) breathing, rest’, all of these meanings being distributed among various Sem. languages (cf. ibid.).

³³ If Lane is right, this is a borrowing from Syr., and the Leb. term should be eliminated from scoring.

- < Afras. **gab-* ‘side, beside, nearby, on the other side’: Egyp. (Westcar) *gb?* ‘side of a room’; Chad. W.: Hausa *gāba* ‘across, on the other side of’, Dwot *gáap* ‘side’, C.: Higi-Baza *góbio*, Musgu *gubbi*, *gobi*, Masa *gob* ‘nearby’; Cush. N.: Beja *gāb*, *geb* ‘side’, *geb* ‘by, near’, C.: Bilin *gāba* ‘side (of body)’, Khamir *gāba* ‘side’, E.: Afar *gabbe* ‘side (of back)’, LEC.: Konso, Gidole *kapa* (< **gab-*) ‘next to, near, beside’, HEC: Burji *gāb-a*, Dullay: Harso, Dihina *kapa* (< **gab-*) ‘side’ (v. ADB, EDE I 223, Bla. Review 501).
- (11) Arg. *hema*, *hayəma*; Cha. *ema* // < S. Eth. **haym-*, likely related to Arb. *hmy* ‘errer çà et là, errer à l’aventure (se dit d’un troupeau)’ (BK 2 1450); *yahmā?* ‘desert sans aucune signe à l’aide duquel un voyageur puisse s’orienter et où il périt facilement’ (ibid. 1637).
- Very likely < Afras. **haym-* ‘walk, come and go’ (ADB): Egyp. (ME) *ihm* ‘go slowly’; Chad. W.: Karekare *yim-* ‘return’, C.: Tera, Ga’anda *àyim-si*, Boka *yim-si* ‘enter’, E.: Migama *ʔòòmò* ‘go out’; Cush. E.: HEC: Sidamo *ham-* ‘walk’, S.: Iraqw *-hiʔim-it-* id.; N. Omot.: Wolaita *ham-ett-*, Zaise, Chara *hám-*, Kafa *ham(m)-*, Anfillo *ham-*, Bworo (*h*)*aam-*, Gimirra (Bench) *hamu*, Dizi (Sheko) (*h*)*am* ‘walk’.
- (12) Sod. *moča* // According to LGur 672 and LGz 606, < Sem. **wš?* ‘go out’.
- (13) Hrs. *wōrem*; Mhr. *hürum*; Jib. *ʔorm*; Soq. *ʔórim* // Arb. *ʔirm-*, *ʔarūmat-* ‘(grosse) pierre destinée à indiquer le chemin dans le desert’ (BK 1 26) < Sem. **ʔu/irm-*.
- With the fossilized suffix *-m*, presumably < Afras. **war-* ~ **ʔiraw-* ‘road’ (ADB; cf. Bla. Om # 68.3): Egyp. (Pyr.) *wʔ-t* ‘road; street; side’ (Copt. **wāʔiy-at* Vyc. 231); Chad. **ʔar-* ~ **war-* ‘road’: W.: Mupun *ár(è)*, Sura *ár*, Angas *ar*, Ankwe *war*, Kulere *ʔáraw*, E.: Bidiya *ʔóorà*; Kakse *irí*, Mawa *ar* ‘road’; Cush. E.: HEC: Darasa *ora* ‘road’, S.: Iraqw *irwā*, Alagwa, Gorowa *uruwa* ‘path, way’; N. Omot.: Kafa *wore-tō* ‘way, street’, Mocha *wora-to*, Bworo *wéera* ‘road’.³⁴
- ◇ Gaf. *mäyā* is considered a loan from Oromo *meya* id. in LGaf 218 (but not in LGur 441, where the comment is “also in Ga. *meya*”); Har. *ūga*; Wol. *ungā* (together with Selti *ungā*, Zway *ūngā*) ‘road, way’ are, according to LGur 60, “from Cushitic” (what most Afrasianists, including the present author, now call Omotic): Haruro, Wolaita *ogē*, Badditu *ogge*, Janjero *wugnā*.
- No common Semitic.

68. ROOT

- (1) Akk. *šuršu*; Ugr. *šrš*; Hbr. *šōrāš*; Pho. *šrš*; Bib. *šōrēš*; Pal. *šrš*, Syr. *šerš-*; Mnd. *širš-*; Leb. *širāš*; Gez. *šarw*; Tna. *sur*; Amh. *sar*; Arg. *šarīt*, *sar*; Gaf. *sar*; Sod. *sar*; Har. *sar*; Wol. *sar*; Cha. *ūsar* // < Sem. **š_xVrš-* (dissim. < **š_xVrš_xVr-*?)³⁵ ~ **š_xur-*.³⁶
- Cf. the main common Chad. term for ‘root’ **čVHVrV* ~ **čVrVHV* (reconstructed in a different conventional notation in St. 2011 #287), likely related to the Sem. one, but not without problems in correspondences (cf. ibid. p. 11). Cf. also Proto-Agaw (C. Cush.) **sar-* id., which, according to CDA 116, “clearly looks like a borrowing from EthSem”.

³⁴ Cf. EDE I 54: Egyp. (translated as ‘way’), W. and C. Chad., Gorowa. Cf. Nostratic **ur(H)V* ‘road’.

³⁵ For **š_x*, see footnote 16 above.

³⁶ An interesting, if controversial, case is the reflexation of this root in Class. Arb.: on the one hand, there is *širš-* ‘root’, quoted after Dozy in LGz 535 with the comment “does not give the impression of being an original Arabic root” (a borrowing from Syr.?); on the other hand, there are *šaras-* ‘plante à épines’ (BK 1 1214) and *širs-* ‘small, thorny trees; growing in depressed tracts, and in the deserts’ (Lane 1532), both quoted by Leslau (LGz 535) after Schwally, who connects these terms with Hbr. *šōrāš*, assuming the basic meaning to be ‘knotty, gnarled’ > ‘root’. The comparison seems valid, but the explanation may be different: many desert thorny plants have markedly long roots and could be named after this feature.

- (2) Pal. *ḡykr* (syn.); Syr. *ḡēkār-* (syn.); Urm. *ḡikr-* // < Sem. **ḡik(k)ār-* ‘root; medicine’: Arb. *ḡakḡār-* ‘simple, racine, plante aromatique’, Soq. *ḡekre* ‘shoot, sprout’, etc. (v. in SED I No. 20 comment on p. 22).
- (3) Qur. *ḡaṣl-* // also ‘the lower part of a thing (bottom or foot)’, *ḡṣl* ‘have root or foundation, grow and become firm in its root (tree), etc.’ (Lane 64) most likely < Sem. **ḡ/wṣl* ‘join together, be firmly rooted, be linked with’, presumably having evolved into terms with such diverse meanings as **waṣil-* ‘joint, articulation’ (SED I 289) and **ḡaṣi/al-* ‘(noble) origin’ (cf. DRS 30).
- Cf. a few possible, though scarce, parallels in Chad. **çVI-* ‘string’ (St. 2009 #747): W.: Angas *sâl* ‘tree sp., strings are made of fibre of its bark’, Bolewa *coli* ‘rope’, C.: Mwulien *saalu* id.
- (4) Mec. *ḡirḡ;* Mlt. (*gh*)*eru?*; Hrs. *ḡarḡ;* Mhr. *ḡarḡ;* Jib. *ḡarḡ* // in Hrs. and Mhr. also ‘artery, sinew, nerve’ < Sem. **ḡa/irḡ-* ‘tendon, muscle, vein, nerf; root’: Arb. *ḡirḡ-* ‘veine (dans le corps des animaux et dans les végétaux)’, Tgr. *ḡäräk* ‘tendon, nerf’, etc. (v. in SED I No. 20). Probably related, with metathesis, to **ḡik(k)ār-* (No. 2) on the pre-Proto-Sem. level.
- (5) Mec. *ḡizir* (syn.) // Class. Arb. *ḡazar-* ‘carrot; a certain root, which is eaten’ (Lane 419), Syr. *gezār-* ‘radish’, Mnd. *gizar* ‘carrot’ (DRS 111 2) < Arm.-Arb. **gizar-* ‘root vegetable’ (or a chain of borrowings from Persian, cf. Brock. 113, in which case Mec. *ḡizir* is to be eliminated from the scoring).
- (6) Tgr. *ḡærd* // I have not been able to find any parallels whatsoever.
- (7) Jib. *ṣîrḡḡ* (syn.); Soq. *ṣêrah* // Soq. also *ṣêrah-hinîten* (pl.) ‘jet, rejeton’ (LS 434). More likely related to than borrowed from Arb. *ṣarḡ-* ‘racine (de toute chose); produi annuel de chameaux en petits; postérité, enfants’, *ṣrḡ* ‘grandir; av. grandi (jeune homme), pousser (dent)’ (BK 1 1213). The basic meaning of this MSA-Arb. term appears to be ‘root shooting out sprouts, suckers; to grow from the root’;³⁷ formally it is different from Sem. **ṣ_xVrṣ-* ~ **Ṣur-* (#1), unless it acquired **-ḡ* due to some undetected contamination (no matter how tempting it could be to relate the two roots.).³⁸
- Cf. C. Chad.: Biu-Mandara **ṣāḡḡaray* ‘root’ (different notation in St. 2011 #287). Note that if **H* in Chad. **çVHVrV* ~ **çVrVHV* (#1) can reflect **ḡ*, it may be compared to this root instead of Sem. **ṣ_xVrṣ-* ~ **Ṣur-*.
- (8) Jib. (syn.) *ḡéd* // also ‘vein, artery, nerve, sinew’ (JJ 70) < Sem. **ḡād-* ‘sinew, nerve’ (SED I No. 72).
- Cf. N. Cush.: Beja *gadām* ‘root’.
 - ◇ No term in Sab.
- Common North and West Semitic **ṣ_xVrṣ-* ~ **Ṣur-* (#1).
Common South and West Semitic (Arb.) **ḡa/irḡ-* (#5)

69. ROUND

- (1) Akk. *garru* // < Sem. **gar(gVr)-*: Arb. *ḡrḡ* ‘tourner en cercle (p. ex., un bague trop grand pour le doigt)’ (BK 274), Gez. *ḡan-gargara* ‘to wallow, revolve, roll, spin, drive round, etc.’, *nagargar* ‘rolling, spinning, epilepsy’, Tgr. *ḡangärgärä* ‘to roll, wallow’, etc. (LGz 202).
- < Afras. **gVr(gVr)-*: Chad. **gV(Vw)r-* ‘round; to roll’ (St. 2011 #710): W.: Hausa *gàrà* ‘roll any circular object’, Ngas *gwaar*, Guruntum *ḡgòori* ‘round’, *gwoori* ‘circle’, C.: Mada *ḡgwààr* ‘round’, E.: Sokoro *ḡúgerḡúger* ‘turn around’, Birgit *ḡègèrì* ‘se retourner’, etc.; E. Cush.:

³⁷ For the semantic shift cf. in No. 2 Soq. *ḡekre* ‘shoot, sprout’ < Sem. **ḡik(k)ār-* ‘root’.

³⁸ Cf. SED I No. 268 comment on p. 240, where Soq. *ṣêrah* is “likely < **ṣrḡ*”, which is wrong in the light of Jib. and Arb. cognates).

- Saho *gur*, *gargar* ‘to roll’ (LGz 202; Leslau also compares Somali *girāngir* ‘wheel’), (?) Yaaku *-gorgorsi?* (< **-gorgor-si?* *-si* is not clear) ‘round’; N. Omot.: Bworo *gúra* id. (ADB).
- (2) Hbr. *ṣāḡōl*; Soq. *gáʕlhel* // I prefer to treat the Soq. term, which has no visible direct parallels,³⁹ as the result of a metathesis in Sem. **ḡl* (which, on the contrary, should rather be scored on the Semitic level differently from Aram. **gll* < Sem. **g^wVlVl-* #3, to which it is likely to eventually go back with **ḡ-* added on the Proto-Sem. level): Jud. *ḡl* ‘to be round’ (Ja 1041), Syr. *ḡl* (pa.) ‘volvit’ (Brock 510), Gez. *ṣagala* ‘to surround with a wall, etc.’ (LGz 59), Tgr. *ṣāggälä* ‘to put in a circle’ (LH 487).
- (3) Syr. *gälil-*; Urm. *gälül-* // Sem. **g^wVlVl-*: Akk. *galālu*, Hbr. *gll* ‘to roll’, Arb. *ḡwl* ‘aller, tourner, voltiger en circle’ (BK 1 358), *ḡullat-*, *ḡallat-*, *ḡillat-* ‘boule de fiente’ (ibid. 308), Tgr. *gälälä*, Amh. *g^wällälä* ‘tournoyer’ (DRS 125), etc.
- < Afras. **g^wVlVl-* ‘round’ (ADB; cf. EDE III 816–20): Brb.: Ahaggar *ḡälall-at*, Ayr *gälall-at* ‘to be round’, Adghaq *a-g^wilallaw-an* ‘round’, etc.; Chad. W.: Hausa *ḡülülü* ‘ball (of earth, cotton)’, Ngas *gwaal* ‘small lumps or balls’, Bolewa *golgol* ‘small and round’, C.: Mofu *-ḡāḡḡāl-* ‘to make a ball’, Logone *ḡgoló* ‘round’, E.: Lele *ḡilili* ‘round’, Mokilko *ḡüllä* ‘boule (de farine)’ (St. 2011 # 597, 597b).⁴⁰
- (4) Mnd. *kulul-* // < Sem. **k^wVlVl-*: Arb. *ḡiklil-* ‘chair autour de la naissance des ongles; nuage qui semble entouré d’une légère enveloppe’ (BK 2 919; also ‘crown’, presumably from Arm. from Akk. *kalilu*, which is, anyway, likely related to this root — v. LGz 283), Gez. *kallala* ‘to surround, encircle’, *ḡank^walala* ‘to roll, etc.’, Tgr. *källa* ‘to go around’, *kälkäla* ‘encircle’, Tna. *k^wällälä* ‘to go around’, Amh. *källälä* ‘surround, crown’ (LGz 283).
- < Afras. **k^wVl-*: Chad. W.: Angas *kool* ‘crooked, not straight’, Bolewa *kòðoloki* ‘hoe handle with curved end’, Ngamo *kùlè* ‘bowleggedness’, C.: Mulwi *kálà* ‘circular’, E.: Kajaksa *koolo* ‘hump’, etc. (St. 2011 #191); (?) Cush. N.: Beja *kwalál* ‘round’ (< Eth.?), C.: Bilin *kaläl*, E.: Saho *kulel* ‘circle’ (both < Eth., acc. to LGz 283), LEC: Oromo *kallee* ‘egg’ (ADB).
- (5) Leb. *m-dawar*; Mec. *mu-dawwar*; Hrs. *me-dawwer*; Mhr. *mə-dáwwər* // Because of the diversity of non-derived forms, hardly an Arabism in MSA (though Arb. influence in the forms with *m-* cannot be ruled out): Hrs. *dōr* ‘to go round’, *dawr* ‘turn’ (JH 26), Mhr. *dawr* ‘turn’, *dōr* ‘to wander around’ (JM 76), Jib. *dēr* ‘to wander around’ (JJ 42) < Sem. **dwr*: Ugr. *dr* ‘to surround (?)’, *dr* ‘circle (of relatives and friends); cycle, generation’ (DUL 279), Hbr. *dūr* (hapax) ‘to stack in circles’ (HALOT 217), Arb. *dwr* ‘aller tout autour, tourner’ (BK 1 747), *dārat-* ‘cercle; halo’ (ibid. 748), Tgr. *dorä* ‘go around’, *dawar* ‘circle’ (LH 536; an Arabism?).
- With scarce parallels in E. Chad.: Kabalai *wəðdərə* ‘turn’, Migama *kà-dārdirò* ‘turn around’ and C. Cush.: Aungi *dərdər* ‘turn, rotate’ (ADB).
- (6) Gez. *kəbb*; Tna. *kəbib*; Tgr. *kəbib*, *kəbub*; Amh. *kəbb*; Sod. *kəbb*; Wol. *kub*; Cha. *kəb* // < Sem.: Hbr. pB. *kirkeb* ‘to encircle’ (with secondary insertion of *-r-*), Arb. *kubbat-* ‘ball, ball of thread, lump’, *kəbkāb-* ‘ball of thread’ (LGz 273 after Dozy), *kbb* II ‘to form into a ball’ (ibid.), etc.
- (7) Tna. (syn.) *ḡən-kəbləl* // < N. Eth.: Tna. *k^wäblälä* ‘to stroll about’, Tgr. (*tə*)*käblälä* ‘to roll while falling’ (LGz 274); probably connected with Sem. **kabl-* ‘hook, ring, shackle, fetter’ (v. LGz 274); otherwise < **kVb-l-* with a root extension *-l* (v. Mil. RE 115–118)..
- (8) Har. *dulälu* // *andölälä* ‘make round’, with reduction of *-b-* to vowel < Eth. **dbll* ~ **dblbl* ‘be round’ (LGur 196) < Sem. **dVbVl-* ‘round’: Ugr. *dbl*, Hbr. *dəbēlā*, Syr. *dəbalt-*, Hrs. *debelet*

³⁹ A formally impeccable parallel, however, may be Arb. *ḡuṣ(a)l-* ‘scarabée, fouille-merde’ (BK 1 301); dung beetles are noted for rolling dung into spherical balls (cf. Arb. *ḡuṣ(a)llat-* ‘boule de fiente’ in #3).

⁴⁰ Probably further related are Afras. **g^(w)Vl-* ‘egg’ and/or **gVl(gVl)-* ‘head; skull’ (ADB; for Chad. **gVl-* ‘skull’ see St. 2011 #597a).

- ‘cake of figs’ (cf. DRS 209), Arb. *dublat-* ‘boulette, tout ce qui est formé en boule’ (BK 1 668).
- Most likely, related to Egyp. (Pyr) *dbn* ‘be round’, (OK) ‘ring, round box’ (if *-n* < **-l*). There is also N. Cush.: Beja *debāl* ‘round’ (ADB), looking quite like an Ethiopism, although I have been unable to detect an exactly similar-looking source term in Eth.
- (9) Jib. *ḥalkét* // < Sem. (less likely an Arabism in MSA): Mhr. *ḥōlək* ‘to circle in the air’, *ḥewkāt* ‘circle, ring’, Soq. *ḥālḳəḥ* ‘hook, ear-ring’ (JM 178), Arb. *ḥalkat-* ‘ring of metal’, *ḥlk* II ‘to draw a circle’, Gez. *ḥalaka* ‘to become, grow round’, etc. (LGz 230). This Sem. root is probably related to Sem. **ḥalk-* ‘Adam’s apple, throat’ (SED I No. 117).
- ◇ Mlt. *tont* very likely < Ital. *tondo*. No term in Ugr., Pho., Bib., Pal., Qur., Sab., Arg. and Gaf.
- Common South and West Semitic **ḡagl-* ~ **ḡaʕl-* (# 2).

70. SAND

- (1) Akk. *bāṣu* // < Sem. **bVṣ-*: Hbr. *bōṣ* ‘silt’, *biṣṣā* ‘waterlogged ground’, Pal. *bṣyn* ‘marsh’, Arb. *baḏḏat-* ‘waterlogged ground’ (HALOT 147 after Bauer; neither in Lane nor in BK), *bḏḏ* ‘have little water (well, source)’ (Lane 213).
- (2) Hbr. *ḥōl*; Pal. *ḥāl*; Syr. *ḥāl-*; Mnd. *hal-* // < Sem. **ḥawl-*: Arb. *ḥāl-* ‘terre mêlée de sable, boue noire, vase’ (DRS 846).
- (3) Qur. *raml-*; Leb. *raməl*; Mec. *ramal*; Mlt. *rāmel* // Perceived as an isolated Arb. term; cf., however, Sab. *rml* ‘building sand?’ (SD 117), Gez. *ramal* ‘sand’ (acc. to LGz 471, < Arb.). There are also Hrs. *remlet*, Mhr. *rəmlēt*, Jib. *rēl* ‘sand’, apparently Arabisms, if not for a nuance that causes certain doubts: the apparently denominal verbs in MSA are Mhr. *rátmal* ‘to be covered with sand’, Jib. *rōl* ‘to roll in the dust, to lie in wait’ and Soq. *rémol* ‘to lie hidden, crouch down’ (JM 327; ‘s’étendre’ in LS 401 with the following comment: “est peut-être un dénomiatif de *ramal-* ‘sable’; le verbe aurait le sens ‘se coucher sur le sable’“; for the semantic connection see No. 9 below). The nuance is that there is no corresponding noun meaning ‘sand’ in Soq., whereas the verb in Soq. is obviously connected with at least the one in Jib. This is difficult to explain other than by suspecting that the former is an inherited word, which may cast some new light on the status of the MSA noun.
- (4) Gez. *ḥoṣā*; Tna. *ḥuṣa*; Tgr. *ḥaṣā* // < Sem. **ḥ/hVṣ-* ‘sand, gravel’: Akk. *ḥiṣṣu* ‘rubble, gravel’ (CAD ḥ 204), Hbr. *ḥāṣāṣ* ‘pebble, gravel’, Arb. *ḥaṣaʿ* ‘cailloux’, *ḥiṣḥiṣ-* (redupl.) ‘terre; pierres’, etc. (v. LGz 266, DRS 908).
- Perhaps < Afras. **ḡas/ç-*⁴¹ ‘hard sand’ (ADB): Chad. W.: Hausa *ḳásá* ‘earth, soil’, Boghom *kâas* ‘earth’, C. Malgwa *késa* ‘sand’, Cuvok *kóskò* ‘sable aggloméré asses dur’, etc., E.: Nanchere *kəsə* ‘terre’, W. Dangla *kòskò* ‘hard sand’ (St. 2011 #328); C. Cush: Bilin *ḳuṣa* ‘sand’ (App. CDA 118); Omot. N.: Dokka *ḳaḳe*, Kafa *ḳaḳo*, Gimirra (She) *ḳaḳ*, Dizi (Nayi) *ḳaṣa* ‘sand’, Mao (Hozo) *keci* ‘earth’, S.: Galila *ḳaḳ* ‘sand’ (v. Bla. Om # 71.1., Bnd. Om.).
- (5) Amh. *aššāwa*; Arg. *hašawa*; Sod. *ašawa*; Wol. *ašawa*; Cha. *ašawa*; Jib. *ḥáši* // < Sem. **ḥašw/y-*: Arb. *ḥisaʿ* ‘puit creusé dans un terrain sablonneux; sol dur recouvert de sable’ (BK 1 429; overlooked both in LGur 102 and DRS 937), Tna *ḥašāwa* ‘sand’ (LGur 102), Hrs. *ḥōhi* ‘ground’, Soq. *ḥōhi* ‘ground’ (JJ 118; both < **ḥošy-*); as for Jib. *ḥáši*, it is glossed as ‘soil’ in JJ 118, but translated as ‘sand’ in *eháši kódós* ‘the sand piled up’ and *ekdés ḥáši* ‘covered with sand’ in JJ 126, while also given in the entry for ‘sand, soil’ in Nak. #780.
- < Afras. **ḥas(a)y-* (ADB): Chad. W.: Ankwe *hēs*, Tala *hēs*, Fyer *hós* (and several other forms without *h-*, perhaps representing a different root), C.: Ngwahyi *hašù* ‘sand’; Cush. N.: Beja

⁴¹ The hypothetical **ḡ-* yields Sem. and Egyp. **ḥ* vs. **ḳ* in other Afras. branches.

- híssay*, *íssa* (and *hāš*, which may be an Ethiopism), S.: Iraqw *ḥasam* (< **ḥas-am-*; v. MQK 49), Qwadza *hasin-ko* ‘sand’.
- (6) Har. *šihšēra* // < Mod. Eth.: Zway *šaršara* id., Amh. *šārūšār* ‘kind of red earth’, Tgr. *šāšār* ‘small stone’ (LGur 586). No observable cognates in Sem.
- Cf. also in Cush. C.: Bilin *šašara*, E.: HEC: Hadiya *šaššara* ‘sand’ (LGur 586).
- (7) Har. *sēlāt* (syn.) // Related to (or borrowed from?) Arb. *sihlat-* ‘gros sable que l’eau charrie’ (BK 1 1158). If related, < Sem. **šihl-* or **sihl-* (Sem. **h* > Har. *ḥ* or *∅*).
- < Afras. **sihl-* ‘sand’: Chad. **sil-* (in St. 2011 #150, reconstructed as **sVl-*, but **-i-* seems natural): W.: Tsagu *síliye* ‘fine sand’, C.: Podoko *sasála* ‘sable’, Malgwa *šíliye* ‘grainy sand, gravel’, E.: Toram *šil* ‘dune’; cf. also C.**sVγVl-* ‘sand’ (ibid.; **-γ-* points to **-h-*?): Glavda *sáyàla*, Cinene *səyàla*, Mandara *šili*, Nakatsa *siyle* (cf. also Bidiya *ʔisín-silaalā* ‘sable alluvial’ in Jg. Bid., where *ʔisín* is ‘sand’); (?) E. Cush.: Afar *sahlyta* ‘sand’ (*-ḥ-* is expected to render **ḥ*, not **h*); N. Omot.: Male *māšala* (< *ma-šal-*?), Dache *siliimo*, Zergulla *silemo* (< *sil-em-*?) ‘sand’ (ADB).
- (8) Hrs. *baṭeḥ* (also ‘soil’), Mhr. *baṭḥ*; Jib. *boṭḥ* (syn.) // Soq. *mbéṭaḥ* ‘coteau’ (LS 85). A borrowing from Arb. (cf. Hḏr. *baṭḥa* ‘gros sable’, Ḍof. *beṭâḥ* ‘Sandtal’ LS 85, Class. Arb. *baṭḥat-* ‘sol déprimé comme le lit d’un torrent à sec couvert des cailloux’ BK 1 135) is unlikely in view of the hardly unrelated Soq. term with a different but compatible meaning and Jib. *boṭṭaḥ* ‘to lie down on the belly on the soil’ (JJ 30) < Sem. **bṭḥ* ‘to lie down (on the sand?); to spread, extend (of sand?)’ (v. No. 3 for semantic connections and LIE No. 14).
- (9) Soq. *šéme*⁴² // The only cognate in Sem. that I was able to unearth is Arb. *šiyām-* ‘dust or earth, soft or uncompact earth’ (Lane 1635). Arb. *š* vs. Soq *š* implies the reconstruction of the first radical as **š̂-* < Afras. **š̂-*.
- Cf. scarce possible parallels in Chad. (implying, however, Afras. **č̂-*, not **š̂-*, cf. St. 2007 8): C.: Gisiga *šimiyew* ‘sand’, E.: Mokilko *sáàmè* ‘uncultivated land, fallow’; Omot. N.: Chara *ámša*, S.: Hamar *šami*, Ari (Bako) *šaami* ‘sand’.
 - ◇ Urm. *sīl-* is < Turkish (a curious chance coincidence with No. 7 above). No term in Ugr., Pho., Bib., Qur., Sab. and Gaf.
- Common South and West Semitic **ḥašw/y-* (#5).
(Perhaps also Common South and West Semitic **raml-* #3).

71. SAY

- (1) Akk. *ḫabû* // < Sem. **ḫ(w)Vbb-* ‘say, shout, curse’: Pho. (Punic) *ḫbb* ‘to curse’, Hbr. *ḫbb* ‘to curse, enchant’ (HALOT 1060), Arb. *ḫbb* ‘faire du tapage, du vacarme (se dit de ceux qui sont en rixe)’ (BK 2 656; not compared in HALOT), *ḫbḫb* ‘utter a sound’ (both compared in LGur 468), (?) Tgr. *ḫābbä* ‘despise, abuse, ignore’ (compared in HALOT, but not in LGur.), Amh. *ḫwāba* ‘talkative’, Chaha *ḫwab amānā*, Eža, Muher *ḫwab amānnā* ‘produce a sound’ (LGur 468).
- With some parallels in Afras. (ADB): Chad. W. **kaḫ-* (< **ḫab-*): Tangale *kebi* ‘to name’, Polchi *kāḫa* ‘to answer’, E.: Ndam *kāba* ‘to talk’; Cush. E.: LEC: Somali *qabqab-* ‘shout’ (n.); (?) N. Omot.: Bworo *kewa* ‘talk’ (Bnd. Om. 172, possibly < **ḫVb-*, see ibid. 184–5).
- (2) Ugr. *rgm* // also ‘tell, announce, communicate, inform, answer’ (DUL 732) < Sem. **rgm* ‘to blame, prosecute, curse’ (on the connection with Sem. **rgm* ‘to stone’ see Maizel 201): Akk. *ragāmu* ‘to shout, prosecute, raise claim’ (CDA 295), Arb. *ržm* ‘to curse, abuse’, Gez. *ragama* ‘to curse, insult, execrate, excommunicate’, etc. (v. LGz 465).

⁴² According to Kogan MS (quoting two more synonyms absent in LA: *taḥk* and *šáḫere*, to none of which I could find parallels in the continental MSA); cf. *šimih* ‘sable de mer’ (LS 418), *šimi* ‘sand’ (the only Soq. term for ‘sand’ adduced in Nac. #780).

- (3) Hbr. *ʔmr*; Pho. *ʔmr*; Bib. *ʔmr*; Pal. *ʔmr*; Syr. *ʔmr*; Mnd. *ʔmr*; Urm. *ʔmr* // < Sem. **ʔmr*: Arb. *ʔmr* ‘ordonner’ (BK 1 53), Jib. *ʔōr* ‘to order’, *ʔεmr* ‘matter, order’ (JJ 3; unless < Arb.), etc.⁴³
- (4) Qur. *ḵwl*; Leb. *ʔāl*; Mec. *kāl*; Mlt. *āl* // < Sem. **ḵawl*- ‘voice’: Ugr. Pho. *kl*, Hbr. *kōl*, Syr. *ḵāl*-, Mnd. *ḵala* ‘voice’, Gez. *ḵāl* ‘voice; saying, speech; word’, etc. (LGz 426).
- < Afras. **ḵawl*:- Chad. **k^wVI*- ‘to talk, speech’: W.: Angas *kwāl* ‘to talk, talking’, E.: Tobanga *kwāl* ‘word, languages, tale, talk’ and **k^vwVI*- ‘shouting; to call’: W.: Kirfi *k^walala* ‘war shouting’, Bolewa *kèlè* ‘greeting’, Bade *kaluwà* ‘shouting’, C.: Fali-Kiria *kalwa* ‘shout, scream’, Mada *kullar* ‘grand cri’, E.: ‘to call’: E. Dangla *kólé*, Bidiya *kol*, Migama *kólló*, Jegu *kol*-, etc.;⁴⁴ Cush. E.: Afar *-ḵal-* ‘think, say’, HEC: Oromo *qaalii* ‘word’ (likely < Amh.); N. Omot.: Mao (Bambeshi) *ḵoli*, *koli*, (Diddesa) *kyoli* ‘say, speech’ (ADB).
- (5) Gez. *bəhla*; Tna. *bälä*; Tgr. *bela*; Amh. *alä*; Arg. *ala*; Gaf. *balä*; Sod. *baläm*; Har. *baya*; Wol. *balä*; Cha. *baräm* // < Sem. **bhl* ‘to speak, beseech, pray, curse’: Akk. *baʔālu*, *bālu* ‘to pray, beseech’ (CAD *b* 2), Arb. *bhl* ‘maudire (se dit de Dieu)’, VIII ‘implorer, supplier’ (BK 1 173), etc., Hrs. *behelēt* (JH 16), Mhr. *behlīt*, Jib. *behlēt* ‘word’ (JM 45), etc. (v. LGz 89, DRS 48).
- With scant plausible parallels in W. Chad. **biHal*- (ADB): Mupun *byal* ‘vicious, angry, cruel’, Montol *bial* ‘anger’, Tangale *pule* (*p*- may render **b*-) ‘to be, become annoyed, angry’.
- (6) Hrs. *ʔamōr*; Mhr. *ʔamūr*; Jib. *ʔōr*; Soq. *ʔemor* // A difficult case which cannot be immediately equated with Sem. **ʔmr* on formal grounds though a semantic contamination is possible. Another meanings in MSA are: Hrs. *ʔāmer* ‘to mend’ (JH 9), Mhr. *ʔāmōr* ‘compose, sing poetry’, *hāmōr* ‘develop, order, repair’ (JM 25), Jib. *ʔōr* ‘to order’, *oʔōr* ‘repair, build’ (JJ 13), Soq.: *ʔémor* ‘faire, remplir, mettre dans, porter’, corresponding to Arb. *ʔmr* ‘become many, become in a state of good repair; cultivate, promote; worship, pray’ (Lane 2154). The only semantics, from which all these diverse meanings could derive seems to be causing to existence or accomplishment by force of magic speech/formula.⁴⁵
- ◇ No term in Sab.
- No Common Semitic.

72. SEE

- (1) Akk. *amāru* // < Sem. **ʔmr* ‘to see; show, indicate; know’ (v. KNOW No. 6).
- (2) Ugr. *phy* // also ‘espy, look at’, ‘know, recognize’ and ‘visit’ (DUL 667). No direct parallels. In DUL 667 tentatively compared with Akk. (*w*)*apû* ‘to become visible, appear’ (CAD *a2* 201), which does not work, since the Akk. term is cognate with Ugr. *ypʃ* ‘to leave, depart, appear’, (N) ‘to rise, present oneself’ (DUL 972–3), Hbr. *ypʃ* (hif.) ‘to cause

⁴³ Joined, both in DRS 23–24 and EDE III 32 (with the comment “the semantic shift “to say” vs. “see”... is widely attested”), with **ʔmr* ‘see’, which I prefer to treat as a separate root, although for at least a few forms it is, indeed, hard to decide from which of the two verbs they are derived — perhaps due to contamination. It should be noted that Sem. **ʔmr* ‘to see’ has wide Afras. connections (see No. 72 below), while **ʔmr* ‘say’ seems to have none, implying the shift “see” > “say”, which I perceive as neither self-evident nor “widely attested”.

⁴⁴ In St. 2011 #192 and 192b., where the Chad. root is compared with Sem. **ḵwl* with the comment: “According to R. Blench, there are some words with initial *ḵ*- in Fali Kiriya. All other Chadic languages presented in this issue do not distinguish between Ch **ḵ*- and **k*-”.

⁴⁵ A similar semantic phenomenon, likely rooted in the ancient magic mentality, is the famous association in Semitic between “word”, “matter, affair” and “thing”, cf. Hbr. *dābār* ‘word, matter, affair, (some)thing’ (HALOT 211); Gez. and other Eth. *nagar* ‘speech, word, affair, matter’ (LGz 392); MSA: Hrs. *behel-ēt* (JH 16), Mhr. *behlīt*, Jib. *behlēt* ‘word’ (JM 45) vs. Soq. *bileh* < *bihl-eh* ‘chose’ (LS 83).

to shine, to rise, shine forth’, etc. (HALOT 424). The only imaginable, if problematic comparison, made in EDE II 488, is with a bunch of Arb. variant roots: *bʔh*, *ʔbh* ‘porter son attention (sur)’ (DRS 2 and 40), *bhʔ* ‘comprendre; s’habituer à qc.’,⁴⁶ *wbh* ‘connaître, faire attention à, avoir soin de’ (DRS 484). However, this comparison is justified only if one accepts the debatable Sem. phoneme **ḥ* (see SED I CV-CXVI), which Takács does not seem to accept.

- On two series (with **p*- and **b*-) of phonetically and semantically problematic Afras. parallels to both Ugr. and Arb. verbs, see EDE II 487–8.
- (3) Ugr. *ʕn* (syn.) // also ‘to look, watch, spy’ (DUL 167). A denominative verb from **ʕayn*- ‘eye’ (v. EYE No. 1 in Mil. 2010).
- (4) Hbr. *rʔy*; Qur. *rʔy*; Mlt. *rā*; Sab. *rʔy*; Gez. *rəʔya*; Tna. *rāʔäyā*; Tgr. *rəʔa*; Arg. *re*; Har. *rīʔa* // < Sem. **rʔy* ‘to see’ (HALOT 1157, LGz 458–9).
 - < Afras. **rayʔ*- ~ **ʔayr*- ‘see’: Chad. **rayʔ*- ~ **ʔayr*- ‘eye’ (St. 2005 #651 and ADB): W.: Kulere *rî(h)*, Jimi *yára*, Polchi *yir*, Zaar *yīr*, Sayanchi *yīr*, Fyer *yèèr*, etc., C.: Zeghwana *ire*, Gisiga *re*, Musgoy *riya*, Gidar *arə*, Munjuk *aray*, Mbara *rée* ‘face, eyes’, Banana *irà*, Zime-Batna *ʔir* (*rāʔá* ‘stare at’: note metathesis and -ʔ-), etc., E.: Mubi *ir-in* (pl. *ar-an*), Mokilko *ʔēr-sá* (-*sa* is a body-part suffix); Cush. N.: Beja *iray* ‘see’, S. **ʔar*- ‘see’: Iraqw *ara*, Alagwa *ar-*, Burunge *ar-im-* (ADB).
- (5) Pho. *ḥzy*;⁴⁷ Bib. *ḥzy*; Syr. *ḥzy*; Mnd. *hza*; Urm. *ḥzy*; Amh. *ayyā*; Arg. *hanʒa*; Gaf. *aʒʒä*; Sod. *aʒʒäm*; Wol. *anže*; Cha. *aʒ/šäm* // < Sem. **ḥzy* ‘to see’. In DRS 854 (and, similarly, in HALOT 301), this entry includes Arb. *ḥzy* ‘partir les oiseaux (pour tirer des augures de leur vol), tirer des augures’, *ḥāzi* ‘voyant (qui prédit l’avenir), conaisseur’, whose semantic connections with ‘see’ are less evident than those of Arb. *ḥzz* III ‘contrôler, examiner, scruter avec le plus grand soin’ (BK 1 418).
 - Note a single, perhaps accidental, parallel in C. Chad.: Matakam *húz-* ‘regarder’ (ADB).
- (6) Pal. *ḥmy* // < Hbr.-Arm. **ḥmy* ‘to see, watch, beware’: Hbr. *ḥmy* ‘see’, imp. ‘beware!’ (HALOT 326), Syr. *ḥmy* ‘vidit; taeduit eum am; omisit’ (Brock. 239) < Sem. **ḥmy* ‘to watch, protect’: Sab *ḥmy* ‘to protect’ (SD 69), Arb. *ḥmy* ‘défendre, protéger’ (BK 1 497), Mhr *ḥōmi* ‘to defend’ (JM 182), etc. (see Kog. Ugr.-Can. #35).
 - Cf. Egyp. (Dem.) *mḥ* ‘see’, Copt. **moH-* ‘to look; appearance’ (EDE III 483), perhaps related (not compared with the Sem. root in EDE), with metathesis, to a couple of possible cognates in E. Chad. **HamVy-*: Tobanga *āmē* ‘guard’ and Birgit *ʔúm* ‘see’ (ADB).
- (7) Leb. *šēf*; Mec. *šāf* // Class. Arb. *šwf* IV ‘regarder du haut de...; dominer un objet; avoir peur de qn.’, etc., *šayfat-* ‘reconnaissance, détachement de troupes qui observe les mouvements de l’ennemi’ (BK 1 1228) < Sem. **šwp* ‘look out, observe, protect’: Sab. *s₂wf* ‘look after, protect, defend’ (SD 136), (?) MSA: Hrs. *me-šwāf* ‘sight (of a gun)’ (LHrs 125, Omani Arb. *mi-šwāf* ibid.), Mhr. *me-šwōf* ‘back-sight of a rifle’ (both probably < Omani Arb.), *mā-šāwfaṭ* ‘protected (tabu) person, thing; protection’ (JM 387; unless a borrowing from an Arb. dialect, implies the verb **šwf* ‘protect’), Jib. *šift* ‘front sight of a rifle’ (JJ 257).
- (8) Hrs. *šēni*; Mhr. *šīnī*; Jib. *šīni*; Soq. *šīni* // also Hrs. *šnō* ‘to show’ (LHrs 120), Mhr. *šīnī* ‘to consider’ (JM 381), Soq. *šēnne* ‘montrer’ (LS 431). Cognate with Arb. *šʔn* ‘connaître; s’informer; avoir soin; veiller sur quelque chose’, etc. (BK 1 1179).
 - < Afras. **čVnʔ/y*: Egyp. (NE) *šnw* ‘examination, inspection’ (compared in EDE I 130 with the MSA verb); (?) Chad. W.: **čVn-*: Chip *len gwe* ‘remember’, Dera *šēnī* ‘remember, re-

⁴⁶ Ibid. 47, where it is further compared with Sab. *bhʔt*, glossed as ‘enter’ in SD 27, cf. *bhʔt* meaning ‘scout, intelligence agent’ (ibid.).

⁴⁷ Unless borrowed from or influenced by Arm.

mind' (St. 2011 #230a.), *ĉVŋ- (< *ĉVnH-?): Angas *läng*, *leenj* 'meditate', C.: Zulgo *žánjá* (with irregular voicing) 'penser, réfléchir' (ibid. #230b.).⁴⁸

→ Common West Semitic. *rʔy (#4) and *hzy (#5).

73. SEED

- (1) Akk. (Oakk. on) *zēru*, *zarʔu*; Hbr. *zāraʕ*; Bib. *zəraʕ*; Pal. *zrʕ*; Syr. *zarʕ*-; Mnd. *zira*; Urm. *zarʕ*-; Qur. *zarʕ*-; Mlt. *zerri(gh)a*; Gez. *zarʔ*, Tna. *zārʔ-i*; Tgr. *zārʔ*; Amh. *zār*; Arg. *zār*; Gaf. *zār*; Sod. *zār*; Har. *zār*; Wol. *zār*; Cha. *zənä* // < Sem. **zarʕ/ʔ*-:⁴⁹ Jud. *zəraʕ*, *zarʕ*- 'seed', *zrʕ* 'to strew, sow' (Ja. 414), Mnd. *zra* 'to sow, scatter' (DM 170), Arb. *zrʕ* 'semer, répandre la semence; ensementer un champ de quelque graine', *zurʕ*- 'semence; céréales sur pied, champ cultivé' (BK 1 124), Gez. *zarʔ/ʕa* 'to sow, seed, scatter' (LGz 642), Mhr. *zūra* '(plants) to grow', *ha-zrē* 'to cultivate', S. Mhr. *zərēt* 'plantation, cultivated area' (JM 469), Jib. *zəraʕ* '(plants) to grow', *ezóraʕ* 'to plant many seeds', *zəraʕ* 'farmer' (JJ 320).
- (2) Ugr. *d/drʕ*; Mec. *dirra*; Soq. *deri*⁵⁰ // < Sem. **dVrʕ/ʔ/y*-: Jud. *dəraʕ*, *darʕ*- 'seed, produce, offspring' (Ja. 324), Arb. *drʔ* 'ensemencer (la terre)' (BK 1 767), *dry/w* 'répandre la semence (en semant), semer' (ibid. 771), *durat*- 'dorra, espèce de millet' (ibid. 772), Sab. *m-drʔ-t* 'sown field, sown ground' (SD, 40).⁵¹
- < Afras. **ʒVr*-: (?) Egyp. (Gr., late) *zʕ* (if < **zr*) 'Bez. der achtel Arure, acht Aruren Acker' (EG III 411), (Gr.) 'Art Acker' (ibid. 414); Chad. W.: Pero *žúra*, Guruntum *žāažār* 'groundnuts', C.: Malgwa *zar-va* 'Sesam' (in St. 2009 #550 in the entry for 'fodder grass'), (?) Munjuk *zaraw* 'botte de céréales avec des épis; fascicle of cereals with ear' (in St. 2009 # 550a. in the entry for 'pile of stalks'), (?) Mbuko *zaray* 'pousser par terre (haricots)', Zulgo *zará* 'faire de pousses, long sprouts' (both in St. 2009 #542 in the entry 'to sprout'), (?) E.: Bidiya *zùuri* (< **z*-) 'valée favorable a la culture du petit mil'; Cush. (?) N.: Beja *deráʔ* 'seed' (probably an Arabism), C.: Khamtanga *zirwa*, Khamta *zirwä*, Kailiña *zärwa* 'wheat',⁵² E. (all < Eth.?): Saho *dara*, Afar *diriyi* 'seed', LEC: Gidole *zare* 'seed; cultivate', HEC: Hadiya, Qabenna *zare-tta*, Alaba *zari-ta* 'seed'; N. Omot. (< Eth. or E. Cush.?): Wolaita *zer*- 'to spread, to seed', *zere-tta*, Malo *zere-c*, Gamu, Dache *zere-cci*, Gimirra (Bench) *zar* 'seed', Kachama *zeer*- 'to sow' (ADB).
- (3) Mnd. *baz(i)r*- (syn.)⁵³ // < **bVzr*-: Hbr. *bzr* 'to scatter' (otherwise < **bdr* as in HALOT 118, where it is compared with Arb. *bdr* and Bib. *bdr*), Frah. *bzr* 'corn, seed' (HJ 150), Syr. *bazr*- 'oleum e semine lini expressum' (Brock. 65), Jud. *bzr* 'to strew, scatter', *bizr*- 'seed' (Ja. 154), Pal. *bizr*-, Arb. *ba/izr*- 'semences, graines' (BK 1 121; hardly < Arm., in view of several related meanings, including verbal ones).⁵⁴ Cf. Kog. LE # 73 with a different interpretation. Cf. also LGz 118.

⁴⁸ Alternatively, related to C. and E. *ĉVn- 'listen, hear' (ibid. #230, where it is compared with Mhr. *šny*, with the remark: "NN 230a,b are not necessarily related to N230").

⁴⁹ It is difficult to choose whether some of the forms should be related to this root or to **dVrʕ/ʔ/y*- (#2 below); **z*- is supported by all of the listed Arm. and Arb. forms and MSA data, whereas Akk., Hbr. and all the Eth. forms may as well go back to **dars/ʔ*-. As for *-ʕ and *-ʔ, there is an indiscriminate mess in both variant roots, **zarʕ/ʔ*- and **dVrʕ/ʔ*-, very likely due to contamination (cf. also Gez. *zarawa*, *zaraya* 'scatter' LGz. 644)..

⁵⁰ Acc. to Kogan MS, one of two equal synonyms, on par with *šáne*.

⁵¹ Mhr. *dəráyyat* 'offspring' (JM 81), Jib. *dərrít* 'progeny, offspring' (JJ 47) as well as Mhr. *dərēt* (JM 82) and Jib. *dère't* 'sorghum, dhurah' (JJ 47) are most likely Arabisms.

⁵² Acc. to App. CDA 146, all < **zärg*^w-*a*, counter to the table of regular correspondences (ibid. 13), where **g* > Khamtanga *g*, not *w*.

⁵³ Less likely to be an Arabism, in view of Arm. cognates with -*z*-.

⁵⁴ Note Hrs. Mhr. Jib. Soq. *bəzār* 'peppers', marked in JM 61 as Arabisms (from some South Arabic dialect? No term for 'pepper' in Class. Arb. **bzr*).

- Cf. Chad. W.: Mburku, Jimbin *vazar* ‘seed’, Tala *bazr* ‘corn’ (probably Arabisms), C.: Daba *va/uzal* (< **buzar*?) ‘yellow corn’, (?) E.: Mokilko *búzá* ‘seed’.
- (4) Leb. *bđar* // < Sem. **bađr*-:⁵⁵ Class. Arb. *bađr*- ‘semence’,⁵⁶ *bđr* ‘semer, répandre pour semer’ (BK 1 101), Syr. *bdr* ‘sparsit, dispersit’ (Brock. 60), Jud. *bdr* ‘to scatter, strew’ (Ja. 141), Mnd. *bdr* id. (DM 52). Cf. Kog. LE # 73 with a different interpretation. Cf. also LGz 118.
- (5) Har. *sāñi*; Wol. *sāññe* (unless < Cush., see below); Soq. *šáne* (syn.) // also ‘semence, blé qui est sur les tiges’, *héne* ‘semer’ (LS 145) < Sem. **šana?*/*y/n*-: Mhr. *mə-hnoy* ‘farm near a town’ (JM 159), Jib. *mə-šnu?* ‘garden on the mountain for *dhura* or beans’, *ešné* ‘to have a garden, field’ (JJ 263), Akk. (OB, MB, SB) *ašnan* (*asnan*) ‘grain, cereal (as a generic term)’ (in AHw. 82 marked as a loanword; CAD a2 450; < **?a-šnan*-, with prefixed *?a*- or metathesis; contra Kog. LE # 79: “apparently, no Semitic cognates”), Zw. *sāñi* ‘seed, crop’ (LGur 555).⁵⁷
- < Afras. **sany*- ‘seed, grain, cereal’ (Mil. Farm. 142, ADB): Eyp. (MK) *sn.w* ‘Opferbrote’ (EG IV, 155); Chad. **sin*- ‘seed, cereal’ (**sVn*- ‘sprout, seed’ in St. 2009 # 300): W.: Tangale *šijñi* ‘sprout, germ’ (and Goemai *song* ‘millet’, quoted by Stolbova with hesitations), C.: Daba *sēsīn*, Kola *sísīn* ‘seed’, E.: Kera *séne* ‘Negerhirse, petit mil’, Saba *bi-sinya*, Migama *bú-sinà* ‘seed’, W. Dangla *sínà* ‘sorgho’;⁵⁸ Cush. E.: LEC: Somali *šuni*, Oromo *saññii*, Dase-nech *sanne*, HEC (probably < Oromo): Darasa *sanne*, Burji *saññee* ‘seed’; S. Omot.: Hamar *isin* ‘sorghum’.⁵⁹
- ◇ Hrs. *bađr*; Mhr. *biđar*; Jib. *béđar*, probably Arabisms (note, however, the verbs: Mhr. *bađōr*, Jib. *bóđōr* ‘to sow, cultivate’ JM 44, JJ 23). No term in Pho. (*zrʕ* is glossed only as ‘offspring’ Tomb. 96).
- Common North and West Semitic **zarʕ/?*- (#1).
Common South and West Semitic **dVrʕ/?*- (#2) and **šana?*/*y/n*- (#5).⁶⁰

74. SIT

- (1) Akk. *wšb*; Ugr. *yṭb*, *?aṭib*; Hbr. *yšb*; Pho. *yšb*; Bib. *yṭb*; Pal. *yṭb*; Syr. *yṭb*; Mnd. *yṭb*; Urm. *yṭb*; Sab. *wṭb* // < Sem. **wṭb* ‘sit, dwell, live’ (HALOT 444, DRS 656). If it is permissible to make a conjecture about this verb’s “proto-meaning”, I would bet on ‘occupying foreign territory or raiding it for women (or ritually imitating this action)’, which would account for some most likely related terms (the root with initial **w*- and **t*, rare in Sem., is too phonetically unique to represent homonyms) with meanings that are different from ‘sit, dwell, live’, preserved in various languages: (1) Sab. *wṭb* ‘sit, reside, settle, occupy’ and *t-wṭb* ‘commit an assault on; ambush’ (quoted as two separate entries in SD 165), Arb. *waṭbat*- ‘assaut, attaque, agression’, *wṭb* V ‘faire une invasion injuste sur la propriété de quelqu’un’ (BK 2 1482), (2) Syr. *?awteb* ‘marry’, Gez. *?awsaba* ‘take a wife, marry’, Tna. *?awäsäbä* id., Amh. (*a*)*wässäbä* ‘copulate’ (LGz 619; cf. aslo redupl. Gez. *sabsaba* ‘marry off (a son or a daughter in a religious ceremony)’ and ‘commit a carnal sin’ ibid. 485). Cf. DRS 656.
- If said hypothesis is valid, possibly < Afras. **čVb*- ‘kill, war, assault’: Chad. **čVb*- ‘to kill, war’ (compared in St. 2011 #800 with Arb. *waṭbat*- ‘agression, attaque’): C.: Wandala *čīḅa*

⁵⁵ Eventually must be a root variant of **bVzr*-, to be scored differently from the latter.

⁵⁶ Although this is the main Class. Arb. term for ‘seed’ (Kog. LE 471), it is not attested in the Qur’an as a noun.

⁵⁷ According to Leslau (ibid.), from Cush, which is not necessarily so in view of Sem. cognates; note especially a full coincidence with Soq. (both < **s/šana*-), which can hardly be accidental.

⁵⁸ Cf. also **sin*- ‘farm, field’ (ibid. #299, likely related): W.: Sura *sèn* ‘Hirsefeld’, Warji *usina*, *sənána*, Tsagu *šinan*, Kariya *sān*, *sīn*, Siri *šināwi*, Diri *səna*, Paa *sina* ‘farm’, C.: Masa *sine*, *sénèna*, Zime-Batna *siné*, etc.

⁵⁹ Cf. Sumerian *išin* ‘ears of corn’ (Heimpel 449), ‘grain-stalk’ (Lieberman), *isin* ‘stalk’ (Sum. Dict. 217): an early borrowing from some Afras. (non-Semitic) language?

⁶⁰ Originally, hardly synonyms: rather terms denoting different seeds or various stages of seed/plant growth.

- ‘kill (many)’, Malgwa *čāba* ‘to kill a lot of people’, Glavda *čib-*, Podoko *čiḃe*, Musgu *šiba* (ADB, not in St. 2011) ‘kill’, E.: Mubi *čōḃi*, Zerenkel *žabuki* ‘war’; Omot. (ADB) N.: Koyra *šúpe*, Gimirra (Bench) *šup* (-*p* < **b*?) ‘slaughter’, Dizi *šub-* ‘die’, S.: Ongota *šup/b-* ‘kill’ (cf. *tiip/b-* ‘die’, possibly < **čib-*).
- (2) Qur. *ḵḵd*; Leb. *ḡaḡad* // Class. Arb. also *ḵāḵidat-* ‘base (d’une colonne); fondations (d’un édifice)’ (BK 2 778) < Sem. **ḵḵd* ‘bend, sit, put down’: Syr. *ḵḵd* ‘bend down, kneel, prostrate’ (Sok. Syr. 1388), Jib. *eḵeḡéd* ‘paralyze, put so. down psychologically’, Soq. *āḵḡad* ‘take, bring down’ (JM 139).⁶¹
- < Afras. **ḵV(ḡ)d-* ‘bend, sit, lie down’ (ADB): Egypt. (Pyr.) *ḵd* ‘to sleep’; (?) Chad. C.: Daba *kāḡ* ‘(be) down’, E.: Kajakse *kāḡi* ‘bas’ (both possibly < **ḵad-*, cf. St. 2011 #81 with the comment: “Likely, loans from Arabic *ḵāḵid-at-* ‘base, foundation’ < *ḵḵd* ‘être assis’“, which is not quite convincing because of the difference in meanings), C.: Musgu *gúḡ* (regressive voicing) ‘back side’, Gizey *kùḡú* ‘behind’, E.: Kera *gùḡ* (regressive voicing), Mokilko *kùḡḡi-só* ‘buttocks’ (ibid.); E. Cush.: HEC: Burji *ḵud-ee* ‘behind’ (compared ibid.); S. Omot.: Ongota *kaada* ‘to lie, sleep’.
- (3) Mec. *žalas* // Qur. *žls* ‘to sit in Eastern fashion’ (Pen. 28) < Sem. **gḡš* ‘to sit (in a special way, atop, on an elevated place)’, tentatively reconstructed from identical triconsonantal roots with such different meanings as Akk. *gilšu*⁶² ‘hip(-bone)’ (CDA 93), Hbr. *gḡš* ‘to hop (alt. move down)’ (HALOT 195, after Palache: basic meaning ‘to jump (on one’s riding animal)’, Gez. *galās*, Tgr., Amh., Har. *galas* ‘saddle cover’ (LGz 192), Selti *galas*, Wol. *gilas* ‘cloth of saddle’ (LGz 275; for the meaning shift see Arb. in No. 5), Soq. *galas* ‘montagne, cap’ (LS 109; for the meaning shift see No. 4), *əḡlišoh* ‘high plain’ (JM 119).
- (4) Gez. *nabara* // also ‘to stay, live, etc.’, *tanābara* ‘to be placed (one thing upon another)’, *ma-nbar* ‘seat, chair, high place, pulpit, throne’ (LGz 383–4)⁶³ < Sem. **nbr* ‘to elevate, raise, place/sit atop’: pB Hbr. (likely < Jud.), Jud. *nbr* ‘(of the swine) to turn the ground up with the snout’ (Ja. 870), Syr. *nbr* ‘excitavit (terram)’ (Brock. 412), Arb. *nbr* ‘élever, exhausser (une chose); grandir, av. grandi (se dit d’un petit garçon)’, *mi-nbar-* ‘estrade, place un peu élevée au dessus du sol; chaire, prône où se place l’imam ou un khatib pour réciter la prière ou haranguer le peuple’ (BK 2 1183), Amh. *annābabbārā* ‘heap, pile up’, Arg. *nabbur* ‘abundant, much, very, many’ (LArg 215).
- (5) Tna. *kof bālā* // < Sem. **wkp* ~ **kwp* ‘to bend, lie, sit’: Tgr. *kāf belā* ‘sit down, sit’ (LH 425), Arb. *wkf* ‘ê. incliné, penché; mettre bât sur une bête de somme’, *wakf-* ‘tapis ou peau qui l’on étend par terre pour s’y asseoir’, Hrs. *še-wkōf* ‘sleep’ (JH 135), Mhr. *šə-wkūf* ‘sleep, go to sleep, lie down’, Jib. *šef* ‘sleep’ (JM 426).⁶⁴
- With two parallels, one of which, Cush. C.: Bilin *kaf y* ‘to sit’, isolated in Agaw, is clearly a borrowing from N. Eth. (cf., however, the remark in Appl CDA 124: “also in Ti., Tna. *kāf bālā*”), while the other, E.: Yaaku *kopehm* (< **kop-ah-m-?*) id., is evidently not, being either a look-alike or a remnant of the common Afras. verb, randomly spared through many millennia in an isolated language.

⁶¹ Likely with a secondary -*f*-. cf. Akk. *ḵadādu* ‘bow down’ (CDA 282), Hbr. *ḵdd*, *ḵwd* ‘bow, kneel down’ (HALOT 1065). See Mil. RE 97.

⁶² If semantically compatible, this is probably a “real” term alongside *giššu* instead of a “result of the scribes’ effort to render laterality” as suspected in SED I No. 90, cf. #7 below).

⁶³ See the discussion (ibid. 384) about whether Gez. *manbar* is to be derived from Arb. *minbar-* or vice versa: both hypotheses seem superfluous, as both nouns are nicely derived from the corresponding verbs in each of the languages.

⁶⁴ One might ask whether Eth. **wkf* ‘take, accept, receive’ (LGz 611–12) could not have evolved from ‘bow down’.

- (6) Tna. (syn.) *tä-ḳämmätä*;⁶⁵ Amh. *tä-ḳämmätä*; Arg. (*tä*)*ḳämmäṭa* // < Eth. **ḳmṭ* ‘bind, hold tightly; rest, sit’ (LGz 433);⁶⁶ Gez. *ḳammaṭa* ‘hold tightly, bind sheaves, bend’ (also *taḳammaṭa* ‘sit down, remain’, acc. to Leslau, < Amh.), Har. *aḳämmäṭa* ‘rest on a base’ (ibid.), cognate with Arb. *ḳmṭ* ‘lier avec la corde tous les quatre pieds à la fois; emmailotter un enfant au berceau; cohabiter avec une femme, etc.’ (BK 2 813).
- (7) Tgr. *gəsuy hälla* // The only etymology I can suggest is < Sem. **gišš-* ‘torso, body, side of body’ (cf. SED I No. 92), including Akk. *giššu* ‘hip, flank’ (CAD g 73; on its presumable variant *gišsu* placed in the same entry, see #3 above) and Gur. *g’išä* ‘back of body’ (see in SED I No. 92 arguments against its qualifying by Leslau as Cushitism). If this etymology satisfies the semantic criteria, then:
- < Afras. **gičč-* ‘torso, chest, side of body’: Chad. **gV(yV)š-* ‘chest’ (St. 2011 #561): W.: Boghom *gyaas*, Geji *gyéši* ‘chest’, *isu ngeši* ‘rib’, Polchi *gwəš* ‘shoulder’ (ADB, not in St.), Zul *ngéše* ‘chest’, Duwai *əgžà* ‘chest, cough’; C.: Zelgwa *gəžəŋ* ‘chest, heart’; (?) N. Omot.: Kafa *gašo* ‘riverbank, edge, border’, Mocha *gášo* ‘border’ (suggested for comparison with Sem. in Bla. Review 502).
- (8) Gaf. (*tä*)*wannä*; Sod. *tonnam*; Cha. *čonam* // Acc. to LGur III 599, from the root *wnʔ/ʕ* with the meaning ‘sit’ derived in *tä*-stem from *awāna*, *wanna*, etc. ‘place, deposit, put aside, put’. Since it is rather uncommon for the basic term to have no etymology (in this case, outside Gaf. and Gur.), I suggest that it may be related, as a variant with metathesis (**wnh*), to Eth. **nhy* ‘repose, be in peace, sleep’ (LGz 394 giving no Sem. cognates outside Eth.): Gez. *nəhya* ‘recover; repose; feel relieved; find consolation, peace; be quiet’, Amh. *tāññä*, Arg. *teñña*, *eñä*, Har. *ñēza*, Wol. *əññe*, Sod. *əññäm*, Cha. *nəyäm*, etc. ‘sleep’⁶⁷, to be further related, with metathesis, to Arb. *hwn* ‘être léger, facil à faire ou endurer; se reposer, se calmer’, *hawn-* ‘repos, tranquillité; aise, facilité, aisance, commodité’ (BK 2 1460–61) < Sem. **hwn* ‘repose, rest, be at ease’: Hbr. *hwn* (hif) ‘regard as easy’ (HALOT 242),⁶⁸ Thamudic *hwn* ‘repos’ (DRS 389), Sab. *hwn* ‘soften (one’s heart)’ (SD 57), *hyn* ‘ease, give ease to (?)’ (ibid. 58), (?) MSA: Hrs. **hwn* ‘to think cheap’, Soq. *hawin* ‘better (than)’ (JH 53). Cf. also DRS 388–9. Whether all these forms should be regarded as metathetic variations within one root (Sem. **wnh* ~ **nhy* ~ **hwn* ‘repose, rest, be at ease’) or as three variant roots, is a somewhat scholastic question that requires a voluntary decision. Anyway, there are plausible parallels outside Semitic:
- Eyp. (MK) *hnn* ‘attend to, consider, trust’, *hnn ib* ‘be well-disposed to’ (Faul 159; lit. ‘incline one’s heart (to)’? Translated as ‘neigen (d. Herz)’ in EG II 494: *ib* is ‘heart’); Chad. W.: Ron **n(V)yah-* ‘to sleep’: Kulere *nyà* ‘(sich) legen, schlafen’, Sha *nyà*, Daffo-Butura *nyah* ‘schlafen’ (St. 2011 # 424, ADB), C. **hwVn-*: Gabin *?yenè*, Kilba *hány*, Margi *yányi*, Gudu *wiyèñù*, Fali-Kilba *wunyi* ‘sleep’ (n.), Glavda *xan*, Daba *wan* ‘to sleep’, E. **wVHVn-*: Kwang *wéŋ* ‘to sleep’, Migama *wàànd* ‘to dream’ (ADB); N. Cush.: Beja *nay* ‘sleep, rest’ (LGz 304; < Eth.?).
- (9) Har. (*tä*)*gēbä(la)*; Wol. (*tä*-)*gÖbälä* // Probably < Eth.-Arb. **gVb(b)-* (with the auxiliary verb *ala* incorporated into the stem, cf. Zway (*tä*)*güb* ‘sit down, ride’ and Amh. *g^wabbälä* ‘sit down’, (*tä*)*g^wäbbälä* ‘sit down’ LGur 256): Arb. *žbb* ‘se jeter la face contre terre, se pros-

⁶⁵ The meaning ‘sit’ in Tna has been obtained from native speakers (glossed as ‘rest on a base’ in LGz 433).

⁶⁶ The Eth. verbs are related by Leslau to Akk. *kaṃāšu* ‘bend the knee, kneel down, squad’, pB Hbr. *ḳamšūš* ‘bent up’ and Ugr. *ḳmš* ‘to curl up, bend’, all < Sem. **ḳmš* (to which Jib. *ḳōš* ‘(snake, etc.) to curl up’, *ḳótmaš* ‘(animal) to curl os. up’ JJ 146 should be added), which can be compared with **ḳmṭ* only as a variant root.

⁶⁷ Speculatively, Ugr. *nmm̄t* ‘drowsiness, fainting fit’ or ‘deep sleep (of death)’ (< *nmm̄* + *mt* DUL 626) could also be related as *nmm̄*, with the fossilized suffix *-m-*.

⁶⁸ Perhaps also *hōn* ‘wealth, property’, with a possible semantic shift, but much more dubious in the case of Arm. terms meaning ‘ability, means, reason, mind’, quoted in HALOT 242 and DRS 388–9 as unproblematic cognates.

terner en appuyant les mains contre la terre (en priant Dieu); tenir ses joues appuyées sur ses mains en restant debout' (BK 1 251).

- With a different interpretation, perhaps, from highly hypothetical Afras. **gVbb-Vr/l-* 'sit, prostrate oneself; a (sacred?) seat' (ADB): Eg. *ḏbʔ* (< **gbr/lʔ*) 'k. of altar, temple seat made of granit; a throne socle?'; E. Cush.: LEC: Somali (Benadir) *gāmbār* 'round small chair with four legs'; N. Omot.: Kafa *gab(b)ir-ō*, Anfillo *gabbero* 'seat'.
- (10) Hrs. *šhewlōl*; Mhr. *šhəwəlūl* // Also 'stay, live' in Hrs. (JH 123) and 'stay, stay where one is' in Mhr. (JM 390). A real challenge for the etymologist: no parallels either in other MSA or other Sem., the only one, irreproachable phonetically but purely conjectural semantically, being Arb. *šhl* III 'traire (une chamelle)' (BK 1 1202), perhaps implying the nomads' stopover for milking she-camels.
- (11) Jib. *skɔf* // No parallels in other MSA. The only possible etymology is Sem. **(ʔa-)skup(p)-* 'threshold': Akk. (OB on) *askuppu* (and, with metathesis, OA *aksuppu*), 'stone slab, threshold, doorsill, lower edge, step (of a wagon)' (CAD *a*₂ 333), (OB on) *askuppātu* 'slab, threshold, door-sill' (ibid. 334), Hbr. *mašqōp* 'lintel, doorstep' (HALOT 652, hapax), *šāqāp* 'door-jamb, door support' or 'a space in a wall for a door or for a window' (HALOT 1646–7, hapax), *šq̄p* (nif) 'to look down from above' (ibid. 1645), pB. *ʔiskuppā* 'threshold, lintel, lower door-sill' (Ja 97; from or influenced by Jud.), Arm.: Hatra *ʔskp* 'threshold' (HJ 86), Syr. *ʔeskūpat-* 'limen; rupes' (Brock. 35), Jud. *ʔiskūpt-* 'door-sill' (Ja. 94), *ʔiskūpt-* 'threshold, lintel, lower door-sill' (ibid. 97), Sab. *sīkf* 'roof, roofing, ceiling, floor (of multi-storied building)' and 'to roof (a building)' (SD 127–8), Arb. *ʔuskuffat-* 'the threshold of a door, upon which one treads', *sākif-* 'the lintel of a door, the upper and lower extremity of the door' (Lane 1391), *sakf-* 'ceiling, roof, or covering' (ibid. 1383). An entangled case of what seems a chain of borrowings (Akk. *askuppu* > Arm. > Hbr. and Arb.?) and contamination of two unrelated (or variant?) roots: **skp* forms the terms for 'threshold' and **šq̄p* forms the terms for 'roof, ceiling, etc.' Anyway, Jib. *skɔf* neatly fits in with Sem. **skp*, suggesting that the primary meaning of the Jib. verb was 'to sit on a threshold, in the door/gate'.
- (12) Soq. *ízlem* // Also 'rester' (LS 155 with no Sem. parallels). There are several highly hypothetical etymological options. One is to suppose for the Soq. verb the original meaning 'sit at the head or at the helm', later generalized as simply 'sit': cf. Mhr. *zəḏim* 'head of a family' (JM 463), Jib. *zḏim* 'the most important person in, head of the family' (JJ 314, tentatively comparing it with Soq. *ázlam* 'sit' and what is quoted ibid. as *mázʔhim* 'majlis', not in LS), Arb. *zaḏim-* 'chef, prince, représentant d'une communauté, agent plénipotentiaire qui parle au nom d'elle', likely from or contaminated with *zḏm* 'parler, dire' (both BK 1 992), related to Hbr. *zḏm* 'curse', Syr. *zḏm* 'scold' (HALOT 276) and Sab. *zḏm* 'declaration' (SD 170; cf. DRS 770). Another option is comparison with Jib. *zḏit* 'buggalow, kind of ship', Arb. *zaḏāʔim-* (pl.), Tgr. *zəḏimāt* 'bateau, barque' (the Jib. and Tgr. terms are likely Arabisms; all three are quoted in DRS 770, without raising the borrowing issue) that implies the original meaning 'sit in a boat' for the Soq. verb. A third option is to compare it with Arb. *zḏm* III 'serrer quelqu'un dans la foule' (BK 1 992, cf. a variant root *zḏm* III), in which case the original meaning in Soq. should have been 'to sit crowded together, sit squashed up'. With none of the three options convincing enough, there are, however, direct external parallels meaning 'to sit' in Chad.⁶⁹
- Chad. W.: Hausa *zámáa* 'be, become, happen, keep on doing, sitting, settling room', Sura *zum* 'stoop, bend down', Bolewa *zuum*, *ʒuum*, Ngamo *ʒoom* 'to squat' (note the hiatus in

⁶⁹ Somewhat compromised, as in many other cases, by the hugeness of the cumulative Chadic *lexica*, which considerably increases the probability of chance resemblance (reminding of a similar problem with Arabic), and by the low representativeness of Chadic lexemes brought to comparison vs. the great number of Chadic languages.

the latter forms, probably pointing to a lost laryngeal: cf. -ʕ- in Soq.), C.: Gude *žāmú* ‘sitting on smth. to press down’, Ouldem *zàm yàr* ‘to incline’ (*yàr* ‘head’), Masa *zàm* ‘wait’ (adduced as two different entries in St. 2011 #478 and 479).

◇ Mlt. *poža* likely < Italian (*ap*)*poggiare*.

→ Common North and West Semitic. **wṭb* (#1).

Literature

- ADB — *Afrasian Data Base* (<http://starling.rinet.ru> and <http://ehl.santafe.edu>).
- AHw — SODEN, W. von., 1965–1981. *Akkadisches Handwörterbuch*. Wiesbaden.
- App CDA — APPEYARD, D., A., 2006. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*. Kuschitische Sprachstudien / Cushitic Language Studies, Band 24. Köln.
- Baet. — BAETEMAN, J., 1929. *Dictionnaire amarigna — français suivi d’un vocabulaire français — amarigna*. Dire-Daoua.
- BK — BIBERSTEIN-KAZIMIRSKI, A. de., 1860. *Dictionnaire arabe-français*. Paris.
- Bla. Om. — BLAŽEK, V., 2008. Lexicostatistical comparison of Omotic languages. In: *In Hot Pursuit of Language in Prehistory*. Ed. by John D. BENGTON. Amsterdam-Philadelphia, 57–148.
- Bla. Review — BLAŽEK, V., 2001. Semitic Etymological Dictionary I. Review Article. *Archive Orientální*. Vol. 69. Praha, p. 495–510.
- Blachère — BLACHÈRE, R., M. CHOUÉMI & C. DENIZEAU, 1964–. *Dictionnaire arabe-français-anglais*. Paris: Maisonneuve and Larose.
- Bnd. Om. — BENDER, M.L., 2003. *Omotic lexicon and Phonology*. Carbondale.
- Brock. — BROCKELMANN, C., 1928. *Lexicon Syriacum*. Halle.
- Bulakh Akk. — BULAKH, M., 2003. Etymological Notes on the Akkadian Colour Terms. *Studia Semitica* (FS A. Militarev). Moscow, 3–17.
- Bulakh Dis. — BULAKH, M., 2005. *Цветобозначение семитских языков в этимологическом аспекте (Color nomination in Semitic in the etymological aspect)*. Doctorate dissertation. Russian State University in the Humanities, Moscow.
- Bulakh Gez. — BULAKH, M., 2006. Basic Color Terms in Geʕez: Synchronic and Diachronic Aspects. *Proceedings of the XVth International Conference of Ethiopian Studies. Hamburg July 20–25, 2003*. Wiesbaden, 737–745.
- Bulakh Hbr. — BULAKH, M., 2006. Basic Color Terms of Biblical Hebrew in Diachronic Aspect. *Babel and Bibel: Annual of Ancient Near East, Old Testament and Semitic Studies*, No. 3. Winona Lake, Indiana, p. 182–216.
- CAD — OPPENHEIM, L., E. REINER & M.T. ROTH (ed.), 1956–. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute, the University of Chicago*. Chicago.
- CDA — *A Concise Dictionary of Akkadian*, 2000, ed. by BLACK J., A. GEORGE and N. POSTGATE. Wiesbaden.
- DM — DROWER, E.S. & R. MACUCH, 1963. *A Mandaic Dictionary*. Oxford.
- DRS — COHEN, D., 1970–. *Dictionnaire des racines sémitiques ou attestées dans les langues sémitiques*. La Haye.
- DUL — OLMO LETE, G. & J. SANMARTÍN, 2003. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Leiden-Boston.
- EDE I — TAKÁCS, G., 1999. *Etymological Dictionary of Egyptian, Volume One: A Phonological Introduction*. Leiden-Boston- Köln.
- EDE II — TAKÁCS, G., 2001. *Etymological Dictionary of Egyptian, Volume Two: b-, p-, f-*. Leiden-Boston-Köln.
- EDE III — TAKÁCS, G., 2008. *Etymological Dictionary of Egyptian, Volume Three: m-*. Leiden-Boston.
- EG — ERMAN, A. & H. GRAPOW, 1957–71. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, I–VII. Berlin.
- Gr. — GRAGG, G., 1982. *Oromo Dictionary*. East Lansing.
- HALOT — KOEHLER, L. & W. BAUMGARTNER, 1994–1996, 1999–2000. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament* I–III. Leiden, New York & Köln. IV–V. Leiden, Boston & Köln.
- Heimpel — HEIMPEL, W., 1968. *Tierbilder in der sumerischen Literatur*. Rome.
- HJ — HOFTIJZER, J. and K. JONGELING, 1995. *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden—New York—Köln.
- HRSC — EHRET, C., 1980. *The Historical Reconstruction of Southern Cushitic Phonology and Vocabulary*. Berlin.
- HSED — OREL, V. and O. STOLBOVA. 1995. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Materials for a Reconstruction*. Leiden—New York—Köln.

- Ja. — JASTROW, M., 1996. *A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature*. New York.
- Jg. Bid. — JUNGRAITHMAYR, H. and ALIO, K. *Lexique bidiya*. Frankfurt. 1989.
- JH — JOHNSTONE, T. M., 1977. *Harsūsi Lexicon*. New York — Toronto.
- JJ — JOHNSTONE, T. M., 1981. *Jibbāli Lexicon*. New York (NY).
- JM — JOHNSTONE, T. M., 1987. *Mehri Lexicon*. London.
- Kane A — KANE, T. L., 1990. *Amharic-English Dictionary*. Wiesbaden.
- Kane T — KANE, T. L., 2000. *Tigrinya-English Dictionary*. Vol. I-II. Springfield.
- Kog. Eth. — KOGAN, L., 2005. Common Origin of Ethiopian Semitic: the Lexical Dimension. *Scrinium. T. 1: Varia Aethiopica. In Memory of Sevir B. Chernetsov (1943–2005)*.
- Kog. LE — KOGAN, L., 2006. Lexical evidence and the genealogical position of Ugaritic (I). *Babel and Bibel: Annual of Ancient Near East, Old Testament and Semitic Studies*, No. 3. Winona Lake, Indiana, p. 429–488.
- Kogan MS — KOGAN, L., 100-wordlist of *Soqotri* (manuscript).
- Kog. Ug.-Can. — KOGAN, L., 2010. Genealogical Position of Ugaritic: the Lexical Dimension Lexical Isoglosses Between Ugaritic and Canaanite. *Sefarad*, vol. 70:1, enero-junio 2010, p. 7–50.
- Kog. Ug.-Sem. — KOGAN, L., 2010. Genealogical Position of Ugaritic: the Lexical Dimension. Lexical Isoglosses between Ugaritic and other Semitic Languages. *Sefarad*, vol. 70:2, julio-septiembre 2010, p. 2–51.
- Lane — LANE, E. W., 1867. *Arabic-English Lexicon*. London.
- LArg — LESLAU, W., 1997. *Ethiopic Documents: Argobba*. Wiesbaden.
- LGaf — LESLAU, W., 1956. *Étude descriptive et comparative du Gafat (Éthiopien méridional)*. Paris.
- LGur — LESLAU, W., 1979. *Etymological Dictionary of Gurage (Ethiopic)*. Vol. III. Wiesbaden.
- LGz — LESLAU, W., 1987. *Comparative Dictionary of Geez (Classical Ethiopic)*. Wiesbaden.
- LH — LITTMANN, E. and M. Höfner, 1956. *Wörterbuch der Tigre-Sprache. Tigre-deutsch-englisch*. Wiesbaden.
- LHar — LESLAU, W., 1963. *Etymological Dictionary of Harari*. Berkeley and Los Angeles.
- Lieberman — LIEBERMAN, S., 1977 — S. Lieberman. *Sumerian Loanwords in Old Babylonian Akkadian*. Missoula.
- LLw — LESLAU, W., 1990. *Arabic Loanwords in Ethiopian Semitic*. Wiesbaden.
- LM — ARBACH, M., 1993. *Le maḏābīen: lexique, onomastique et grammaire d'une langue de l'Arabie méridionale préislamique*. T. 1: *Lexique maḏābīen*. Aix-en-Provence.
- LS — LESLAU, W., 1938. *Lexique Soqotri (Sudarabique moderne) avec comparaisons et explications étymologiques*. Paris.
- Maizel — MAIZEL, S., 1983. *Puti razvitija kornevogo fonda semitskih jazykov*. Moscow.
- Mil. Farm. — MILITAREV, A., 2002. The Prehistory of a Dispersal: the Proto-Afrasian (Afroasiatic) Farming Lexicon. *Examining the Farming/Language Dispersal Hypothesis*, eds. P. BELLWOOD & C. RENFREW. McDonald Institute Monographs. Cambridge, 135–50.
- Mil. RE — MILITAREV, A., 2005. Root extension and root formation in Semitic and Afrasian. *Proceedings of the Barcelona Symposium on comparative Semitic, 19–20/11/2004, Aula Orientalis* 23/1–2, p. 83–130.
- Mil. SE — MILITAREV, A., 2010. The Significance of etymology for the interpretation of ancient writings: from the Hebrew Bible to the New Testament. Appendix 2. In: MILITAREV, A., *The Jewish Conundrum in World History*. Academic Studies Press. Boston, p. 258–261.
- Mil. 2000 — MILITAREV, A., 2000. Towards the chronology of Afrasian (Afroasiatic) and its daughter families. *Time Depth in Historical Linguistics*. Volume 1. Ed. by C. RENFREW, A. MCMAHON & L. TRASK. The McDonald Institute for Archaeological Research. Cambridge, 267–307.
- Mil. 2004 — MILITAREV, A., 2004. Another Step towards the Chronology of Afrasian (I). *Orientalia et Classica. Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies. Issue V. Babel and Bibel 1. Ancient Near East, Old Testament and Semitic Studies*. Moscow, 282–333.
- Mil. 2007 — MILITAREV, A., 2007. Toward a Complete Etymology-Based Hundred Word List of Semitic. Items 1–34 (First Third). *Proceedings of the 7th International Semito-Hamitic Congress (Berlin, Sept.13–15, 2004)*. Aachen, p. 71–102.
- Mil. 2008 — MILITAREV, A., 2008. Toward a Complete Etymology-based One Hundred Wordlist of Semitic: Items 34–66 (Second Third). *FS H. Jungrauthmayr and A. Dolgopolsky*. Ed. by G. TAKACS, p. 194–222.
- Mil. 2010 — MILITAREV, A., 2010. A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 1–34. *Journal of Language Relationship*, № 2, 2010, p. 43–78.
- Mil. 2011 — MILITAREV, A., 2011. A complete etymology-based hundred wordlist of Semitic updated: Items 35–54. *Journal of Language Relationship*, № 5, 2011, p. 69–95.

- MQK — MOUS, M., M. QORRO and R. KIESSLING, 2002. *Iraqw-English Dictionary*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Nak. — NAKANO, A. 1986. *Comparative Vocabulary of Southern Arabic*. Tokyo.
- ND — DOLGOPOLSKY, A. *Nostratic Dictionary* (manuscript).
- N-Z — Nait-Zerrat, K. *Dictionnaire des racines berbères*. Paris-Louvain. 1998–.
- Pen. — PENRICE, J., 1873. *A Dictionary and Glossary of the Koran*. London.
- PH — PARKER, E. M. and R. J. HAYWARD, 1985. *An Afar-English-French Dictionary (with Grammatical Notes in English)*. London.
- RAf — REINISCH, L., 1886. *Die Ṣafar-Sprache*. Wien.
- Ricks — RICKS, S. D., 1989. *Lexicon of Inscriptional Qatabanian*. Roma.
- SAM 1978 — HEINE, B. The Sam Languages: a history of Rendille, Boni and Somali. *Afroasiatic Linguistics* 6/2 (1978), 23–116.
- Sarg. — САРГИС (архимандрит), 1909. *Русско-сирский лексиконъ*. Урмия. (SARGIS, archimandrite, 1909. Russian-Syriac Lexicon. Urmia.)
- Sat. — SATTERTHWIT, A. C., 1960. Rate of Morphemic Decay in Meccan Arabic. *International Journal of American Linguistics*. 26/3, 254–261.
- SD — BEESTON, A. F. L., M. A. GHUL, W. W. MULLER & J. RYCKMANS, 1982. *Sabaic Dictionary (English-French-Arabic)*. Louvain-la-Neuve.
- SED I — MILITAREV, A. & L. KOGAN, 2000. *Semitic Etymological Dictionary*. vol. I: *Anatomy of Man and Animals*. Münster.
- SED II — MILITAREV, A. & L. KOGAN, 2005. *Semitic Etymological Dictionary*. Vol. II: *Animal Names*. Münster.
- Sok. JP — SOKOLOFF, M., 1990. *A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic*. Jerusalem.
- Sok. Syr. — SOKOLOFF, M., 2009. *A Syriac Lexicon*. Winona Lake, Indiana — Piscataway, New Jersey.
- SSL — SIMEONE-SENELLE, M.C. and LONNET, A., 1985–86. *Lexique des noms des parties du corps dans les langues sudarabiques modernes. Première partie: la tête*. *Matériaux Arabes et Sudarabiques*, 3, 259–304.
- Star. — STAROSTIN, S., 2000. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics, in *Time Depth in Historical Linguistics*, vol. 1, eds. C. RENFREW, A. MCMAHON & L. TRASK. (Papers in the Prehistory of Languages.) Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 223–265.
- St. 2005 — STOLBOVA, O., 2005. *Chadic lexical database. Issue I (L, N, Ny, R)*. Kaluga.
- St. 2007 — STOLBOVA, O., 2007. *Chadic lexical database. Issue II (lateral fricatives)*. Moscow-Kaluga.
- St. 2009 — STOLBOVA, O., 2009. *Chadic lexical database. Issue III (sibilants and sibilant affricates)*. Moscow.
- St. 2011 — STOLBOVA, O., 2011. *Chadic lexical database. Issue I (velars)*. Moscow.
- Sum. Dict. — *The Sumerian Dictionary of the University of Pennsylvania Museum*. Ed. A. W. SJOBERG. Vol. I: A. Pt. III. Philadelphia, 1998.
- Sw. 1952 — SWADESH, M., 1952. Lexicostatistical dating of prehistoric ethnic contacts: With special reference to North American Indians and Eskimos. *Proceedings of the American Philosophical Society* 96, 452–463.
- Sw. 1955 — SWADESH, M., 1955. Toward greater accuracy in lexicostatistical dating. *International Journal of American Linguistics* 21, 121–137.
- Tak. 2001 — TAKACS, G., 2001. Towards Proto-Afro-Asiatic Phonology: Ancient Remnants in South Cushitic, Angas-Sura, and North Bauchi. *Rocznik Orientalistyczny* 54/2, 55–125.
- Tomb. — TOMBACK, R. S., 1978. *A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punic Languages*. Ann Arbor.
- Tser. — ЦЕРЕТЕЛИ, К. Г., 1958. *Хрестоматия современного ассирийского языка со словарем*. Тбилиси. (TSERETELI, K. G., 1958. *A Neo-Assyrian Anthology (with glossary)*. Tbilisi).
- Vyc. — VYICHL, W., 1983. *Dictionnaire étymologique de la langue copte*. Leuven.

Статья является третьей частью этимологического разбора, проделанного автором для стословного списка Сводеша по семитским языкам (первые две части были уже опубликованы в третьем и пятом номерах «Вопросов языкового родства»). Анализу подвергаются очередные двадцать элементов списка, для каждого из которых предлагается прасемитская реконструкция и обсуждаются возможные параллели в других языках афразийской макросемьи.

Ключевые слова: семитские языки, афразийские языки, этимология, глоттохронология, лексикостатистика.

Лексическая база данных по чадским языкам и некоторые проблемы, связанные с заимствованиями

Бесписьменные чадские языки Нигерии и Камеруна образуют самую большую ветвь семито-хамитской (афразийской) макросемьи. На протяжении нескольких тысячелетий носители чадских языков контактируют с народами, говорящими на нило-сахарских и нигеро-конголезских языках. Это нашло отражение, в частности, в многочисленных лексических заимствованиях. Поскольку носители чадских языков никогда не были доминантной силой в этом регионе, они всегда считаются заимствующей стороной, а донором — один из языков с более высоким социальным статусом: канури, багирми, фульфульде. В статье рассматриваются наиболее типичные ошибки, возникающие при таком подходе к контактной лексике. Для получения более достоверных результатов представляется необходимым подтвердить отсутствие этимологии у потенциального заимствования и представить таковую для слова в языке-доноре. Таким образом, исследования по исторической фонетике и создание баз данных должны предшествовать анализу лексических заимствований.

Ключевые слова: чадские языки, Африка, нило-сахарские языки, языки нигер-конго, этимология, заимствования, лексика, фонетика.

Основная цель создания «Лексической базы данных по чадским языкам»¹ — представить как можно больший объем чадской лексики в виде этимологических статей с полной реконструкцией начального согласного и постепенным уточнением реконструкции интервокального (в первое время — основываясь на уже имеющихся работах по этой теме). Такая база данных позволяет уже сейчас полноценно использовать чадскую лексику в работах сравнительного характера, а не ограничиваться фрагментарным материалом, который допускает различную фонетическую интерпретацию. Дело в том, что практически все чадские языки сократили исходную фонетическую систему (за счет эмфатических, ларингальных, латеральных или иных фонем). Кроме того, только проанализировав полную базу данных, можно быть уверенным в регулярности рефлексов². Даже такая мелочь, как унификация фонетической записи, оказалась также весьма полезной и своевременной³.

Еще одно из направлений исследований, для которых важна полнота лексического материала — анализ контактной лексики. Эта проблема более чем актуальна для чадских языков, которые «на протяжении последних 4—6 тысяч лет подвергались влиянию со стороны языков нигер-конго, нило-сахарских и арабского, что привело к высокому уровню взаимного проникновения на разных уровнях» [JgIb I: XII]. По мнению авторов, в

¹ Чадская ветвь семито-хамитской (афразийской) семьи включает в себя около 150 языков Нигерии и Камеруна.

² Пока что чадские этимологии обычно сопровождаются комментарием ‘reflex *x* is possible’ или ‘I observed both *x* and *y*’.

³ Использование разных систем обозначения (например, палатальная аффриката может передаваться как *ty*, *c*, *č*) порождает путаницу в соответствиях и приводит к ложным этимологиям.

результате внешнего воздействия «большинство чадских языков в их современном виде с первого взгляда вряд ли можно отличить от соседних неродственных языков» [указ. соч.: XIII]. Такой пессимистический вывод кажется не вполне обоснованным. Именно с первого взгляда — по ключевым словам — можно определить принадлежность языка к чадской семье. В этот список входят такие корни, как **mVt-* ‘умереть’, **sVm-* ‘имя’, **IVsV-m-* ‘язык’, **t-sVn-* ‘нос’, **tVr-* ‘луна’, **kVrVp-* ‘рыба’, **sV* ‘пить’, *tV* ‘есть (мягкую пищу)’, **šVr-* ‘корень’, **sVn-* ‘знать’, местоимения 1—2-го лица ед. ч. (*nV*, *kV*), числительные **kVn-ḡ-* ‘три’, **fVd-ḡ-* ‘четыре’ и нек. др. Значительная часть этого списка сохранилась в большинстве чадских языков, и почти все они имеют надежную семито-хамитскую этимологию. К сожалению, существенная часть словарного запаса в чадских языках, действительно, вытеснена заимствованиями. Наиболее частотны (особенно в восточной ветви) заимствования из арабского языка. Они, как и заимствования из европейских языков, легко идентифицируются, помечаются в словарях, классифицируются (об арабизмах в хауса см., например, [Baldi 1995]). Начиная с середины прошлого века [Greenberg 1947], исследуются заимствования в единственный хорошо изученный чадский язык — хауса⁴, а также хаусанские заимствования в канури (более подробно см. ниже). Подобные исследования на материале остальных чадских языков ведутся бессистемно и без использования какой бы то ни было методики. При определении направления заимствования чадским языкам заранее отводится роль заимствующей стороны. Приведем несколько примеров, демонстрирующих предвзятое отношение к этой проблеме.

1. В западной и центральной ветвях чадской семьи широко представлены рефлексy семито-хамитского корня **mr?* ‘масло, жир’: з.-чад. 3. нгамо, болева *mor*; 7. кулере *mār* ‘масло’; ц.-чад. 1. тера *mar*, 4. бата *maaré* ‘жир’, гуде *mārá* ‘масло’; 7а. сакун *mir* ‘масло’ и т. д.)⁵. Этот корень засвидетельствован в семитских языках (аккадский *marû* ‘жир’, древне-еврейский *mr?* ‘откармливаться, становиться жирным; sich mästern’, угаритский *mr?* ‘стать жирным’) и в агавской гр. кушитской семьи (оромо, арборе *moora* ‘жир’)⁶. Помимо этого, в языках группы сура (зап.-ч. 2) представлены рефлексy сем.-хам. **mrḥ* ‘смазывать маслом, масло’ (магхавул, мупун *mḥḍḍr*, гомай *mwiir*, монгол *məyì* (< **məyir*, метатеза) ‘масло’). Кроме арабской параллели *mrḥ* [-a-] ‘смазывать маслом’ [BK: 1088], заслуживает внимания и египетское *mrḥ.t* (Др. ц.) ‘жир’ [EG: 111]. Несмотря на очевидную сем.-хам. параллель и даже ссылку на нее, рефлексy **mVHVr* трактуются в [JgIb I: 63 ‘fat’] как несомненное заимствование из языков бамилеке (семья Нигер-Конго), а рефлексy **mr* — как возможное заимствование. [указ соч.: 130 *mààr*, *mbūr* ‘масло’]. Идее о заимствовании противоречат не только семитская параллель, но и более чем странные рефлексy внутри такой небольшой группы языков, как бамилеке. Дело в том, что прабамилеке **gbat* ‘жир’ практически во всех языках отражается как *m-vat*, *mḡ-gwút*, *mè-vét* и т.п. [Williamson 1973: 150—3]. Исключением являются рефлексy в языках мама (*muru*) и вуркум (*muruḡ*). В отсутствии всякого объяснения такого фонетического развития внутри бамилеке (особенно, перехода **gb-* > *m-*), вывод об обратном направлении заимствования: из семито-хамитских языков в бамилеке напрашивается сам собой.

⁴ Распространен в Северной Нигерии и прилегающих районах Нигера, а также в Камеруне, Дагомее, Гане и некоторых др. странах. Широко используется в Западной Африке как средство межэтнического общения, с XVI в. распространен в Западном и Центральном Судане как *lingua franca*. Общее число говорящих около 25—30 млн. чел, письменность с XVIII в.

⁵ Краткие сведения о классификации чадских языков см. в конце статьи.

⁶ См. [Kogán 2003].

2. В [JgIb I:1] отмечено, что канури *kafa* ‘стрела’ заимствовано в ц.-чад языки, а именно: ц.-чад. **xVf*- ‘стрела’: 1. хона *hafu-ra*, гаанда *həf-ta*, габин *xaf-ta*, бока *xaf-tə*, тера *ɣafa*; 2. марги *ɣàfú*, *ɣàfó*, чибак *xafə*, килба *hafə*; 3. хиги нкафа, капсики, хиги база *xàvɔ*, фали гили *xàvwi*, фали кирия *hàvə*, банаа *xàvə*; 4. гуде *ɔ̀ava*, гуду *áavù*; 5. дгхведе, гава *xavà*; 5а. хди *havə*; 7. чувок *hàv*. Между тем, соответствие согласных в анлауте достаточно странно для заимствования; оно опровергается другими примерами (в которых *k* заимствуется как *k*), а чадский корень имеет параллель в геэзе: *hepa* ‘стрела’ [LsG: 221].

3. О. Росслер предположил, что чадское слово ‘рыба’ — это заимствование, а источником его является *ke-lor* ‘рыба’ в языке темне (семья Нигер-Конго). Эта идея была поддержана и Г. Мукаровским⁷. Рефлексы чадского корня **kVrVp*- ‘рыба’ представлены во всех группах центральночадских языков, в большей части западных и (с ассимиляцией первого согласного) в одном восточном. Интервокальный *-r-* сохраняется в западных языках, в языках хиги и маса, но отражается как *-l-* в остальных центральночадских (т. е. дает регулярные рефлексы). Например, зап. 1. хауса *kiífii* (< **kiyfi* < **kirfi*)⁸; 3. болева *kerwo*, нгамо *kèrúfá*, 5. богхом *kiip*, *kirip*, 7. кулере *kirif*; ц.-чад. 2. бура *kilfa*; 3. фали кирия *kàrəpə*, бана *k(ə)lípə*, мн. ч. *kàrpì*; 5. малгва *kálfe*, главда *kílfa*, 5а. хди *kerfe*, ламанг *kilpi*, 7. мбуко *káléf*, ульдем *kālīf*; 10. зиме *kirfe?*, маса *kùluf*, (ц. ветвь) [StD IV, № 282]. С другой стороны, как следует из реконструкции К. И. Позднякова для атлантических языков [Поздняков 1993: 140—1], параллель к темне *ke-lor* ‘рыба’ есть только в языке бага-коба (та же подгруппа) — *ku-rup* ‘рыба’. Самое интересное, что это слово входит в класс деревьев, что странно для исконной лексемы, но типично для заимствования (класс деревьев имеет показатель *kV/ke*). Заметим, что источником соответствия: темне *-l-* ~ бага-коба *-r-* может быть любой из вибрантов.

Очевидно, что слово сомнительного происхождения, засвидетельствованное лишь в двух близкородственных атлантических языках (но не реконструируемое на более высоком уровне), никак не могло быть источником заимствования на уровне ветвей или даже отдельных групп чадских языков. Тем не менее, гипотеза О. Росслера была не просто поддержана чадологами, но для большей убедительности и сама чадская реконструкция была переделана из **kɾp* в **klp* [JgIb I: 67], в нарушение фонетических соответствий, установленных в той же монографии (ср. [указ. соч., I: XXVII—XXIX]).

Основные ошибки авторов очевидны: игнорируются внешние параллели чадского корня, не устанавливается этимология слова-донора. Последнее излишне только для арабизмов, но не вполне корректно даже при заимствовании из канури, фула, багирми в группы или отдельные чадские языки (хотя следует признать, что социальный статус этих языков выше, чем любого чадского, за исключением хауса). И уж совсем странно, что этимология заимствованного слова не устанавливается, даже если в роли донора выступает язык того же социального уровня. Тем более некорректным кажется тезис о том, что «прачадскими являются только корни, сохранившиеся во всех трех ветвях» [указ. соч. I: XVII]. Этот тезис (опровергаемый имеющимися семито-хамитскими этимологиями⁹) позволяет рассматривать как заимствования значительную часть чадских корней. Так же произвольно трактуется и фонетика заимствований. В приведенных выше примерах *kafa* заимствуется как *xafa*, *ɔ̀ava*; *kelop* — как *kerwi*, *kàrəpə* и т. п. Между тем, свидетельством за-

⁷ [JgIb I:67].

⁸ Из хауса это слово заимствовано в северные диалекты сонгай (тасавак *kiifi* и др. [Rueck 2001: 16]).

⁹ В том числе и содержащимися в [JgIb], см., например зап.-вост. чад. **sVn* ‘брат’ и др.-егип. параллель *sn* ‘брат’ на стр. 21.

имствования всегда считалось фонетическое и семантическое тождество лексемы со словом-донором. Последнее положение подтверждается, например, в следующем случае:

4. Ц.-чад. 3. бана *gàw*, мн. ч. *gàwêr* ‘охотник’, 6. даба *gàw* ‘охотник’; 7. гисига *gaw* ‘охотник’, ульдем *gáw* ‘охотник’ (заимствование из фула)¹⁰, мофу *gáw* (очень распространенное заимствование) ‘охотник’; 9. мбара *gáw* ‘охотник’; 10. маса *gàw* ‘индивидуальная охота’; в.-чад. 3. тумак *gáw* ‘охотник’. Это слово есть и в канури (*gau* ‘охотник’), и в фула (*gaw* ‘охотиться’). И, как и в чадских языках, это тоже заимствование. Источником заимствования является зарма (диал. сонгай) *gaw* ‘охотник’, *gaway* ‘охота’¹¹. По свидетельству Г. Турно, «слово *gaw* повсеместно представлено в ц.-чад. языках, без каких бы то ни было фонетических изменений. *Gaw* — это самоназвание особого племени или клана (*Gao* или *Gow*). В колониальной литературе есть публикации на тему «Les Gow ou chasseurs du Niger». В словаре сонгай есть еще и *gow* ‘колдун (из касты охотников)’¹². В этом значении слово попало в гр. котоко: логоне *gaw* ‘колдун’, *gaw-sin* ‘магия’; макари *gaw* ‘колдун, лекарь».

Можно предположить, что фонетический облик заимствованного слова не изменился, поскольку структура *CaC*, с одной стороны, устойчива в чадских языках, с другой — нетипична для них. Двусложное имя в чадских языках обычно имеет вид *CVCV*, и как раз второй гласный и провоцирует изменение фонетического облика, вызывая регрессивную ассимиляцию первого гласного и/или палатализацию /лабиализацию согласного. Гласный *-a-* первого слога нейтрален, поэтому структура и не изменилась.

5. К этому же типу заимствований относится следующий случай: з.-чад. 3. карекаре *gàbàga* ‘белая хлопчатобумажная ткань’, 6. нгизим *gàbàgá*, мн. ч. *gàbàgàgín* ‘узкая полоса ткани, из которой делают одежду’, баде *gabaga* ‘узкая полоса белой хлопчатобумажной ткани’: ц.-чад. 2. бура *gabaka* ‘тонкая ткань’; 7. муянг *gàbàgà* ‘повязка, закрывающая глаза трупа’, мофу *gàbàga* ‘узкая полоса белой ткани’; 9. музгу *gábaga* ‘полосы хлопчатобумажной ткани’, мунжук *gabaga* ‘полоса хлопчатобумажной ткани’. Структура *gabaga* абсолютно нехарактерна для чадских языков: при трех смычных согласных имя должно быть производным: **ga-baga* или **gaba-ga*. Однако ни подходящей первичной основы, ни аффикса *ga* в чадских языках нет. С другой стороны, заимствованное слово содержит три нейтральных гласных *-a-*, поэтому оно достаточно устойчиво и сохраняет исходную форму.

6. Противоположный пример — это арабское *faras-* ‘лошадь’¹³, заимствованное в большинство чадских языков: ц.-чад. 5. зул *pirsi*, польчи *pársá*, двот *parsi* и т. д., ц.-чад. 1. тера *pársí*, габин *pirse* и т. д.), 5. вандала *pálsá*, дхведе *plíši*, главда *páliša*, 5а. ламанг *pálsí*, 7. мофу *pálès*, гисига *pələš*, зулго *piris*, мбуко *pəles* и т. д.; 9а. гидар *pársá*; 9. музгу *plis*, в.-чад. 7. муби *firsó*, масмадже *farso*, джегу *pèsó* и т. д. Фонетическая структура заимствования является наиболее частотной для чадских языков: в непроемных корнях вида *CVVCV*- в позиции *C₂* преобладают плавные. Очевидно, именно по причине ‘адаптированности’ и произошел переход **-r- > -l-* (ровно в тех группах, где он отмечен для исконной лексики, ср. рефлекс **kVrVp-* ‘рыба’). Гласный *-i-* второго слога в чадских языках указывает на

¹⁰ Пометы о заимствовании даются в словарях.

¹¹ [Zarma 2001: 8].

¹² Сообщение по электронной почте от 7.11.2011.

¹³ «И имя, и объект появились в Судане с приходом арабов, примерно в 1000 А.Д.» [JgIb I: 95].

возможность заимствования из какого-то местного диалекта арабского языка или на контаминацию с *fāris*- ‘всадник’.

Таким образом, можно предположить, что сохраняют свой исходный фонетический облик неадаптированные заимствования с устойчивой фонетической структурой. А вот фонетические изменения исконных и адаптированных заимствованных слов происходят по одним и тем же фонетическим законам.

Все приведенные выше примеры касаются ‘массовых’ заимствований (мнимых или подлинных). Их легче всего обнаружить как раз при составлении базы данных. Однако в современной практике выявления заимствований за отправную точку берется язык-донор и анализируется его влияние на конкретный чадский язык или пару родственных языков. Такое исследование изолированной лексики достаточно часто приводит к ошибочным выводам.

Кроме арабского, в роли ‘донора’ обычно рассматривается язык канури (сахарская гр. нило-сахарской семьи). По мнению Р. Шу, народ канури не менее 1000 лет был доминантной политической силой на территории современных штатов Борно и Йобе (Нигерия) и восточной части Нигера, что привело к многочисленным заимствованиям из канури в чадские языки этого ареала [Schuh 2003: 1]. Такой высокий статус канури позволяет трактовать как заимствования любые слова в чадских языках, имеющие сходство с лексикой канури, не обращаясь к нило-сахарской или чадской этимологии. В указанной работе детально исследуются заимствования из канури в западночадские языки баде и нгизим (гр. б, в нее входит еще язык дувай). Для объяснения заимствований типа канури *sawa* ‘друг’ > нгизим *sabi* и под. Р. Шу применил метод внутренней реконструкции. Он показал, что в лексике канури, опубликованной в 1854 г. [Kölle 1854], губные и велярные смычные еще сохранялись, а именно [указ. соч.: 10]:

канури, 1854 г.	современный канури
<i>soobaa</i> ‘друг’	<i>sawa</i>
<i>dabuu</i> ‘пуп’	<i>dawu</i>
<i>kuɟui</i> ‘цыпленок, курица’	<i>kuwui</i>

Таким образом, лексика, заимствованная в чадские языки раньше середины XIX в., должна показывать в языке-доноре интервокальные велярные и лабиальные фонемы, утраченные в современном канури. По мнению Р. Шу, период наиболее интенсивных заимствований приходится на XVI—XVII вв. К сожалению, в дальнейшем тот же метод был применен автором недостаточно корректно: в отсутствии (или вопреки) данным С. Кёлле. А именно: любое слово языка канури вида *CVwV* может быть источником заимствования для чадских лексем вида *C₁VC₂V* (при $C_2 = b, p, f, k, g$)¹⁴. Наличие слова в списке С. Кёлле необязательно, фонетическое тождество слова из списка с заимствованием — тоже необязательно. Точное совпадение семантики необязательно. Приведем некоторые примеры.

7. Канури *dàwi* ‘мотыга с длинной ручкой’ является, по, мнению Р. Шу [указ. соч., 14], источником следующих заимствований: баде *dabi*, мн. ч. *dabəbai* ‘мотыга с короткой ручкой и перпендикулярным лезвием’, дувай *dabi*, мн. ч. *dabəkçit* ‘мотыга с перпендикулярным (к рукоятке) лезвием’, нгизим *dabi*, мн. ч. *dababin* ‘мотыга с короткой ручкой и пер-

¹⁴ Отметим, что уже этому утверждению противоречат канури *kafa* ‘стрела’ (пример 2) и *fufu* ‘легкие’ (12).

пендикулярным лезвием, используется для рубки стеблей проса; мотыга с длинным лезвием, используется для разрушения глиняных построек'. В словаре С. Кёлле для концепта 'мотыга' находим только канури *báanoo* и *káale* [Kölle: 84]. В подобных случаях доказательством заимствования может служить сахарская этимология, особенно, если близкородственные языки сохранили смычные фонемы. В отсутствие таковой вопрос о заимствовании следует считать открытым.

8. Канури *sawàr* 'торговля' > нгизим *saafàr*, баде *saapàr* 'торговля' [Schuh 2003: 8]. В словаре канури слово помечено как арабизм, а у С. Кёлле записано как *sáabàr*. Следовательно, нужно еще доказать, что *-b-* в заимствованиях может оглушаться. Заметим, что весь собранный чадский материал показывает озвончение смычных в интервокальной позиции.

9. Канури *toowosà* 'ножницы' > нгизим, баде *makas*. Канури, в свою очередь, заимствовано из арабского *miqas-*. Прямое заимствование из арабского в чадские языки (с последующей ассимиляцией гласных: *miqas-* > *mikas*¹⁵ > *makas*) кажется более вероятным. Тем не менее, Р. Шу сопровождает эти примеры следующим комментарием: «мы можем признать, что в нгизим и баде отражено архаичное произношение заимствованных из канури слов» [указ соч.: 8].

10. Канури *gawaa* 'ткань из хлопка' > нгизим *gàbàgá*, мн. ч. *gàbàgàgín*, баде *gabaga* 'узкая полоса белой хлопчатобумажной ткани' [указ соч.: 8]. Выше приведен полный материал (см. пример 5), позволяющий предположить, что семантикой слова-донора должна быть 'узкая полоса хлопчатобумажной ткани'. Кроме того, лениция *-g-* в канури отмечена лишь для *kigui* > *kiwui*. При ином окружении веллярные сохраняются, см., например, *ngagà* 'ворона', *kaga* 'предок', *yakkà* 'три' т.д. Таким образом, у нас нет никаких доказательств того, что канури *gawaa* 'ткань из хлопка' восходит к **gabaga*.

11. Канури *kárwí* 'кожаное колодезное ведро' > нгизим *kúrpî*, баде *karpî*, мн. ч. *kàrpən* 'колодезное ведро' [указ. соч.: 14]. У того же автора (в более ранней публикации) находим: нгизим *kúrpî* < канури *kárbí* [Schuh 1981: 99]¹⁶. Прямое заимствование *kúrpî* < *kárbí* не выглядит убедительным, тем более, что канури *kárbí* заимствовано из арабского *ķirb-at-* 'grande outre à lait ou à eau faite d'une seule peau cousue au milieu', т. е. 'большой бурдюк для молока или воды, сделанный из целой шкуры' [ВК: 704]. Очевидными заимствованиями, возможно, непосредственно из арабского языка, являются: ц-чад. 5 малгва *kàrbí* 'кожаный мешок для воды' и з.-чад. 6 дувай *karḃi* 'колодезное ведро' (компенсаторная глоттализация звонкого: **kṛb* > *krḃ*). Несколько параллелей к арабскому корню находим в [Appleyard 2006: 124], а именно: тигринья, амхарский *ķ^warb-ät*, тигре *ķärbät* 'кожаный бурдюк', агавские: хамир *qārbi*, хамта *qārvòdi*, квара, кемант *k^wärbäy* 'hide, skin, leather, кожа, шкура'. Еще одна кушитская параллель — бедае *kurbe* 'шкура, кожа' [Reinisch 1895: 295]. Та же семантика отмечена в ц.-чад. языках (8. макари *karabi* 'шкура животного', *karabi si nse* 'веко' (при *si* 'глаз'), 7а. сакун *karabi* 'козья/овечья шкура') и в канури (*karáwi* 'шкура, кожа'). Весь пока что собранный материал достаточно проблематичен. Агавская лексика дается без реконструкции, поскольку соответствие начальных согласных нерегулярно [см. указ. соч.: 15]. Это может свидетельствовать о заимствовании из эфио-семитских

¹⁵ Чад. **k* и **ḳ* > *k* в гр. нгизим.

¹⁶ С. Алисон [AIM: 5] ссылается на канури *kárbí* 'sack for drawing water, колодезный мешок' (по С. Кёлле).

языков (которые, в свою очередь, могли заимствовать это слово из арабского). Семитский *k регулярно соответствует k в макари, поэтому нельзя говорить об общем источнике у семитского и чадского корней со значением ‘шкура, кожа’. Заимствование из канури возможно, но у последнего нет никакой этимологии. Существует другое объяснение, а именно: -kr-b ‘шкура, кожа’ в ц.-чад. языках — это одно из производных от двухсложной ячейки k-r ‘кожа’, с неэмфатическим велярным в начальной позиции. Суффикс -b- как маркер живых существ отмечен в чадских языках и может иметь общее происхождение с суффиксом вредных животных (-b-) в семитских языках. Основа представлена следующими рефлексам:

- а) *kVr- ‘кожа’: з.-чад. 4. паа *kurri* ‘кожа, skin’¹⁷, 5. богхом, кир *kwaar*, мангас *kwar*, тала *kuur*, були *kur*, геджи *kúul*, заар *kúr*, гуус *kuur* ‘кожа, skin’, дотт *kúr* ‘кожа, leather’; ц.-чад. 7. мерей *kiri* ‘кожа (человека)’; в.-чад. 3. сомрай *gàré*, ндам *gārè*¹⁸ ‘кожа’ [StD IV № 270]. Отметим еще одну нило-сахарскую ‘параллель’: зарма *kuuru* [Zarma 2001: 23], сев. диалекты сонгай *ku:ru* [Rueck: 14] ‘кожа, skin’.
- б) Изделия из кожи: з.-чад. 3. дера *kárá-kárá* ‘одежда из кожи животного’, тангале *kardè* ‘фартук из мягкой кожи, чтобы носить на спине ребенка’; ц.-чад. ‘выделанная кожа’: 5. подоко *kírà-méte*, 7. ульдем *kùr-mètè*.
- в) Производный глагол ‘снимать кожу’: з.-чад. 5. гуус *kursə* ‘снимать кожу, кожуру’, ц.-чад. 5а. хди *kurtay* ‘снимать кожу’; 7. мофу -*kúrt*- ‘снимать кожу, одежду’.
- г) ‘Кожаный щит’: ц.-чад. 4. гуде *kàràtá* ‘большой кожаный щит’; в.-чад. 6. мокилко *kòrkó* ‘щит (кожаный)’.
- д) *kVr-p- ‘бич, хлыст’: з.-чад. 1. хауса *kúrfó* ‘бич’; 6. дувай *kúrpòk* ‘бич, хлыст’; ц.-чад. 2. бура *kurpu* ‘бич’, 4. гуде *kúrápà* ‘бич из невыделанной кожи’; 5. главда *kúrpà* ‘палка, бич’, 7. ульдем *kúrpì* ‘бич без рукоятки, хлыст’, 9. мунжук *kurup* ‘бич из шкуры животного’. Похожая лексика есть в нило-сахарских языках: канури *kárwó* ‘бич’ и багирми *kaurfo* ‘бич’ [SkH: 154].

Никаких семито-хамитских параллелей к *kVr- пока не обнаружено. Однако и канури не может рассматриваться как язык-донор — в нем есть только потенциальные заимствования из арабского и чадских языков. Серьезная проблема может возникнуть только при наличии у сонгай ‘кожа’ (11а) нило-сахарской этимологии с подходящей фонетической структурой.

Еще одним примером того, что пренебрежение полными чадскими данными приводит к ошибочным выводам, является список заимствований из канури в ц.-чад. язык макари (8 гр.) [AIM]. Приведем несколько наиболее явных примеров.

12. Канури *kaga* > макари *kaka* ‘предок’¹⁹ [указ. соч.: 4]. При наличии чадской этимологии и кушитских параллелей (см. ниже) заимствование из чадского языка в канури должно быть как-то обосновано, тем более, что канури *kaga* в других публикациях считается заимствованием из хауса.

Чад. *ka(ka) ‘дед, предок’: з.-чад. 1. хауса *kàaka* ‘родители, предки’; 3. карекаре *kàaka* ‘дед, предок’, дера *káa* ‘дед’, тангалее *kaagá* ‘прадед, дед, бабушка’, перо *gáagà* ‘бабушка’; 4. мия *kàaká* ‘дед’; 6. баде *kàkau* ‘бабушка’, *kàkà* ‘дед’ (< канури *kàgá*), *kàaka* ‘Бог’, дувай *kàakà* ‘дед’, 7. дафо *káu*, фьер *kaá* ‘бабушка’, кулере *kak-* ‘дед, бабушка’; ц.-чад. 2. бура *kaka* ‘предок, внук’, 4. бана *kxà* (< *kaka*) ‘бабушка’; гуде *kàkà-nà* ‘бабушка’; 8. макари *kaka* ‘предок’, *kakari* ‘пра-прадед’;

¹⁷ k только из чад. *k-, чад. *k > k.

¹⁸ В языках этой группы g- < чад. *k- и *g-, k- < чад. *k.

¹⁹ Для всех чадских языков типично озвончение смычных в интервокальной позиции.

в.-чад. 5. мигама *kàakâ* ‘прапрадед, предок’, 7. торама *go-kok* ‘предок’, *koko* ‘бабка’ [StD IV №28]. Вост.-куш. **zak-* ‘бабка, дед’ [Sasse 1978: 21], ю.-куш. бурунге *koko* ‘дед’.

13. Канури *fufu* ‘легкие’ > макари *kofo* [указ соч.: 5]. Кроме странного фонетического соответствия, идея о заимствовании опровергается чадскими данными: з.-чад. 1. хауса *kùufuu*, *kùuhuu*; 4. паа *kufi*, дири *akufu*, цагу *kiifan* ‘легкие’; 6. баде *kúva* ‘грудь, легкие’; ц.-чад. **g-guf-* (< **k-gVf-* < **k-kVf-*, где *k-* — префикс частей тела) ‘легкие’: 2. килба *gúgùví*, гр. хиги **guguf-*, гр. бата **gùgùf-* [StD IV №49].

14. Канури *ngagə* ‘ворона’ > макари *haga* ‘ворона’ [указ. соч.: 8]. Еще один пример странного соотношения согласных и игнорирования абсолютно надежной чадской параллели, а именно: **yagak-/gagak-/yak-* ‘ворона, ворон’: з.-чад. 2. гоемай *ngak* ‘ворона’, 5. зар *gǎyη* (< **gakn*), дотт *ηwaak* ‘ворона’; 6. нгизим *hək*, баде *yak* ‘пегий ворон’; ц.-чад. 4. гуде *yàaká*; 6. даба *gáak* (< **gáhák*), 7. зулго *ηgaák*, мбуко *ngàhák*, гисига *tu-yak*, мофу *mán-gàhák*, 8. логоне *nyakii*, макари *hàgá* ‘ворона’, мазера *yàyákè* ‘сорока, corbeau-rie’; в.-чад. 7. муби *gāk* ‘ворон’, 4. мава *gak* ворона. Явно звукоподражательное слово, возможно, связано с арабским *yak* (غفق) ‘кричать’ > *yāk* ‘gros croassement de corbeau (карканье вороны)’ [BK: 487].

Возможно, что с канури *ngagə* как-то связан другой чадский корень с той же семантикой, однако без (нило)-сахарской этимологии выводы будут преждевременны:

15. **gVgV* ‘ворона’: з.-чад. 4. паа *gaaga* ‘пегий ворон’; ц.-чад. 8. будума *ngagé* ‘ворона’; в.-чад. 4. сокоро *gā*, 6. мокилко *gàgú* ‘ворона’; 5. бидия *gaaga* ‘сорока, corbeau-rie’. При всей проблематичности реконструкции любых звукоподражательных корней, 14 и 15 различаются и структурой, и рефлексом велярного согласного, а **gVgV* могло изначально обозначать какую-то похожую птицу. Кроме того, есть и семитская параллель: геэз *gigā*, *g^wəgā* ‘сова, ночной коршун, ворон’, тигре *g^wəgg^wa*, амхарский *g^wägga* ‘сова’ (помечено как «ономатопоэтическое»). Из эфио-семитских языков слово попало в кушитские: оромо *gigaa*, сахо-афар *guugga*, беджа *guug* [LsG: 184].

16. Канури *gàrú* ‘городская стена’ > макари *karu* ‘комната’ [AIM: 6]. Не вдаваясь в обсуждение этого маловероятного (по фонетическим причинам) заимствования, отметим, что следующая лексика также считается заимствованной из канури: з.-чад. 1. хауса *gàaríuu*, мн. ч. *gáarúikà* ‘стена (города, компаунда, дома)’; 3. болева *gàarú* ‘стена вокруг компаунда’, дера *gáarú* ‘городская стена’, тангале *kar*, *gar* ‘городская стена’, 4. паа *gáru* ‘каменная стена’, 6. баде *gaaru* ‘стена’, нгизим *gàarú* ‘любая глиняная стена’, ц.-чад. 1. тера *gàruk* ‘стена (вокруг города)’, 5. малгва *gàrú* ‘стена’. Доказательство заимствования из канури следующее: для исконных слов языка хауса в интервокальной позиции характерен ретрофлексный аллофон *-r-*, а вибрант (как в данном случае) характерен как раз для заимствований [AL: 46]²⁰. Против заимствования есть несколько аргументов: долгий гласный и производное *gárgárí* ‘низкая стена’ (с ретрофлексным *-r-*) в хауса, разнообразие семантики и разные тональные контуры слова в других чадских языках²¹ и внешние параллели, а именно: аккадское *igāru*, арамейский (ег. диал.) *igr* ‘стена’, берберское нефуса *a-grur* ‘ограда, стена’, ахаггар *a-gror* ‘ограда’, кушитский оромо *goorroo* ‘стена’, иракв *gâr'ai* ‘стена веранды’ [StD IV №685].

²⁰ Заметим, что рефлексы во всех остальных языках считаются заимствованиями из канури (без всяких объяснений).

²¹ Пожалуй, только малгва *garú* ‘стена’ представляет собой прямое заимствование из канури.

Кроме того, разумеется, при определении направления заимствования не был проанализирован представленный ниже чадский материал и его семито-хамитские параллели:

- a) *gVr- ‘ограда’: з.-чад. 3. болева *gargar*, нгамо *gàrgàr* ‘колючая изгородь’, 6. дувай, баде *gàrgàri id.*, 5. гурунтум, джими *gàrni* ‘ограда’, ц.-чад. 2. бура *gar* ‘обнести оградой’, 7. муянг *gārgārá* ‘ограда, загон’, 9. мбара *gírù* ‘загон’. Родственный корень представлен в куш. языках, гр. варази: *geer- ‘ограда’.
- b) *gVr- ‘дом, амбар’: з.-чад. 3. болева *gàare* ‘амбар’, ц.-чад. 7. ульдем *gèrgér* ‘амбар’, 9. мбара *gírìni* ‘хижина’, в.-чад. 5. бидия *gèrèr* ‘дом’, *gìrì* ‘компаунд’, дангла *gèr* ‘компаунд’, мигама *gér* ‘дом’, 7. муби *gìr* ‘дом’. Имеется параллель в куш. языках: дараса *goore*, бурджи *goore* ‘хижина, навес’.
- c) *gVr- ‘деревня, город’: з.-чад. 1 хауса *gàrìi* ‘город’; 3. болева *gòru id.*, нгамо *gàrgù/ù*, кирфи *gìrì*, 6. дувай *gər gər* ‘деревня’, ц.-чад. 4. гуде *ngúurà* ‘большой город’, в.-чад. 7. джегу *gére* ‘дом, деревня’, зиренкель *giri*, муби *gir*, 5. дангла *ger* ‘деревня’.

При наличии такого мощного корня в чадских языках и явной афразийской параллели нужны очень веские аргументы, чтобы доказать заимствование из канури в хауса. Между тем, автор не считает нужным представить для канури хотя бы сахарскую этимологию.

17. Досадные ошибки возникают и из-за игнорирования «внутренней реконструкции» у слова-донора. Например, к числу заимствований из канури отнесено числительное ‘три’ в языке макари (*okuro, ankro*). Источником заимствования, по мнению автора, является канури *yakkə* ‘три’, *yakkerò* ‘трижды’ [AIM: 6]. Между тем, из фонетической реконструкции группы котоко, сделанной А. Турно, следует, что *-r-* в языке макари может восходить как к **-r-*, так и к **-n-*. В нашем случае как раз и реконструируется чадский корень **kVn-d*²² ‘три’, рефлекс которого хорошо представлены в чадских языках: з.-чад. 1. хауса *úkù*; 2. герка, чип, монтол, мвагхавул, мупун *kún*, гоемай *kwan*, 3. болева **kun(u)*, 4. **kVn-d*: мия, кария *kidi*, мбурку *kidi*, цагу *kəda*, паа *kədu*, сири *bu-kudi*, джимбин *kən-di*, 5. зар *kan*, 6. баде, нгизим *kwán*, дувай *kô*; 7. *kún*; ц.-чад. 1. **ma-kVn-*; 2. бура **ma-kVr-*, 3. **max-kVn* (бана *max-kan* и т. д.), 4. **mwa-kVn-* (бачама *mwə-kun* и т. д.), 5. **x-kVr-d*- (главда *x-kur-dà*, чинене *xa-kar-da* и т. д.); 5а. ламанг **xV-kVn-* (ламанг *chi-kinaa* и т. д.); 6. даба *ta-kat* (< **ma-kard-*), 7. **ma-kan-* > *ma-kar* (мбуко *máa-kan*, в остальных языках — *ma-kar*), 7а. сакун *máa-kən*, 8. котоко: макари *go-kuro*, логоне *gax-kir*, будума *kaa-kénne*, 9а. гидар *hóo-kuu*, 10. масса **hin-d-* < **h-kVn-d-* (зиме *hindi, hinzi?i*, и т. д.), в.-чад. 6. мокилко *káđùwé* (< *kan-d-*) ‘в третий раз’ [StD IV №251]. Очевидно, что речь может идти только о заимствовании из чадских языков, причем не только в канури, но и в северные диалекты языка сонгай (тасаваг *hin'ze*, остальные *ka:rd* [Rueck 2001]). В этом случае можно предположить, что числительное заимствовалось в диалекты сонгай из разных чадских языков. Отметим также, что числительное ‘три’ входило и в список общих корней между чадскими языками и манде (биса *karko*, само, боаре *kaako*), составленный Г. Мукаровским для доказательства их генетического родства [Mukarovsky 1995].

18. По фонетическим причинам маловероятно и следующее заимствование: макари *nkɛm* ‘пригоршня, open handful’ < канури *kəm* ‘горсть, пригоршня’ [AIM: 7]. В нило-сахарских языках нет эмфатического велярного²³ (и все старые списки слов это подтверждают). Напротив, в макари (и в родственных языках) эта фонема хорошо сохраняется. В данном случае существует и чадская параллель, а именно: з.-чад. 4. паа *ḱətan*, сири

²² Тот же суффикс реконструируется в числительных **mVn-d-* ‘один’ и **fVd-d-* ‘четыре’.

²³ См. ‘Systèmes alphabétiques d’après Alphabets des langues africains’. Unesco-SIL, 1993.

kan-ta, джимбин *kan*, мия *q̄at*, мбурку *q̄atoo*, цагу *q̄ana* ‘arm, hand, рука’, 6. нгизим *k̄at̄au* ‘ощупывать’, ц.-чад. 10. зиме *k̄um* ‘рукоятка’²⁴ [StD IV №378].

19. Совершенно невозможно и следующее заимствование: макари *h̄am* ‘зевать’ < канури *w̄as̄am* id. [AIM: 5]. Сибилянты и сибилантные аффрикаты хорошо сохраняются в макари (см. таблицу соответствий и многочисленные примеры в [StD III]). Чадские сибиллянты (*s и *z) отражаются как *h* в языке будума, входящем, как и макари, в гр. котоко.

Следует признать, что даже полный чадский материал не всегда помогает решить проблему заимствования, особенно если существует вероятность того, что исконная лексика была утрачена, а затем заимствована из соседних неродственных языков. Такая возможность обосновывается в [JgIb I: 18]. Авторы полагают, что слова для ‘лука’ и ‘стрелы’ в в.-чад. языках (5. мигама *k̄èsè*, бидия *k̄èse* ‘лук’, 1. кван *k̄ésè*, 3. ндам *k̄ésé*, 4. сокоро *k̄ésé* ‘стрела’) заимствованы из языка багирми (*kese* ‘лук’). Багирми основа, в свою очередь, разумеется, является семитизмом: ср. геэз *q̄ast-*, арабский *q̄aws-*, др.-евр. *q̄āšāt*, аккадский *q̄āštu* ‘лук’. По мнению Д. Коэна, заимствование из семитских языков попало и в кушитский язык билин, а именно: *q̄is-t-* ‘лук’ [Cohen 1969: 128]. Полный чадский материал выглядит следующим образом:

20. ц.-чад. 9. музгу *kise* ‘лук’, мбара *k̄ésé* ‘стрела’; 10. маса *k̄ise* ‘стрела’; в.-чад. 1. кван *k̄ésé* ‘стрела’; 3. тумак *keské* ‘лук’, ндам *k̄ésé* ‘стрела’, *ʔadū-k̄ésé* ‘лук’²⁵; 4. уби *keesè* ‘стрела’, сокоро *k̄ésé* ‘стрела’, *s̄aw̄iŋ k̄ésé* ‘лук’; 5. мигама *k̄èsè*, бидия *k̄èse* ‘лук’ [StD IV №330]. Отметим следующее: рефлексy в ндам и тумак указывают на *k̄-, значение ‘стрела’ превалирует (оно первично для ндам и сокоро, единственное для маса, кван и уби). Оба значения совмещены в музгу (мбара является диалектом музгу), причем можно предположить, что ц.-чад. языки музгу и маса сохранили исходный вокализм первого слова, а в в.-чад. языках произошла ассимиляция гласных. Видимо, мигама и бидия, действительно, могли заимствовать слово для ‘лука’ из багирми, тем более, что ничего похожего нет ни в одном диалектов дангла²⁶, что было бы странно для исконного слова. Рефлексy в остальных языках, напротив, скорее восходят к прачадскому состоянию.

21. Схожую проблему — может ли язык утратить семито-хамитское слово, а затем заимствовать его же заново — приходится решать и в случае с чадской параллелью к общесемитскому *ʔVIVm- ‘быть темным, черным’ (арабский, сабейский *ʔlm* ‘быть темным’, геэз *ʔalma* ‘потемнеть, быть темным, черным’, тигре *ʔalma*, тигринья *ʔällämä* ‘быть темным’, и т. д. [LsG:556]). В чадском это: з.-чад. 3. карекаре *č̄al̄um* ‘тень’; ц.-чад. 2. бура *čilim* (*ci* < *či-/č̄i-, чад. *či- > бура *či-*)²⁷ ‘черная земля, используемая как краска’; 8. будума *čilim* ‘черный, темный’, гульфей *selem* ‘черный’, афаде *č̄al̄am* (*c* < *c-/*č̄-), макари *s̄ilim* (*s* < *c, *s) ‘черный’; в.-чад. 4. мава *čilim* ‘черный’, уби *čil̄m̄iŋ* (č̄- < *č̄-, *č̄-) ‘черный, темный’; 5. мабире *čilim* ‘черный’ [StD III, №974]. Рефлексy в макари и (как ни странно) в будума считаются заимствованиями из канури *selem* ‘черный’. Разумеется, пока не предъявлена нило-сахарская этимология, канури *selem* можно рассматривать только как заимствование из семито-хамитских языков; возможно — из местного диалекта арабского языка, в котором звонкая аффриката произносится как z- (т. е. *z̄VIVm* > *z̄VIVm > *selem*). В этом слу-

²⁴ *k* < *k, *k̄.

²⁵ В ндам и тумак *k-* < *k̄-, а *g-* < *k, *g.

²⁶ Мигама, бидия и дангла образуют подгруппу внутри в.-чад. ветви.

²⁷ См. [StD III: 9].

чае гульфей и макари формы могут быть заимствованы из канури (в исконном слове ожидался бы макари ζ -). Заметим, однако, что рефлексy в будума и афаде (языки той же группы) никак не могут быть заимствованы из канури.

Заимствованная лексика в чадских языках исследуется фрагментарно и поверхностно. До недавнего времени систематическое исследование не было проведено даже для языка хауса. Задача исправить это положение поставлена авторами проекта 'Заимствования в языке хауса' [AL], осуществляемого в рамках большой программы 'Loanword Typology' [Haspelmath 2008]. К сожалению, несмотря на амбициозные планы руководителей и авторов проекта, основные недостатки всех прежних исследований присущи и ему. Заимствования в хауса из канури, тубу, йоруба и берберских языков анализируются практически вне чадского материала (лишь изредка приводятся кое-какие параллели²⁸), этимология слова-донора вообще не рассматривается. Кроме того, фонетические соотношения между парами лексем трактуются очень вольно.

22. Например, хауса *itāčē* 'дерево' считается почему-то заимствованием из тубу (нило-сахарская семья) *idi* 'дерево' (статус заимствования: 3. 'perhaps borrowed'). Никаких объяснений фонетическим и структурным несоответствиям не дано. Не приводится и явно родственная лексика из в.-чад. языков: 5. дангла *ètò*, мигама *ʔéttú*, бидия, *ʔíto*, 7. джегу *ʔeto* 'дерево'.

23. Тот же статус имеет и хауса *baúrée* 'фиговое дерево' < тубу *barke* 'фиговое дерево'. Отметим *b*- < *b*- (что хорошо бы прокомментировать). Кроме того, должна была произойти метатеза (*-rk-* > *-kr-*) и лениция велярного (*-kr-* > *-wr-* > *-ur-*). Ввиду того, что кластер *-rk-* в хауса по частотности едва ли не на первом месте, нет никаких оснований предполагать метатезу в заимствованном слове.

24. Из странных берберских заимствований в хауса отметим: туарегский *azar* 'жила, веревка из жил' > хауса *zàrée* 'нить, thread'²⁹. В комментариях даны взаимоисключающие параллели: **sur-* 'веревка' (сем.-хам., никакого отношения сюда не имеет) и **z-wr-* 'веревка' (гр. болева, з.-чад.). К сожалению, релевантная лексика приведена не полностью. Параллель к хауса есть не только в группе болева (карекаре *zòrí*, гера *zùra* и др. 'веревка'), но и в других языках: з.-чад. 7. кулере *zàr* 'веревка', ц.-чад. 7. мада *nzàráwá* 'сеть'; 8. макари *zari* 'сеть', 10. зиме *zàrà* 'силки', в.-чад. 5. дангла *zérđé* 'крепко связывать' [StD III №546]. Этот чадский корень имеет сем.-хам. этимологию: египетский *zʕ* [*zr*] 'пути для животного', *zʕr.w* 'пути для лошадей' (сравнение предложено Г. Такачем) и арабский *zwr* 'привязать животное на длинную веревку (чтобы оно паслось)' [BK: 1025]. Хотелось бы заметить, что само по себе заимствование *zàrée* 'нить' из *azar* 'жила, веревка из жил' не кажется очевидным. Безусловно, необходимо подтвердить на других примерах, что *z* регулярно заимствуется как *z*, да и семантический переход 'жила' > 'нить' требует комментария. На самом деле, туарегское слово может быть сопоставлено с более близким (и по фонетике, и по семантике) чадским корнем, а именно **cVr-* 'strap, bow-string', среди производных которого есть хауса *čárkiyáa*, *čírkiyáa* 'тетива' [StD III №783]. Соответствие «туарегский *z* ~ хауса *ç*» регулярно; его источником может быть любая эмфатическая аффриката (**ç*, **č*, **ĉ*).

Разобранные выше примеры позволяют сделать следующие выводы. Вновь возникший интерес к заимствованиям, к сожалению, не стимулировал разработку методики

²⁸ Авторы называют их «historical background».

²⁹ Не отмечено производное *záariya* 'веревка, используемая вместо брючного ремня'.

исследования. Все сомнения в оценке степени вероятности заимствования (из-за отсутствия четких критериев) и ошибки, вызванные недостатком сведений о контактирующих языках, характеризуют как работы прошлых лет, так и современные проекты. Основным же критерием так и остается высокий социальный статус языка-донора. Следует признать, что при исследовании заимствований на материале бесписьменных языков в поле зрения должны находиться максимально полные лексические базы данных и этимологии обоих слов, а также сведения об исторической фонетике. Иначе говоря, работы такого рода должны вестись в рамках проектов, включающих специалистов по сравнительному изучению как одной, так и другой семьи языков. В противном случае оценка вероятности заимствования всегда будет колебаться между ‘возможно’ и ‘маловероятно’.

Сведения о классификации чадских языков:

западная ветвь: 1 язык хауса, 2 сура, 3 болева, 4 варджи, 5 зар, 6 нгизим, 7 рон;

центральная ветвь: 1 тера, 2 бура, 3 хиги, 4 бата, 5 матакам, 5а ламанг; 6 даба, 7 мафа,

7а язык сакун, 8 котоко, 9 музгу, 9а язык гидар, 10 маса;

восточная ветвь: 1 кера, 2 леле, 3 сомрай, 4 сокоро, 5 дангла, 6 язык мокилко, 7 муби.

Сокращения

в. — восточный, гр. — группа, диал. — диалект, др.-евр. — древнееврейский, ег. — египетский, з. — западный, куш. — кушитский, сем.-хам. — семито-хамитский, ц. — центральный, чад. — чадский.

Литература³⁰

Поздняков 1993 — ПОЗДНЯКОВ, К. И. *Сравнительная грамматика атлантических языков*. Восточная литература, М., 1993. [POZDNYAKOV, K. I. *Sravnitel'naya grammatika atlanticheskikh yazykov*. Vostochnaya literatura, M., 1993.]

AL — AWAGANA, Ari & Doris LÖHR. Loanwords in Hausa. In: *Topics in Chadic Linguistics* 5. Rüdiger Köppe Verlag, Köln, 2009, pp. 37—51.

AIM — ALISON, Sean. *Lexical Evidence for the Islamization of the Marari Kotoko by Kanuri*, unpubl.

Appleyard 2006 — APPLEYARD, David L. *A Comparative Dictionary of the Agaw languages*. Rüdiger Köppe Verlag, Köln, 2006.

Baldi 1995 — BALDI, Sergio. On Arabic loans in Hausa and Kanuri. In: Ibriszimow, D. & R. Leger (eds.) *Studia Chadica et Hamito-Semitic*. Rüdiger Köppe Verlag, Köln, 1995, pp. 252—278.

БК — BIBERSTEIN-KAZIMIRSKY, A. de. *Dictionnaire arabe-français*. 2 vol. Naisonneuve et Cie. Paris. 1960.

Cohen 1969 — COHEN, David. *Dictionnaire des racines sémitiques*. Paris, 1969.

Greenberg 1947 — GREENBERG, J. H. Arabic Loan-Words in Hausa. In: *Word* 3, 1947, pp. 85—97.

Haspelmath 2008 — HASPELMATH, Martin. Loanword typology. Steps toward a systematic cross-linguistic study of lexical borrowability. In: STOLZ, T. (ed.). *Aspects of language contact*. Mouton, Berlin 2008, pp. 43—62.

JgIb — JUNGRAITHMAYR, Herrmann and Dymitr IBRISZIMOW. *Chadic Lexical Roots*. 2 vol. Reimer Verlag, Berlin, 1994.

Kogan 2003 — KOGAN, Leonid. Popular Etymology in the Semitic Languages. In: *Studia Semitica*, Moscow, 2003, pp. 120—140.

Kölle 1854 — S. W. KÖLLE. *Polyglotta Africana*. Church Missionary Society. London, 1854.

LsG — LESLAU, Wolf. *Comparative Dictionary of Ge'ez*. Harrassowitz, Wiesbaden. 1986.

Mukarovsky 1995 — MUKAROVSKY, H. Chadic, Mande, Nigrific. In: IBRISZIMOW, D. & R. LEGER (eds.) *Studia Chadica et Hamito-Semitic*. Rüdiger Köppe, Köln, 1995, pp. 65—76.

³⁰ Полную библиографию по чадским языкам см. в [StD IV, стр. 12—19].

- Rueck 2001 — RUECK, Michael and Niels CHRISTIANSEN. *Northern Songay Languages in Mali and Niger*. SIL, 2001.
- Reinisch 1895 — REINISCH, Leo. *Wörterbuch der Bedauye-Sprache*. A. Hölder, Wien, 1895.
- Sasse 1978 — SASSE, Hans J. *The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic*. *Afroasiatic Linguistics*, 7 (1), 1978.
- Schuh 2003 — SCHUH, Russel. *The linguistic influence of Kanuri on Bade and Ngizim*, 2003: www.africanlanguages.org.
- Schuh 1981 — SCHUH, Russel. *Dictionary of Ngizim*. University of California Press, Berkeley & Los Angeles. 1981.
- SkH — SKINNER, Neil. *Hausa Comparative Dictionary*. Rüdiger Köppe Verlag. Köln, 1996.
- StD I—IV — STOLBOVA, Olga, *Chadic Lexical Database. Issues I—IV / Лексическая база данных по чадским языкам*. Полиграфия, Москва—Калуга, 2005—2011.
- Williamson 1973 — WILLIAMSON, K., SHIMIZU, K. (eds.). *Benue-Congo comparative Wordlists*. Ibadan, 1973.
- Zarma 2001 — *Zarma Dictionary*. Prepared by Peace Corps, Niger, 2001: <http://www.bisharat.net/Zarma/>

The Chadic branch of the Hamito-Semitic (Afrasian) macrofamily includes about 150 unwritten languages of Nigeria and Cameroun. Over the course of the past 4,000—6,000 years Chadic languages have been exposed to influence from various Nilo-Saharan and Niger-Congo languages, which resulted in a great degree of linguistic interlacing. The linguistic influence of dominant languages (Kanuri, Bagirmi, Fulfulde, etc.) on Chadic ones is generally recognized as responsible for the typical direction of borrowings: from donor languages into Chadic. The present paper takes into consideration some of the most characteristic mistakes that result from this approach. In order to identify loanwords, it is suggested, on one hand, that a proper etymology of the hypothetical source word be presented; on the other hand, one should also be sure that the hypothetical loanword has no etymology of its own (or 'historical background', as it is called in the «Loanword Typology Project»). In other words, research on historical phonology and lexicon within the framework of both families should precede the identification of borrowings.

Keywords: Chadic languages, Africa, Nilo-Saharan languages, Niger-Congo languages, loanwords, borrowing, etymology, lexicon, phonology.

К методике сравнения этимологических работ (ответ на рецензию М. А. Живлова)

В статье предлагается формальный подход к оценке качества этимологических работ, в основе которого лежит алгоритм последовательного и полного анализа всех уровней сравнения. В качестве иллюстрации прямо противоположного подхода авторы приводят разбор недавней рецензии на монографию [Норманская, Дыбо 2010], написанной, по мнению авторов, в жанре «критики частных без учета целого».

Ключевые слова: праязыковая реконструкция, уральская семья языков.

В рецензии М. А. Живлова [Живлов 2010] на [Норманская, Дыбо 2010], оперативно опубликованной в предыдущем выпуске настоящего журнала, идет речь о книге, в которой приведен огромный объем нового материала: предложены новые этимологии для **235** слов современных уральских языков, проанализирована и уточнена реконструкция **294** праязыковых лексем, рефлексам которых являются около **двух тысяч слов** в современных уральских языках. Работа над книгой велась в соответствии с общими принципами Московской школы компаративистики, изложенными в [Дыбо 1989], [Старостин 2005]. Это прежде всего следование принципам строгости фонетических соответствий, выработанным классической компаративистикой; четкое понимание необходимости «поэтапной реконструкции» и связанное с ним понимание того, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт, а потеря информации в конечной реконструкции в большинстве случаев является результатом незавершенности промежуточных реконструкций и что именно прогресс в завершении промежуточных реконструкций или даже ясное осознание степени их завершенности приводит к резкому повышению информативности и точности конечной реконструкции.

К сожалению, в рецензии об этом не сказано ни слова. В ней приводятся краткие замечания менее, чем к 30 отдельным словам. Интересно, что ни для одного из этих слов не анализируется полная его этимология, приведенная в «Тезаурусе». Практически всегда разбирается лишь одна форма, вырванная из этимологии, а часто лишь одна фраза, касающаяся этого слова, иногда данная в скобках, как примечание, иногда даже фраза, процитированная из [UEW], которая как раз критикуется ниже по тексту «Тезауруса» (примеры см. ниже). Рецензия, таким образом, построена на основе анализа фраз, вырванных из контекста.

Итак, с точки зрения методики написания рецензий статья М. А. Живлова представляет собой особый жанр «критика частных без учета целого». Именно поэтому автор рецензии не описал ни объема материала, проанализированного в «Тезаурусе», ни

как были решены задачи, поставленные авторами рецензируемой монографии: точная семантическая реконструкция названий природного окружения на основе алгоритма семантической реконструкции, уточнение локализации прародин носителей тюркского и уральского праязыков и всех дочерних уральских праязыков, анализ семантических переходов в названиях природного окружения и выявление закономерностей их появления. Рассматривались только отдельные этимологии, что также сделано по методу «критики частных без учета целого». Для большинства слов, упомянутых в рецензии, в «Тезаурусе» приводятся абсолютно новые уральские или финно-угорские этимологии, в которых сравниваются три, четыре и более рефлексов из разных языковых групп. В рецензии ни разу не приводится целиком критикуемая этимология и отсутствуют оценки сопоставлений в ее рамках, речь всегда идет только об одной форме. Из анализа отдельных слов, вырванных из контекста, делается весьма глобальный вывод, касающийся не только рассматриваемой книги, но и всех работ Ю. В. Норманской, которая является автором 6 монографий и более 80 статей:

Все указанные недочеты в подаче, обработке и анализе языкового материала (увы, типичные для публикаций другого соавтора [Ю. В. Норманской]) не позволяют отнести «Тезаурус» к серьёзным работам в области сравнительно-исторического языкознания¹.

Конечно, нельзя отрицать важность точности каждого сопоставления в отдельности. Но оказывается, что критика в рецензии отдельных слов сама содержит ряд ошибок и неточностей, большинство критических замечаний не могут быть приняты. Ниже ответы на замечания М. А. Живлова разделены на следующие группы.

- 1) Сами замечания содержат фактические ошибки.
- 2) В рецензии М. А. Живлова критикуется ряд идей из предшествующей литературы, которые просто разбирались в «Тезаурусе», также с указанием на их недостатки; но из-за того, что цитата была вырвана из контекста, у читателей рецензии должно было сложиться впечатление, что идеи были выдвинуты авторами «Тезауруса».
- 3) Фраза «Тезауруса» была вырвана из контекста и поэтому неправильно проинтерпретирована.
- 4) Высказывание авторов «Тезауруса» было неправильно понято автором рецензии.
- 5) Автор рецензии обратил внимание на действительную неточность, которая, впрочем, не влияет на общую правильность выводов или этимологического сближения.

1. Сами замечания содержат фактические ошибки

1. Автор «Тезауруса» предлагает такую этимологию (стр. 181–182), и даже называет её достаточно надёжной (стр. 239). Более того, для автора эта этимология оказывается определяющей при локализации финно-угорской прародины (стр. 248). Речь идёт о сравнении финского *kojama* ~ *kojato* ‘большая мужская особь лосося’, северносаамского *goadjin* ‘id.’ и северномансийского *kōm* ‘lazas, сёмга / Lachs’ [Munkacsı & Kalman 1986: 218]. Оставляя в стороне вопрос о соотношении финского и саамского слов (скорее всего, финское слово заимствовано из саамского, см. [Aikio 2009: 253]), обратимся к северномансийскому *kōm*. В словаре [Munkacsı & Kalman 1986], известном неточностью фонетической записи, за обозначением *ō* может скрываться как северномансийская фонема /*õ*/ (впоследствии перешедшая в /*o*/), так и /*ü*/. Северномансийское /*õ*/ восходит к прамансийскому **ā*, а северномансийское /*ü*/ — к прамансийскому **ū*. В обоих случаях прамансийское **k* перед задними гласными должно было переи-

¹ Здесь и далее цитаты из рецензии [Живлов 2010] оформлены врезками.

ти в северномансийское χ . Следовательно, северномансийское слово, начинающееся на $k\bar{u}$ - или $k\bar{o}$, скорее всего, является относительно недавним заимствованием. По всей видимости, рассматриваемое слово можно отождествить с современным северномансийским $k\bar{u}m$ 'хариус' [Афанасьева 2008: 20], [Афанасьева, Игушев 2008: 24], заимствованным из коми kom 'хариус'.

Критика этимологии, предложенной в «Тезаурусе»: ФУ **koj(a)ma* 'благородный лосось, семга': фин. *kojata* 'большая мужская особь лосося, большая рыба'; саам. N *goadjin*, I *kuáijim* 'большая мужская особь лосося' [SSA I: 386; Aikio 2009: 252]; манс. N *kōm* 'семга' [МК: 218], — которая строится на анализе фонетических соответствий финско-саамских форм с обско-угорской, несостоятельна.

Рассмотрим, является ли наличие k перед задним гласным в северномансийском диалекте N в записях Б. Мункачи признаком недавнего заимствования? Оказывается, нет. Вот примеры слов, которые по [Honti 1982; UEW] имеют обско-угорское происхождение, но в записях Б. Мункачи ko -² в северномансийском диалекте: манс. N *koji* 'folgen' [МК: 217; Honti 1982: 745; UEW: 155]; N *koj, koji* 'Sprössling, Kind' [МК: 217; Honti 1982: 743; UEW: 133] и многие другие. Может быть, в этих случаях всегда для прамансийского языка Л. Хонти [Honti 1982] и вслед за ним М. А. Живлов [Живлов 2006] предлагают реконструировать гласный переднего ряда для прамансийского языка? Это не так. Прамансийская реконструкция, например, слова манс. N *koji* 'folgen' неизвестна, поскольку соответствия гласных в рефлексах этой лексемы абсолютно нерегулярны. В других случаях часто, действительно, восстанавливается ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] Возникает вопрос, всегда ли ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] переходит в северномансийское o ? Оказывается, нет, наиболее частотными рефлексами ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] являются северномансийские a или u : ПМанс. **sǐŋk* (**süŋk* (~ -ä))³ 'Hügel' > So *saŋok*, ПМанс. **tǐkäs* (**tüks* (~ -a)) 'Herbst' > So *takos*, ПМанс. **lǐk-* (**lük-*) 'plötzlich eintreten; springen' > So *lak-*, ПМанс. **kǐrəŋ-* (**kürəŋ-*) 'brummen' > So *kury-*, ПМанс. **pǐkii* 'Wanst, Magen' > So *piki*. Количество таких примеров легко увеличить. Ни Л. Хонти, ни М. А. Живлов не указывают, в каких случаях ПМанс. **ǐ* [Honti 1982] / **ü* [Живлов 2006] переходит в северномансийское o .

При этом анализ этимологий [UEW] показывает, что часто ПУ/ФУ гласный заднего ряда переходит в передний гласный как в прамансийском (в реконструкции [Honti 1982; Живлов 2006]), так и в отдельных мансийских диалектах. Вот несколько примеров:

ПУ **juwV* 'Kiefer, Föhre; Pinus silvestris' > ПМанс. **jīw* > Tj *jīw*, KU So *jīw*, P *jīw* [UEW: 107; Honti 1982: 175];

ФУ **junča* ~ **juča* 'Einschnitt; (bezeichneter) Weg, Pfad' > манс. KU *jšš* 'Kerbe, Rinne, Furche' [UEW: 104];

ФУ **mučV* 'Ende' > манс. Tj *miš* [UEW: 283];

ФУ **nojta* 'Zauberer, Schamane; zaubern' > манс. Tj *näjt*, KU *nǐjy*, P *näjtikum, näjt* 'Vorhersagung, Weissagung', P *nǐjt-*, KU *nǐjtakal-*, *nǐjtəxal-* 'zaubern', [UEW: 307];

ПУ **nOlV* (**nula*) 'etwas Schlüpfriges; Baumsaft, Schleim, Splint; schlüpfrig sein, sich ablösen, ablösen, schinden' (> фин. *nula* 'Schleim des Fisches') > манс. KU So *níl-*, P *níl-*, *níl-* 'schälen, ausnehmen (Fische)' [UEW: 329];

² Для прамансийского языка долгота явно не имела фонологического характера, поскольку очень часто встречаются 1) колебания по долготе в рамках одного диалекта, 2) долгота в разных диалектах друг другу не соответствует. В рамках настоящей статьи нет возможности детально разбирать этот вопрос, который не является принципиальным для настоящей дискуссии. Но в дальнейших публикациях мы планируем дать подробное доказательство отсутствия фонологически значимой долготы в прамансийском языке.

³ Здесь и далее без скобок приводится ПМанс. форма по [Honti 1982], а в скобках по [Живлов 2006].

ФУ *ońca-rV ‘Hauer, Hauzahn’ > манс. Тҗ *ǰńcǰr*, КУ Р *ǰńsǰr* ‘Hauzahn’ [UEW: 340];

ПУ *ńońɖa- (ńoɖda-) ‘(Spuren) verfolgen’ > манс. Р *ńiwl-* [UEW: 323].

Поэтому, если оставаться в рамках прамансийской реконструкции [Honti 1982; Живлов 2006] (с поправкой на явную несущественность долготы в одной диалектной форме), можно предположить, что для прамансийского названия ‘лосось’ следует реконструировать Пманс. **kūm*, которая могла быть рефлексом ФУ **koj(a)ta* ‘благородный лосось, семга’. Но, как было показано выше, сама прамансийская реконструкция в настоящее время фактически не имеет объяснительной силы, и нуждается в серьезной доработке, которая должна позволить объяснить как рефлекс в современных мансийских диалектах, так и правила появления прамансийских гласных из прафинно-угорского языка.

Приведенный здесь разбор показывает, что существует ряд исконных северномансийских слов с *ko-* в анлауте, но на настоящем этапе развития мансийской реконструкции вокализма нет правил, которые бы описывали условия появления *o* в первом слоге этих слов, ни при развитии системы вокализма из прамансийского, ни тем более из прафинно-угорского языка. Таким образом, нет фонетических оснований, на которых следовало бы отвергать происхождение манс. N *kōm* ‘семга’ из ФУ **koj(a)ta* ‘благородный лосось, семга’.

Альтернативное этимологическое предложение М. А. Живлова о заимствовании манс. N *kōm* ‘семга’ из коми *kom* ‘хариус’ и тождестве этой мансийской формы, засвидетельствованной в конце XIX в., с современным северномансийским *kūm* ‘хариус’ [Афанасьева 2008: 20] не кажется достаточно обоснованным. Значения предположительного источника заимствования и предположительного результата заимствования, все-таки, очень сильно расходятся. Рыбы хариус и семга совершенно не соотносимы: средняя масса хариуса 700 г, длина 40 см, максимальный вес около полутора килограммов, а максимальный вес семги — 43 кг. Поэтому по [Лыткин, Гуляев 1970: 131] удмуртское соответствие коми *kom* ‘хариус’ — название также небольшой рыбы, *куну* ‘язь’ (обычно его вес 1 кг, длина 30—50 см). Этимология же, предлагаемая в «Тезаурусе», семантически безупречна.

2. На стр. 171 читаем: «В [Лыткин, Гуляев 1970: 47; DEWOS: 1625] предполагается, что коми слово заимствовано в обско-угорские языки: хант. V, Vj, Trj, J, DN *wǰrǰs*, KOP *wǰrǰš*, Ni, Kaz, Sy *wǰrǰš*, O *warǰs*, Ahl *vorš*, *varǰš*, PB *vǰrǰš* ‘ястреб’, но представляется, что, учитывая широкую представленность этого слова в хантыйских диалектах, нельзя исключить, что в хантыйском языке представлен рефлекс прауральского слова, а не коми заимствования». Дело, конечно же, не в распространённости слова, а в нерегулярных соответствиях между хантыйскими диалектами/языками (V Vj Trj J DN *s* — KoP Ni Kaz Sy *š*, V Vj Trj J DN KoP *ǰ* — Ni Kaz Sy *ɔ* — O *a*), исключающих возможность того, что слово восходит к прахантыйскому.

Высказывание рецензента неверно, поскольку по корпусу праобскоугорских этимологий [Honti 1982], который лег в основу кандидатской диссертации М. А. Живлова [Живлов 2006], есть ряд примеров аналогичных соотношений в исконной хантыйской лексике:

1) по консонантизму:

хант. Trj *soč-*, O *sos-* — DN, Ni *šus-*, Kaz *šoš-* ‘schreiten’, [Honti 1982: 560],

хант. DN *jěs-* — Ni, Kaz *jěšǰr* ‘Streifen’, [Honti 1982: 170],

2) по вокализму:

хант. V, Vj *ǰŋǰt* — DN, KO *oŋǰt* — Ni, Kaz *ŋǰt* ‘por’, [Honti 1982: 52],

хант. Vj *kǰwǰl*, Trj *kǰpǰl* ‘Zwischenraum’ — DN, KO *χopǰl* ‘Höhlung’, [Honti 1982: 304].

Количество примеров такого соотношения рефлексов по диалектам легко увеличить.

Поэтому мы все же считаем, что название ‘ястреба’ в хантыйском языке может и не быть заимствованием, поскольку оно широко представлено в хантыйских диалектах.

3. Коми *völd* ‘пороша’ (более правильная транскрипция — *věld*) возводится к ФУ *wVlte- (стр. 66), коми *kolír* — к ФП *kolV- (стр. 73), а коми *bała* ‘ягнёнок’ к ПП *pVIV (стр. 116), хотя коми *í* не может восходить к *l.

Как известно, на материале этимологий [UEW] очень часто коми *í* восходит к *l (в реконструкции [UEW]), ср.

ФУ **čOlKV-* ~ **čElKV-* > коми *žuljal-*, *žullal-* ‘*schwach glänzen, schimmern*’ [UEW: 46];

ФУ **läńčV* ~ **läčV* > коми в. *líč* ‘*leicht (e.g. um Herz)*’, с. *líčjd*, п. *líčjt* ‘*schlaff, lose*’, *ličot* ‘*schwach*’ [UEW: 240];

ФУ **leńV* > коми с. *leń*, п. *veń* ‘*ruhig, still (Wetter); windstill*’, уд. *lońjd* ‘*schlaff, schwach*’, с. *luń-* ‘*herabsinken, erschlaffen (männl. Glied)*’⁴ [UEW: 246];

ФУ **molV* (**mulV*) > коми с. *mol* ‘*Perle*’, луз. *ńur-mol*, п. *turi-mol* ‘*Moosbeere*’ [UEW: 279];

ФУ **ńulV* > коми иж. *ńŭ* ‘*abschüssig*’, печ. *ńŭlk*, с. *ńŭlkeš*, в. *ńŭkeš* ‘*Abschüssigkeit, Abhang*’, с. п. *ńŭldj-* ‘*ausgleiten, ausglitschen*’ [UEW: 327].

Количество таких примеров так велико, что едва ли не превышает набор с твердой рефлексацией ФУ *l в коми. Вообще следует отметить, что не только в коми, но и в удмуртском, хантыйском, мансийском языках спорадически появляется мягкость у рефлексов «твердых» в реконструкции [UEW] сонорных согласных. Наоборот, праязыковые «мягкие» сонорные по [UEW] спорадически дают твердые рефлексы в этих языках. Представляется, что вопрос о реконструкции твердых и мягких сонорных согласных в настоящее время не может считаться исследованным. Нельзя исключить, что твердые vs. мягкие сонорные согласные возникали в пермских и обско-угорских языках независимо, поэтому предложенные нами этимологические гипотезы с этой точки зрения столь же корректны, как и другие этимологии [UEW].

4. Саам. I *joarådoh* ‘долго длящаяся сухая, ясная и жаркая погода’ возводится к гипотетическому ПУ **jawá-* со следующим пояснением: «Инлаутное *w выпадает в саамском» (стр. 78) — на самом деле интervoкальное *w в саамском всегда сохраняется.

На материале этимологий [UEW] видно, что ПУ **w* далеко не «всегда» сохраняется в саамском, вот несколько примеров из [UEW], когда в ряде саамских диалектов **w* выпадает:

ФУ **luwe* > саам. N *lulle -l-* ‘*South-, southern*’, *luk’sâ* ‘*towards the south*’, *lulas id.*, I *lullē* ‘*östlich, Ost-*’, *luksa* ‘*gegen Südosten, nach Osten*’ [UEW: 255],

ПУ **śuwe* > саам. N *čoddâ -d’dâg-* ‘*throat*’, T Kld *čont*, Not *čodd* ‘*Speiseröhre, Schlund*’ [UEW: 492].

5. Относительно сравнения фин. *pisara* ‘капля’ (в «Тезаурусе» это слово ошибочно переведено как ‘капли, капельки’) с морд. E, M *piže-* ‘идти (о дожде)’ автор говорит: «[к]ак отмечают и сами авторы [UEW], инлаутные согласные в прибалтийско-финских и мордовских формах друг другу не соответствуют» (стр. 83). Это вдвойне неверно: во-первых, авторы [UEW] ничего подобного не отмечают [UEW: 732], во-вторых, фин. -s- и морд. -ž- регулярно соответствуют друг другу и восходят к ПУ *ś.

В [UEW] для этого слова восстанавливается **pisa* (**piśa*). Из неоднозначной реконструкции инлаутного согласного следует, что авторы [UEW] не могли однозначно восста-

⁴ В этом слове видно, что мягкость появляется лишь в некоторых диалектах.

новить инлаутный консонантизм. Они указывают, что если все-таки принимать праформу **pisa*, то палатализация согласного в морд. возникла под влиянием *i*. Таким образом, авторы [UEW] не считали, что формы являются надежными рефлексами **piša*, и даже предполагали редкое ассимиляторное развитие в мордовском. Почему они так считали? Вероятно, потому, что примеров аналогичного соотношения инлаутных рефлексов в фин. и морд. на материале [UEW] крайне мало, около 5 (3 из них в заимствованиях). На материале уточненного корпуса этимологий [Sammallahti 1988] для прауральского уровня **ś* в интервокальной позиции реконструируется только для одного слова ПУ **kãši-* ‘present’ [Sammallahti 1988: 538]. На финно-угорском уровне в том слове, которое по [Sammallahti 1988] имеет ФУ **ś* в интервокале, в мордовском представлено *ć*: ФУ **iśä* ‘father’ > морд. *oće* [Sammallahti 1988: 541]. Рефлексы других слов с ФУ **ś* в интервокальной позиции в мордовских языках не зафиксированы. Таким образом, можно сказать, что на материале уточненного корпуса этимологий [Sammallahti 1988] нет даже двух надежных примеров рефлексии ПУ/ФУ **ś* > морд. *ź*.

Но поскольку такое соответствие все-таки встречается еще в двух исконных словах по [UEW], мы и не отказались от рассматриваемого сравнения, а даже дополнили его мансийским рефлексом, но дали мелким шрифтом, как не вполне надежное фонетически: ФУ **pisa* (**piša*) ‘капли, дождь’ [UEW: 732]: фин. *pisara* ‘капли, капельки’, *pisaa-* ‘капать’; эст. *pisar* (Gen *pisara*) ‘капля’; морд. Е, М *piže-* ‘идти (о дожде)’, Е *pižeme*, М *pižem* ‘дождь’; манс. N *pās̄yi-* / *pās̄yi-* / *pas̄yi-*, LM *põssi*, K *pāsi*, T *paskhânt* ‘течь, капать’ [Munkácsi 1986: 417].

2. В рецензии критикуются идеи из предшествующей литературы, которые просто разбирались в Тезаурусе, также с указанием на их недостатки. Но из-за того, что цитата была вырвана из контекста, у читателей рецензии должно было сложиться впечатление, что идеи были выдвинуты авторами Тезауруса

1. На стр. 151 к гипотетическому ПУ **kora-* ‘самка глухаря, куропатка’ предлагается возводить ПСаам. **kõrppēlē* и морд. М:Sel *korəna* ‘глухарка’. На самом деле ПСаам. **-pp-* и морд. *-p-* могут восходить только к **pp*.

ПУ **kora-* — это реконструкция [UEW], она предложена не нами. В тексте комментария, который дается к этой этимологии в «Тезаурусе», ясно сказано «На основании сравнения фин., саам. и мар. следует реконструировать ФВ **koppa-lall’a*».

2. Нерегулярное соответствие инлаутных согласных при сравнении угорского **luwV* ‘лошадь’ с фин. диал. *luro* ‘кобыла, лошадь’ оправдывается следующим образом: «на материале этимологий [UEW] есть один пример, когда ФВ **p* соответствует ПУг **w*, — это ФУ **čawV* (**čara*) ‘кислый, становится кислым’» (стр. 122). Не говоря уже о том, что эта этимология крайне сомнительна, нужно отметить, что фин. *haran* (род. п. *harraimen*), морд. Е *šaramo*, М *šarata*, мар. К *šarê*, вопреки [UEW], могут восходить только к праформе с инлаутным **pp*.

Таким образом, соответствие ФВ **p* — ПУг **w* оказывается уникальным и сравнение угорского названия лошади с финским следует отвергнуть.

Реконструкция **pp* в **čawV* (**čara*) не была предложена в [UEW], поскольку она не проходит из-за угорских рефлексов: хант. Vj *čęγ-*, О *suw-* ‘становиться кислым, портиться (о тесте)’, Kaz *šiw* ‘тесто, опара’; манс. KU *šōyt* ‘испорченный (о муке)’, LU *šęw-*, LO *sāw-*

‘становиться кислым’; венг. *savanyú* ‘кислый’, *savó* ‘сыворотка’, ? *sóska* ‘щавель кислый’, др.-венг. *sósul* ‘становиться кислым’.

В UEW нет ни одного примера аналогичного развития **pp* > ПУг. **w*.

А этимология **luwV* и в «Тезаурусе» дается как крайне ненадежная, потому что на материале корпуса [UEW] есть лишь еще одно аналогичное инлаутное соответствие, но, учитывая идеальное семантическое соответствие, мы сочли, что ее стоит упомянуть. Предложена она была не в «Тезаурусе», а в [Дыбо 2007], о чем эксплицитно сказано.

3. Фраза авторов Тезауруса была вырвана из контекста и потому неправильно проинтерпретирована

1. На стр. 177 в связи с тундровым ненецким словом силер” ‘подросший птенец серой чайки; белый с чёрными крапинками (о масти оленя)’ утверждается, что «[п]о словарю [Salminen 1998], *er*” в ненецком слове является суффиксом». На самом же деле Салминен не выделяет в этом слове никаких суффиксов [Salminen 1998: 348] и приводит в указателе корней отдельный корень SYILYER [Salminen 1998: 425].

Как видно из текста цитаты, мы утверждали, что по данным словаря [Salminen 1998] в ненецком существует суффикс *-er*”. На стр. 347—350 словаря можно найти многочисленные примеры слов, образованных с помощью этого суффикса. Приведем несколько примеров:

танз-er” ‘поземка, вьюга с низовым ветром’ [Терещенко 1965: 626], *TAHSYØ* → *yeR* [Salminen 1998: 347],

тáнз-er” ‘темная тень, синева’ [Терещенко 1965: 626], *TØHSYØ* → *yeR* [Salminen 1998: 347],

тонд-er” ‘насыпь’ [Терещенко 1965: 669], *TON-ÿ TA* → *yeR* [Salminen 1998: 350].

В слове *силер*” Т. Салминен, действительно, не выделяет суффикс, вероятно, в связи с тем, что основа без суффикса не засвидетельствована. Однако, тот факт, что суффикс *-er*” зафиксирован, позволяет постулировать его и в этом слове. Тем более, что в предложенной в «Тезаурусе» этимологии ПУ **cülv* ‘чайка’: венг. *csülő* ‘моевка, трехпалая чайка’ [EWUng: 238]; ненец. Т *siler*” ‘подросший птенец серой чайки; белый с черными крапинками (о масти оленя)’ [Терещенко 1965: 559]; энец. *sil’are* ‘белый с черными крапинками (масть оленя); подросший птенец серой чайки; сероватый; белый с синеватым оттенком; пестрой (белой с черными волосками) масти; светло-серо-(темно-бело-)голубоватый’ [Helimski 2007] и в энецком рефлексе (ненецко-энецкое сравнение предложено Е. А. Хелимским в [Helimski 2007]) присутствует суффикс *-are*, ср. аналогичное образование: энец. *sex-are* ‘дорога’ ~ *sex-ai* ‘старая дорога’. Таким образом, в этой этимологии, возможно, следует говорить об общем северно-самодийском суффиксальном образовании. Следует отметить, что по словарю [SW] суффиксальные образования на **-r-* для прасамодийского языка были одними из наиболее продуктивных, ср. ПС **jáâ-* ‘земля, место’ > **jáârâ-* ‘песок, песочный берег’, [SW: 36—37], ПС **kâtâ-* ‘крыло’ > **kâtâr-*, [SW: 62]. Таким образом, представляется, что предложенная нами этимология ПУ **cülv* ‘чайка’ вполне корректна с точки зрения словообразования.

2. На стр. 68 утверждается, что «как известно, пермское *-ž-* может восходить только к инлаутному ФП **-š-*». Как указывает П. Саммаллахти, «the normal reflex of single intervocalic **č* is **t* in Finnic and voiced **ž* in Permic» [Sammallahti 1988: 523].

Действительно, высказывание «Тезауруса», приведенное здесь, не вполне корректно, поскольку на материале этимологий [UEW] пермское *ž-* может восходить как к инлаут-

ному ФП *š (ср., например, *pišä ‘жарить, готовить’ [UEW: 385], *ašV (*ošV) ‘жеребец’ [UEW: 607]), так и к ФП *č. Но полный текст комментария к этимологии сохраняет свою силу, ср. на стр. 68: «Сравнение саамских и пермских форм позволяет однозначно реконструировать инлаутный согласный ФП *-š-, а не *-č-, как постулируется в [UEW]», поскольку на материале этимологий во всех случаях саам. N -ss- и перм. -ž- у рефлексов одного и того слова встречаются лишь для лексем с ПУ инлаутным *š (ФП *pišä ‘жарить, готовить’ [UEW: 385], ФП *(j)iša ‘кожа’ [UEW: 636]).

4. Идеи авторов Тезауруса были неправильно поняты М. А. Живловым

1. Этимология слова ‘казарка’ сопровождается в «Тезаурусе» тремя картами, показывающими распространение трёх видов казарок. Ни один из трёх ареалов, показанных на картах, не пересекается ни с территорией Эстонии, ни с областью распространения восточнохантыйского языка, а обсуждаемые в книге слова со значением ‘казарка’ встречаются только в эстонском и восточнохантыйском. Непонятно, как это соотносится со сделанным на стр. 116 заявлением, что «[д]ля млекопитающих, птиц и рыб карты распространения ... приводятся только в тех случаях, когда они релевантны для анализа семантических переходов или локализации прародины.

Карты распространения казарки приводятся как раз в соответствии с правилом, указанным на стр. 116, поскольку они могут оказаться релевантными для локализации прародины. Казарка не встречается на территориях распространения тех языков, где представлены рефлекс слова, значит, можно предполагать, что казарки встречались на прародине, и как реликты рефлекс этого слова сохранились в нескольких языках. На картах показаны три различных ареала обитания казарок, и прародина должна была включать один из этих трех ареалов. Как видно из карт, приведенных в «Тезаурусе», ареал обитания казарок фактически охватывает только крайний Север, поэтому это является косвенным доказательством того, что прародина финно-угров захватывала крайние северные территории. К сожалению, мы не можем утверждать об этом с большой степенью надежности, поскольку в палеобиологии территории обитания птиц в III тыс. до н. э. еще недостаточно изучены.

2. Так, морд. E:Večk řešt'or переводится как ‘кошель из липовой коры’ (стр. 10) вместо правильного ‘кошель / Korb’ [MW:1628], что служит для автора основанием сравнивать это слово с мар. M piste ‘липа’ (причиной ошибки послужило, по-видимому, приведённое у Паасонена словосочетание *léngeñ řešt'or* ‘Ranzen aus Lindenrinde’, где *léngeñ* значит ‘Lindenrinde’, а *řešt'or* — ‘Ranzen’). Мнение Паасонена о том, что слово заимствовано из диалектного русского пестер, пещер, пещур, в «Тезаурусе» не упомянуто.

Следует отметить, что морд. E:Večk řešt'or ‘кошель’ не может быть русским заимствованием, см. об этом [Аникин 1997: 466], который указывает, что, наоборот, русское слово является финно-угорской субстратной лексемой. А. Е. Аникин доказывает это следующим образом: в русских диалектах представлены формы с инлаутным колебанием консонантной группы *-st-* / *-xst-*: н.-индиг. *пестер* ‘плетеная корзина’, ср.-обск., арх. *пехтерь* ‘плетеная корзина’⁵. Это колебание не поддается объяснению на русской почве, но, по мнению А. Е. Аникина, оно сопоставимо с ПФ *-ht-* ~ саам. *-st-* ~ морд. *-št-*, которое представляет собой инлаутные рефлекс ФВ *št. Поэтому А. Е. Аникин видит в этом русском слове субстратное включение из исчезнувших финно-угорских языков. Таким образом,

⁵ Полный список форм см. в [Аникин 1997: 466].

оказывается, что привлечение данные русских диалектов косвенно подтверждает предложенную нами реконструкцию с консонантным кластером *št: Волж *pešte- ‘липа, лещина’, по сравнению с праформой [UEW: 726] *pākšnā.

А. Е. Аникин также указывает на то, что финно-угорское субстратное слово связано с мар. Л. *nöšтыр*, Г. *нешы́р* ‘пестерь’. Интересно отметить, что в мар. есть и форма *пестер* ‘пестерь, берестяное лукошко’ [Васильев, Саваткова, Учаев 1991: 246], видимо, в свою очередь, заимствованная из русских диалектов.

Возникает вопрос, как связано марийское слово мар. Л. *nöšтыр*, Г. *нешы́р* ‘пестерь’ с реконструированным нами волжским *pešte- ‘липа, лещина’ [UEW: 726]: морд. Е *pešte* / *peštše*, Е:Mar, Е:Е:Нl, Е:Е:Jeg *pešče*, Е:Atr, Е:Večк, Е:Е:NBajt *pešte*, Е:VVr, Е:Kal *pešče*, Е:Kažl, Е:Ba *peštä*, М *peště*, М:Р *päštä*, М:Prol *päščä*, М:Ur *päščä*, М:MdM:Jurtk *peštä* ‘лещина, орех’ [Paasonen 1990—1999: 1626], Е:Večк *peštor* ‘кошель’ [ук. соч.: 1628]; мар. СК, CÜ *piste*, Ch *pište*, B *pište*, M *pište*, MK *pišta*, UJ *pište*, US, USj *pišty*, UP *pišty*, pišty, P *pište*, V *pišta*, JT *pište*, JO *pišta*, K *pista* ‘липа’ [Bereczki: 49]. Очевидно, что оно не может быть рефлексом этого волжского слова, поскольку в марийском названии липы гласный первого слога *i*, а в названии пестеря мар. Л. *ö*, Г. *e*.

Каково же происхождение марийского слова? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать соотношение гласных первого слова в мар. Л. *nöšтыр*, Г. *нешы́р* ‘пестерь’. На основании анализа корпуса прамарийских слов, собранных в [Bereczki], можно сделать вывод, что соответствие гласных, представленное в этом слове не встречается в исконной лексике. Стандартным соответствием мар. Л. *ö* является Г. *ü* или *ö*: Л. *lóđö* ‘ловушка, капкан, западня’, Г. *lúđu* ‘ловушка, капкан, западня’; *nöštyláš* ‘месить, перемешивать, размешивать (тесто, глину и т.п.)’, Г. *núštylaš* ‘месить, перемешивать, размешивать (тесто, глину и т.п.)’; Л *pörjéj* ‘мужчина’ (*jej* ‘человек’), Г. *püéryy* ‘мужчина’; Л. *šön* ‘жилы, сухожилия’, Г. *šön* ‘жилы, сухожилия’.

Единственный пример, в котором зафиксировано аналогичное соотношение гласных первого слога в марийских диалектах, это заимствование из пермских языков:

Л. *šórтыч*, Г. *сёртыс* ‘узда’. Таким образом, становится ясно, что мар. Л. *nöšтыр*, Г. *нешы́р* ‘пестерь’ не является рефлексом финно-угорского слова, а было заимствовано, возможно, как раз из морд. Е:Večк *peštor* ‘кошель’.

Таким образом, подробный анализ заимствований в русских и марийских диалектах не разрушает предложенную нами этимологию, а, наоборот, подтверждает ее, поскольку русские диалектные данные указывают на то, что в источнике досибирского слова *пестерь* было инлаутное сочетание *st, которое как раз и было реконструировано нами для праформы, из которой произошло морд. Е:Večк *peštor* ‘кошель’. Семантический переход ‘липа, лещина’ > ‘кошель (который изготавливался из липы, *léngeń pešt’or* ‘Ranzen aus Lindenrinde’) представляется более чем вероятным. Что касается формальных соответствий, аналогичная рефлексация консонантного кластера в морд. и мар. языках представлена в ФП *tāštā ‘Zeichen, Merkmal <~ Stern’ [UEW: 793] и некоторых других словах. Что касается развития вокализма, в морд. представлен единственно возможный рефлекс ФВ *e в ударной позиции, см. [Норманская 2008], а в марийском языке развитие ФВ *e > мар. *i* характерно для позиции перед мар. -š, ср. ФВ *wešnā ‘eine Art Getreide: Spelt, Dinkel, Weizen’, [UEW: 821].

3. (Претензия, собственно, не к «Тезаурусу», а к статье [Норманская 2009], результаты которой использованы в «Тезаурусе»)

По меньшей мере странно, что позицией для внутрипермских фонетических развитий служат не просто фонемы более древнего, чем прапермский, уровня, но фонемы, давшие в прапермском ноль. Создаётся впечатление, что автор просто не считает нужным различать уровни реконструкции.

Методологически обычным является различие двух уровней для праязыка: «протоуровня», на котором начались какие-то изменения, характеризовавшие этот язык в отличие от других праязыков его уровня, и «прауровня» — последнего этапа существования языка перед распадом. Как раз такая реконструкция представляется гораздо более близкой к реальной языковой ситуации. Ведь практически любой праязык, в том числе и прапермский, существовал ни одно десятилетие, и даже ни одно столетие. Реконструкция, в которой праязык предстает как статическая неизменяющаяся система, просто еще далека от совершенства.

В прапермской реконструкции, предложенной нами, речь также идет о двух уровнях. На протопермском уровне ПУ/ФУ/ФП **t* (> ПП **θ*), **ŋ* (> ПП **θ*), **k* (> ПП **θ*), **p* (> ПП **θ*) еще не перешли в *θ*, и как раз на этом уровне формировались две особые системы ПП фонем в палатализирующей и в непалатализирующей позициях, на следующем, прапермском, уровне эти фонемы уже выпали.

4. (Также по поводу статьи [Норманская 2009])

Вызывает удивление отсутствие в таблице таких бесспорных соответствий между коми и удмуртским, как коми *a* — удм. *a* (**a* по Лыткину [Лыткин 1964; КЭСК] и Саммаллахти [Sammallahti 1988]), коми *ä* — удм. *u* (**ä* по Лыткину и Саммаллахти), коми *ę* — удм. *o* (**o* по Лыткину и Саммаллахти), коми *ę* — удм. *ę* (**ę* по Лыткину, **ü* по Саммаллахти), коми *ę* — удм. *ı* (**ę* по Лыткину, **i* по Саммаллахти), коми *i* — удм. *i* (**i* по Лыткину, **ı* по Саммаллахти). Все эти соответствия безусловно встречаются и в «нейтральной позиции» в терминологии Норманской, например, коми *ar* ‘осень’ — удм. *ar* ‘год’, коми *radvež* ‘скрещение, пересечение’ — удм. *radvož* ‘перекрёсток’, коми *važ* ‘старый’ — удм. *vuž* ‘старый’, коми *ređlavņı* ‘закрывать’ — удм. *rođıñı* ‘прищемить, прижать; закрыть’, коми *tev* ‘зима’ — удм. *tol* ‘зима’, коми *šetm* ‘чешуя’ — удм. *šetm* ‘скорлупа, чешуя’, коми *tev* ‘ветер’ — удм. *teł* ‘ветер’, коми *bež* ‘хвост’ — удм. *bıž* ‘хвост’, коми *veř* ‘лес’ — удм. *vıř* ‘бугор, холм’, коми *ńım* ‘имя’ — удм. *ńım* ‘имя’, коми *šin* ‘глаз, глаза’ — удм. *šin* ‘глаз, глаза’. Подчеркнём, что перечисленные выше соответствия между коми и удмуртским в работе [Норманская 2009] не только никак не объяснены, не опровергнуты, но даже не упомянуты. Впечатление от подобного «нового взгляда на историю пермского вокализма» для уралолиста можно сравнить с реакцией индоевропеиста при виде работы, где автор полностью игнорирует противопоставление звонких и глухих придыхательных, да еще и обозначает древнеиндийскую аффрикату *j* и сонант *u* одинаково — как *j*. Понятно, что реакцией читателя будет только недоумение и он воспримет это либо как розыгрыш, либо как проявление полной некомпетентности исследователя, либо как работу студента, которому не объяснили, что новая гипотеза должна объяснить или опровергнуть факты, на которых основывались теории предшественников.

Для того, чтобы читателю была понятна несостоятельность вышеприведенной претензии, мы должны обратиться к целой серии работ Ю. В. Норманской, написанных об истории развития вокализма от прауральского языка к современным уральским языкам. Количество статей и тезисов, посвященных этой тематике, уже более 30. Здесь мы упомянем лишь основные работы. В первую очередь монографию [Норманская 2008], которая легла в основу диссертации Ю. В. Норманской на соискание ученой степени доктора филологических наук, успешно защищенной в 2009 году в Институте языкознания РАН, а также статьи [Норманская 2009, 2010], которые были написаны в рамках проекта РГНФ № 08-04-00201а «Реконструкция прафинно-волжской акцентной системы и типов основ» (рук. Ю. В. Норманская), и статьи [Норманская 2011 а, б], написанные в рамках проекта Президиума РАН «Селькупская акцентология» (рук. Ю. В. Норманская).

В этих публикациях были подробно сформулированы и решены следующие задачи:

1) реконструкция разноместного ударения для финно-волжского праязыка [Норманская 2008], для прапермского [Норманская 2009, 2010], для прахантыйского [Норманская 2011а], для прасамодийского [Норманская 2011б],

2) описание рефлексов праязыковых гласных в финно-волжских языках [Норманская 2008], в коми и удмуртском языках [Норманская 2009, 2010], в хантыйском языке [Норманская 2011a], в прасамодийском языке [Норманская 2011b] в зависимости от места праязыкового ударения.

Специально остановимся на решении задач второго типа, поскольку именно к ним на материале пермских языков адресовано недоумение рецензента. Очевидно, что М. А. Живлов неправильно понял задачи статьи [Норманская 2009] и других публикаций, написанных по этой проблематике. Мы нигде не ставили задачи полной реконструкции прапермского, прафинно-волжского, прасамодийского вокализма. Эти задачи еще предстоит решать. Нашей целью было проследить рефлексацию установленных предшествующими исследователями праязыковых гласных (ПУ/ФУ) в дочерних праязыках и в современных языках и выявить, зависит ли она от места праязыкового ударения. Именно этой целью и была обусловлена специфика выборки материала. При работе как с пермским материалом в [Норманская 2009, 2010], так и с финно-волжским [Норманская 2008], прахантыйским [Норманская 2011a], прасамодийским [Норманская 2011b] для анализа были выбраны слова, в которых ПУ/ФУ/ФП гласный не является долгим и реконструируется однозначно (то есть, у них есть рефлекс в прибалтийско-финских языках, в саамском или мордовских, в определенных позициях, где не происходило совпадения нескольких праязыковых гласных, см. подробнее об этих позициях в [Норманская 2008]). Этот критерий отбора материала был подробно разобран в [Норманская 2008] и упомянут в [Норманская 2009 (сноска 11), 2011a, b].

Этот методический прием позволил работать только с теми этимологиями, в которых четко восстанавливается ПУ/ФУ/ФП гласный. При привлечении полного материала этимологий [UEW] для многих из них установить точную реконструкцию праязыкового гласного первого слога невозможно, поэтому они не будут релевантны для решения задачи описания рефлексации ПУ/ФУ/ФП гласных в современных языках. Представляется, что для корней, не привлеченных нами к анализу, с большой долей вероятности и в дальнейшем не удастся однозначно реконструировать праязыковой гласный. Как было показано в [Норманская 2010, 2011a, b], в пермских и самодийских языках в безударной позиции гласные совпадали и переходили в **a*, **u*, **i*. А в прахантыйском языке все задние гласные и передние совпадали между собой соответственно, и потом их изменение шло под влиянием прахантыйского умлаута. Таким образом, последовательное описание генезиса системы вокализма в современных уральских языках показывает точность гипотезы Э. Итконена, который предполагал, что лишь в прибалтийско-финских языках сохранилась архаичная система вокализма. В связи с этим для анализа генезиса системы вокализма от прафинноугорского состояния в каждом конкретном уральском языке релевантными являются фактически (за редкими исключениями определенных позиций в саамском и мордовских языках) только те лексемы, которые имеют рефлекс в прибалтийско-финских языках.

Примеры, которые якобы опровергают таблицу в [Норманская 2009, 2010], не удовлетворяют критерию отбора материала, который использовался для решения задачи об изучении рефлексов ПУ/ФУ/ФП гласных:

- 1) коми *ar* ‘осень’ — удм. *ar* ‘год’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,
- 2) коми *padvež* ‘скрещение, пересечение’ — удм. *padvož* ‘перекрёсток’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,
- 3) коми *važ* ‘старый’ — удм. *viž* ‘старый’, пермские формы нестандартно соответствуют рефлексам ФП **wanša* в других языках, сам М. А. Живлов высказывал на конфе-

ренциях предположение о том, что в данном случае речь идет о заимствовании в пермские языки,

4) коми *peḏlavni* ‘закрывать’ — удм. *poḏiṅi* ‘прищепить, прижать; закрыть’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

5) коми *tev* ‘зима’ — удм. *tol* ‘зима’. Слово не включено в рассмотрение, поскольку ПУ **tälwä* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках, и праязыковой гласный надежно не реконструируется,

6) коми *šet* ‘чешуя’ — удм. *šet* ‘скорлупа, чешуя’. Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а для этого слова в [UEW] реконструируется **šeme* (**šōme*),

7) коми *tev* ‘ветер’ — удм. *təl* ‘ветер’ Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а в фин. мы имеем *tuuli* (gen. *tuulen*) ‘Wind, Sturm, Brise’,

8) коми *bež* ‘хвост’ — удм. *biž* ‘хвост’ — отсутствуют финно-волжские формы (фин., саам., морд.), внешние соответствия вокализма неясны,

9) коми *veř* ‘лес’ — удм. *viř* ‘бугор, холм’ Рефлексы долгих гласных в работе не рассматриваются, а для этого слова в [UEW] реконструируется ПУ **wēre* (**wōre*),

10) коми *niṃ* ‘имя’ — удм. *niṃ*. Слово не включено в рассмотрение, поскольку **niṃe* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках, и праязыковой гласный надежно не реконструируется,

11) коми *šin* ‘глаз, глаза’ — удм. *šin* ‘глаз, глаза’. В этом слове представлено уникальное инлаутное сочетание согласных, которое переходит в палатальный согласный в мар., удм. и морд. языках. Предположительно, палатальный согласный в этом сочетании следует реконструировать и для ПУ языка.

В заключение этого краткого разбора отметим, что обоснование таблицы рефлексов прапермских гласных, которую критикует М. А. Живлов, не входило в круг задач авторов [Тезауруса]; таблица была дана в сноске в качестве пояснения со ссылкой на работу [Норманская 2010], где подробно разобраны цели, в рамках решения которых была создана эта таблица.

5. М. А. Живлов обратил внимание на некоторую неточность, которая, впрочем, не влияет на правильность выводов или этимологического сближения

1. На стр. 161 в рамках одной этимологии даны рефлексы трёх (!) не связанных друг с другом и существенно различающихся фонетически праселькупских слов: **soḡa* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368], **seṅkə* ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ [Alatalo 2004: 373] и **sāṅkoća* ‘Stockente’ [Alatalo 2004: 374].

Действительно, рефлексы ПСельк. **soḡa* ‘Löffelente, Anas clypeata’ [Alatalo 2004: 368] должны быть исключены из рассматриваемой этимологии. Но мы считаем, что ПСельк. **seṅkə* ‘глухарь’ [Alatalo 2004: 373] и ПСельк. **sāṅkoća* ‘селезень’ [Alatalo 2004: 374] могут быть объединены на праселькупском уровне. Соответствия по вокализму не дают оснований разводить эти формы и реконструировать в них разные праселькупские гласные первого слога. Если мы обратимся к анализу рефлексов этих слов, приведенных в [Alatalo 2004], то увидим, что они различаются только в кетских диалектах селькупского языка, но набор гласных в рефлексах этих слов в кетских формах столь разнообразен, что вряд ли может считаться решающим для разделения на две этимологии: в рефлексах ПСельк. **seṅkə* ‘глухарь’ по [Alatalo 2004: 373] в кетских диалектах в первом слоге пред-

ставлены гласные KUS, KM *e*, KUM *v*, KeM, KeO *a*, в рефлексах ПСельк. **sāṅkośa* ‘селезень’ — KM *ā*, KMF *e*. Надо сказать, что Я. Алатало не описал правила рефлексации праселькупских гласных в отдельных диалектах. Если, допустим, мы предположим, что по [Alatalo 2004] архаичное различие ПСельк. **e*, **ā* сохраняется в кетских говорах, то на этой же странице словаря найдем примеры, противоречащие этой гипотезе: ПСельк. **s¹āṅka* ‘маленький палец’ [Alatalo 2004: 374] > KeM *sēṅgaj*.

В 2011 году мы занимались обработкой селькупских архивов А. П. Дульзона, на основании которых был сделан словарь [Быконя 2005], поэтому можем теперь по неизданным архивным данным уточнить (с точки зрения конкретных населенных пунктов) и дополнить список форм для этого слова, приведенный в [Быконя 2005] и цитируемый в [Тезаурусе]: сельк. таз. *seṅki* ‘глухарь’, кет. *сэңгэ* ~ *сэңг* ~ *сэңгэ* ‘глухарь’ [Быконя 2005: 222], об.с. *сагга* ~ *саггэ* ‘глухарь’ [Быконя 2005: 205]; кет. *сэңгоде* ~ *сэңгози*, об.с. *сэңкозя* ‘селезень’ [Быконя 2005: 222], об.с. (Иван.) *сакóдз’е* ‘селезень’, об.ч. (Чиж.) *акóд’е* ‘селезень’, (Варг.) *акóд’е* ‘селезень’ [Архив А. П. Дульзона]. Итак, мы видим, что по материалам архива А. П. Дульзона, рефлекс гласных в названиях селезня и глухаря в южных и центральных селькупских диалектах (кет., об. с.), в которых сохранились рефлекс обоих названий, полностью совпадают.

Многозначность ‘глухарь, утка’ представляется возможной, потому что она реально представлена и в другой этимологии:

ФУ **lunta* ‘водоплавающая птица, дикий гусь’ [UEW: 254]⁶: ПСаам **lontē* [Lehtiranta: 601]: Not *lot* ‘птица, глухарь’; мар. К *lâdâ*, U *ludâ*, В *ludo* ‘утка, водоплавающая птица’ [Мар. словарь, 3: 412].

2. Ненец. Т нир ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ возводится к ПС **nirə*, хотя такая форма дала бы ненец. ныр (стр. 73).

В реконструкции ПС формы, действительно, имеет место опечатка, но само предлагаемое сравнение коми вс., скр., сс. *pariž* ‘шуга, тонкий мелкий лед’ [Лыткин, Гуляев 1970: 186] и ненец. Т *nir* ‘весенний затвердевший снег на поверхности льда’ [Терещенко 1965: 314] остается корректным, хотя, как и было отмечено в «Тезаурусе», ненадежным, поскольку рефлекс слова сохранились лишь в двух языках.

3. По поводу выведения фин. *kontio* ‘медведь’, удм. *gondjɪr* ‘медведь’ и коми *gundjɪr* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’ из гипотетического ПУ **konte* автор пишет: «[в] этой этимологии стандартное соответствие фонетических рефлексов во всех языках» (стр. 130). Автору, очевидно, осталось неизвестным, что *-nt- регулярно упрощается в пермских языках в d.

Действительно, замечание, касающееся развития **nt* в пермских языках, справедливо. Но сравнение, предложенное в «Тезаурусе», все же возможно, если реконструировать так:

ПУ **konV-* ‘медведь’ > фин. *kontata* ‘ползать, тащиться, переваливаться’, *kontio* ‘медведь’ [SSA I: 398]; коми вс., лет. *gundjɪr*, *gundjil*, сс., скр., уд. *gundjɪr*, вв., печ. *gundjirli*, нв., иж. *gundjɪr* ‘многоголовое чудовище, гидра, дракон, змей’, вым. *gundjɪr* ‘рыбка с широкой головой и острым хвостом (суеверные люди считают ее поганой и боятся ее)’ [Лыткин, Гуляев 1970: 82]; удм. G, M, J, MU, U *gondjɪr* ‘медведь’ [Соколов, Туганаев 1994: 10]; кам. *ḳ’ōnā* ‘медведь’ [Donner 1944: 32].

⁶ Полный список рефлексов этой этимологии см в [UEW], [Тезаурусе].

Глагол в финском языке является образованием с одним из наиболее употребительных отыменных глагольных суффиксов *-ta-* [Хакулинен 1953: 274]. В [SSA I: 398] указывается, что фин. *kontio* ‘медведь’ образовано от глагольной основы *kont-* (*kontia*, *kontata*). По [Хакулинен 1953: 180] *-io* — сложный отглагольный суффикс имен.

В пермских языках также представлен отыменной суффикс *-dir* (коми *veža* ‘священный, святой, освященный’; *veža-dir* ‘святки’, удм. *vožo-dir* ‘святки’ [Лыткин, Гуляев 1970: 50]).

4. На стр. 85 мы находим реконструированное автором книги ПУ **k(u)d(u)rV* ‘гром’. Символ **d* в уральстике иногда используется вместо более традиционного **ð* (см., напр., [Janhunen 1981], [Sammallahti 1988]). Однако, судя по рефлексам (удм. *d*, кам. *d*), здесь под ПУ **d* имеется в виду что-то другое (ПУ **ð* дало бы удм. *0* или *l*, кам. *r*). Остаётся предположить, что автор открыл какую-то новую прауральскую фонему, неизвестную ни Янхунену, ни Саммаллахти и сам того не заметил.

Реконструкция в этом слове ПУ **kVdVrV* ‘гром’ [Лыткин, Гуляев 1970: 82]: мар. *M küdyrtáš* ‘гремять (о громе)’, *B kädértáš* ‘гремять (о громе)’; коми *gudir* ‘муть, осадок, отстой, пасмурный (о погоде)’; удм. *G, J gudiri*; *M gudiri* ‘гром’; кам. *guduur ~ guduur* ‘гром’ [Donner 1944: 20], действительно, приведена не совсем корректно, поскольку в нотации авторов [UEW], которой мы старались придерживаться, нет особой фонемы **d*. Но в данном случае речь идет как раз об особой рефлексации, которая была подробно описана еще Б. Коллиндером [Collinder 1960], когда в нескольких уральских языках друг другу соответствуют инлаутные звонкие согласные. Возможно, что для таких случаев в прауральскую фонологическую систему следует ввести звонкие фонемы. Этот вопрос также более пятидесяти лет назад был поднят Б. Коллиндером. Но поскольку примеров таких соответствий немного, вопрос так и остается открытым. Настоящая этимология представляет собой пример еще одного подобного соответствия, но поскольку она, возможно, имеет звукоподражательный характер, то не казалась настолько релевантной для дискуссии о реконструкции звонких согласных в прауральском языке, чтобы посвящать этому вопросу в «Тезаурусе» отдельный разбор.

Рецензия содержит еще ряд замечаний технического характера. В нескольких местах М. А. Живлов обратил внимание на то, что знак палатализации поставлен другим способом, чем обычно. Менее чем в десяти случаях, при верстке книги в издательстве исчезли диакритические пометы (учитывая огромный объем специальных помет, использованных в монографии, это число представляется весьма незначительным). М. А. Живлов указывает на то, что в четырех случаях цитаты из работ А. Е. Аникина и Е. А. Хелимского даны без кавычек. Но речь, конечно, не может идти о плагиате, поскольку в этих случаях всегда указывалась книга с точной отсылкой на страницу, откуда была взята цитата. Следует отметить, что А. Е. Аникин, будучи рецензентом книги, не считал такой способ цитирования его работ в чем-то предосудительным, наоборот, в частной переписке до издания «Тезауруса» указал нам еще несколько этимологических предложений в его монографиях, которые следовало учесть. В нескольких случаях, когда в «Тезаурусе» было указано, что у слова в каком-либо языке определенная морфема является суффиксом, были приведены неудачные примеры для демонстрации этого суффикса в других лексемах. Во всех этих случаях, впрочем, суффиксы, постулируемые нами, существуют. М. А. Живлов критикует также способ подачи финских работ в списке литературы, где дан перевод их названий на немецкий язык. Этот способ является международным и общепринятым в библиотеках и каталогах Финляндии, поэтому он показался нам более корректным, чем самостоятельный перевод названий на русский язык.

Таким образом, мы видим, что из 30 замечаний, приведенных М. А. Живловым, около половины — просто неверны, другие касаются технических неточностей, в нескольких случаях гипотезы авторов «Тезауруса» и М. А. Живлова представляются равновероятными, и **лишь в пяти случаях его замечания справедливы** и меняют этимологию рассматриваемых слов: саам. *I kaaijuv* ‘чайка’, манс. *N atér*, LM, LU, P, K *ātér*, K *ātir* ‘жаркая, ясная погода, небо’, энец. *kodi?* ‘иной’, удм. *puas* ‘белка-летяга’, ПСельк. **soqa* ‘Löffelente, *Anas cyreata*’. Яркий контраст составляет количество таких замечаний с полным объемом материала, проанализированного в [Тезаурус] (294 этимологии и, как видно из указателя в конце книги, почти **две тысячи лексем** из современных уральских языков).

Подводя итоги анализа рецензии М. А. Живлова на «Тезаурус», можно попытаться сформулировать вопросы, возникающие при попытке объективной оценки этимологических работ. Конечно, оценка этимологических словарей в рецензиях обычно базируется на субъективных критериях и во многом зависит от личностных установок авторов. В таком духе, например, была написана (если не считать значительно большей академичности тона у М. А. Живлова) рецензия А. В. Вовина на Этимологический словарь алтайских языков [Vovin 2005], ответ на которую опубликован в [Starostin, Dybo 2008]. Она содержит большое (но все равно несравнимое с общим объемом критикуемого словаря) количество обвинений в неточностях цитирования и ошибочной интерпретации материала; в частности, автор пытается разрушить около 25 этимологий EDAL и на этом основании делает глобальные выводы о полной бесполезности и даже вредности EDAL для обоснования родства алтайских языков. На самом деле из этих обвинений бóльшая часть несправедлива, поскольку основана не на фактах, а на когда-то сложившихся у А. В. Вовина при беглом просмотре соответствующего материала интерпретациях, которые он не удосужился проверить при написании рецензии, а несколько действительно замеченных неточностей, хотя и полезны для последующего редактирования словаря (5 ошибок в цитировании форм, из которых лишь одна ведет к изменению этимологии в одной из алтайских ветвей; около 12 неточных английских переводов значений отдельных форм, не ведущих к изменению этимологий), все же не опровергают основных выводов авторов, сделанных на материале, в порядка раз превышающем количество ошибок (около 2000 реконструированных корней), неизбежных при составлении больших этимологических словарей. В ответе на рецензию А. В. Вовина [Dybo, Starostin 2008] справедливо замечено: «It should also be added that one sign of a truly objective review is when the reviewer in question is able to concentrate not only on what he perceives as negative sides of the work, but positive ones as well».

Аналогичным образом можно оценить некоторые рецензии, появившиеся в свое время по поводу «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча, работы, где впервые реконструкция, базирующаяся на строгом анализе системы соответствий, дошла до временной глубины XII тыс. до н. э. (прежде всего [Серебренников 1982], [Щербак 1984]). По их поводу В. А. Дыбо отметил: «От научно корректной критики требуется, как минимум, четкое различие строго установленных фактов и отношений между ними, с одной стороны, и отношений между гипотезами (т. е., более или менее аргументированными мнениями, догадками, соображениями того или иного исследователя по поводу этих фактов и отношений) — с другой» [Дыбо 1984: 7]). Так, в [Щербак 1984] приводится около 10 замечаний к отдельным вхождениям этимологий и на основании этого делается вывод: «Научная несостоятельность попытки В. М. Иллич-Свитыча создать сравнительную грамматику индоевропейских языков очевидна» (с. 40). В действительности ни одна из претензий не разрушает ни одну из этимологий В. М. Иллич-

Свитыча, поскольку «ошибки», выявленные в них, являются таковыми лишь с точки зрения методологических воззрений автора рецензии, далеких от сравнительно-исторических. В [Серебренников 1982] оспариваются около 20 этимологий, в первую очередь на основании постулирования для них «звукоподражательности», во вторую — оценивая соответствия, открытые В. М. Иллич-Свитычем как маловероятные фонетически, с выводом: «Генетическое родство так называемых ностратических языков убедительно не доказано».

С другой стороны, можно вспомнить рецензии на [UEW] и [Alatalo 2004], начатые незадолго до смерти Е. А. Хелимским, но являющиеся продолжением всей его исследовательской работы по этимологии уральских языков, это [Helimski 2007a, b]. В каждой из этих рецензий отмечено несколько сотен (!) неточностей, ошибок, допущенных авторами словарей, но при этом в начале каждой рецензии указывается чрезвычайная важность [UEW] и [Alatalo 2004] для развития сравнительно-исторической уралистики.

Чья же оценка является более обоснованной: А. В. Вовина, А. М. Щербака, М. А. Живлова, которые нашли немного настоящих ошибок, но сделали заключение о низком качестве и невозможности использования рецензируемых словарей, или Е. А. Хелимского, который нашел огромное количество неточностей и неверных этимологических сближений, но считал словари, с авторами которых он ведет полемику, важными и нужными?

Кажется, что ради прекращения поспешных и во многом необоснованных оценок качества этимологических работ назрела необходимость ввести алгоритм разбора словарей, который позволит, во-первых, оценивать их последовательно в рамках единой концепции и только после предварительного анализа полного материала работы, во-вторых, обяжет авторов рецензий эксплицитно приводить все замечания к рецензируемой работе, в-третьих, поможет авторам будущих словарей реально оценивать качество других этимологических работ и приводить свои работы в соответствие с этой оценкой, иметь объективную картину степени аккуратности и точности этимологических предложений в словарях не только языковой семьи, в которой они специализируются, но и других семей.

Можно предложить следующий алгоритм, который, вероятно, будет уточняться в процессе его применения:

1. Если автор конкретного этимологического словаря⁷ работал в рамках уже принятой фонетической реконструкции, то следует сравнить его работу с предыдущими словарями, сделанными в рамках той же концепции, в которых приводятся этимологии того же праязыкового уровня (в случае уральских, например, это, в первую очередь, [UEW], [SSA], [Лыткин, Гуляев 1970], [DEWOs]) по следующим параметрам:

1) количество опечаток и ошибочных переводов в процентном соотношении с полным списком привлекаемых словоформ;

2) количество нарушений существующей системы соответствий (т. е. предложение уникального соответствия или неуникального, но не подчиняющегося уже известному распределению) в процентном отношении к числу новых этимологических предложений авторов словаря;

3) количество «семантических нарушений», т. е. предположений о недопустимых переходах (за критерий допустимости семантического перехода мы бы предложили для начала взять соответствие положениям Ю. Д. Апресяна, выдвинутым для различения синхронной многозначности и омонимии [Апресян 1995: 184]), в процентном отношении к числу новых этимологических предложений авторов словаря;

⁷ Конечно, этот алгоритм без существенных модификаций может быть применен не только к полному этимологическому словарю, но и к этимологической словарной работе любого объема.

4) количество нарушений с точки зрения словообразования в праязыках и в современных языках (такие случаи, когда для праязыка или современного языка постулируются уникальные суффиксы, или, наоборот, автор возводит современную форму к основой праоснове, хотя эта форма легко интерпретируется как образованная по стандартным правилам от основы, уже имеющей другую этимологию).

II. Если автор предлагает свою систему соответствий или существенные модификации принятой системы соответствий⁸:

1) во-первых, следует сравнить его систему соответствий с другими системами аналогичной глубины, то есть, например, прауральскую с системами соответствий в семьях, которые по глоттохронологической датировке распались примерно в то же время: индоевропейской, алтайской и под., по следующим параметрам:

а) по количеству случаев, когда два и более возможных рефлекса одной праязыковой фонемы даются без указания на распределение этих рефлексов в языке-потомке; при этом в этом пункте следует учитывать только те случаи, когда сам автор словаря указал на неоднозначную рефлексацию;

б) по количеству исключений в словаре из системы соответствий, указанной автором;

2) в дальнейшем следует провести оценку словаря в рамках предложенной автором системы соответствий по правилам пункта I.

Таким образом, для таких работ, как [Тезаурус], [EDAL], [UEW], оценка должна быть сформулирована по семи пунктам [I.1—4, II.1—3] после полного разбора всех этимологий словаря и с перечнем всех неточностей, выявленных рецензентом в рамках каждого из пунктов, для того, чтобы была возможность дальнейшей научной дискуссии и выявления справедливых и некорректных замечаний.

Представляется, что только после описанной работы рецензент может дать обоснованную оценку тому или иному словарю. Дальнейший анализ существующих этимологических работ кажется нам крайне важным, поскольку он позволит, во-первых, выявить полные списки ошибок в словарях, что бесспорно будет способствовать уточнению пралексиконов, а, во-вторых, покажет, какой уровень точности принят в сравнительно-историческом языкознании той или иной языковой семьи, и какие системы соответствий требуют уточнения в первую очередь. Авторам будущих этимологических работ такой анализ поможет четко осознать необходимый уровень точности, то есть тот, который присутствует в большинстве общепринятых словарей.

Насколько нам известно, мы формулируем здесь такой алгоритм впервые. Представляется, что анализ существующих работ продемонстрирует много нового о качестве существующих реконструкций. Мы планируем в ближайшее время опубликовать результаты применения этого алгоритма к этимологическим словарям ностратических языков [Pokorny], [EDAL], [UEW] и ряду других.

Мы были бы благодарны М. А. Живлову, если бы он нашел время и возможность обработать в рамках этого алгоритма все этимологии «Тезауруса», тогда мы получим объективную оценку этой работы, и можно будет определить ее место в ряду других этимологических словарей. Пока разбор замечаний рецензии [Живлов 2010] к «Тезаурусу» в сравнении с замечаниями Е. А. Хелимского к [UEW] и [Alatalo 2004] показывает, что по всем пунктам предложенного алгоритма процент ошибок в [Тезаурусе] значительно ниже, чем в этих словарях.

⁸ Отдельно согласно этому алгоритму должны описываться те словари, авторы которых не приводят систем соответствий, и для них для проведения оценки фактически работу по установлению систем соответствий должен проделать рецензент.

*К вопросу о критериях оценки этимологических работ
(ответ А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской)*

Пространственный ответ на нашу рецензию из предыдущего номера «Вопросов языкового родства» ([Живлов 2011]) подписан, как и рассматриваемая книга, двумя фамилиями — А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской. Между тем, если порядок имен на титуле рецензируемой книги [Норманская, Дыбо 2010] соответствовал реальному вкладу авторов в текст монографии, то ответ на нашу рецензию идет за авторством «А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская». На сей раз фамилии помещены в порядке алфавита и научного ранга — сначала член-корреспондент РАН на букву «д», потом — доктор наук на букву «н». Вообще вопросу положения в науке авторов книги — прежде всего Ю. В. Норманской — в ответе уделено излишне большое внимание: неоднократно подчеркивается внушительное количество публикаций, выпущенных ранее Норманской, бегло пересказывается их содержание и т. п. Нам представляется, что, как и в книге, большая часть ответа (если не весь он целиком) принадлежит Ю. В. Норманской. Тем не менее, опубликованный выше текст подписан двумя авторами, что заставляет нас отнести все приведенные ниже возражения к А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской (далее: Д&Н) в равной степени.

Заголовок ответа — «К методике сравнения этимологических работ» — приглашает к серьезной дискуссии, выходящей за рамки оценки собственно «Тезауруса» как этимологической и вообще научной работы. Мы постараемся оппонировать содержательным замечаниям авторов «Тезауруса» и одновременно высказать нашу точку зрения на методику оценки этимологических работ вообще, показав, какое, по нашему мнению, место занимает среди них «Тезаурус».

Д&Н утверждают:

Работа над книгой велась в соответствии с общими принципами Московской школы компаративистики <...> Это прежде всего следование принципам строгости фонетических соответствий, выработанным классической компаративистикой; четкое понимание необходимости «поэтапной реконструкции» и связанное с ним понимание того, что реконструкция более содержательна и более информативна, чем отдельный языковой факт <...> К сожалению, в рецензии об этом не сказано ни слова.

В самом деле, в рецензии ничего не сказано о том, что «Тезаурус» следует принципам поэтапной реконструкции, потому что есть все основания утверждать, что он им не следует. Единственный «промежуточный» уровень реконструкции, для которого в «Тезаурусе» последовательно приводятся праформы — прасаамский. Прасаамские формы даются только для слов, имеющих в словаре [Lehtiranta 1989], и то не всегда. Прапермские и праобско-угорские формы восстанавливаются, как правило, только если невозможно восстановить праформы более «высокого» уровня из-за отсутствия этимонов в других подгруппах уральских языков. Игнорирование «промежуточных» уровней реконструкции резко отличает «Тезаурус» от таких работ представителей Московской школы компаративистики, как [NCED] и [EDAL]. Еще одно отличие от этих работ — отсутствие эксплицитно сформулированной системы фонетических соответствий, на которых основана реконструкция — сводит на нет требование «строгости фонетических соответствий»: если о самих соответствиях читателю приходится лишь догадываться, то как можно оценить их «строгость»?

1.1. Д&Н пишут:

Ни Л. Хонти, ни М.А. Живлов не указывают, в каких случаях ПМанс. **ï* [Honti 1982] / **i* [Живлов 2006] переходит в северномансийское *o*.

Наши оппоненты, возможно, вследствие невнимательности, вводят читателей в заблуждение. В работе [Живлов 2006] на стр. 9 указано, что ПМанс. **i* в северномансийском переходит в *a*, за исключением позиции после *k*, в которой **i* переходит в *o*, и позиции между лабиальным и велярным, в которой **i* дает *i* или *o*. Для того, чтобы проверить, работают ли приведенные выше правила, рассмотрим все северномансийские слова, для которых в работе [Honti 1982] однозначно восстанавливается ПМанс. **ï*. Ниже мансийские данные приводятся в следующем порядке: ПМанс. — прамансийская реконструкция по [Honti 1982], Munk. — северномансийская форма в записи Мункачи 1888 года (по [Munkácsi & Kálmán 1986]), Kann. — северномансийская (сосьвин-

ская) форма в записи Каннисто 1905 года (по [Honti 1982]), Kálm. — современная северномансийская форма в записи Кальмана (по [Munkácsi & Kálmán 1986]). Значения приводятся по [Munkácsi & Kálmán 1986]. Поясним, что в записи Мункачи *a* и *ä* передают северномансийскую фонему /a/.

Регулярные примеры:

- 1) ПМанс. **süŋk* > Munk. *sänkw* ~ *šankw* ~ *sakw*, Kann. *saŋk*, 'Hügel, Rundung' [Honti 1982: №81, Munkácsi & Kálmán 1986: 528];
- 2) ПМанс. **tükäs* > Munk. *takwäs*, Kann. *tak*, Kálm. *takwäs* 'Herbst' [Honti 1982: №133, Munkácsi & Kálmán 1986: 619];
- 3) ПМанс. **küš-* > Munk. *kwossi*, Kann. *kos-*, Kálm. *kosi* 'glühen, brennen; schmerzen' [Honti 1982: №219, Munkácsi & Kálmán 1986: 241];
- 4) ПМанс. **küšäm* > Munk. *kwossäm* ~ *kwosäm* ~ *kwosm*, Kann. *kosäm*, Kálm. *kossäm* 'Korb, Schachtel, Faß, Bütte (aus Birkenrinde, für Speisen)' [Honti 1982: №223, Munkácsi & Kálmán 1986: 241];
- 5) ПМанс. **küjap* > Munk. *kwojp* ~ *kojp*, Kann. *kojip*, Kálm. *kojp* 'Zaubertrommel des Schamanen' [Honti 1982: №234, Munkácsi & Kálmán 1986: 233];
- 6) ПМанс. **kün* > Munk. *kwon*, Kann. *kon*, Kálm. *kon* 'heraus; hinaus, draußen, außerhalb (adv.); hinaus-, heraus-, aus-, ab-, weg-, zer-, ver-(prae-fix.)' [Honti 1982: №275, Munkácsi & Kálmán 1986: 237];
- 7) ПМанс. **künyal* > Munk. *kwonl-äul*, Kann. *konläl*, Kálm. *konläl* 'Ellenbogen' [Honti 1982: №281, Munkácsi & Kálmán 1986: 239];
- 8) ПМанс. **künš* > Munk. *kwons* (*kwoss*), Kann. *kos*, Kálm. *kos* 'Nagel; Klaue; eine Handvoll' [Honti 1982: №287, Munkácsi & Kálmán 1986: 239];
- 9) ПМанс. **küt* > Munk. *kwot*, Kann. *kot*, Kálm. *kot* 'Fell von Rentierbeinen' [Honti 1982: №303, Munkácsi & Kálmán 1986: 242];
- 10) ПМанс. **kütäl* > Munk. *kwotäl* ~ *kwotl*, Kann. *koil*, Kálm. *koil* 'Mitte; mittel' [Honti 1982: №337, Munkácsi & Kálmán 1986: 243];
- 11) ПМанс. **lük-* > Munk. *lakwi*, Kann. *lak-*, Kálm. *lakwi* 'ankommen, schreiten, schleichen, sich bewegen, aufladen, springen, dringen, sich schleichen, sich hinarbeiten, sich verstecken, gelangen, klettern, tragen, verschoben werden, fortgehen' [Honti 1982: №353, Munkácsi & Kálmán 1986: 247];
- 12) ПМанс. **lük* > Munk. *lakw* ~ *läkw*, Kann. *lak*, Kálm. *lakw* 'dicht' [Honti 1982: №373, Munkácsi & Kálmán 1986: 280];
- 13) ПМанс. **püküi* > Munk. *puküi* ~ *puxüi* ~ *piküi*, Kann. *puküi*, Kálm. *puküi* 'Nabel' [Honti 1982: №496, Munkácsi & Kálmán 1986: 472];
- 14) ПМанс. **pükü* > Munk. *puki*, Kann. *puki*, Kálm. *puki* 'Wanst, Bauch; Wölbung' [Honti 1982: №500, Munkácsi & Kálmán 1986: 472];
- 15) ПМанс. **rüy-t-* > Munk. *rauti* ~ *rawti* (~ *räwti*), Kann. *rawt-*, Kálm. *rawti* 'drehen, umwenden, umwälzen; umrühren, mischen, kneten; graben, auswerfen; gießen; streuen, säen (Korn); quatschen, schwätzen' [Honti 1982: №558, Munkácsi & Kálmán 1986: 496];
- 16) ПМанс. **süly-* > Munk. *salüi*, Kann. *salü-*, Kálm. *salüi* 'spucken' [Honti 1982: №564, Munkácsi & Kálmán 1986: 520];
- 17) ПМанс. **tüŋk* > Munk. *taŋkw* ~ *tänkw*, Kann. *taŋk*, 'trockene Alge, trockenes Gras zum Feuermachen' [Honti 1982: №641, Munkácsi & Kálmán 1986: 626].

Исключение: ПМанс. **küräy-* > Munk. *kürüi* ~ *kürüi* ~ *kürüi*, Kann. *kürü-*, Kálm. *kürüi* 'brüllen, grunzen, knurren, brummen' [Honti 1982: №322, Munkácsi & Kálmán 1986: 224].

Из приведенного материала можно сделать следующие выводы:

- 1) утверждение Д&Н, что

существует ряд исконных северномансийских слов с *ko-* в анлауте, но на настоящем этапе развития мансийской реконструкции вокализма нет правил, которые бы описывали условия появления *o* в первом слоге этих слов,

ошибочно.

- 2) Из 18 рассмотренных примеров только два (ПМанс. **tüŋk* > Munk. *taŋkw* ~ *tänkw* и ПМанс. **küräy-* > Munk. *kürüi* ~ *kürüi* ~ *kürüi*) демонстрируют в записи Мункачи варьирование между долготным и краткостным рефлексом, и ни один пример не демонстрирует стабильного долготного рефлекса. Этот факт опровергает утверждение наших оппонентов о нерелевантности северномансийской долготы в записи Мункачи для прамансийской реконструкции.
- 3) Слова, начинавшиеся в прамансийском на **kü-*, как правило, начинаются на *kwo-* в записи Мункачи и на *ko-* в более поздних записях Каннисто и Кальмана.

В свете сказанного выше реконструкция ПМанс. **küim* для сохранившегося только в записи Мункачи северномансийского *kōm* 'lazas, семга / Lachs' не выглядит правдоподобной.

1.2. На наше утверждение, что считать хантыйское название ястреба исконным мешают нерегулярные соответствия между хантыйскими диалектами/языками (V Vj. Trj. J DN *s* — KoP Ni. Kaz. Sy. *š*, V Vj. Trj. J DN KoP *ä* — Ni. Kaz. Sy. *ɔ* — O *a*), Д&Н возражают, что в исконной хантыйской лексике «есть ряд примеров аналогичных соотношений». Приводимые Д&Н примеры действительно содержат «аналогичные», но не тождественные соответствия: V Vj. *ä* — Trj. J *á* — DN KoP *o* — Ni. Kaz. Sy. *ɔ* — O *a* в первом примере [DEWOS: 143] и Vj. Trj. *ä* — KoP *o* — Ni. *ɔ* — Kaz. *õ* во втором [DEWOS: 532]. Тем не менее, мы готовы согласиться, что сами по себе соответствия гласных не могут быть здесь решающим аргументом. Таковым аргументом, однако, являются, на наш взгляд, соответствия согласных, по отношению к которым утверждение Д&Н, что «[к]оличество примеров такого соотношения рефлексов по диалектам легко увеличить» ошибочно. В самом деле, не считая двух приведенных Д&Н примеров, в работе [Honti 1982] имеется 66 хантыйских реконструкций с прахантыйской фонемой **č*. Во всех этих словах рефлекс **č* регулярны¹: V Vj. Trj. J *č* — DN KoP *č/š* — Ni. Kaz. Sy. *š* — O *s*.

Как же объясняются приведенные Д&Н исключения? Глагол ‘schreiten’ Хонти восстанавливает как ПХант. **sč*- [Honti 1982: 181]. В этой реконструкции имплицитно содержится предположение об ассимиляции **s_č* > **č_č* в западнохантыйском. Такая ассимиляция вполне может быть регулярной, т. к. других общехантыйских этимологий с консонантной структурой **s_č* нет. Что до второго исключения, то оно кажущееся, т. к. форма DN *jěs-‘ritzen’* у Хонти [Honti 1982: 140] представляет собой опечатку вместо *jěš-*. В этом легко убедиться, обратившись к использованному Хонти первоисточнику — словарю К. Ф. Карьялайнена. Интересующий нас глагол выглядит там как *jäšätä* (DN) ‘piirtää, vetää piirto | ritzen, einen strich ziehen’; *jäpžem* (pret.) [KT: 194].

В то же время нерегулярное соответствие согласных, почти идентичное соответствию в названии ястреба, имеется в таком бесспорном заимствовании из коми, как V VK Likr. Mj. Trj. *tus*, J *tuš*, Irt (DN Fil. KoP Kr. Sog. Ts.) *tüš*, Ni. Š Kaz. Sy. *tüš*, O *tus* ‘борода, Bart’ [DEWOS: 1483—1484] (< коми *toš* ‘борода’).

1.3. Невозможно не заметить, что все приведенные здесь Д&Н примеры, кроме ФУ **molV* (**mulV*),

содержат в праформе палатальный согласный **č* или **ń*, позволяющий считать нерегулярный *l* в коми результатом ассимиляции. По странной случайности, приведенная со ссылкой на [UEW] праформа **molV* (**mulV*) взята не из [UEW], где вместо нее мы видим реконструкцию **molz* (**modz*) [UEW: 279]. Видимо, эта форма реконструирована самими Д&Н, причем основания для реконструкции **l* при регулярных рефлексах палатального во всех дочерних языках остаются неясными.

1.4. Чтобы читатели могли оценить степень регулярности сохранения инлаутного **-w-* в саамском, приведем несколько цифр. Всего в [UEW] имеется 44 этимологии, содержащие в праформе инлаутное **-w-* и имеющие рефлекс в саамском. В 39 из них рефлекс **-w-* сохраняется во всех дочерних формах. В одном случае (ПУ **kälz-wz* ‘Schwägerin’ [UEW: 135—136] > ПСаам. **käl~j(-ēnnē)* [Lehtiranta 1989: 44—45]) мы имеем дело с закономерным переходом **Vw* > ПСаам. **v̄* в непервом слоге. Еще в одном примере (ФУ **luwe* ‘Ost(en); ? Süd(en)’ > северносаам. *lulle -l-* ‘south(-), southern’, *luk’sâ* ‘towards the south, southward’ [UEW: 255]) **uw* переходит в **uu*, регулярно дающее ПСаам. **u* (см. [Aikio 2000: 614], где разбирается еще одна этимология с таким развитием, незаслуженно отвергнутая в [UEW]). В оставшихся трех случаях имеются формы с регулярными рефлексами **-w-*, но наряду с ними в [UEW] приводятся этимологические дублеты, в которых **-w-* выпало. Рассмотрим эти примеры.

- 1) ПУ **kewe* ‘Weibchen eines Tieres’ — наряду с регулярными рефлексами (кильдинск. *kievov^(a)* ‘wilde Rentierkuh’ etc.) приводится S *kiäka* ‘rangifer foemina’ из словаря XVIII века, не сохранившееся в современном языке [UEW: 152].
- 2) ПУ **päwe* ‘warm; warm sein’ > северносаам. *bivvâ -v-* ‘keep warm (not feel the cold)’ с регулярным сохранением рефлекса **-w-* и северносаам. *bik^lte- -vt-* ‘warm (clothes)’ с выпадением этого рефлекса [UEW: 366—367].
- 3) ПУ **šuwe* ‘Mund, Maul’ > Wfs. *t’šuwę* ‘Rachen, Speiseröhre’ [UEW 492—493] и ПСаам. **contęk* ‘горло’ [Lehtiranta 1989: 26—27]. Последняя форма, возможно, должна быть выделена в отдельную этимологию с манс. K *sunt*, LU *sât* (*sânt-*), LM *sut* (*sunt-*), N *sunt* ‘Mündung (eines Flusses); Öffnung (eines Gefäßes)’ и вообще не сравниваться с **šuwe*.

Очевидно, что двух оставшихся примеров (которые также могут оказаться ошибочными сравне-

¹ В одном случае **č* дает позиционно обусловленный рефлекс Ni. Kaz. O *t* перед *l* [Honti 1982: 177].

ниями) недостаточно для того, чтобы подвергать сомнению регулярность сохранения инлаутного *-w- в саамском. Неудивительно, что о возможности выпадения *-w- ничего не говорится ни в [Collinder 1960], ни в [Sammallahti 1998].

2.1. Д&Н пишут:

ПУ *kora- — это реконструкция [UEW], она предложена не нами.

Тем не менее в «Тезаурусе» [Норманская, Дыбо 2010: 151] эта реконструкция подана как отличная от реконструкции UEW:

ПУ *kora- ‘самка глухаря, куропатка’ (UEW: ФУ *kora-lal’l’a (-orra-)) [UEW: 181].²

В тексте комментария действительно говорится:

На основании сравнения фин., саам. и мар. следует реконструировать ФВ *koppa-lal’l’a.

Однако дальше авторы «Тезауруса» предлагают привлечь к сравнению коми *kön-*, удм. *ken-* (эти слова не могут восходить к праформе с геминатой) и продолжают ([Норманская, Дыбо 2010: 152]):

Если предположить, что *-l-* в саамских и марийских формах является суффиксом, а финские формы заимствованы из саамского, тогда можно реконструировать праформу ФП *kora, которая является этимологом мордовского и пермских слов.

Из этой цитаты видно, что авторы «Тезауруса» не видели фонетических препятствий для выведения мордовского и саамского слов из праформы *kora-.

2.2. Слова Д&Н «на материале корпуса [UEW] есть лишь еще одно аналогичное инлаутное соответствие» показывают, что они просто не поняли сказанного нами в рецензии: в слове ‘лошадь’ предполагается соответствие ФВ *-p- — ПУг. *-w-, в слове ‘кислый’ — соответствие ФВ *-pp- — ПУг. *-w-; это разные соответствия; они оба уникальны, следовательно, обе этимологии должны быть отвергнуты.

3.1. В «Тезаурусе» утверждается:

[п]о словарю [Salminen 1998], *-er* в ненецком слове является суффиксом.

Теперь Д&Н пишут:

Как видно из текста цитаты, мы утверждали, что по данным словаря [Salminen 1998] в ненецком существует суффикс *-er*”.

² Ср. следующее утверждение: «Здесь и далее, когда реконструкция в [UEW] отличается от формы, которую предлагается реконструировать в настоящей работе, она приводится в скобках» [Норманская, Дыбо 2010: 51]. — М. Ж.

Авторы, видимо, не вполне осознают разницу между утверждением о наличии суффикса *-er*” в обсуждаемом ненецком слове *силер*” и утверждением о наличии такого суффикса в ненецком языке вообще. Нам представляется очевидным, что эти утверждения не равнозначны и что первое из второго не следует. Возможность того, что в диахроническом плане слово *силер*” содержит суффикс, не отменяет того факта, что Т. Салминен никакого суффикса в этом слове не выделял.

Говоря об этимологии ненецкого *силер*”, нельзя не отметить, что авторы «Тезауруса» не обратили внимание на нерегулярность фонетических соответствий между ненецким и энецким словами. Ненецкому *śi-* в энецком должно соответствовать *śi-* (из ПС **si-* или **ki-*), энецкому *si-* в ненецком должно соответствовать *si-* (из ПС **śi-*) или *se-* (из ПС **śe-*) [Mikola 1988: 232], [Janhunen 1998: 467]. Семантика энецкого *śilare* ‘белый с черными крапинками (масть оленя); подросший птенец серой чайки; сероватый; белый с синеватым оттенком; пестрой (белой с черными волосками) масти; светло-серо-(темно-бело-)голубоватый’ может быть объяснена, только если мы предположим, что это слово первоначально было цветообозначением, а не орнитонимом. Энецкое слово, по всей видимости, является производным от *si?* ‘белый’ (< ПС **ser* ‘белый’ [SW: 138]). В таком случае ненецкое слово должно быть заимствованием из энецкого, что оправдывает отсутствие морфологического членения на собственно ненецкой почве в словаре Салминена.

3.2. Как видно из ответа Д&Н, о «неправильной интерпретации» нами слов «Тезауруса» в данном случае не может быть и речи. Нашим намерением здесь было не оспорить конкретную этимологию или реконструкцию, а показать, что фразами наподобие «как известно» авторы прикрывают непроработанность стандартной литературы по данному вопросу.

4.1. Слова Д&Н

Казарка не встречается на территориях распространения тех языков, где представлены рефлексы слова, значит, можно предполагать, что казарки встречались на прародине, и как реликты рефлексы этого слова сохранились в нескольких языках. На картах показаны три различных ареала обитания казарок, и прародина должна была включать один из этих трех ареалов

содержат логическую ошибку. Если слово со значением ‘казарка’ может иметься в современном языке, на территории которого казарка не обитает

(речь не идет о книжных заимствованиях), то как можно локализовать прародину на основании наличия слова ‘казарка’ в праязыке?

4.2. Достаточно много места Д&Н уделяют дискуссии о происхождении эрзянского слова *řešt'or* ‘кошель’. Наши замечания по этому слову в рецензии сводились к двум пунктам: 1) неточному цитированию значения и 2) умолчанию авторов «Тезауруса» об альтернативной этимологии, упомянутой в словаре Паасонена [MW: 1628]. По обоим пунктам Д&Н возразить нечего. Видимо, поэтому они уделяют столько внимания спору с этимологией Паасонена (о правильности или ошибочности которой в нашей рецензии не было сказано ни слова). Не претендуя на окончательное решение этой сложной этимологической проблемы, мы все же выскажем в тезисной форме свои взгляды на этимологию слова *řešt'or* ‘кошель’, чтобы читатели могли сравнить их со взглядами Д&Н и сделать свои выводы.

Прежде всего следует отметить, что вслед за А. Е. Аникиным [Аникин 2000: 446] Д&Н ошибаются, считая, что горномарийским соответствием лугового марийского *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 453] является горномарийское *пѳшыр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 426]. И по фонетике, и по семантике к луговому слову ближе горномарийское *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 476].

Мы согласны с утверждением А. Е. Аникина [Аникин 2000: 446] о том, что диалектные русские формы *пѳстер, пѳстѳр, пѳстерь, пѳстѳрь, пѳхтѳрь* (к ним следует добавить также не упомянутые у Аникина *пѳщер, пѳщерь* [СРНГ 27: 16]) не могут быть исконными и представляют собой заимствования. В то же время сами эти формы неоднократно заимствовались из русского в различные финно-угорские и тюркские языки. Как же различить формы, заимствованные из русских диалектов и формы, сами послужившие источником русского слова? Для этого нужно найти формы, отличающиеся от всех остальных какими-либо фонетическими и/или семантическими особенностями, затрудняющими их выведение из русского.

Большинство форм различных языков, рассматриваемых обычно в связи с русским *пѳстерь*, имеют в первом слоге передний неогубленный гласный *e* (сюда же относится татарская форма, в которой гласный *i* восходит к более раннему *e* в соответствии с правилами исторической фонетики татарского): тат. (ичкинский говор, Курганская область) *пистер* ‘корзинка’ [ДСТЯ: 340]; чув. *пештѳр, пешшѳр*

‘пещер, сумка’ [СЧЯ IX: 176]; луг. мар. *пѳстѳр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 423]; горн. мар. *пѳшыр* ‘пестер, пестерь, берестяное лукошко’ [МРС 1956: 426]; эрз. (Večk Ššant) *řešt'or* ‘кошель / Korb’ [MW: 1628]; эрз. *пѳщор* ‘кошель’ [ЭРС: 476]. Заимствованный характер эрзянских форм подчеркивается нетипичной для неэкспрессивных исконных слов фонотактикой: *o* в первом слоге после мягкого согласного [Бубрих 1953: 34].

На фоне приведенных форм резко выделяются луг. мар. *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 453] и горн. мар. *пѳштыр* ‘котомка, ноша’ [МРС 1956: 476]. Огубленный вокализм первого слога мешает считать эти слова заимствованиями из русского³, в пользу достаточно долгого существования их в марийском говорит и наличие производных: луг. мар. *пѳштыртѳш* ‘надевать, надеть, навьючивать, навьючить (котомку)’, *пѳштыртымѳш* ‘надевание, навьючивание (котомки)’ [МРС 1956: 453]; горн. мар. *пѳштырташ* ‘надевать, навьючивать (котомку)’ [МРС 1956: 476]. На наш взгляд, источником русского слова могла послужить луговая марийская форма *пѳштыр*. Адаптация *ö* как *e* при заимствовании в русский представляется вполне вероятной. Дальнейшая этимология марийских слов пока остается неясной. Соответствие луг. мар. *ö* — горн. мар. *y* нерегулярно; ясно одно — рассматриваемые марийские слова не имеют никакого отношения к мар. *пѳсте* ‘липа’.

4.3. В рецензии мы писали о нежелании автора различать уровни реконструкции. Очевидно, что такое различие должно быть эксплицитным: автор, различающий несколько уровней реконструкции, всегда должен указывать, о каком уровне идет речь в данный момент. Этого в работе [Норманская 2009] нет. Читатель вынужден сам догадываться о том, что имел в виду автор, а это не облегчает понимание и без того недостаточно эксплицитного текста.

4.4. Прежде всего непонятно, каким образом наличие «более 30» работ Ю. В. Норманской по истории уральского вокализма отменяет тот факт, что в конкретной обсуждаемой работе — статье [Норманская 2009] автор не сопоставляет свою реконструкцию с предложенными ранее вариантами прапермской реконструкции, в частности, рекон-

³ Гипотеза Д&Н о заимствовании луг. мар. *пѳштыр* из эрзянского (!) также не объясняет вокализм марийского слова; кроме того, в марийском до сих пор не было обнаружено ни одного заимствования из мордовских языков.

струкциями В. И. Лыткина и П. Саммаллахти и не анализирует рассмотренные у этих авторов соответствия, в том числе соответствия между прауральским и прапермским, уточнению которых, по утверждению Ю. В. Норманской, посвящена ее работа. Отметим еще один, на наш взгляд, ключевой момент. Д&Н пишут о четком понимании ими необходимости поэтапной реконструкции. Поэтапная, или ступенчатая реконструкция строится следующим образом:

Необходимо сначала реконструировать праязыки самого близкого уровня, затем сравнить их между собой и реконструировать более древние праязыки и т.д., пока в конце концов не будет реконструирован праязык всей рассматриваемой семьи (Бурлак, Старостин 2005: 186).

Однако Д&Н утверждают:

Мы нигде не ставили задачи полной реконструкции прапермского, прафинно-волжского, прасамодийского вокализма. Эти задачи еще предстоит решать. Нашей целью было проследить рефлексацию установленных предшествующими исследователями праязыковых гласных (ПУ/ФУ) в дочерних праязыках и в современных языках...

Согласно методике ступенчатой реконструкции, прафинно-угорский и прауральский вокализм может быть восстановлен только в результате сравнения реконструированного вокализма дочерних праязыков. Если дочерние реконструкции фрагментарны, о реконструкции уральского / финно-угорского вокализма не может быть и речи. Фактически прауральские и прафинно-угорские гласные Ю. В. Норманская берет либо из словаря UEW (где реконструкция вокализма не основана на эксплицитно сформулированных соответствиях и зачастую оперирует не столько фонетическими законами, сколько необязательными «тенденциями»), либо непосредственно из финского языка. Особенно показателен в этом отношении приведенный в работе [Норманская 2008: 226] алгоритм реконструкции прафинно-волжского вокализма первого слога. Первый пункт этого алгоритма гласит:

Если ПУ / ФУ / ФП / ФВ слово имеет рефлекс в ПФ языках, то гласный первого слова в этих языках проецируется на ФВ уровень.

Перед нами типичное использование давно дискредитировавшего себя метода «ключевого языка» или даже, скорее, злоупотребление им. Отметим, что применение этого метода совершенно нехарактерно для представителей Московской школы компаративистики, к которой причисляет себя Ю. В. Норманская. Нельзя также не обратить внимания на то, что в «Тезаурусе», где воспроизведена критикуемая нами таблица соответствий, она вводится без каких-либо указаний на ее фрагментар-

ность. Авторы «Тезауруса» просто пишут, что в работе [Норманская 2009] «предложена новая реконструкция прапермского вокализма на основании данных внутреннего и внешнего сравнения», и продолжают: «Здесь и далее при анализе прапермских форм используется эта реконструкция прапермского вокализма» [Норманская, Дыбо 2010: 48—49]. Читатель, не потрудившийся ознакомиться с работой [Норманская 2009] (библиографическая ссылка на которую в «Тезаурусе» дана с ошибками), может даже не заподозрить, что предлагаемая прапермская реконструкция недействительна для целого ряда позиций, условно названных Ю. В. Норманской «палатализирующими». Более того, сами авторы «Тезауруса» игнорируют это ограничение, применяя свою прапермскую реконструкцию для анализа слов, где по определению [Норманская 2009] гласные находятся в «палатализирующей» позиции. Так, например, реконструкцию **käčz* ‘мерзнуть, охлаждаться’ [UEW: 648] авторы «Тезауруса» исправляют на **kuńće* [Норманская, Дыбо 2010: 51—52], ссылаясь прежде всего на рефлекс гласного в пермском, несмотря на то, что, согласно [Норманская 2009], в данном слове гласный стоит в «палатализирующей» позиции. Праформа **pošz* ‘жара’ [UEW: 738] заменяется на **püše* [Норманская, Дыбо 2010: 78—79] также со ссылкой на рефлекс в пермском. Аналогично реконструкция **kičz* ‘береза’ [UEW: 211] исправляется на **kačV* [Норманская, Дыбо 2010: 105] опять же с учетом пермских рефлексов.

Но и сама статья [Норманская 2009] немногим более эксплицитна. Критерии отбора рассматриваемых этимологий в этой работе не приводятся. Только в сноске 10 на странице 265 про конкретные этимологии сказано, что они «не включены в этот раздел, поскольку в них [sic! — М. Ж.] нет рефлекса в финском языке». Как пишут Д&Н, «критерий отбора материала был подробно разобран в [Норманская 2008]» — работе, в которой о пермских языках нет ни слова. Итак, для того, чтобы правильно понять намерения Ю. В. Норманской, читатель, видимо, должен ознакомиться со всеми ее предшествующими работами и реконструировать ход ее мыслей.

Ю. В. Норманская утверждает, что приведенные нами примеры не удовлетворяют использованному ею критерию отбора материала. Это не всегда так (см. ниже). Но даже там, где это верно, остается неясным статус представленных в этих примерах соответствий. Если верно, что в работе [Норманская 2009] действительно были определены пермские рефлексы всех кратких праязыковых гласных

в «непалатализирующей позиции», то соответствия, не упомянутые в этой статье, могут быть представлены либо в словах, не имеющих финно-пермской этимологии, либо в словах с долгим гласным в прафинно-пермском. Однако даже Ю. В. Норманская не предлагает восстанавливать долгий гласный для таких слов, как «хвост», «зима», «имя» или «глаз» (последние три слова имеют краткий гласный в прибалтийско-финском).

Утверждение Норманской, что «**nime* имеет нестандартные рефлексы вокализма в ФВ языках» может вызвать только глубокое недоумение. О каких «нестандартных рефлексах вокализма» может идти речь? С традиционной точки зрения, рефлексы гласного в этом слове абсолютно регулярны: ПУ **i* в прибалто-финском сохраняется как *i*, в прасамском дает **e* [Korhonen 1988b: 268–270] (это регулярный рефлекс и согласно концепции Норманской [Норманская 2008: 187]), в мордовских языках рефлексы тоже регулярны — мокш. *e*, эрз. *e* (но *ä* в диалектах эрзянского, различающих *e* и *ä*) [Bereczki 1988: 320], в марийском налицо один из возможных регулярных рефлексов — ПМар. **ï* [Collinder 1960: 179]. Отметим, что в работе [Норманская 2008] не рассматриваются мордовские и марийские рефлексы праязыковых гласных в *e*-основах, так что и с точки зрения концепции Норманской невозможно говорить о нерегулярности рефлексов гласных в слове **nime* ‘имя’. Предложение восстанавливать инлаутный палатальный согласный в слове «глаз» (традиционно восстанавливаемом как **šilmä*) явно сделано ad hoc и не подтверждено полным анализом фонетических соответствий. непонятно также, как это предложение, да и вся концепция «палатализирующей» позиции соотносится с высказанной Д&Н в ответе на нашу рецензию гипотезой, что «твердые vs. мягкие сонорные согласные возникали в пермских и обско-угорских языках независимо». Получается, что отсутствие единой эксплицитной системы фонетических соответствий позволяет Д&Н то оперировать праязыковыми мягкими сонорными (когда реконструкция этих фонем позволяет отвести неудобные примеры), то игнорировать противопоставление по твердости-мягкости (когда это нужно для оправдания новых этимологий).

5.1. Не вдаваясь в дискуссию о рефлексации праселькупских гласных в селькупских диалектах, отметим только следующие моменты.

- 1) Как признают Д&Н, рефлексы праселькупских слов **seŋka* ‘Auerhahn (beide Geschlechter)’ и **sāŋkočä* ‘Stockente’ в кетских диалектах

имеют разные гласные: KUS, KM *e* в первом случае и KUS, KM *ä* — во втором.

- 2) Д&Н утверждают, что гипотезе о различии рефлексов ПСельк. **e* и **ä* в кетских говорах противоречит следующий пример: ПСельк. **sāŋka* ‘мизинец’⁴ [Alatalo 2004: 374] > KeM *sēŋgäi*. Это возражение основано на неточном цитировании [Alatalo 2004]: на самом деле на указанной странице приведена форма KeM *sēŋgäi*, имеющая ожидаемый рефлекс — открытый долгий гласный переднего ряда⁵.
- 3) Приведенный Д&Н пример не подтверждает возможности непосредственного перехода названия утки в название глухаря или наоборот: слово **lunta*, имевшее в прафинно-угорском значение ‘гусь’ или ‘утка’, в прасамском стало общим обозначением птицы; затем прасамское **lontē* ‘птица’ в колтгасаамском приобрело вторичное значение ‘глухарь’. Очевидно, что для селькупских слов предполагать промежуточное значение ‘птица’ не приходится.

5.3. Д&Н предлагают откорректировать постулированную ими в «Тезаурусе» прауральскую реконструкцию **konte* ‘медведь’, заменив ее на **konV-*. В пермских рефлексах (коми *gundir*, удм. *gondir*) они выделяют отыменной суффикс *-dir*, приводя следующий пример: коми *veža* ‘священный, святой, освященный’; *vežadir* ‘святки’, удм. *vožodir* ‘святки’. На самом деле приведенные формы — не суффиксальные производные, а сложные слова со вторым компонентом *dir* ‘время’ [КЭСК: 98; УРС: 195–196; ГСУЯ: 123], буквально ‘святое время’ = ‘святки’. Если, как утверждают Д&Н, в удм. *gondir* ‘медведь’ содержится тот же «суффикс», то это слово, видимо, должно буквально означать ‘время шерсти’ (ср. удм. *gon* ‘шерсть’). Это лишь один из многих случаев, когда авторы «Тезауруса» называют какой-либо суффикс просто «отыменным» или «отглагольным», не считая себя обязанными точно определить его семантику, а иногда и выяснить, суффикс ли это вообще или вторая часть сложного слова.

⁴ Д&Н почему-то переводят ‘kleiner Finger’ как ‘маленький палец’.

⁵ В рецензии мы уже указывали, что авторы «Тезауруса» непоследовательно различают стандартные для финно-угорской транскрипции диакритики, обозначающие открытость гласного (*e* и *o* = открытые *e* и *o*) и более заднюю артикуляцию гласного (*e* и *i* = гласные среднего или заднего ряда). К сожалению, наша критика не была услышана.

Но есть и другая причина, по которой обсуждаемая этимология должна быть отвергнута. Дело в том, что, как было убедительно показано Анте Айкио [Aikio 2009: 93–95], фин. *kontio* ‘медведь’ представляет собой заимствование из саамского (ПСаам. **kuotŕe* ‘медведь’). Умолчание авторов «Тезауруса» об этой этимологии тем более странно, что работа [Aikio 2009] присутствует в библиографии к «Тезаурусу». Не упомянуты в «Тезаурусе» и работы В. В. Напольских [Напольских 1997], [Напольских 2008], в которых предложена новая этимология пермских слов. Этот небольшой пример может создать впечатление, что авторы «Тезауруса» относятся к уралистике как к совершенно неисследованной области, не считая нужным ни оспаривать мнения своих предшественников, ни ссылаться на их работы.

5.4. По меньшей мере удивление вызывает следующее утверждение Д&Н:

...в данном случае речь идет как раз об особой рефлексации, которая была подробно описана еще Б. Коллиндером [Collinder 1960], когда в нескольких уральских языках друг другу соответствуют инлаутные звонкие согласные. Возможно, что для таких случаев в прауральскую фонологическую систему следует ввести звонкие фонемы. Этот вопрос также более пятидесяти лет назад был поднят Б. Коллиндером.

Ничего подобного в книге [Collinder 1960] нет. В ней на с. 45 обсуждается вопрос о соответствиях между пермскими и венгерскими **анлаутными** звонкими согласными. Более того, там же Коллиндер подчеркивает, что пермские и венгерские **инлаутные** звонкие восходят к прауральским сочетаниям носового с глухим смычным. Характерно, что наши оппоненты не приводят точную ссылку на страницу, где Коллиндер обсуждает эту проблему.

* * *

Д&Н признают наши замечания справедливыми и меняющими этимологию рассматриваемых слов лишь в пяти случаях. Таким образом, наши оппоненты умалчивают о следующих случаях, в которых замечания, приведенные нами в рецензии, должны привести к пересмотру предложенной ими этимологии:

- 1) мар. М *kolšyre* ‘чайка’ представляет собой композит из *kol* ‘рыба’ и *šyre* ‘чайка’ и поэтому не может восходить к ПУ **ka/óIV* ‘чайка’;
- 2) саам. N *vuow'dai* значит ‘прожорливый, жадный’ и является синхронным производным от саам. N *vuow'dâ* ‘полость живота’

(ПСаам. **võmtę*), это слово, как и его когнат в инари-саамском, не может восходить к ФВ **okto* ‘медведь’;

- 3) мар. М *juálye* ‘прохлада’ — суффиксальное производное от *ju* ‘kühl’ и не может возводиться к ФУ **jalV-* ‘прохлада, прохладный ветер’;
- 4) саам. I *ergi*, N *hær'ge* ‘кастрированный олень’ заимствовано из фин. *härkä* ‘бык, вол’ и не должно сравниваться с коми *jera* ‘лось’ и возводиться к ФП **erkV* ‘лось, олень’;
- 5) саам. N *sar'je* значит ‘рана’ и является заимствованием из праскандинавского **saira* ‘рана’, это слово, как и родственное ему инари-саамское *särji* ‘раненый медведь’, не может восходить к ФУ **sarV* / **sorV* ‘медведь’.

К числу своих «технических неточностей» Д&Н относят то, что в саамских примерах (типа указанных нами в рецензии N *gálbme* вместо *gál'bme*, L *kaíma* вместо *kal'ma*, N *haer'gi* вместо *hær'ge*)

знак палатализации поставлен другим способом, чем обычно.

Тем самым Д&Н выдают свое незнание с фонологией и орфографией саамских языков: как указывает М. Корхонен, «^l between two consonants indicates the longest quantitative degree of a geminate or consonant cluster» [Korhonen 1988a: 44]. Палатальность же предшествующего согласного обозначается в северносаамской орфографии с помощью буквы *j*. Непонятно, как с таким уровнем представлений о синхронной фонологии уральских языков можно обсуждать вопрос о первичности или вторичности палатальных сонорных в прауральском.

В заключение своего ответа Д&Н предлагают алгоритм, которому нужно следовать при рецензировании этимологического словаря. Несмотря на предлагаемые разумные в целом критерии оценки этимологических работ, буквальное выполнение пожеланий Д&Н практически невозможно, если речь не идет о работах небольшого объема, так как от рецензента требуется проделать работу, фактически превышающую по объему работу авторов словаря.

Нам представляется, что прежде чем применять этот или любой подобный алгоритм оценки этимологических работ, следует установить, с каким именно типом этимологической работы мы имеем дело. На наш взгляд, этимологические работы можно разделить на три основных типа.

Первый — это работы, выполненные в жанре «массового сравнения» (mass comparison). В этих

работах не применяется принцип регулярных фонетических соответствий. Вместо этого слова сравниваются на основе их «похожести», критерии которой могут быть (или не быть) формализованными. Примером подобной работы является [Greenberg 1987]. Несмотря на то, что в некоторых случаях, если речь идет о слабоисследованных языках, подобные работы могут быть полезными, они фактически стоят вне рамок компаративистики.

В работах второго типа используются знания о фонетических соответствиях между языками, но не ставится цели полной выводимости форм дочерних языков из предложенных праязыковых реконструкций. Соответственно в таких работах не приводятся полные и эксплицитные системы соответствий между реконструкцией и дочерними языками. Не всегда в таких работах даются и реконструированные формы. Примером работы второго типа может служить [UEW].

Наконец, работы третьего типа основаны на полной и эксплицитной системе соответствий⁶ между реконструкцией и дочерними языками. Эта система соответствий может быть изложена или в самом этимологическом словаре, или в других публикациях, на которые ссылаются авторы работы. Важно, чтобы читатель мог однозначно установить, какой системы соответствий придерживаются авторы, и чтобы эта система соответствий была достаточно полной. Еще один признак работ третьего типа — последовательное проведение принципа ступенчатой реконструкции. Примером такой работы может быть [NCED]. Только работы третьего типа могут оцениваться по формальным критериям строгого соблюдения фонетических соответствий в предложенном материале и однозначности постулированных фонетических переходов⁷.

⁶ Такая система соответствий, однако, может охватывать не все языки исследуемой семьи: в некоторых случаях это практически неосуществимо из-за большого количества и/или недостаточной описанности языков (напр., в случае австронезийской семьи или семьи банту).

⁷ Д&Н считают, что для словарей, авторы которых не приводят систем соответствий, «работу по установлению систем соответствий должен проделать рецензент». Абсурдность этого требования очевидна: оно было бы выполнимо только при условии стопроцентной заведомой правильности всех приведенных в рецензируемом словаре этимологий. В противном случае для установления системы соответствий потребуется пересмотр самого корпуса этимологий, и вместо рецензии «рецензент» должен будет создать свой этимологический словарь. Подобные требования могут выдвигаться только с целью поставить такой тип этимологических словарей вне какой бы то ни было критики.

Ни по каким параметрам «Тезаурус» не может быть отнесен к работам третьего типа. Несмотря на заявления авторов (в том числе и в ответе на нашу рецензию), в этой работе они не придерживаются определенной системы соответствий; такая система отсутствует в преамбуле к «Тезаурусу» (в отличие, например, от [NCED] или [ОСНЯ]); более того, сами авторы (по крайней мере один из них — Ю. В. Норманская) утверждают, что задача построения такой системы «на данном этапе» ими и не ставится: в «более 30» работах Ю. В. Норманской реконструируются только отдельные фрагменты прауральской фонологической системы (элементы акцентологии и частично вокализм). В то же время, как показано нами и в первоначальной рецензии на «Тезаурус», и в настоящей статье (см. выше) фонетические соответствия, выработанные другими уралистами, по поводу которых существует определенный консенсус, применяются в «Тезаурусе» бессистемно; из фонетических законов делаются необоснованные исключения, подтвержденные одним или двумя примерами. При этом авторы заявляют, что «таких примеров можно набрать много», заставляя, таким образом, читателя проверять приведенные ими контрпримеры и вновь «изобретать велосипед», доказывая уже неоднократно доказанные и утвердившиеся в науке положения. Понять, какого мнения придерживаются авторы по другим, более спорным вопросам, из «Тезауруса» зачастую невозможно.

Следует признать, что «Тезаурус» относится к работам второго типа, где принятая авторами полная и четкая система соответствий (пусть даже и спорная) фактически отсутствует. Этимологии, предложенные в подобных работах, в отличие от этимологий в работах третьего типа, не могут по умолчанию рассматриваться как правильные. Их правильность должна доказываться в рамках конкретных концепций исторической фонетики. Отсюда следует, что само по себе количество приведенных в такой работе этимологий мало о чем говорит — все зависит от того, насколько точно и аккуратно приведены и проанализированы языковые данные, насколько последовательно соблюдаются те отдельные фонетические соответствия, которые авторы все же учитывают, насколько полно приведены все релевантные данные по каждой этимологии.

Сравнительно-историческое изучение каждой языковой семьи проходит несколько этапов: на этапе предварительного исследования этимологические работы по данной семье относятся к первому типу, затем появляются этимологические сло-

вари второго типа и наконец, с появлением достаточно подробных и полных работ по исторической фонетике, наступает время работ третьего типа. В уралистике переход от работ второго типа к работам третьего произошел в 1980-х годах, с выходом последней значимой этимологической работы второго типа — [UEW] — и появлением первых работ третьего типа — [Janhunen 1981] и [Sammallahti 1988]. Хорошо известные недостатки этих работ — немногочисленность проанализированных этимологий, спорность отдельных решений — не отменяют их главного достоинства: полноты и эксплицитности системы фонетических соответствий. Публикацию «Тезауруса», относящегося к работам второго типа, можно рассматривать только как попытку отбросить развитие уралистики назад, в безвозвратно ушедшую эпоху.

Тем не менее, мы согласны с тем, что для того, чтобы максимально объективно оценить место «Тезауруса» среди других работ второго типа, необходимо провести сплошной анализ если и не всех имеющихся в книге этимологий (что невозможно в рамках настоящего ответа), то по крайней мере существенной их части. Мы рассмотрим этимологии из главы III «Тезауруса»: «Названия фауны в уральских языках». При этом мы ограничимся уральскими / финно-угорскими / финно-пермскими / финно-волжскими этимологиями, которые были предложены в «Тезаурусе» впервые (имеются в виду именно полностью новые этимологии, а не дополнения и поправки к уже существующим в литературе). Всего в этой главе имеются 24 такие этимологии.

- 1) ФВ **werV* ‘баран, ягненок’ (саамский — мордовский — марийский) [Норманская, Дыбо 2010: 117].
→ ПСсаам. **vērcce* [Lehtiranta 1989: 150—151] должно быть выведено из сравнения, т. к. 1) в саамском нет суффикса **-cce*; 2) полные корни в саамском не могут иметь вид SVC перед суффиксом с консонантным анлаутом. Мар. *vri* ‘овца’, приводимое со ссылкой на неопубликованную работу [Кузнецова 1991: 146] (ср. также [Кузнецова 1993: 183]) идентично междометию для подзывания овец, отмеченному в восточномарийских диалектах: *бри-бри*, *брий-брий*, *ври-ври*, *вырий-вырий* [Гордеев 1979: 232]. Это междометие заимствовано из русского⁸ *быр-быр*, *бырь-бырь*

‘слово, которым подзывают овец’ [СРНГ 3: 347], представленного в курских, воронежских, нижнедонских, орловских и калужских говорах. Этимология должна быть признана ошибочной.

- 2) ПУ **pitV* / **petV* / **pitV* ‘лось’ (хантыйский — маторский) [Норманская, Дыбо 2010: 128—129].
→ Сравнение крайне ненадежно из-за того, что хантыйская форма представлена только в одном говоре.
- 3) ФП **erkV* ‘лось, олень’ (саамские — коми) [Норманская, Дыбо 2010: 129].
→ Ошибочная этимология (саамское слово заимствовано из финского, см. выше).
- 4) ПУ **konte* ‘медведь’ (финский — пермские — камасинский) [Норманская, Дыбо 2010: 130—131].
→ Ошибочная этимология, см. выше.
- 5) ФУ **sarV* / **sorV* ‘медведь’ (саамские — мансийский) [Норманская, Дыбо 2010: 131].
→ Ошибочная этимология, см. выше.
- 6) ПУ **pačV* ‘бобр’ (мордовские — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 138—139].
- 7) ФУ **wVntVr* ‘выдра’ (марийский — удмуртский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 141—142].
→ В «Тезаурусе» утверждается, что чувашское *v^wd^wr* ‘выдра’ «не может считаться источником удмуртской и марийских форм, поскольку в этом случае не ясно объяснение анлаутного *v-* в удмуртском и изменение значения в марийском». Однако анлаутный *v-* в удмуртском *vidor* ‘выдра’ достаточно легко объяснить аналогией со словом *vi* ‘вода’, о чем упоминают и сами авторы «Тезауруса». Марийское слово значит ‘крот’, но это не опровергает гипотезу о его заимствовании из чувашского, т. к. согласно словарю Ашмарина [СЧЯ IV: 78—79], чувашское слово в части диалектов также имеет значение ‘крот’. Если признавать удмуртское и марийское слова чувашизмами, сравнение с обско-угорским должно быть отклонено.
- 8) ПУ **pVnšV* ‘белка-летяга’ (удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 145].

⁸ Предположение о заимствовании из русского выдвинуто в [Гордеев 1979: 232]. В целом к этимологиям, предложен-

ным в этой работе, следует относиться с осторожностью, но данное этимологическое решение представляется нам бесспорным.

- Ошибочная этимология, уже дезавуированная авторами «Тезауруса» в их ответе выше.
- 9) ПУ **kuklV* ‘мышь, крот, крыса’ (марийский — хантыйский — ненецкий — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 146—147].
- Праселькупская форма восстанавливается как **қаңләлә* [Alatalo 2004: 312], что делает сомнительным сравнение с ненецким (где нет следов носового) и опровергает сравнение с марийским, в котором праязыковой кластер *-*ŋl-* сохраняется (ср. [UEW: 645]). Сравнение с хантыйским трудно оценить из-за того, что хантыйское слово представляет собой гапакс, зафиксированный лишь в одном источнике XVIII века [DEWOS: 476].
- 10) ФУ **lepa* ‘летучая мышь’ (финский — хантыйский) [Норманская, Дыбо 2010: 148].
- Сравнение крайне ненадежно из-за того, что хантыйская форма представлена только в одном говоре.
- 11) ФУ **sara* ‘курица, лысуха’ (мордовские — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 154—155].
- Авторы «Тезауруса» отвергают традиционную этимологию венг. *szárca* ‘лысуха (черная или темная птица с белой кожистой бляхой на лбу); черная лошадь с белым лбом’ как производного от *szár* ‘rotbraun, rötlichgelb’, утверждая, что сравнение с эрз. *saras*, мокш. *saraz* ‘курица’ «гораздо предпочтительнее семантически». Однако непонятно, как при такой этимологии объяснять значение ‘черная лошадь с белым лбом’. Кроме того, согласно [EWUng: 1396] слово *szárca* зафиксировано также как прилагательное со значением ‘weißlich, kahl (Bein des Pferdes)’. Очевидно, что семантика цветообозначения здесь первична и сравнение с мордовским следует отклонить.
- 12) **šVŋkV* ‘утка’ (обско-угорские — ненецкий — энецкий — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 161—162].
- Большая часть селькупского материала должна быть выведена из сравнения, см. выше. Принятию этимологии мешает ненадежность семантики: непосредственный переход между значениями ‘глухарь’ и ‘утка’ не подтверждается типологическими аналогами в других языках.
- 13) ПУ **wälä* ‘сокол, коршун’ (саамские — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 169].
- Авторы «Тезауруса» приводят только инари-саамскую форму *välli* ‘сокол’, не упоминая ее северносаамский когнат *fal'le* ‘сокол’. Саамские слова заимствованы из скандинавских языков, ср. др.-исл. *valr* ‘сокол’ [Qvigstad 1893: 144], следовательно, этимология «Тезауруса» ошибочна.
- 14) ПУ **wVrV* ‘ястреб’ (марийский — пермские — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 170—171].
- Марийское слово, по всей видимости, заимствовано из пермских (соответствие гласных первого слога «луг. *a* — горн. *ä*» характерно для заимствований). NB: соответствие «коми *a* — удмуртский *a*», необъяснимое в концепции Норманской.
- 15) ФУ **pVŋkVj* ‘филин’ (пермские — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 172].
- Сравнимые слова явно относятся к звукоподражательным. Авторы «Тезауруса» пишут: «Несмотря на явный звукоподражательный характер слова, между приведенными формами из пермских, венгерского и ненецкого языков наблюдаются строгие фонетические соответствия». О «строгости» соответствий красноречиво говорит как то, что авторы не решились восстановить в этом слове какой-либо конкретный гласный, так и то, что венгерская форма имеет в аналауте незаконномерный *b-*. Какую же именно ненецкую форму подразумевали авторы, мы затрудняемся предположить.
- 16) ПУ **tüüle* ‘кулик’ (прибалтийско-финские — удмуртский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 173].
- Сравнимые слова, вероятно, являются звукоподражательными, ср. их явное сходство с рефлексам предпологаемого ПУ **čVlčV-* ‘кулик, зук’ [ibid.].
- 17) ПУ **kaol'V* ‘чайка’ (саамские — марийский — коми — хантыйский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 174—175].
- Фантомная саамская форма должна быть отведена, что уже признано Д&Н в ответе выше. Марийская форма также выводится из сравнения (см. выше). Восточнохантыйские (напр., Trj. *käl'ek*) и западнохантыйские (напр., Kaz. *čäl'ew*) формы, несмотря на разную суффиксацию, явно родственны на прахантыйском уровне. Обращает на себя внимание тот факт, что селькупские формы (напр.,

кет. *кальляк*) близки к восточнохантыйским, а ненецкие (напр., тундр. *хӕлэв*) — к западнохантыйским. Объяснить это можно, только предположив, что мы имеем дело с хантыйскими заимствованиями, источниками которых были разные хантыйские языки/диалекты. Сравнение самодийских слов как генетически родственных в [SW: 52] следует признать ошибкой. Что касается коми формы, то она не может быть родственна хантыйской из-за палатального *-l-*. Нет оснований отказываться от традиционного взгляда на коми слово как на ненецкое заимствование. Этимологию «Тезауруса» в целом следует признать ошибочной.

18) ПУ **čir(p)V* ‘чайка’ (прибалтийско-финские — коми — венгерский — ненецкий) [Норманская, Дыбо 2010: 176–177].

→ Венгерское слово *sirály* ‘чайка’ имеет надежную этимологию, без достаточных оснований отвергнутую в «Тезаурусе»: оно образовано от *sír-* ‘weinen; schreien, kreischen (Vogel)’ [EWUng: 1332] с помощью отглагольного суффикса *-ály*. То, что в «Тезаурусе» этот суффикс назван «отыменным» — явно результат недоразумения. В целом сравниваемые здесь формы, несомненно, являются звукоподражательными.

19) ПУ **čülV* ‘чайка’ (венгерский — самодийские) [Норманская, Дыбо 2010: 177].

→ Ошибочная этимология, см. выше.

20) ФУ **pVčV* ‘маленькая птица’ (марийский — коми — хантыйский — венгерский) [Норманская, Дыбо 2010: 180].

→ Сравнимые слова имеют явно звукоподражательный характер (ср. нерегулярные соответствия согласных между хантыйскими диалектами). Венгерское слово не может быть исконным из-за начального *p-*.

21) ФУ **koj(a)ta* ‘благородный лосось, семга’ (финский — саамские — мансийский) [Норманская, Дыбо 2010: 181–182].

→ Этимология должна быть отклонена: см. выше п. 1.1 о невозможности исконного происхождения мансийского слова.

22) ФУ **mVksVn* ‘муksун’ (марийский — обско-угорские) [Норманская, Дыбо 2010: 184–185].

→ Согласно словарю [Moisio & Saarinen 2008: 385], марийское *tokšynčö* ‘налим’ является производным от *tokš* ‘печень’ (характерный

признак налима — большая печень [Сабанев 1993: 146]). Этимология «Тезауруса» должна быть отвергнута.

23) ПУ **IVŋV-* ‘язь’ (хантыйский — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 186].

→ Хантыйское слово отмечено только в одном источнике и снабжено в DEWOS пометой «unsicher» [DEWOS: 816], что делает этимологию менее надежной. Кроме того, эксклюзивная хантыйско-селькупская параллель с большой вероятностью может оказаться контактной.

24) ПУ **kantV* ‘елец, пескарь’ (марийский — селькупский) [Норманская, Дыбо 2010: 186].

Как мы видим, 11 этимологий из 24, то есть почти половина, могут быть отклонены как ошибочные. В части оставшихся случаев вероятность предложенной в «Тезаурусе» этимологии снижается наличием альтернативных версий или звукоподражательным характером слова.

Следует также отметить, что почти все новые этимологии в «Тезаурусе» фактически основаны на двухконсонантных сравнениях (при том, что, как мы уже видели, к реконструкции гласных в «Тезаурусе» есть много вопросов). Как известно, при подобных сравнениях резко повышается вероятность случайного совпадения.

Таким образом, и оставшиеся на данный момент не опровергнутыми этимологии легко могут оказаться ошибочными. Показать их правомерность можно только применив к ним полную и максимально однозначную систему фонетических соответствий, включающую соответствия для гласных. Этого, как мы знаем, авторы «Тезауруса» не сделали.

Процент ошибок в работах основного автора «Тезауруса» легко оценить и другим способом — на примере ответа на нашу рецензию. Текст этот сравнительно невелик; он носит полемический характер, являясь ответом на замечания с нашей стороны по поводу небрежностей, ошибок и упущений, обнаруживаемых в «Тезаурусе». Увы, как может убедиться читатель, процент ошибок и ляпов на страницу в ответе, пожалуй, больше, чем в самом «Тезаурусе». Тем самым авторы ответа лишь подтвердили высказанный мной в рецензии вывод о типичности подобных текстов для Ю. В. Норманской, «автора 6 монографий и более 80 статей»⁹.

⁹ Не беремся подсчитывать число статей, но нам известны только три монографии Ю. В. Норманской, включая рецензируемую, — если только в число «монографий» не включены главы в коллективных монографиях.

Нам кажется, что дискуссию о «Тезаурусе» можно считать завершённой. Позиции сторон ясны и вряд ли изменятся в будущем, а заинтересованный читатель теперь располагает достаточной информа-

цией для того, чтобы составить собственное мнение о том, является ли «Тезаурус» ценным вкладом в уралоистику или работой, существенно снижающей стандарты этимологических исследований.

Список сокращений

венг. — венгерский

Волж — волжские языки (мордовские и марийский)

диал. — диалектное

др.-венг. — древневенгерский

кам. — камасинский

коми

в. — вычегодский диалект

вв. — верхневыхгодский диалект

вс. — верхнесысольский диалект

вым. — вымский диалект

иж. — ижемский диалект

лет. — летский диалект

нв. — нижневыхгодский диалект

п. — коми-пермяцкие диалекты

печ. — печорский диалект

с. — сысольский диалект

скр. — присыктывкарский диалект

сс. — среднесысольский диалект

уд. — удорский диалект

манс. — мансийский

К — кондинские диалекты

KU — нижнекондинский диалект

LM — среднелозьвинский диалект

LO — верхнелозьвинский диалект

LU — нижнелозьвинский диалект

N — северномансийский диалект

P — пельмский диалект

So — сосьвинский диалект

T — тавдинские диалекты

TJ — говор д. Янычкова

мар. — марийский

B — горномарийский

C — диалекты округа Царёвококшайск (совр. Йошкар-Ола)

Ch — говор д. Большие Маламасы

CK — говор д. Кушнур

CÜ — говор д. Юшуттур

E — восточномарийские диалекты

J — яранский

JO — говор д. Отюгово

JT — говор д. Туршомучкаш

K — диалекты округа Козьмодемьянск

M — луговой малмыжский

MK — малмыжский говор д. Карманкино

P — говор д. Сарси

U — диалекты округа Уржум

UJ — говор д. Ядык Беляк

UP — говор д. Петрушин

US — говор д. Нижняя Сюкса

USj — говор д. Сабуме

V — ветлужский

морд. — мордовские

E — эрзянский

E:Atr — говор с. Атрадь Алатырского района Республики Чувашии

E:Ba — говор с. Баевка Николаевского района Ульяновской области

E:E:HI — говор с. Отрадное Чамзинского района Республики Мордовии

E:E:Jeg — говор д. Новоегоровка Абдулинского района Оренбургской области

E:Kažl — говор с. Кажлодка Торбеевского района Республики Мордовии

E:Kal — говор д. Коляево Теньгушевского района Республики Мордовии

E:Mar — говор сел Большое и Малое Маресово Чамзинского района Республики Мордовии

E:E:Nbajt — говор с. Новый Байтермиш Искалинского района Самарской области

E:Sšant — говор с. Степная Шентала Кошкинского района Самарской области

E:Večk — говор сел Старое и Новое Вечканово Искалинского района Самарской области

E:VVr — говор с. Великий Враг Шатковского района Нижегородской области

M — мокшанский

M:MdM:Jurtk — говор с. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старо-Майнского района Ульяновской области

M:P — говор Пензенской области, (без западных районов) Республики Мордовии

M:ProI — говор населенного пункта в Кошкинском районе Самарской области

M:Sel — говор с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района Республики Мордовии

M:Ur — говор с. Урюм Тетюшского района Республики Татарстан

ненец. — ненецкий	об.ч. — обские говоры Чумылькуп
Т — тундровый диалект	таз. — тазовский
ПМанс — прамансийский	удм. — удмуртский
ПП — прапермский	G — глазовский диалект
ПС — прасамодийский	J — елабужский диалект
ПСаам — прасаамский	K — казанский диалект
ПСельк — праселькупский	M — малмыжский диалект
ПУ — прауральский	MU — малмыжско-уржумский диалект
ПУг — праугорский	Uf — уфимский диалект
ПФ — прибалтийско-финский	ФВ — финно-волжский
ПХант — прахантыйский	фин. — финский
рус. — русский	ФП — финно-пермский
н.-индиг. — нижеиндигирские говоры	ФУ — финно-угорский
ср.-обск. — средне-обские говоры	хант. — хантыйский
арх. — архангельские говоры	DN — верхнедемьянский диалект
саам. — саамский	I — иртышский диалект
I — Инари диалект	J — юганский диалект
Kld — кильдинский диалект	Kaz — казымский диалект
N — норвежско-саамский	KO — кондинский диалект
Not — Нотозеро диалект	Kr — красноярский диалект
P — Паатсьоки диалект	Ni — низямский диалект
T — Тер диалект	O — обдорский
сельк. — селькупский	P — данные X. Паасонена без указания на диалект
кет. — кетский диалект	T — данные собранные Н. И. Терёшкиным после 1945 года
KU — нижнекетский говор	Ttj — тромъеганский диалект
KM — среднекетский говор	V — ваховский
KeM — среднекетский говор в Максимкином	энец. — энецкий
Яре	эст. — эстонский
об.с. — обские говоры Сюсюкум	

Литература

- АНИКИН А. Е.: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.* Новосибирск, 1997. [Anikin A. E.: *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skih, altaiskih i paleoaziatskikh yazykov.* Novosibirsk, 1997.]
- АНИКИН А. Е.: *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков.* 2-е изд., испр. и доп. М., Новосибирск, 2000. [ANIKIN A. E.: *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skih, altaiskih i paleoaziatskikh yazykov.* 2-e izd., ispr. i dop. M., Novosibirsk, 2000.]
- АПРЕСЯН Ю. Д.: *Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* М., 1995. [APRESYAN Yu. D.: *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka.* M., 1995.]
- АФАНАСЬЕВА К. В.: *Русско-мансийский тематический словарь.* СПб., 2008. [AFANAS'eva K. V.: *Russko-mansiiskii tematicheskii slovar'.* SPb., 2008.]
- БУБРИХ Д. В.: *Историческая грамматика эрзянского языка / Под ред. М. Н. Коляденкова и Н. Ф. Цыганова.* Саранск, 1953. [BUBRIN D. V.: *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka / Pod red. M. N. Kolyadenkova i N. F. Cyganova.* Saransk, 1953.]
- БУРЛАК, С.А., СТАРОСТИН С.А.: *Сравнительно-историческое языкознание.* М., 2005. [BURLAK, S.A., STAROSTIN S.A.: *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie.* M., 2005.]
- ВАСИЛЬЕВ В. М., САВАТКОВА А. А., УЧАЕВ З. В.: *Мари́йско-русский словарь.* Йошкар-Ола, 1991. [VASIL'EV V. M., SAVATKOVA A. A., UCHAEV Z. V.: *Mariisko-russkii slovar'.* Ioshkar-Ola, 1991.]
- ГОРДЕЕВ Ф. И.: *Этимологический словарь мари́йского языка.* Том 1: А–Б. Йошкар-Ола, 1979. [GORDEEV F. I.: *Etimologicheskii slovar' mariiskogo yazyka.* Tom 1: A–B. Ioshkar-Ola, 1979.]

- ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. [*Grammatika sovremenного udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962.*]
- ДСТЯ — Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969. [*Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka. Kazan', 1969.*]
- ДЫБО А. В.: Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. М., 2007. [DYBO A. V.: *Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov. Leksicheskii fond. M., 2007.*]
- ДЫБО В. А.: От редактора // В. М. Иллич-СВИТЫЧ. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь: *p — q. По карточкам автора.* М., 1984. С. 3—12. [DYBO V. A.: *Ot redaktora // V. M. ILLICH-SVITYCH. Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov. Sravnitel'nyi slovar': p — q. Po kartotekam avtora. M., 1984. S. 3—12.*]
- ДЫБО В. А. Отчет о деятельности ностратического семинара им. В. М. Иллич-Свитыча // *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод.* М., 1989, с. 291—298. [DYBO V. A. *Otchet o deyatel'nosti nostraticheskogo seminar im. V. M. Illich-Svitycha // Istoricheskaya akcentologiya i sravnitel'no-istoricheskii metod. M., 1989, s. 291—298.*]
- ЖИВЛОВ М. А.: Реконструкция праобскоугорского вокализма. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [ZHIVLOV M. A.: *Rekonstrukciya praobskougorskogo vokalizma. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.*]
- ЖИВЛОВ М. А.: Рецензия на [Норманская, Дыбо 2010] // *Вопросы языкового родства* 6 (2011), 217—226. [ZHIVLOV M. A.: *Review of [Normanskaya, Dybo 2010] // Journal of Language Relationship 6 (2011), 217—226.*]
- КУЗНЕЦОВА М.: Происхождение названий животных в марийском языке [KUZNECOVA M.: *Proishozhdenie nazvaniy zhivotnyh v mariiskom yazyke // Linguistica Uralica XXIX (3) (1993), 182—188.*]
- КЭСК — [Лыткин, Гуляев 1970].
- ЛЫТКИН В. И., ГУЛЯЕВ Е. С.: *Краткий этимологический словарь коми языка.* М., 1970. [LYTKIN V. I., GULYAEV E. S.: *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka. M., 1970.*]
- Мар. словарь — АБРАМОВА А. А., ВЕРШИНИН В. И., ЕФРЕМОВ А. С., ЗАЙНИЕВА Г. И., ИСАНБАЕВ Н. И.: *Словарь марийского языка.* Йошкар-Ола, 1990. [ABRAMOVA A. A., VERSHININ V. I., EFREMOV A. S., ZAINIEVA G. I., ISANBAEV N. I.: *Slovar' mariiskogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1990.*]
- МРС 1956 — *Марийско-русский словарь. 21 000 слов. С приложением краткого грамматического очерка марийского языка.* М., 1956. [MARIISKO-RUSSKII SLOVAR'. 21 000 slov. S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka mariiskogo yazyka. M., 1956.]
- НАПОЛЬСКИХ В. В.: Происхождение названия 'медведя' / 'дракона' в уральских языках [NAPOL'SKIH V. V.: *Proishozhdenie nazvaniya 'medvedya' / 'drakona' v ural'skikh yazykah // Linguistica Uralica XXXIII (1) (1997), 27—31.*]
- НАПОЛЬСКИХ В. В.: *Кентавр ~ ганхдарва ~ дракон ~ медведь: к эволюции одного мифологического образа в Северной Евразии* [NAPOL'SKIH V. V.: *Kentavr ~ ganhdarva ~ drakon ~ medved': k evolyucii odnogo mifologicheskogo obraza v Severnoi Evrazii // Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies 5 (1—2) (2008), 43—63.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Rekonstrukciya prafinno-volzhskego udareniya. M., 2008.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Новый взгляд на историю пермского вокализма: описание развития вокализма первого слога в коми и удмуртском языках в зависимости от прапермского ударения и гласного второго слога // *Вопросы уралистики* 2009. СПб., 2009. С. 260—295. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Novyi vzglyad na istoriyu permskogo vokalizma: opisaniye razvitiya vokalizma pervogo sloga v komi i udmurtskom yazykah v zavisimosti ot prapermskogo udareniya i glasnogo vtorigo sloga // Voprosy uralistiki 2009. SPb., 2009. S. 260—295.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Соотношение прапермской и прафинно-волжской акцентных систем // *В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. Сборник статей к юбилею В. А. Виноградова.* М., 2010. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Sootnosheniye prapermskoi i prafinno-volzhskei akcentnykh sistem // V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl. Sbornik statei k yubileyu V. A. Vinogradova. M., 2010.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Происхождение системы прахантыйского вокализма // *Тезисы Международного конгресса по балто-славянской акцентологии.* М., 2011а. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Proishozhdeniye sistemy prahantyiskogo vokalizma // Tezisy Mejdunarodnogo kongressa po balto-slavyanskoi akcentologii. M., 2011a.*]
- НОРМАНСКАЯ Ю. В.: Разноместное ударение в селькупском языке и прасамодийская реконструкция // *Сборник статей ОИФН РАН,* 2011б. [NORMANSKAYA Yu. V.: *Raznomestnoye udareniye v sel'kupskom yazyke i prasamodiiskaya rekonstrukciya // Sbornik statei OIFN RAN, 2011b.*]

- НОРМАНСКАЯ Ю. В., ДЫБО А. В.: *Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках*. М., 2010. [NORMANSKAYA Yu. V., DYBO A. V.: *Tezaurus. Leksika prirodnogo okruzheniya v ural'skih yazykah*. М., 2010.]
- ОСНЯ — ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ В. М.: *Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский)*. Т. 1: Введение. Сравнительный словарь (b — Ҡ) / Под ред. и с вступ. статьей В. А. ДЫБО. М., 1971; Т. 2: Сравнительный словарь (l — ʒ). М., 1976; Т. 3: Сравнительный словарь (p — q). По карточкам автора / Отв. ред. В. А. ДЫБО. М., 1984. [ILICH-SVITYCH V. M.: *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov (semitohamitskii, kartvel'skii, indoevropetskii, ural'skii, dravidiiskii, altaiskii)*. Т. 1: *Vvedenie. Sravnitel'nyi slovar' (b — Ҡ)* / Pod red. i s vstup. stat'ei V. A. Dybo. М., 1971; Т. 2: *Sravnitel'nyi slovar' (l — ʒ)*. М., 1976; Т. 3: *Sravnitel'nyi slovar' (p — q). Po kartotekam avtora* / Отв. ред. V. A. Dybo. М., 1984.]
- САБАНЕЕВ Л. П.: *Собрание сочинений в 8 томах*. Том 1: *Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб*. Ч. 1. М., 1993. [SABANEEV L. P.: *Sobranie sochinenii v 8 tomah*. Том 1: *Ryby Rossii. Zhizn' i lovlya (uzhenie) nashih presnovodnyh ryb*. Ch. 1. М., 1993.]
- СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А.: Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // *Теоретические основы классификации языков мира*. М., Наука, 1982. С. 6—62. [SEREBRENNIKOV B. A.: *Problema dostatochnosti osnovaniya v gipotezah, kasayuschihya geneticheskogo rodstva yazykov* // *Teoreticheskie osnovy klassifikacii yazykov mira*. М., Nauka, 1982. S. 6—62.]
- СОКОЛОВ С. В., ТУГАНАЕВ В. В.: *Биологической нимкылъёсын кылбугор = Словарь биологических терминов*. Ижевск, 1994 [SOKOLOV S. V., TUGANAEV V. V.: *Biologicheskoi nimkyl'esyn kylbugor = Slovar' biologicheskikh terminov*. Izhevsk, 1994.]
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1— М., Л., СПб., 1965—. [Slovar' russkikh narodnyh govorov. Вып. 1— М., Л., СПб., 1965—.]
- СТАРОСТИН С. А.: Сравнительное языкознание и этимологические базы данных // *Труды Отделения историко-филологических наук*. 2005. М., Наука, 2005. С. 40—49. [STAROSTIN S. A.: *Sravnitel'noe yazykoznanie i etimologicheskie bazy dannyh* // *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk*. 2005. М., Nauka, 2005. S. 40—49.]
- СЧЯ — АШМАРИН Н. И.: *Словарь чувашского языка*. Чебоксары, 1994—2000 (репринт. воспроизв. изд.: Казань, 1928 — Чебоксары, 1950). [ASHMARIN N. I.: *Slovar' chuvashskogo yazyka*. Cheboksary, 1994—2000.]
- Тезаурус — [Норманская, Дыбо 2010].
- ТЕРЕЩЕНКО Н. М.: *Ненецко-русский словарь*. М., 1965. [TERESCHENKO N. M.: *Nenecko-russkii slovar'*. М., 1965.]
- УРС — КИРИЛЛОВА Л. Е. (отв. редактор): *Удмуртско-русский словарь*. Ижевск, 2008. [KIRILLOVA L. E. (otv. redaktor): *Udmurtsko-russkii slovar'*. Izhevsk, 2008.]
- ХАКУЛИНЕН Л.: *Развитие и структура финского языка*. М., 1953. [HAKULINEN L.: *Razvoitie i struktura finskogo yazyka*. М., 1953.]
- ЩЕРБАК А. М.: О ностратических исследованиях с позиции тюрколога // *ВЯ* 1984, 6, С. 30—42. [SCHERBAK A. M.: *O nostraticheskikh issledovaniyah s pozicii tyurkologa* // *VYa* 1984, 6, S. 30—42.]
- ЭРС 1993 — СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А., БУЗАКОВА Р. Н., МОСИНА М. В. (ред.): *Эрзянско-русский словарь. Около 27 000 слов*. М., 1993. [SEREBRENNIKOV B. A., BUZAKOVA R. N., MOSINA M. V. (red.): *Erzyansko-russkii slovar'*. Okolo 27 000 slov. М., 1993.]
- АКЮ, А.: *The Saami loanwords in Finnish and Karelian*. Academic Dissertation. Oulu, 2009 (<http://cc.oulu.fi/~anai-kio/slw.pdf>).
- АКЮ А.: *Suomen kauka* // *Virittäjä* 4 (2000), 612—614.
- ALATALO, J. (comp. & ed.): *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. (LSFU XXX). Helsinki, 2004.
- BERECZKI G.: *Geschichte der wolgafinnischen Sprachen* // Sinor, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 314—350.
- BERECZKI G.: *Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte*. I—II // *Studia Uralo-Altaica*. 1992—1994. 34—35.
- COLLINDER B.: *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Stockholm, 1960.
- DEWOS — STEINITZ W.: *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Lfg. 1—15. Berlin, 1966—1993.
- Donner 1944 — DONNER K.: *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzüge der Grammatik*. Helsinki, 1944.
- DYBO A. V., STAROSTIN G. S.: *In Defense of the Comparative Method, or The End of the Vovin Controversy* // *Аспекты компаративистики* 3. М., 2008. С. 119—258.

- EDAL — STAROSTIN S., DYBO A., & MUDRAK O.: *Etymological dictionary of the Altaic Languages*. Leiden, 2003.
- EWUng — BENKŐ L. (ed.): *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Bd. I—II. Budapest, 1993—1995.
- GREENBERG J. H.: *Language in the Americas*. Stanford, California, 1987.
- HELIMSKI E. Энецкие словарные материалы на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007
- HELIMSKI E. Kommentaren zu [Alatalo 2004] на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007a
- HELIMSKI E. Marginalia ad [UEW] на сайте <http://www.uni-hamburg.de/ifuu/Arbeiten.html>, 2007b
- HONTI L.: *Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe*. Budapest, 1982.
- JANHUNEN J.: Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77 (1981), 219—274.
- JANHUNEN J.: Samoyedic // ABONDOLO D. (ed.) *The Uralic Languages*. London, New York, 1998, 457—479.
- KORHONEN M.: The Lapp Language // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988a, 41—57.
- KORHONEN M.: The History of the Lapp Language // SINOR, D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988b, 264—287.
- KT — KARJALAINEN K. F.: *Ostjakisches Wörterbuch* / Bearbeitet u. herausg. v. Y. H. TOIVONEN. Bd. 1—2. (LSFU X). Helsinki, 1948.
- LEHTIRANTA J.: *Yhteissaamelainen sanasto*. (SUST 200). Helsinki, 1989.
- MIKOLA T.: Geschichte der samojedischen Sprachen // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 219—263.
- MK — [Munkácsi & Kálmán 1986].
- MOISIO, A. & SAARINEN, S.: *Tscheremissisches Wörterbuch*. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. (LSFU XXXII). Helsinki, 2008.
- MUNKÁCSI, B. & KÁLMÁN B.: *Wogulisches Wörterbuch*. Budapest, 1986.
- MW — [Paasonen 1990—1999].
- NCED — NIKOLAYEV S. L., STAROSTIN S. A.: *A North Caucasian Etymological Dictionary* / Edited by S. A. STAROSTIN. Moscow, 1994.
- PAASONEN H.: *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd. I—VI. (LSFU XXIII) Helsinki, 1990—1999.
- POKORNY J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.
- QVIGSTAD J. K.: *Nordische Lehnwörter im Lappischen*. Christiania, 1893.
- SALMINEN T.: *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (LSFU XXVI). Helsinki, 1998.
- SAMMALLAHTI P.: Historical phonology of the Uralic languages // SINOR D. (ed.): *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences*. Leiden, 1988, 478—554.
- SAMMALLAHTI P.: *The Saami languages: An Introduction*. Kárášjohka / Karasjok, 1998.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. I—III. Helsinki, 1992—2000.
- SW — JANHUNEN J.: *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedischen Etymologien*. (Castrenianumin toimitteita 17). Helsinki, 1977.
- UEW — RÉDEI K.: *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.
- VOVIN A.: The End of the Altaic Controversy // *Central Asiatic Journal* 49/1, pp. 71—132.

The paper suggests a formal approach to the evaluation of the quality of works on etymology, based on an algorithm of consistent and thorough analysis of all the levels of comparison. As an illustration of the opposite approach, the authors analyze a recent review of the monograph [Normanskaya, Dybo 2010], which, as they conclude, pays too much attention to criticizing the particulars without taking the whole into account.

Keywords: proto-language reconstruction, Uralic language family.

С. В. Куланда

Институт востоковедения РАН (Москва)

Лев Клейн.

Время кентавров. Степная прародина греков и ариев.

СПб.: Евразия, 2010. 496 стр., 153 рис., 49 цветн. илл. ISBN 978-5-8071-0367-3

Л. С. Клейн, всемирно известный петербургский археолог и историк, обобщил и развил в рецензируемом труде свои многолетние исследования археологии Евразии, древних текстов (прежде всего «Илиады»), загадочных ископаемых артефактов и многих других сюжетов, связав определенные центральноевропейские археологические культуры с предками народов, заселивших Балканы и Малую Азию: хеттов, лувийцев, фракийцев, фригийцев, греков. То, что книга названа в аннотации «научно-популярным», а в выходных данных «научным» изданием — не просто недосмотр издательских работников (которых, кстати, стоит поблагодарить за прекрасное издание с великолепными иллюстрациями, в том числе с цветными вклейками). Автор, предназначая ее «образованному читателю, не подготовленному профессионально» (стр. 10), не собиравшись при этом поступаться научной аргументацией. Соответственно в тексте мы найдем и популярное изложение принципов, скажем, сравнительно-исторического языкознания, и высоко-профессиональный анализ археологических культур. К сожалению, есть и ошибки, которые иначе как небрежностью не объяснишь. Так, на стр. 201 утверждается, что в «Ригведе» якобы упоминаются только три варны, а не четыре. На самом деле в единственном пассаже этого памятника, где перечисляются варны (X 90, 11–12), поименованы все четыре, включая шудр (хотя автор книги прав в том отношении, что первоначально варн, очевидно, было именно три). Слово «сатем» означает число «сто» не на [древне]индийском, как написано на стр. 30 и 116, а на древнеиранском авестийском. На стр. 327 упоминается «древнекитайская система гадания “И Цзинь”». «И цзин» (а не «Цзинь») — не система гадания, а классический мантический текст, «Книга перемен». Эти и другие неточности тем более обидны, что они, хотя и не ставят под сомнение основные выводы, могут соз-

дать у читателя, особенно читателя пристрастного (а таких, учитывая, что Л. С. Клейн смело вторгается в разного рода «эзотерические» области, специалисты в которых строго блюдут свою науку от посторонних посягательств, наверняка будет много), неблагоприятное впечатление и дать ему повод с порога отвести все неортодоксальные идеи. Постараемся же, не поддаваясь ни чувству досады на «невынужденные», выражаясь спортивным языком, промахи, ни обаянию личности и стиля автора, оценить его гипотезы по достоинству.

Обзор индоевропейской лингвистической компаративистики выполнен добротнo и изложен увлекательно, как, собственно, и вся книга. Отмечу два принципиальных момента, с которыми нельзя согласиться, хотя я и не склонен ставить их в вину автору — все-таки он по основной специальности археолог, а не языковед (хотя и получил филологическую подготовку под руководством самого В. Я. Проппа).

Во-первых, вопреки утверждению, будто «не очень ясно проступают» **связи индоевропейских и северокавказских языков** (стр. 24), северокавказские слова обнаруживаются среди индоевропейских названий частей тела, животных (включая индоевропейское обозначение коня), растений, орудий, продуктов и пр., что убедительно объясняется северокавказским субстратом в праиндоевропейском (Старостин 1988; переиздано в Старостин 2007).

Во-вторых, не повезло в обзоре **глоттохронологии** — методике, позволяющей вычислить время расхождения родственных языков и, соответственно, распада языковых семей и подгрупп. Ее постулаты излагаются в соответствии со взглядами умершего в 1967 году основателя этой дисциплины Морриса Сводеша (соответственно для ознакомления с ее «возможностями и слабостями» читателю предлагается обратиться к изданной полвека назад

работе Г. А. Климова), а «самым современным применением глоттохронологии к индоевропейской проблеме» (стр. 119) считается работа новозеландских то ли биологов, то ли психологов (статья, опубликованная в журнале «Nature», использовала «методы эволюционной биологии», а авторы на тот момент трудились на кафедре психологии Оклендского университета), но в любом случае не лингвистов Рассела Грея и Квентина Эткинсона (Gray & Atkinson 2003).

Однако последний по времени — не обязательно современный. Будучи дилетантами в сравнительно-историческом языкознании, из нововведений последних десятилетий Грей и Эткинсон усвоили только, что заимствования в стословных списках базовой лексики следует исключать из подсчетов, зато подняли на щит старую идею критиков Сводеша о том, что скорость изменений основной лексики отличается от языка к языку¹. Мимо них прошло фундаментальное открытие С. А. Старостина (Старостин 1989; переиздано в Старостин 2007, 407—447; Starostin 2000) (хотя на издание, в котором опубликован английский вариант статьи Старостина, они ссылаются), показавшего, что нельзя целиком заимствовать математический аппарат из теории радиоактивного распада, как это сделал Сводеш, поскольку слова, в отличие от нейтронов, «стареют». Вместо формулы, предполагавшей постоянную скорость изменений, наш замечательный лингвист предложил новую, учитывающую, с одной стороны, ускорение изменений по мере «старения» слов, а с другой — замедление скорости изменений по мере выпадения из списка менее устойчивых слов. Подсчеты по ней, выполняемые теперь при помощи компьютерной программы, дают, судя по языковым семьям и группам, для которых исторически засвидетельствовано время распада, куда лучшие результаты по сравнению с классической глоттохронологией Сводеша, чего никак нельзя сказать о выкладках Грея и Эткинсона. При взгляде на их красочное древо индоевропейских языков, приведенное в рецензируемой книге в качестве иллюстрации 47, бросаются в глаза вопиющие несуразности, не позволяющие принимать всерьез эту версию глоттохронологии.

¹ Отдал дань этому заблуждению и автор рецензируемой книги, утверждая, что исландский язык изменялся очень медленно, а английский — очень быстро (стр. 35). При исключении из подсчетов заимствований (о чем сам Л. С. Клейн пишет двумя фразами выше) подобные различия в значительной степени нивелируются.

Скажем, время распада праиранского Грей и Эткинсон относят к середине VI в. до н. э. (2500 лет от условно настоящего времени, 1950 года, по-английски BP, сокращение от before present). Выходит, уже долгое время существовали Мидийская, а затем Ахеменидская империи, а все иранцы продолжали говорить на праязыке? Но ведь к рубежу VI—V вв. относятся надписи Дария I, фиксирующие западноиранский древнеперсидский язык, успевший значительно измениться по сравнению с праязыковым состоянием (переходы $*\acute{s} > \theta$, $*z > d$, $*tr > \zeta$, $*tj > \acute{s}y$, $*-s\acute{u}- > -s-$ и пр.), и вошедшие в древнеперсидский слова другого западноиранского языка, по всей видимости, мидийского (где $*\acute{s} > s$, $*tr > \theta r$, $*-s\acute{u}- > -sp-$ и пр.). Следовательно, к тому времени разошлись даже западноиранские языки, а ведь были еще и восточные. Один из последних, скифский, судя по передаче самоназвания его носителей в аккадском и греческом, уже в VII в. до н. э. демонстрировал характерный восточноиранский переход $*d > \delta$ (δ). Кроме того, процент общей лексики стословного списка между такими, например, иранскими языками, присутствующими на схеме Грея и Эткинсона и, следовательно, разошедшимися, согласно выкладкам новозеландских авторов, не ранее середины VI в. до н. э., как афганский (пашто) и ваханский составляет 49,38%. Практически такой же процент совпадений (50%) наблюдается и между русским и литовским списками. При этом, однако, расхождение балтийских и славянских языков Грей и Эткинсон датируют рубежом XV—XIV вв. до н. э. (3,400 BP). Да, наличие в афганском и ваханском списках большого количества заимствований могло послужить возмущающим фактором, но не до такой же степени, чтобы омолодить датировку на девять столетий! И действительно, вычисления по формуле Старостина дают для дивергенции литовского и русского, с одной стороны, и афганского и ваханского, с другой, сходные даты, относящиеся к концу II тыс. до н. э. Старостинская модификация традиционной глоттохронологии в рецензируемой книге, однако, не разбирается (лишь мельком упомянуто, что он предложил исключить из подсчетов заимствования, ср. выше), а разработанная им корневая глоттохронология, позволяющая вычислять время расхождения языков не по спискам основной лексики, а по анализу корней в нарративных текстах (что особенно важно для плохо документированных языков), даже не упоминается. Отсюда и утверждение, будто глоттохронология «дает лишь очень приблизительные и шаткие выводы» (стр. 36), что справедливо в отношении глоттохронологии Сво-

деша и Грея-Эткинсона, но никоим образом не соответствует действительности применительно к глоттохронологии Старостина.

Рассмотрев существующие теории языковых изменений, Л. С. Клейн с полным основанием присоединяется к господствующему в отечественной компаративистике положению, согласно которому сравнительно-историческое языкознание, при всех имеющихся оговорках, должно исходить из модели генеалогического древа. В связи с этим возникает вопрос о соотношении (пра)языков и археологических культур. Как отмечает Л. С. Клейн, «[н]есмотря на все контакты, скрещения и смешивания, языки все-таки передаются следующим поколениям как цельные системы. Они размножаются делением, и каждый имеет одного главного предка. *А культуры системами не являются* (курсив автора книги. — С. К.). Каждая получает разные компоненты из разных источников, то есть каждая имеет, по меньшей мере, несколько предков, и какой из этих компонентов совпадает с языковой преемственностью, с ходу определить невозможно» (стр. 38).

Выход Л. С. Клейн видит в том, чтобы, определив лингвистическими методами вероятную прародину и время распада языковой семьи, археологически проследить миграции с соответствующей территории в соответствующее время (стр. 39).

Для выявления миграций по археологическим материалам Л. С. Клейн разработал специальную методику, включающую 1) обнаружение вне исследуемого ареала прототипов артефактов и обрядов, мало поддающихся перемещению без людей; 2) разрушения от вторжений; 3) антропологические связи. Основываясь на этих критериях и привлекая лингвистические данные, автор убедительно прослеживает волны миграций с севера на Балканский полуостров и в Малую Азию и истоки известных из письменных или археологических источников культур Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и Индостана. Высокоразвитая догреческая цивилизация, знавшая крепостные стены, могильники вне поселений, двухэтажные общественные здания, печати, изысканную, хотя и лепную керамику, сменилась с концом раннеэлладской эпохи II (РЭ II) ок. 2150 г. до н. э. культурой более низкого уровня, где строились дома с дугообразной торцевой стеной («дом с апсидой») и с обмазанными глиной хозяйственными ямами внутри. Мертвых хоронили на поселениях, под стенами и полами жилищ, а также под курганами в ямах, пифосах или каменных цистах. Часть керамики стали изготавливать на круте (стр. 79—80).

Но еще до вторжения носителей этой культуры и одновременно с ним с севера приходили и другие народы. Так, в Лерне (Арголида, Пелопоннес) на рубеже РЭ II и РЭ III на месте дома правителя был сооружен курган-кенотаф с кромлехом, непосредственно к его насыпи был пристроен деревянный дом с апсидой, а над ним один над другим прямо в полу кургана врезаны каменные апсидные дома. Согласно Л. С. Клейну, курган насыпали пришельцы, принесшие с севера наряду с обычаем воздвигать подобные погребальные сооружения также каменные боевые топоры и шнуровую керамику — их он считает протогреками, изначально, возможно, носителями буджакской (в его терминологии — нерушайской) культуры Поднепровья с ответвлениями в Венгрии, Румынии и Сербии — а дома с апсидой строили пришельцы, генетически связанные в конечном счете с носителями баденского культурного комплекса в Подунавье и говорившие на анатолийских языках, поскольку аналогии баденской культуре имеются в Малой Азии, прежде всего в Трое (апсидные дома, хозяйственные ямы-бофры, погребения в пифосах, модели повозок, личинные урны и пр.). Предков фригийцев автор рецензируемой работы считает носителями культур с личинными урнами и инкрустированной керамикой на территории современных Венгрии и Румынии (ср. ниже), а прафракийцев связывает с культурой многоваликовой керамики, сложившейся на основе буджакской (нерушайской) (стр. 84—88, 107—110), и (хотя и с вопросительным знаком) с созданием микенской цивилизации (стр. 94).

Индоариев Л. С. Клейн выводит из круга катакомбных культур Северного Причерноморья. В отличие от одного из крупнейших специалистов по евразийским степным культурам бронзового века Е. Е. Кузьминой, придерживающейся мнения о принадлежности предкам индоариев федоровского варианта андроновской культуры (чьи памятники обнаруживаются от Южного Урала и Центрального Казахстана до Енисея), автор рецензируемого труда считает носителей всех андроновских культур иранцами². Как общеарийскую (под

² Косвенным доказательством того, что иранцев в Греции и близ нее в ранний период греческой истории не было, автор книги считает отсутствие в греческом иранских заимствований микенского времени, за исключением единственного слова τόξον «лук» (стр. 68). Если быть точным, с микенского времени известен еще один иранизм в греческом, ῥόδον «роза», но сути дела это не меняет — два слова, конечно, больше, чем одно, но все равно очень мало. Правда, индоарийских заимствований в греческом и вовсе не прослеживается.

которой, поскольку о нуристанцах в работе речи нет, явно подразумевается индоиранская³ — ср. стр. 114: «арийский пранарод... давший начало двум ветвям — индоарийской и иранской»), он, вслед за Н. Я. Мерпертом (стр. 219), определяет ямную культуру. Тут, однако, возникает некоторая сложность. Ямная культура существовала, по Л. С. Клейну, в конце IV — начале III тыс. до н. э., а индоиранское единство распалось, судя по глоттохронологии, в первой половине II тыс. до н. э.⁴ На последнюю датировку указывают и экстралингвистические данные. С точки зрения хронологии индоиранской эпохи интересно в них то, что представители варны воинов (древнеиндийские кшатрии) в иранской традиции, несмотря на наличие там весьма употребительного корня *xšā(y)*- «властвовать», этимологически и семантически соответствующего древнеиндийскому *kshā-* / *kshay-* / *kshi-*, именовались не производным от этого корня, а сложным словом, означающим «стоящий на колеснице» (авест. *raθaēštā-* / *raθōišťā-* / *raθaēštār-*, пехлевийское *artēštār*). Полное соответствие этому термину представляет собой древнеиндийское (ригведийское) *ratheshťhāla-*. Правда, в Ригведе нет таких недвусмысленных контекстов, как в Авесте, где прямо говорится, что *raθaēštā-* — олицетворение воинской, resp. властной функции (*kāiš pištrāiš... raθaēštā:* «Каковы пиштры? ... ратайшта...» — Yasna XIX, 17 и пр.), но ведийская лексема неизменно является эпитетом Индры, воина и царя *par excellence* (Wikander 1938; Куланда 1995), что вкупе с иранским сравнительным материалом заставляет трактовать ее именно как социальный термин, а не просто как одно из обозначений колесничего. Все это дает основания утверждать, что боевая колесница была известна «арийским племенам еще до распада индоиранского языкового и культурно-исторического единства» (Грантовский 1998: 64), а также использовать данные о ее распространении для датировки одного распада, что впервые предложил Э. А. Грантовский. Ведь легкая колесница с конской запряжкой и колесами со спицами, судя по археологическим данным и изобразительному

³ На самом деле арийское языковое единство первоначально, видимо, разошлось на нуристанскую и индоиранскую ветви, а уже затем последняя распалась на индоарийскую, иранскую и дардскую подгруппы (Эдельман 1992, 1999, 2009: 88, схема 2; Коган 2005: 202).

⁴ Даже если ориентироваться на языки, имеющие между собой наименьший процент лексических сходжений в словесном списке (что, скорее всего, объясняется их недостаточной изученностью), время распада можно удревнить максимум до конца III тыс. до н. э.

материалу, широко распространилась по Евразии лишь в XVII—XVI вв. до н. э., с чем согласны все исследователи, независимо от того, считают ли они, что эта колесница впервые появилась на Ближнем Востоке (Littauer & Crouwel 1979: 68—71; Горелик 1985) или в евразийских степях (Кузьмина 1994: 165—171; Kuz'mina 2007: 131—138). Поскольку колесница была индоиранской реалией, время ее появления и распространения, «первая половина II тыс. до н. э.», дает надежный *terminus post quem* для распада индоиранской общности» (Грантовский 1998: 68) или, по крайней мере, культурного единства и языкового союза индийцев и иранцев на их общей прародине и смежных территориях. Считать индоиранской культуру, прекратившую существование за тысячу лет до распада индоиранской общности, трудно. Не берусь судить о правомерности тех или иных археологических датировок, но, может быть, для ямной культуры допустимо принять иную верхнюю границу, подобную той, что приводится у Мэллори и Адамса (Mallory & Adams 1997: 651), а именно, примерно 2200 г. до н. э.? В таком случае отпали бы хронологические возражения против отождествления носителей ямной культуры с ариями. Если придерживаться хронологии, сторонником которой является Л. С. Клейн, можно было бы вслед за Мэллори считать, что эта культура отражает греко-армяно-арийский диалектный континуум (см. об этом Kuz'mina 2007: 300). Правда, Л. С. Клейн склонен думать, что данный континуум представляли носители новосвободненской культуры Северо-Западного Кавказа (стр. 321). Так или иначе, здесь есть над чем поразмыслить.

Большой интерес представляют прослеживаемые автором точки соприкосновения между катакомбными культурами Северного Причерноморья и культурой индоариев в Индии. Аналогии он подразделяет на три вида: 1) сквозные сходства, отмеченные не только в крайних сравниваемых точках, но и в ряде культур на пути из понтийских степей в Индостан; 2) незавершенные ряды аналогий, либо не доходящие до Индии, либо не засвидетельствованные во всей цепи промежуточных культур; 3) прямые соответствия причерноморским феноменам в культуре Индии, не фиксируемые в промежуточных культурах (стр. 197). К числу первых Л. С. Клейн относит конские погребения и совместные захоронения мужчины и женщины⁵, ко вторым — катакомбы (встречающиеся от При-

⁵ Автор отмечает, что совместные захоронения есть и в срубной культуре, но в процентном отношении их там гораздо меньше.

черноморья до Афганистана, но пока не обнаруженные на территории современных Пакистана и Индии), и т. н. курильницы, к третьим — окрашивание охрой голов, кистей и стоп, отмеченное в катакомбных погребениях и в индийской этнографии, игру в кости, наличие чеканов и булав (древнеиндийская ваджра) и пр. (стр. 201—217). Чрезвычайно интересно наблюдение о том, что в парных катакомбных погребениях к западу от Дона покойники лежат лицом друг к другу, а к востоку от Дона — мужчина за спиной женщины. Для среднеазиатских катакомб характерна первая поза, из чего делается вывод, что на восток мигрировала западная часть катакомбников (стр. 204—205). Еще одно яркое доказательство движения катакомбников на восток — находка в могильнике Шах-тепе на территории Ирана к юго-востоку от Каспия молотковидных булавок, типичных для ямных и катакомбных могил Приазовья и Причерноморья (стр. 212—215). Весьма изящен очерк о принципах игры в обнаруживаемые в новосвободненских и катакомбных погребениях кости и их соотношении с принципами игры в древней Индии. Правда, и в этом разделе есть к чему придраться. Например, у индоариев явно существовали колесницы, будь то боевые или предназначенные для ристаний⁶ (см. выше), которых не было у катакомбников, знавших только тяжелые повозки со сплошными колесами, о чем подробно пишет сам автор книги (стр. 187, 318). На стр. 211 говорится (со ссылкой на предшественников), что миф об Индре и Вритре (чье имя буквально означает «препятствие», а эпитет Индры Вритрахан — «разбивающий препятствие»), в котором Индра пробивает путь водам, есть мифологическое объяснение происхождения порогов на

⁶ Л. С. Клейн сомневается в существовании в догосударственных обществах боевых колесниц, солидаризируясь с Ф. Р. Балоновым, полагающим, что для колесниц необходимо искусственно выровненное поле: «ни дикая степь, ни лес, ни горная местность для них не годятся» (стр. 318). Но ведь для атаки в конном строю тоже необходимо относительно ровное и открытое поле боя, однако же конница успешно действовала в «дикой степи», специально для битвы не обустроенной. То, что обнаруженные в синташтинских погребениях колесницы могли вместить одного человека, а для боевых действий требуются двое, возничий и воин (там же), не означает отсутствия у синташтинцев боевых колесниц. Помещенные в могилы колесницы явно не предназначались для практического применения и потому могли быть меньше обычных (или же погребали колесницы для ристаний, что вовсе не исключает параллельного существования боевых). Да и божества, связанные с конями и колесницами (индийские Ашвины, греческие Диоскуры), выступают в паре (см. об этом Parpola 2004—2005).

Днепре, «главной реке западных катакомбников». Но ведь миф о преодолевающем препятствия, Вритрахане-Вретрагне — индоиранский (см. Veneniste & Renou 1934), и его нельзя считать свидетельством индоарийской принадлежности катакомбной культуры. Даже если принять приведенное этимологическое толкование, придется признать, что Днепр был «главной рекой» еще не разделившихся индоиранцев. Автор напрасно принимает на веру утверждение О. Н. Трубочева (Трубочев 1999 [впервые опубликовано в 1976 г.]: 33—35), будто имена скифских царей Τάξακις и Πάλακος объяснимы только из индоарийского, но не из иранского (стр. 184). Первое совершенно не обязательно сопоставлять с древнеиндийским именем мифического змея Такшака или с древнеиндийским же корнем *taksh-* (которому в иранском соответствует *taš-*), этимологически родственным русскому «тесать»; оно может восходить либо к упомянутому в примечании 2 иранскому слову, от которого произошло греческое τόξον «лук» (ср. встречающееся в «Шах-намэ» *taxš* «стрела» — Horn 1893: 84), либо к корню со значением «стремиться» (авест. *θβαχš-*) (передача иранского сочетания *xš* греческой буквой «кси» абсолютно закономерна) с характерной для скифского потерей лабиализации — ср. скифский показатель множественности *-t(a)-* из общеиранского **-tja-*, второе же, как показал Э. А. Грантовский, происходит из иранского **Pāḍaka* (ср. древнеперсидское *pāda* «нога» и т. п.) опять-таки с характерным скифским переходом **d > δ > l* и означает «Ногастый; (Длинно)ногий».

Гипотеза о связи культуры долины Свата V в Пакистане (с погребениями сожженных останков в личинных и ящичных урнах) с историческими фригийцами столь же смела и притягательна. Как пишет Л. С. Клейн, в XIV—XIII вв. до н. э. из Европы, предположительно из балкано-дунайского региона, вышли фригийцы, сокрушившие Хеттскую империю. «Несколько позже, в XI в., на подступах к Индии появился европейский народ, принесший с Дуная новый для Индии погребальный обряд — захоронение остатков кремации в урнах (в том числе лицевых и ящичных), способ, сложившийся в среднем бронзовом веке на Дунае» (стр. 260). По мнению исследователя, отождествить носителей культуры Свата V с фригийцами позволяет, помимо сопоставления археологических данных, и анализ древнеиндийской мифологии, где сведения об урнах-хранилищах душ связаны с образом Бхригу, родоначальника одного из жреческих родов и одновременно горшечников. Про-

слеживает Л. С. Клейн и связь Бхригу с урновым погребением, напоминая о мифе, по которому сын Бхригу, Чьявана, был накрыт холмом-муравейником, откуда выглядывал сквозь две дырочки. Автор книги считает это отражением способа захоронения в личинных «глазастых» урнах под курганом. Что же касается фригийцев, ему представляется очевидной связь этнонима Φρύγες (вар. Βρύγες, Βοίγες) «фригийцы» с именем Бхригу. Однако древнеиндийская форма последнего имени (в отличие от принятой транскрипции, отражающей современное произношение носителей новоиндийских языков) имела вид *Bhṛ̥gu*, что уже сложнее вывести из названия фригийцев или возвести к общему с ним этимону (индоевропейский **r* должен был дать в микенском *or* или *ro*, в ионийско-аттическом *ar* или *ra*). Недаром специалисты, начиная с Куна (Kuhn 1859: 21 f.), если и сравнивали имя Бхригу с каким-либо зафиксированным античной традицией этнонимом, то не с фригийцами, а с упомянутым у Гомера (II. XIII, 302) народом Φλεγύαι (последующая традиция дает и вариант Φλέγυες), тем более что его название связано с греческим φλέγω «поджигаю, воспаляю» (восходящим к варианту **b^hleg-* индоевропейского корня со значением «жечь», «блистать» — *Bhṛ̥gu* восходит к варианту *b^hlg-* с индоиранским ротацизмом), а сам Л. С. Клейн справедливо напоминает о связи Бхригу с огнем. Различие между фригийцами и флегийцами кажется на первый взгляд несущественным, но с точки зрения исторической фонетики оно принципиально. С другой стороны, можно вспомнить греч. φρύγω «жарю», которое некоторые специалисты (например, Шантрен — Chantraine 1999: 1230) возводят к тому же корню, что и φλέγω (правда, другие, например, Беекес, с этим категорически не согласны — Beekes 2010, II: 1593—1594). Любопытно, что в латинском имеется синонимичный глагол *frigo*, по части вокализма вроде бы относящийся к φρύγω как Βοίγες к Φρύγες. Одним словом, полностью исключить связь между этнонимом «фригийцы» и именем Бхригу, учитывая окказиональное появление нерегулярных фонетических соответствий, нельзя, но относиться к этому сопоставлению следует с осторожностью.

Анализируя образ **кентавра**, давший название книге, автор обращается к старому сравнению греческих кентавров и индийских гандхарвов. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что с лингвистической точки зрения прямое отождествление кентавров и гандхарвов недопустимо, он высказывает предположение об изменении греческого слова в результате народной этимологизации, во второй

части, возможно, под влиянием образа Минотавра — объяснение остроумное и вполне правдоподобное. Стоит также вспомнить, что А. М. Лубоцкий отнес древнеиндийское «гандхарва» и авестийское «гандерева» к числу субстратных заимствований в индоиранском, выделенных им по нерегулярным фонетическим соответствиям и нехарактерной для индоевропейского структуре корня (Lubotsky 2001). Это объяснило бы и нерегулярность соответствий между индоиранским и греческим. Трудность в том, что пока, к сожалению, не удастся отождествить этот субстрат. Сам первооткрыватель связывает его с бактрийско-маргианским археологическим комплексом (БМАК) на том основании, что среди субстратной лексики присутствуют слова, связанные с ирригацией и строительством, но нам неизвестно, на каком языке говорили носители этого комплекса. Не исключено, что мы имеем дело с заимствованием из разных языковых семей: для некоторых слов из списка Лубоцкого вроде бы имеются дравидийские, а для других — северокавказские параллели, но таких случаев мало, и регулярные фонетические соответствия по ним установить не удастся. Гандхарву Л. С. Клейн считает божеством инициации, что весьма вероятно, учитывая, что древнеиндийские гандхарвы были мифологическим воплощением социовозрастных мужских союзов, а также считались, подобно иницируемым юношам, «духами, пребывающими в промежутке между двумя рождениями» (Васильков 2010: 194). Превращение этого божества в кентавра автор книги объясняет тем, что «конь у всех индоевропейских народов связан с божествами воды и загробным миром», миром предков, а иницируемые воспринимались как умирающие и возрождающиеся к новой жизни, благодаря чему бог инициации и обрел облик кентавра, получеловека-полуконя, но подчеркивает, что вопрос требует дальнейшего исследования (стр. 459). Как воплощения этого божества в полуконском облике Л. С. Клейн рассматривает встречающиеся в трипольской и суворовской культурах, в Поволжье и на Северном Кавказе так называемые «скипетры» в виде конских (?)⁷ голов, которые считает инструментами ритуальной дефлорации. Такая трактовка по крайней мере не менее убедительна, чем гипотеза о скипетрах, но по необходимости точно так же сугубо умозрительна.

⁷ Трактовка «скипетров» как именно конских голов далеко не очевидна. Недаром А. А. Иессен, скрупулезный и проницательный исследователь, считал их изображением головы вепря.

Даже простое перечисление всех затронутых в книге тем заняло бы слишком много места. Отмечу лишь, что, как представляется, Л. С. Клейну удалось убедительно отождествить носителей культур баденского комплекса Подунавья с праанатолийцами и проследить пути миграции фригийцев вплоть до границ Индии. Интересны выводы о том, что предки носителей новосвободненской культуры Западного Кавказа (которых автор считает греко-ариями) пришли из Западной Европы, принеся с собой, в частности, обычай воздвижения мегалитических гробниц с «дырками для души», а на месте позаимствовали у носителей майкопской, ближневосточной по происхождению, культуры некоторые черты, впоследствии характерные для ариев (например, окраска покойников охрой и ношение священного шнура, реконструируемое автором по статуэтке из раннемайкопских слоев поселения Мешоко — стр. 321). О фактах, противоречащих предлагаемому Л. С. Клейном отождествлению катакомбников с индоариями (отсутствие в катакомбной культуре колесниц), говорилось выше. Но даже если эта гипотеза и не получит подтверждения, собранный и осмысленный автором книги материал о сходствах катакомбной и индоарийской культур будит мысль, заставляя по-новому взглянуть на многие проблемы этнической истории. Хотя какие-то конкретные атрибуции могут быть оспорены специалистами в соответствующих областях, главное достоинство труда Л. С. Клейна — в широте взгляда, позволяющей охватить картину этнической истории Евразии от неолита до железного века во всей полноте, для чего иногда приходится жертвовать деталями. Уместно вспомнить изречение Ларошфуко: «*Seux qui s'appliquent trop aux petites choses deviennent ordinairement incapables des grandes*».

Литература

- Васильков 2010 — Я. В. ВАСИЛЬКОВ. *Миф, ритуал и история в «Махабхарате»*. СПб. [Ya. V. VASIL'KOV. *Mif, ritual i istoriya v «Mahabharate»*. SPb.]
- Горелик 1985 — М. В. ГОРЕЛИК. Боевые колесницы Переднего Востока III—II тысячелетий до н. э. // *Древняя Анатолия*. М. [M. V. GORELIK. *Bovye kolesnicy Perednego Vostoka III—II tysyacheteletii do n. e.* // *Drevnyaya Anatoliya*. M.]
- Грантовский 1998 — Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. *Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии*. М. [E. A. GRANTOVSKII. *Iran i irancy do Ahemenidov. Osnovnye problemy. Voprosy hronologii*. M.]
- Коган 2005 — А. И. КОГАН. *Дардские языки. Генетическая характеристика*. М. [A. I. KOGAN. *Dardskie yazyki. Geneticheskaya harakteristika*. M.]
- Кузьмина 1994 — Е. Е. КУЗЬМИНА. *Откуда пришли индоарии?* М. [E. E. KUZ'MINA. *Otkuda prishli indoarii?* M.]
- Кулланда 1995 — С. В. КУЛЛАНДА. *Царь богов Индра: юноша — воин — вождь // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М. [S. V. KULLANDA. *Car' bogov Indra: yunoshа — voин — vozhd' // Rannie formy politicheskoi organizacii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti*. M.]
- Старостин 1988 — С. А. СТАРОСТИН. *Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток. Этнокультурные связи*. М. [S. A. STAROSTIN. *Indoevropsko-severnokavkazskie izoglossy // Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi*. M.]
- Старостин 1989 — С. А. Старостин. *Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Материалы к дискуссиям на Международной конференции (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.)*. Часть 1. М. [S. A. STAROSTIN. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie i leksikostatistika // Lingvisticheskaya rekonstrukciya i drevneishaya istoriya Vostoka. Materialy k diskussiyam na Mezhdunarodnoi konferencii (Moskva, 29 maya — 2 iyunya 1989 g.)*. Chast' 1. M.]
- Старостин 2007 — С. А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию*. М. [S. A. STAROSTIN. *Trudy po yazykoznaniiu*. M.]
- Трубачев 1999 — О. Н. ТРУБАЧЕВ. *INDOARICA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь*. М. [O. N. TRUBACHEV. *INDOARICA v Severnom Prichernomor'e. Rekonstrukciya reliktov yazyka. Etimologicheskii slovar'*. M.]
- Эдельман 1992 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Еще раз об этапах филиации арийской языковой общности // Вопросы языкознания, № 3*. [D. I. EDEL'MAN. *Esche raz ob etapah filiacii ariiskoi yazykovoi obschnosti // Voprosy yazykoznaniiya, № 3*.]
- Эдельман 1999 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Индоиранские языки // Языки мира: дардские и нуристанские языки*. М. [D. I. EDEL'MAN. *Indoiranskie yazyki // Yazyki mira: dardskie i nuristanskie yazyki*. M.]
- Эдельман 2009 — Д. И. ЭДЕЛЬМАН. *Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства, № 1*. [D. I. EDEL'MAN. *Nekotorye problemy sravnitel'no-istoricheskogo iranskogo yazykoznaniiya // Voprosy yazykovogo rodstva, № 1*.]
- Beekes 2010 — Robert BEEKES, with the assistance of Lucien VAN BEEK. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by Alexander Lubotsky. Vol. 10/1—2)
- Benveniste & Renou 1934 — E. BENVENISTE & L. RENOU. *Vrtra et Vrθragna. Etude de mythologie indo-iranienne*. Paris.
- Chantraine 1999 — Pierre CHANTRAINE. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Nouvelle édition mise à jour. Avec un Supplément sous la direction de : Alain Blanc, Charles de Lamberterie, Jean-Louis Perpillou. Paris.
- Gray & Atkinson 2003 — Russell D. GRAY & Quentin D. ATKINSON. *Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature, vol. 426*.
- Horn 1893 — Paul HORN. *Grundriss der neupersischen Etymologie (Sammlung indogermanischer Wörterbücher IV)*. Strassburg.
- Kuhn 1859 — A. KUHN. *Herabkunft des Feuers und des Göttertranks*. Berlin.
- Kuz'mina 2007 — Elene E. KUZ'MINA. *The Origin of the Indo-Iranians*. Ed. by J. P. Mallory. Leiden-Boston. (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series ed. by Alexander Lubotsky. Vol. 3.)

- Littauer & Crouwel 1979 — M. A. LITTAUER, J. CROUWEL. *Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East* (Handbuch der Orientalistik). Leiden/Köln.
- Lubotsky 2001 — Alexander LUBOTSKY. The Indo-Iranian substratum // *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*. Ed. by Christian Carpelan, Asko Parpola and Petteri Koskikallio. Helsinki.
- Mallory & Adams 1997 — *Encyclopedia of Indo-European Culture*. Ed. by J. P. MALLORY and D. Q. ADAMS. London / Chicago.
- Parpola 2004—2005 — Asko PARPOLA. The Nāsatyas, the Chariot and Proto-Aryan Religion // *Journal of Indological Studies*, nos. 16—17.
- Starostin 2000 — Sergei STAROSTIN. Comparative-historical linguistics and glottochronology // *Time Depth in Historical Linguistics*. Ed. by Colin RENFREW, April MCMAHON & Larry TRASK. Vol. 1. Cambridge
- Wikander 1938 — Stig WIKANDER. *Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte*. Lund.

Восьмой хеттологический конгресс.
Варшава, 5—9 сентября 2011 г.

Очередной, восьмой, международный хеттологический конгресс впервые в истории прошел в Восточной Европе — Варшавском университете 5—9 сентября 2011. Конгресс — центральное событие в хеттологии и проводится раз в три года. На конгрессы, проходящие в Европе, традиционно собираются наиболее авторитетные хеттологи из Европы, США, а также Турции и Израиля. В отличие от Конгрессов, проводимых на территории Хеттской империи в Турции, количество заявивших доклады, но не приехавших, было минимальным.

К особенностям данного Конгресса можно отнести тот факт, что многие немецкие ученые делали доклады на английском языке, который все прочнее завоевывает позиции основного языка хеттологии, хотя немецкий и итальянский по-прежнему доминируют в публикациях. Также характерным для европейских конгрессов является существенно меньшая доля докладов, прочитанных на турецком языке, хотя ряд докладов, заявленных на английском или немецком, в реальности читался на турецком.

Традиционно в Конгрессе выделяются исторические и лингвистические (включая чистую филологию) секции, причем исторические доклады явно доминируют как по количеству, так и по интересу, который к ним проявляется. Это объясняется спецификой функционирования хеттологии в Италии и Германии, где она все же скорее является исторической дисциплиной, чем лингвистической. В данном обзоре мы не будем рассматривать чисто исторические и филологические доклады.

Основная часть выступлений была посвящена собственно хеттскому языку.

Морфологическая проблематика рассматривалась в значительном количестве докладов. В одноименном докладе К. Мелчерт разграничивал два глагола *išpar-* «распространять, расстилать» и *išparre/a-* «стукнуть». Доклад М. Зорман «Модальность в хеттском» носил реферативный характер: в нем еще

раз перечислялись различные средства для выражения модальности в хеттском языке.

В докладе К. Ёсиды «Хетт. *hu-it-ti-it-ti*» анализировалась соответствующая загадочная форма из новохеттской копии текста царя Анитты. Предложено ее убедительное понимание как ошибочное копирование древнехеттского медиа *hu-it-ti-ya-ti*.

В докладе А. Шацкова «Хеттские имперфективы на *anna/i-*» рассматривались некоторые аспекты употребления данного имперфективного суффикса, в частности устанавливалась корреляция между залогом глагола и суффиксом: подавляющее большинство глаголов, образующих имперфективные формы с этим суффиксом, принадлежат к среднему залогу. Также была разобрана этимология суффикса.

В докладе П. Дардано «Хетт. причастия — вопрос диатезы?» была рассмотрена классическая проблема: в хеттском причастия от непереходных глаголов имеют пассивное значение, а от переходных — активное. П. Дардано предлагает понимать причастия, образованные от активных глаголов, не как пассивные, а как претерпевшие действие соответствующего глагола. Функцией же собственно причастия по ее мнению является образование *прилагательного* от глагола.

М. Мазуайер в своем докладе «Наблюдения о хеттском инфинитиве» сопоставил употребление хеттских инфинитивов с гомеровскими.

Синтаксис был традиционно слабо представлен. К немногочисленным исключениям относятся доклады К. Броша «Сочетание локативных слов + *arha* и их конструкции», Г. Холланда «Происхождение союза: *kuit* в средне-хеттском», и А. Сидельцева «Две системы местоименной репризы в хеттском». К. Брош представил новый блестящий анализ традиционной проблематики — сочетаний *peran/lappan /šer/kattan/ištarna arha*. Неудачно представленный доклад Г. Холланда продемонстрировал достаточно самоочевидное происхождение союза *kuit* из

относительных придаточных, при этом не было дано объяснения нескольким действительно загадочным явлениям, в первую очередь немотивированной на первый взгляд постглагольной позиции *kuit*, и в качестве относительного местоимения, и в качестве союза. В докладе А. Теффетеллер «Богиня и я: 'дислокация' и адъюнкция в анатолийском синтаксисе» была предпринята попытка продемонстрировать, что выносы вправо, выносы влево, аппозитивные структуры в хеттском представляют собой некое единое явление. К сожалению, доклад был построен на материале америндских языков. Собственно хеттский материал в нем свелся к нескольким примерам, заимствованным из работ К. Мелчерта. Постулируемое единство выносов вправо, выносов влево и аппозитивных структур не было подкреплено никаким конкретным анализом. Типологический фон, несомненно, очень важен, но подменить анализ хеттского материала он не в состоянии. Анализ хеттских выносов вправо и влево, а также собственно местоименной репризы был представлен в докладе А. Сидельцева. Двумя основными положениями доклада были: необходимость выделения местоименной репризы как отдельной синтаксической категории хеттского языка и анализ происхождения выносов вправо, которые встречаются почти исключительно в переводных текстах, но кальками с хаттского не являются. Рассмотрению роли перевода в формировании хеттского синтаксиса был также посвящен доклад Э. Рикен «Техники перевода в хеттском: относительная конструкция». Относительные придаточные, как продемонстрировала Э. Рикен, испытали два типа иноязычного влияния: при переводах с хурритского они использовались для передачи на хеттский многочисленных хурритских нефинитных глагольных форм, точные соответствия которым в хеттском отсутствовали. Во-вторых, особый порядок слов в относительных придаточных был связан со стремлением передать негативную коннотацию соответствующего фрагмента дискурса. Если первый вывод представляется очевидным и, кстати говоря, уже формулировался до Э. Рикен, то второй вывод требует дополнительной аргументации.

Х. Айхнер «Сведение хеттской фонетики к клинописному письму: проблемные случаи» рассматривал в очередной раз соотношение ключевых аспектов фонетической системы хеттского языка и системы клинописного письма, которая с трудом могла передать некоторые фонетические явления. Диахронической фонетике был посвящен доклад М. Кюммеля «Условия возникновения вторичного *h* в хеттском». Доклад во многом сводился к фоне-

тическим экспериментам, призванным продемонстрировать фонетические контексты, в которых мог появиться вторичный (неэтимологический) ларингал. Доклад А. Клухорста «Акцентуация, написания *plene* и формы *dat.-loc. sg.* в хеттском» рассматривал акцентологию хеттского языка в индоевропейской перспективе.

Лексике было посвящено незначительное число докладов. С. Вансеверен «*kartin(m)iyā-*: размышления о словаре гнева в хеттском». Х. Гарсия Трабасо в докладе «Хетт. '*targummai-*': этимологическое предложение» предложил рассматривать данное хеттское слово как универбацию композита из **ter-* «говорить» и **g^heu-* «выливать» (в форме лувийского причастия) на основании и.-е. поэтической фразеологии «выливать молитвы».

В секции под руководством Т. ван ден Хаута был представлен ряд докладов, посвященных хеттским писцам: Д. Кэмпбел «Между написанным и сказанным: диктовка, писцовая практика и каталоги табличек», О. Попова «Особенности письма некоторых хеттских писцов». Среди них особенно выделяется блестящий доклад В. Ваал «Хеттские писцы, почерки и материалы письма», в котором ясно и убедительно продемонстрировано различие между двумя хеттскими глаголами, один из которых обозначал письмо на глиняных табличках, а другой — на деревянных.

Неоднозначную реакцию вызвал интересный доклад М. Бачваровой «Хуррито-хеттская нарративная поэзия: билингвальный устный жанр». Доклад посвящен реинтерпретации «Песни освобождения» не как перевода с хурритского, а как особого билингвального жанра, имеющего свою традицию и формулы как в хеттском, так и в хурритском. Основным содержанием доклада была типология подобных жанров из Средней Азии и Балкан, однако доклад представляет значительный вклад и в хеттологию, т. к. вписывается в новую тенденцию рассматривать многие переводы с хурритского скорее как пересказы, переложения хурритских оригиналов на хеттский язык, а не как механическое калькирование.

Отдельной секцией были выделены отчеты о работе над тремя наиболее значимыми коллективными проектами нашего времени — «Хеттологические исследования» Академии наук и литературы Майнца (Г. Вильгельм), Чикагский хеттский словарь (Т. ван ден Хаут при участии Д. Кэмпбела) и второе издание Хеттского словаря (Й. Хазенбос). Отчеты вызвали огромный интерес, что оправдывается ключевым значением всех трех проектов в современной хеттологии.

Лувийское языкознание было представлено достаточно немногочисленными докладами. Ф. Джусфреди «Лувийские локативные частицы и неясная частица =(V)R», М. Фротшер «Хеттские глаголы типа *dai/tiyanzi* и их лувийские соответствия», З. Шимон «Фонетическое значение лувийских ларингалов». На фонетическом фоне выделялся ясностью и интеллектуальным блеском доклад А. Бауер «Генитивы в иероглифическом лувийском». Традиционную для автора тему пересмотра дешифровок знаков лувийского иероглифического письма и связанные с этим вопросы лексики затрагивал доклад И. Якубовича «Чтение анатолийского иероглифа *216 (ARNA)», в котором предлагается новое чтение знака как *ahha*. Основные положения доклада Р. Орешко «Странный случай Dr. FRATER Mr. DOMINUS: пересмотр данных, касающихся лув. *nani(ya)*», название которого обыгрывает традиционную систему транслитерации иероглифического

лувийского, не были приняты в последовавшей оживленной дискуссии.

Ликийскому было посвящено минимальное количество докладов. Труднопереводимый доклад Б. Кристиансен «Серьезные/могильные дела: проблемы, связанные с погребениями в династической Ликии» был посвящен филологическому анализу ликийских погребальных надписей. Д. Шюр в докладе «Ликийские местности и их названия: три типа именования» тщательно и подробно рассматривал некоторые частные вопросы ликийской топонимики.

Единственным сообщением, касающимся карийского материала, был доклад А. Дейла «Sinuri и карийская религия: культурная и культовая преемственность в Анатолии второго и первого тысячелетия до нашей эры», в котором теоним Sinuri сопоставляется с хетт. *šiuš* и лув. *Tiwad* и в конечном счете возводится к и.-е. **deiwos*.

Индоевропейское языкознание и классическая филология XV.
Чтения, посвященные памяти профессора И. М. Тронского.
Санкт-Петербург, 20—22 июня 2011 г.

Очередная, пятнадцатая, конференция памяти профессора И. М. Тронского прошла в Петербурге в Институте лингвистических исследований РАН 20—22 июня 2011. Как и обычно, доклады на конференции разделились на три неравные части — (1) классическая филология (подавляющее большинство докладов), (2) сравнительно-историческое языкознание, преимущественно индоевропеистика, один доклад был посвящен хурритскому и северокавказским языкам (А. С. Касьян); (3) и отдельные диахронические исследования по конкретным индоевропейским языкам.

К сожалению, целый ряд докладчиков, подавших заявку на конференцию, не смогли выступить.

В нашей хронике мы не фиксируем доклады, посвященные чисто филологическим проблемам исследования латыни и древнегреческого. Среди лингвистических докладов были представлены следующие.

Е. П. Новикова рассмотрела в докладе «*Alii rhetorica tongent*» Энния: к вопросу о раннем влиянии сельских диалектов на латинский язык» следы возможного влияния диалектов на литературный латинский язык, в основном на материале глагола *tongeo*. При рассмотрении латинских глаголов на *-eo* с корневым *o*, однако, совершенно недостаточно были учтены и.-е. каузативы, которые идеально объясняют данные глаголы. Сам латинский тип упоминается автором вскользь, оценивается как «непродуктивный и неиндоевропейский» и далее в рассмотрение не принимается. Если бы автор учел хоть одну работу по и.-е. глагольной морфологии за пределами стандартных этимологических словарей, объяснение *tongeo* получилось бы куда более простым без огромного количества допущений (не подтвержденных материалом) о влиянии оскских диалектов (не тождественных засвидетельствованным!) на латынь.

А. М. Белов в докладе «О законе Вандриеса в системе древнегреческой баритонезы» предпринял попытку переформулировать закон Вандриеса. Суть переформулировки состоит в том, что вместо переноса ударения со второго слога на третий А. М. Белов предлагает скорее говорить о тенден-

ции передвижения ударения к началу слова («дальней баритонезе»). Особые маркированные случаи сохранения ударения в окситонезе и ближней баритонезе должны быть объяснены рядом причин морфологического и морфонологического характера. В последовавшей необычайно оживленной дискуссии были высказаны серьезные возражения против такой переформулировки.

С. И. Дмитриева в докладе «Глаголы с суффиксом **-ske/o-*, образованные от основ на смычный в древнегреческом языке» рассмотрела некоторые архаичные глаголы данного класса. Не вполне понятным осталось ограничение круга глаголов только основами на смычный, фактически четырьмя глаголами. Собственно, с синхронной точки зрения суффикс *-ske/o-* в данных глаголах не выделяется. Поэтому ничего удивительного нет в том, что, как отмечает автор доклада, грамматическая семантика суффикса неочевидна. Это же объясняет и часто представленную перфективность некоторых глаголов. В терминологическом плане не совсем понятно, зачем говорить отдельно о хабитуальном значении и генерализованном контексте.

А. А. Евдокимова в докладе «Греческие граффити из собора Софии Константинопольской» впервые публикует 10 новых кратких граффити из храма Святой Софии. Их значение для истории греческого языка достаточно ограничено.

С. Р. Тохтасев в докладе «Редкий тип склонения антропонимов в боспорских надписях» подробнейшим образом проанализировал редкий тип склонения антропонимов, который он считает импортированным на Боспор из Македонии и Фракии.

Сравнительно-историческое языкознание за пределами сравнительно-исторического исследования латыни и древнегреческого было представлено на конференции преимущественно индоевропеистикой. Однако были также отдельные доклады, посвященные другим языковым семьям. Так, доклад А. С. Касьяна «Некоторые соображения о лексических сходениях между хурритским и северокавказскими языками» рассматривает три заимствования в сфере базисной лексики из хурритского в

пранахский. В докладе отвергается гипотеза о родстве хуррито-урартских языков с северокавказской семьей.

Среди докладов, посвященных классической индоевропеистике, выделялся доклад Х. Айхнера «Представления индоевропейцев о загробной жизни». В нем вновь рассматривалось сопоставление индийской собаки Шабала с Цербером. На этом основании реконструируется **k'ertwero-*, обозначающее особый окрас собаки. Также разбирались соответствие индо-иранского повелителя потустороннего мира *Yama*, латв. *Jumis* и герм. *Ymir*.

В рамках классической европейской индоевропеистики был также выполнен доклад К. Аккерманн «Observations on the IE roots with the potential **-bh* extention».

Доклад Ю. К. Кузьменко «Формирование протогерманского языка. Генетика и лингвистика» рассматривал достаточно традиционную проблематику — сравнение инноваций, которые характеризуют протогерманский и итало-кельский, с одной стороны, и протогерманский и балто-славянский, с другой, а также учитывал фонологические инновации, общие для протогерманского и протофинно-саамского и лексические заимствования из неизвестного субстрата — в свете генетических данных о формировании германского этноса.

В докладе А. В. Шацкова «Хеттские имперфективы на *anna/i-*» разбирались некоторые аспекты употребления данного имперфективного суффикса, в частности устанавливалась корреляция между залогом глагола и суффиксом: подавляющее большинство глаголов, образующих имперфективные формы с этим суффиксом, принадлежат к среднему залогу. Также была разобрана этимология суффикса.

П. А. Кочаров в докладе «Грамматическое значение древнеармянских основ настоящего времени на *-и-*» рассмотрел употребление презентных основ на *-и-* в классическом древнеармянском языке в сравнении с другими суффиксальными презент-

ными основами. Отмечается, что основы на *-и-* чаще оформляют переходные действия с минимальной эмоциональной вовлеченностью агенса, такие как «лизать», «молоть», «стричь».

Нечеткой методологией и небрежностью сопоставлений армянского материала с анатолийскими, а также другими и.-е. данными был, к сожалению, отмечен доклад Б. С. Зулумян «Об армянском боге Тире».

Среди докладов по конкретным и.-е. языкам, выполненным вне компаративного метода, были представлены следующие.

О. В. Каменева «К вопросу об употреблении союзов гот. *jabai* и *ip* в условных конструкциях вида *casus irrealis*». Н. А. Бондарко в докладе «Неизвестный фрагмент трактата Давида Аугсбургского «Formula de compositione hominis exterioris ad novitios» из собрания РНБ» описал рукопись Нем.Q.I.310 из собрания РНБ и опубликовал перевод одной из глав трактата Давида Аугсбургского вместе с латинским оригиналом.

А. В. Сидельцев в докладе «К диахронической типологии местоименной репризы: хеттские параллели к балканской местоименной репризе» рассматривал фрагмент универсальной типологии местоименной репризы — соотношение хеттской и балканской моделей.

А. Р. Зиновьева в докладе «Гетероглоссия в „Глиняной повозке“: почему хозяин театра говорит на разных языках?» рассмотрела феномен гетероглоссичности индийской драматической традиции на примере реплик хозяина театра в драме Шудраки.

В рамках конференции было также проведено заседание, посвященное 300-летию М. В. Ломоносова, однако подробное рассмотрение докладов подобной тематики выходит за пределы тематики данного журнала.

Материалы конференции, как всегда оперативно и качественно, были опубликованы до начала конференции.